
ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 3, 2012
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
канд. полит. наук *Н. Г. ОЧИРОВА*

Заместители главного редактора:
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель),
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*,
чл.-кор. РАН *В. М. Гацак*, д-р экон. наук *О. В. Иншаков*,
д-р ист. наук *К. Н. Максимов*, д-р ист. наук *И. Ф. Попова*,
д-р фил. наук *М. И. Магомедов*

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*, д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*,
канд. юр. наук *Л. В. Батиев*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*,
д-р с.-х. наук *Э. Б. Габунцина*, д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*,
д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *В. В. Куканова* (отв. секретарь),
д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*,
канд. ист. наук *В. П. Санчиров*, д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*

Адрес редакции и издателя:
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Сайт: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<i>Магомадова Т. С.</i> Челобитные терских окочан 1614, 1616 гг.	7
	<i>Ряжнев А. С.</i> Ставропольское калмыцкое войско (1737–1843 гг.): опыт изучения новых источников	13
	<i>Оконова Л. В.</i> Вопросы миграции в Калмыцкой степи Астраханской губернии: опыт источниковедческого анализа (по материалам переписи 1897 г.)	19
	<i>Дендиев К. Г.</i> Средства массовой информации и технология репрессий 1930-х гг. (по материалам региональной прессы)	25
	<i>Серенко М. Н.</i> К истории восстановления объектов культуры города Сталинграда в 1943–1950-е гг.	29
	<i>Тетуев А. И.</i> Повседневная жизнь и стратегия выживания спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в.	33
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	<i>Цуцулаева С. С., Осмаев А. Д.</i> О проблемах реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в Чеченской Республике	43
	<i>Сударкина Х. В.</i> Критика и кризис мультикультурализма (философско-культурологические аспекты)	48
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ	<i>Лепехов С. Ю.</i> Политика царского правительства по отношению к буддизму в Сибири в конце XIX – начале XX в.	52
	<i>Нурова Г. В.</i> Об образе и культе Будды Майтреи в культуре калмыков	61
	<i>Баяртуева Д. Л.</i> Буддийское учение как философская основа духовной деятельности Лубсан-Самдана Цыденова	66
	<i>Сумъяа Д.</i> Традиция почитания Тары в буддизме	70
	<i>Жуковская Н. Л.</i> Буддийская культура на окраинах Российской империи (шедевры искусства Бурятии)	76
	<i>Бакаева Э. П.</i> О традициях передачи знания у буддистов Калмыкии в 1950–1980-е гг.	83
	<i>Марзаева М. Б.</i> Деятельность буддийских организаций Калмыкии по формированию ценностных ориентаций молодежи	90
СОЦИОЛОГИЯ	<i>Сабиров Р. Т.</i> Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI вв.	95
	<i>Иджаева Б. В.</i> Межэтнические отношения в оценках школьников г. Элисты (на материале социологических опросов)	101
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Бадмаева Н. В.</i> Мигранты и принимающее общество: оценка экспертов	104
	<i>Гунаев Е. А.</i> Правовые основы социально-демографической политики в Республике Калмыкия	108
ЭКОНОМИКА	<i>Бородин А. И., Шеховцева Л. С.</i> Сбалансированное развитие социо-экономико-экологической системы	114
	<i>Доштаева Е. Д.</i> Налоговая политика: дефиниции и основные классификации	120

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	Бат-Эрдэнэ С. К вопросу о сравнении фонетической адаптации русизмов в монгольских языках (на примере лабиальных согласных)	124
	Убушиев И. Ю. Глаголы мышления в финском языке	129
	Убушаева В. В. Динамика функционирования двоеточия в диктемах британских научных текстов XX в.: сложные бессоюзные структуры	134
	Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования	138
	Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текста (на примере имени существительного) – II	151
	Мухтаров Т. Г. Концепция права на взаимопонимание для коренных народов России (на примере республик Российской Федерации)	162
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	Музраева Д. Н. Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы <i>Oülgurun dalai</i> «Моря притч»)	167
ПЕДАГОГИКА	Бадмаева В. И. Особенности формирования у будущих учителей опыта самопознания в процессе педагогической практики	186
	Медведева З. В. Содержательный аспект использования этнокультурных образовательных технологий в гражданско-патриотическом воспитании будущих педагогов	191
РЕЦЕНЗИИ	Бадмаева Е. Н. Рец. на: Малышева Е. М. «Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг.». М.: Вече, 2011. 492 с.	196
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	Кульганек И. В. Международная научная конференция «Ойратские памятники на „ясном письме“» (г. Ланьчжоу, КНР, 23–25 июня 2012 г.)	199
	Бембеев Е. В. Хроника научных событий	201
АННОТАЦИИ	. . . . .	204
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	. . . . .	211

CONTENT

HISTORY	<i>Magomadova T.</i> Tersky Okochan's petitions of 1614, 1616.	7
	<i>Riazhev A.</i> The Stavropol Kalmyk Troops (from 1737 to 1843): the Experience of New Sources Studies.	13
	<i>Okonova L.</i> Migration Issues in the Kalmyk Steppe of Astrakhan Province: the Experience of Source Analysis (based on the 1897 census).	19
	<i>Dendiev K.</i> Mass-media and Technology of Repressions of 1930 th (on materials of the regional periodicals).	25
	<i>Serenko M.</i> Towards the History of Restoration of Objects of Culture in Stalingrad City in 1943–1950	29
	<i>Tetuev A.</i> An Everyday Life and Survival Strategy of Special Settlers in 40-50s of the 20 th Century.	33
	<i>Tsutsulaeva S., Osmaev A.</i> On the Problems of Realization of the Law of the RSFSR «On the Rehabilitation of Repressed Peoples» in the Chechen Republic	43
CULTURAL STUDIES	<i>Sudarkina H.</i> Criticism and Multiculturalism Crisis (philosophical and culturological aspects)	48
RELIGIOUS STUDIES	<i>Lepekhov C.</i> Policy of the Imperial Government in Relation to the Buddhism in Siberia at the end of 19 – the beginning of 20 th Century	52
	<i>Nurova G.</i> About the Image and Cult of Buddha Maitreya in the Culture of Kalmyks	61
	<i>Bayartuyeva D.</i> Buddhist Doctrine as a Philosophical Basis of Spiritual Activity of Lubsan-Samdan Tsydenov	66
	<i>Sumya D.</i> Tradition of Veneration of Tāra in the Buddhism	70
	<i>Zhukovskaya H.</i> Buddhist Culture on Outlying Outskirts of the Russian Empire (Masterpieces of the Art of Buryatia)	76
	<i>Bakaeva E.</i> About the Traditions of the Transfer of Knowledge among the Buddhists of Kalmykia in 1950–1980s.	83
	<i>Marzaeva M.</i> The Activity of Buddhist Organizations of Kalmykia on the Formation of Value Orientations of young people	90
	<i>Sabirov R.</i> Buddhism in Mongolia at the turn of 20–21st centuries.	95
SOCIOLOGY	<i>Idzhaeva B.</i> Inter-ethnic Relations in the Evaluation of Pupils of Elista (on the material of sociological survey)	101
	<i>Badmaeva N.</i> Migrants and the Host Society: the score given by experts	104
JURISPRUDENCE	<i>Gunaev E.</i> Legal Basis of Socio-Demographic Policy in the Republic of Kalmykia	108
ECONOMICS	<i>Borodin A., Shehovceva L.</i> Balanced Development of Socio-economic-ecological System	114
	<i>Doshtaeva E.</i> The Tax Policy: Definition and Basic Classifications	120

LINGUISTICS	Bat-Erdene S. Towards the Question of Comparison of Phonetic Adaptation Russisms in the Mongolic languages (on the example of labial consonants) . . . . . 124 Ubushiev I. Verbs of Thinking in the Finnish language . . . . . 129 Ubushaeva V. The Dynamics of the Functioning of the Colon in the Dictemes of the British Scientific Texts of the 20th Century: Asyndetic Complex Structures . . . . . 134 Kukanova V., Bembeev E., Mulaeva N., Ochirova N. National Corpora of the Kalmyk Language: Architecture and Prospects of Usage . . . . . 138 Kukanova V. Inflectional Types of the Kalmyk Language in the light of Automatic Processing of Texts (by giving illustrations of nouns) – II . . . . . 151 Mukhtarov T. The Conception of the Right to Mutual Understanding for Native Peoples of Russia (on the example of the republics of the Russian Federation) 162
LITERATURE STUDIES	Muzraeva D. Experience of Archaeographical Description and Textological Analysis of the Handwritten Translation of Thog-med bka'-bcu (on the material of the 6th chapter of <i>Oülgurun dalai</i> «The Sea of parables») 167
PEDAGOGICAL STUDIES	Badmaeva V. Peculiarities of the Formation of experience of self-knowledge among future teachers in the process of student teaching . . . . . 186 Medvedeva Z. Content Aspect of the Use of Ethnocultural Educational Technology in Civic and Patriotic Education of Future Teachers 191
REVIEWS	Badmaeva E. Review of «In the name of the Fatherland. The patriotism of the people in 1941–1945». (M., 2011. 492 p.), by E. Malysheva 196
SCIENTIFIC LIFE	Kulganek I. The International Scientific Conference «The Oirat Written Monuments on the “Clear Script”» (Lanzhou, China, 23–25 June 2012) . . . . . 199 Bembeev E. Chronicle of Scientific Events 201
SUMMARIES	 204
INFORMATION ABOUT AUTHORS	 211

УДК 94(470)
ББК 63.3 (2Рос=Чеч)

ЧЕЛОБИТНЫЕ ТЕРСКИХ ОКОЧАН 1614, 1616 гг.

Т. С. Магомадова

Окочане, или ококи, являлись небольшим субэтническим компонентом чеченцев, представителями первой миграционной волны в Терский город (1588 г.), в российский укрепленный центр на Северном Кавказе.

Переселение происходило около 1595–1596 гг. По сути, это были беженцы, покинувшие свою Окоцкую землю вынужденно. Их предводитель Ших-мурза, последовательный сторонник Москвы на Северном Кавказе, был убит кумыкским ханом, пытавшимся установить свою власть над оставшимися без вождя ококами. Это вынудило ближайших сподвижников Ших-мурзы оставить свои жилища и с семьями перебраться в царскую крепость под покровительство ее воевод [Русско-чеченские отношения 1997: 55, 73; Кушева 1963: 59–87].

Российская администрация первоначально охотно принимала под свою защиту представителей местных народов. Поставленные на службу царю, они могли оказать неоценимую для русских служилых людей помощь как проводники российской политики на Северном Кавказе. С согласия терских воевод под стенами крепости было основано поселение Окоцкая слобода для внушительной группы из чеченцев-ококов. Она была едва ли не первой слободой-«пригородом» Терского города. Чуть позже появится Черкасская слобода из переселенцев с Кабарды во главе с Сунчалеем Черкасским.

Поселенцы Окоцкой слободы в многочисленных русских документах XVII в. называются окочанами. Главной их обязанностью являлась служба московскому царю, за что им было положено хлебное и денежное жалование. Государственная служба заключалась в военных походах и защите крепости вместе с ее гарнизоном, в посреднической деятельности терской администрации

с народами Северного Кавказа, в проводах и встречах московских послов в Грузию и Персию, в выполнении функций гонцов во все уголки Кавказа и за его пределы, в сборе информации о положении в крае и др. Эта служба проходила под командованием воевод Терского города. Царское жалование часто задерживалось, в особенности в годы Смуты, поэтому окочане занимались земледелием, скотоводством и различными промыслами.

По источникам трудно определить, кто являлся главой чеченской общины в Окоцкой слободе. Терские воеводы, несомненно, признавали этот статус за Батай-мурзой. Он обладал политическим авторитетом, являясь племянником бывшего лидера ококов — Ших-мурзы. Батай-мурза был посланником в Москву в 1589 г. и заложником верности Ших-мурзы в Терской крепости. Батай, пожалуй, был единственным из общины окочан, кто владел титулом «мурза», обозначавшим на Северном Кавказе звание члена феодальной семьи. Под его началом воеводы отправляли терских новокрещеных, черкес и ококов, на ответственные задания [Русско-чеченские отношения 1997: 44–45]. В 1605 г. Батай вместе со своими узденями во второй раз отправился в Москву, теперь уже представляя царю Лжедмитрию I свою собственную персону, свои заслуги и интересы [Русско-чеченские отношения 1997: 46–51]. Однако в 1609 г. Батай-мурза тайно уехал из Терского города в Окоцкую землю [Русско-чеченские отношения 1997: 63–65]. Опись имущества и слуг Батая позволяют судить о нем как о человеке, занимавшем в социальной иерархии окочан весьма высокое положение.

Причина бегства Батай-мурзы от столь удачно складывавшейся жизни в крепости, видимо, кроется в притеснениях его со сто-

роны кабардинского мурзы Сунчалей Черкасского, имевшего планы усиления влияния над всем нерусским населением Терского города. Средства в этой борьбе могли быть самые изощренные. К тому же за Сунчалеем стояла мощная сила в лице приближенных к царю московских родственников мурзы [Кабардино-русские отношения 1957: 384–385].

После завершения периода Смуты и воцарения Михаила Романова политические связи Москвы с народами Северного Кавказа вновь активизируются. Ряд кабардинских и дагестанских владельцев получают царские грамоты о покровительстве Москвы [Кабардино-русские отношения 1957: 80–83; Русско-дагестанские отношения 1958: 27–33, 34–49].

Кроме поздравительной грамоты, послы привезли с собой челобитную — письменное прошение на имя царя [Белокуров 1889: 533–554]. Один из посланников, Ахмат Иналов, уведомляет в Москве: *И меня, холопа¹ твоего, Ахметка выбрали мои товарищи провести про твое царское величество и про многолетнее здравие* [Русско-чеченские отношения 1997: 61]. Он и является главой этого небольшого чеченского посольства в Москву.

От имени 160 окочан челобитную подписали вместе с Ахматом Иналовым 19 наиболее уважаемых из диаспоры человек. Это *лучшие люди из окочан* [Русско-чеченские отношения 1997: 78]. Челобитная начинается с перечисления фамилий людей, которые подписали этот документ: *Царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои государевы Терского города окоцкие люди Урак Итинов, Табурка Ураков, Адыга Бибердин, Урак Молодой, Келя Илзияров, Дидей Мустапаров, Юзяшар Янбеков, Батыр Акин, Охмат Иналов, Одя Ятеков, Кентя Кербеков, Чюрюбаш Алебеков, Табура Ураков, Урак Янмеков, Тербулат Бибердин, Арахча Мачюкин, Смаилка Ичин, Псенчей Чоробашов с товарищи 160 человек* [Русско-чеченские отношения 1997: 54].

Главной целью челобитной являлось описание тяжести службы и прошение о

выдаче хлебного и денежного жалования, которые задолжала им администрация Терского города. Челобитная окончана состояла из следующих сообщений.

1. Вышли они из Акоз и из Мичкиз в Терский город «з женами, и з детьми, и з братьями своими при прежних твоих государевых воеводех...»;
2. Воеводы иным давали твоего государева жалованья выходного и на дворы по полтине, а иным <...> выходу и на дворы не давано ничего...;
3. Служат они все царю, а государевым жалованием хлебным и денежным не пожалованы!. Часть окончана жалованием поверстаны, а иные нет;
4. А которые поверстаны, тем не выдано жалованья уже 9 лет;
5. А служат всякие государевы службы окола о себя острог ставим и ров копаем всеми головами своими;
6. А посылают нас, холопей твоих, твои государевы Терского города воеводы на твои государевы службы в Грузинскую землю твоих государевых послов и грузинских послов встречать и провожати и в Кабарду и в Мирези и в Шибуты и в Окохи для твоих государевых подлинных вестей проведывать и в шихотниках и для вестей и для твоего государева медвяного ясаку;
7. А также посылают их в Кумыкию, Дербент, и шах-Басовых послов встречаем и прожаем, и переносят всякие трудности, и часто происходят столкновения с оппозиционными России владельцами;
8. Служат разные службы, и бедность и нужу всякую терпели с твоими государевыми городовыми людьми вместе. А только бы, государь, мы, холопи твои, по се время сами собою паинишком не были сыты и не похали, и мы бы, холопи твои, по се время голодною смертью померли;
9. Да у нас же, холопей твоих, имали в станицах к Москве лошади и ... за те лошади из твоей государевой казны твой государев воевода денег не даывал;
10. В заключительной же части окончана просят пожаловать государевым жалованием тех, кто им поверстан, и достальных детей наших и братьев поверстати, кому они в версту. А также пожаловать своим государевым жалованием дати за выход, которая наша братья выходили

¹ Слово «холоп» в тот период на Руси не только обозначало несвободного человека, но и, как в данном случае, употреблялось при обращении подданного к царю, будь то боярин, дворянин или иноземец.

на твое государево царство ... отчину в Терский город на житье [Русско-чеченские отношения 1997: 54–56].

6 сентября 1614 г. окочане Ахмат и Ачелей были на приеме у царя Михаила Федоровича. Важность службы иноземцев в далеком окраинном городе России хорошо понимали в Москве, которая испытывала повышенный интерес к чеченскому анклаву на своей границе, игравшему важную роль в налаживании русско-кавказских связей. Окоцкие посланники были торжественно представлены царю посольским дьяком (чиновником Посольского приказа) Петром Третьяковым.

Затем послы произнесли свою речь: *Прислали нас к нашему царскому высочеству все окочане поздравляти нас, великого государя, на наших великих и преславных государствах и бити челом о своих службах. А воеводы наши терские о их службах к нашему царскому величеству писали и службы ваши нашему царскому величеству ведомы. И мы окочан всех за их службы хотим жаловать. И вас ныне, пожаловав нашим царским жалованьем, отпускаем в нашу отчину на Терек. И вы б, окочане, все нашему царскому величеству служили и прямили, а мы, великий государь, учнем вас всех жаловать, смотря по вашей службе. А ныне наш указ о нашем жалованье вам, окочанам, к воеводам нашим на Терек велели есмя послать с вами вместе.*

И окочане, слыша государево милостивое слово, царскому величеству били челом и говорили, что они, окочане, все государю служить готовы и выше прежнего, как они прежним государем царем российским служили, а на его царскую милость надежны [Русско-чеченские отношения 1997: 61].

Миссия послов завершилась удачно: их прошение было удовлетворено. Царский указ о жаловании окочанам был выслан терским воеводам вместе с Ахматом и Ачелеем.

Прибывшие одновременно с окочанам в Москву представители Сунчала Черкасского подали от его имени челобитную царю, в которой мурза просил о пожаловании его князем над окоцкими черкасы, чтоб мне, холопу твоему, перед своею братьею бесчесну не быть, а от тебя, государя, милость видеть [Кабардино-русские отношения 1957: 84–85]. Прощение кабардинского мурзы было также удовлетворено. В Москве была подготовлена царская грамота для него.

Возможно, в осуществлении этих замыслов могли помочь высокопоставленные кабардинские родичи, выехавшие еще в XVI в. на службу в Москву и занимавшие при царе государственные должности. В грамоте было велено: *Сунчалею-князю над окочены и над черкасы, которые на нашей службе на Терке, быти князем и их судить и в ратном строенье и во всяких делах их ведать, и на нашу службу с ними самому ходить и в поход их с нашими людьми, по совету с терскими воеводами, посылать, и во всем ему, Сунчалею-князю, над окочены и над черкасы быти князем и их ведати и беречи по сей нашей царской жаловальной грамоте* [Кабардино-русские отношения 1957: 84].

Грамота отдала в ведение Сунчала Черкасского и его потомков нерусское население Терского города и обеспечила ему влиятельное положение при терских воеводах. Кроме этого, Сунчале-мурза получил княжеский титул. С этого дня терские окочане, кабардинцы и другие инородцы оказались в зависимости от новоиспеченного князя. Такому повороту в судьбе терских окочан способствовало прежде всего то обстоятельство, что они были лишены своих предводителей (Ушаром-мурзы, Ших-мурзы, Батай-мурзы), могущих их защитить и возглавить при развитии разносторонних связей с Русским государством. И поэтому претендентами на эту роль становились кабардинские и дагестанские владельцы. Царь, с одной стороны, благосклонно относился к чеченцам, обещал им *всех жаловать*, а с другой — передал окочан в подчинение кабардинскому князю. Это соответствовало намерениям как московского правительства, так и местной русской власти, для которых важнее всего было упрочить позиции Русского государства на Северном Кавказе.

Ахмат и Ачелей уже после приема у царя написали на его имя челобитную о прибавке себе жалования: *А идет твоего царского денежного жалованья годовова мне, Ахметку, 5 рублей, а мне, Кочалайку твоего государева жалованья годовова 4 рубли. Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси. Пожалуй нас, холопей своих, за наши службишко, вели, государь, нам своего царского денежного жалованья прибавить... чтоб мы, холопи твои, впредь твоей царской*

службы не отстали [Русско-чеченские отношения 1997: 62].

На обороте челобитной была сделана помета — запись решения: *Государь пожаловал, велел Ахмету прибавить своего государева жалованья — Ахмету 3 рубли, а Ачалею 2 рубли и жалованье на нынешний год дати ис Казанского дворца* [Русско-чеченские отношения 1997: 62].

В марте 1615 г. было подготовлено письменное обращение («память») из Посольского приказа в Казанский приказ об изготовлении жалования для отпуски северокавказских послов, среди которых, кроме окочан, были еще представители от кумыкского князя Гирея, кабардинского князя Солоха и Сунчалей-мурзы. Всем на отпуске было выдано государево жалование, которое состояло, как правило, из шуб, мехов, оружия, тканей, денег. Разница в количестве и ценности определялась ролью того или иного феодала в политической ситуации и взаимоотношениях России и Кавказа. Так как за Ахматом и Ачелеем не стояло ни князей, ни мурз (Батай-мурза, их глава, в 1609 г. оставил Терский город и тайно бежал в Окоцкую землю), то жалование им было скромное: *...окочанам Ахмету и Ачелею по сукну по доброму человеку* [Русско-чеченские отношения 1997: 72].

Не прошло и двух лет после первого челобитья терских окочан, как в 1616 г. они подали в Терскую приказную избу новое письменное прошение на имя царя по поводу притеснений со стороны князя Сунчалей. От всех служивых окочан челобитная подписана семью самыми почитаемыми сородичами. Это прежде всего Ахмат Иналов (Ахматко Иналиков), известный нам по первому обращению к царю. Именно он привез в Москву в 1614 г. поздравительную грамоту царю и челобитную от терских окочан. Остальные подписанты — это Келя Илзеяров, Урак Агулов, Черешаш Албеков, Одя Отеков, Урак Чамачюкин, Балык Тавказов. Почти все они упомянуты и в предыдущем обращении [Русско-чеченские отношения 1997: 73].

Окочане, терпевшие нужду на новом месте поселения, несли тяготы государевой службы, за что не всегда и с большим запозданием им выдавали государево жалование, о чем и сказано в челобитной 1614 г. К этому еще прибавился произвол со стороны владетеля — Сунчалей-князя. Москва была

хорошо осведомлена об их предводителе в Окоцкой земле — Ших-мурзе, верном союзнике России со второй половины XVI в., внесшем большой вклад во взаимоотношения России и Кавказа. *Преж, государь, сего мы, холопи твои государевы, жили в своей Окоцкой землице. И в той, государь, в Окоцкой землице большой был над всеми окоцкими людьми Ших-мурза Ишеримов. И того, государь, Ших-мурзу Ишеримова убил кумыцкий князь Ахматкан з братьею за то, что он, Ших-мурза, прямил и служил блаженныя памети прежним московским государем* [Русско-чеченские отношения 1997: 73].

Претендентов на место Ших-мурзы среди соседних князей и мурз оказалось немало. Не желая быть покоренными чужому князю, окочане покидают родные места и переселяются в Терский город, под защиту терских воевод.

И как, государь, Ахматкан-князь убил Ших-мурзу и нас начал к себе звать, а землицею хотел Окоцкою владети. Да и иные, государь, многие горские князи и мурзы нас призывали к себе. И мы, холопи твои, не хотя им, горским князем и мурзам, служити и под ними в век быти, покиня свои дома и живот весь пометав, з женами своими и з детьми из Окоцкие землицы утекли душою да телом и прибегли в твою царскую отчину в Терский город под твою царскую высокую руку на житье на век, и живем, государь, в Терском городе [Русско-чеченские отношения 1997: 73–74].

Жизнь в крепости резко отличалась от прежней привычной жизни в Окоцкой земле. Они столкнулись с новой моделью общественных отношений. Изменился их социальный статус: они стали частью государственной системы России. Численность русского гарнизона была незначительной. Надобность в служилых людях, выполнявших ответственные поручения, особенно из местных народов, была очевидной. Они знали языки, местность, обычаи, что значительно облегчало терским воеводам (начальникам гражданского и военного управления в крепости) проводить государственную политику на Кавказе.

Чтобы яснее представить царю суть своей государевой службы в Терском городе, окочане описали в челобитной всю ее тягость, а также ее важность для местной русской администрации. Без их участия

вряд ли бы терским служащим удалось осуществлять в таких масштабах: *Да нас же, государь, холопей твоих, твои государевы воеводы и дьяки посылают з детьми боярскими и с толмачами для твоих государевых дел во все горские земли, в Кумыки и в Черкассы и в Мерези и в Шибуты и в Мичкизы, и в Грузинскую землю и в Нагаи, для вестей турских и крымских и нагайских и в шихотниках для языков* [Русско-чеченские отношения 1997: 74].

Несомненно, эти ближние и дальние служебные поездки были сопряжены с риском. Присоединение северо-кавказских горных территорий к Российской империи усложнялось тем, что приходилось иметь дело в основном не с заинтересованными феодальными владельцами, а с многочисленными разрозненными горскими общинами. *И мы, холопи твои, з детьми боярскими и с толмачами во все те посылки ездили и вестей проводывали, и языки имывали и приводили к твоим государевым воеводам в Терский город. И в тех, государь, службах и в посылках многие наши товарищи окоцкие люди и братья наши племянники головы свои поклали, побиты насмерть, а иные за проданы в дальние земли в ясырство* [Русско-чеченские отношения 1997: 74].

Окочане, представляя среди чеченцев и других народов Северного Кавказа интересы Москвы, осведомляли их, рассказывали о разнообразных возможностях жизни в Терском городе, тем самым склоняя местных жителей к мысли о приобщении к России. *И многие, — пишут окочане, — государь, горские всякие люди, слыша от нас про твою царскую милость и жалованье и про твое государево величество и пространство Московского государства, приходили из гор на житье в Терский город з женами и з детьми, а в горах пометали дома свои и живот весь, надеючись на твою царскую милость и жалованье* [Русско-чеченские отношения 1997: 74].

Вслед за тем окочане приступили к главной теме в составленной и посланной московскому царю челобитной. В ней подчеркивается, что с тех пор, как они осели в крепости и стали нести государеву службу, непосредственным начальством их стали терские воеводы и дьяки (должностные лица административного учреждения). *А ведали над нами и судили нас, холопей твоих иноземцов, и управы меж нами чинили в*

Терском городе твои государевы воеводы и дьяки. А в походы и во всякие твои государевы службы преж сего мы ходили с твоими государевыми воеводами и з головами стрелецкими и с вольными атаманы казачьи. А опричь, государь, твоих государевых воевод и дьяков никто нас не судил и управу меж нами не чинил, и на твои государевы службы и в походы, опричь твоих государевых воевод и голов стрелецких и вольных атаманов казачьих, ни с кем не хаживали [Русско-чеченские отношения 1997: 74–75].

Все в корне изменилось для окочан в 1615 г. с назначением нового главы, Сунчала Черкасского, получившего от царя на это грамоту и титул князя. Окочане были уверены, что Сунчалеи добился власти, чтобы отомстить им, необоснованно подозревая в убийстве своего брата Каншоки. В челобитной они дали следующее разъяснение этому случаю: в 1613 г. на Терский город приходили нагайские люди, все терские жители выступили против неприятеля, и в том бою нагайцами был убит брат Сунчала Черкасского: *И в том, государь, братне убийстве Сунчалеи-князь сердце и неверку держит на нас, окоцких людей, будто мы убили брата его Каншоку* [Русско-чеченские отношения 1997: 75]. В челобитной следует каскад жалоб на бесчинства нового главы. За год с лишним их собралось достаточно много, чтобы терпению окочан пришел конец. Бежавшие из Окоцкой земли от притязаний соседних феодалов, через 20 лет жительства и государственной службы в Терском городе они оказались во власти Сунчала Черкасского, который пытался обратить подчиненных ему окочан в своих холопов, заставляя их *изделья² на него всякие делати, пашины пахати и сена косити* [Белокуров 1889: 553–561]. Он продал 4 окочан в рабство, напрасно обвинив их в убийстве своего *аргамачья жеребца*. Требуя за жеребца 100 рублей денег, Сунчалеи взял с 3 человек *50 животных рогатых, коров и быков*, а у четвертого взял в холопи *жену и сослал ее в кабаки свои в Кабарду*. С возмущением писали окочане о несправедливости и жестокости князя, сочувствуя безвинно пострадавшим товарищам, их отлучению от царской службы и бедственному положению. *А жеребец немочон был, — написали окочане, — и волочился по степи*

² Изделье — барщина.

не за пастухом, съеден от зверей [Русско-чеченские отношения 1997: 76].

Злоупотребление князя очевидно и тогда, когда он забрал у 8 окончан насильством ис табуна 8 конев добрых и сослал в Кабарду в кабаки свои. По сообщению окончан, Сунчалеи приехал в город в съезжую избу к своему государеву воеводе к Петру Федоровичу Приклонскому и повелел нас в тюрьму сажати и кнутъем бити без твоего государева ведома и без вины и великую нам тесноту и изгоню чинит, хотя нас к себе в холопи взять и от твое царские милости отлучить [Русско-чеченские отношения 1997: 76].

Сунчалеи подал терскому воеводе челобитную на имя царя с жалобой на окончан, обвиняя их в том, что они нарушают царскую грамоту, по которой велено ему ими ведать. Феодалные претензии Сунчалеи встретили у окончан активное сопротивление. Подобной кабалы они избежали в конце XVI в. Окончане увидели в этом очередной подлог. Инкриминируя им неповиновение и нарушение царской грамоты, Сунчалеи старался описать окончан царю как отступников — *изгоняючи нас и хотя от тебя, великово государя, нас, холопей, в пене⁴ и в опале видети и разогнати розно* [Русско-чеченские отношения 1997: 76]. Тут же окончане предупредили царя о последствиях его решения: горские люди, перед которыми они восхваляли царские милости и склоняли к переезду в крепость и переходу на российскую службу, в Терской город на житье не будет отнюдь ни один человек, потому как *послышат, что мимо твоих государевых воевод ведает над нами и судит нас во всем Сунчалеи-князь и что нам от него великая изгоня и обида ... и нам, государь, от него, Сунчалеи, всем разогнанным быти* [Русско-чеченские отношения 1997: 76].

Всеми силами окончане хотели донести до царя ошибочность принятия решения русского правительства в отношении их, ставших *по воле государя* подданными кабардинского князя. В заключительной части челобитной окончане попросили царя *взяти их к Москве*, и, если они в чем виноваты пе-

ред государем, учинить свой царский указ. *А не вели, государь, Сунчалею князю нас ведати и судити и навек нас похолопитъ не вели; вели, государь, нас ведати и судити твоим государевым воеводам и дьяком по прежнему твоему государеву указу, чтоб нам, холопом твоим, в конец не погинути и от твоего царского жалованья и милости не отстати* [Русско-чеченские отношения 1997: 76].

Однако в Москве не были намерены менять политику на Северном Кавказе, опирающуюся на горских владельцев. Центру было удобнее держать всех непредсказуемых инородцев под властью одного преданного лица, наделив его большими льготами, жалованием, титулом и беспредельной властью. Челобитная терских окончан была рассмотрена в правительстве. На отписке (донесении) терского воеводы Приклонского, при которой прислана челобитная, было отмечено: *Отписать, чтоб им [окочанам. — Т. М.] сказати. — Велено их Сююнчалею ведати службою. А будет Сююнчалеи станет им какую тесноту чинить, и они б на него били челом государю* [Белокуров 1882: 76].

Надо полагать, что рассматриваемая челобитная возымела свое действие и Сунчалеи ведал отныне только службою окончан. В последующих челобитных терских окончан нет сведений о подвергании их подобным феодално-кабальным испытаниям со стороны Сунчалеи (умер в 1625 г.) и его потомков. Сама челобитная 1616 г. явилась одной из форм борьбы окончан с феодалной эксплуатацией.

Литература

- Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Моск. глав. архива Мин-ва иностр. дел. Вып. 1. 1578–1673 гг. М.: Универ. тип., 1889. XL+584 с.
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 478 с.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (втор. пол. XVI — 30-е годы XVII в.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 371 с.
- Русско-дагестанские отношения в XVII — первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала: Дагкнигиздат, 1958. 336 с.
- Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. М.: Вост. лит., 1997. 416 с.

³ Съезжая изба — присутственное место, куда съезжались для официальных переговоров.

⁴ Пеня — зд. недовольство.

УДК 94(47).072.5+930:314
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КАЛМЫЦКОЕ ВОЙСКО (1737–1843 гг.): ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ*

А. С. Ряжнев

Политическая система российского абсолютизма — актуальный вопрос современной историографии [Ряжнев 2006: 84–86]. Установлено, что подобная система строилась прежде всего на основе служебных отношений. Свое место в ней занимали этноконфессиональные служилые группы, которые были включены в состав иррегулярных войск и социальные верхи которых в раннее Новое время входили в российское господствующее сословие. Изучение названных групп ведет к более глубокому пониманию политического и вероисповедного уклада России XVIII в. и первой половины XIX в. и потому представляется необходимым.

Ставропольское войско (в 1750-е гг. корпус) крещеных калмыков — одна из таких групп. Исследования этих групп стали весьма результативными последние несколько лет, что во многом связано с подготовкой документальной серии «Волжские ставропольские калмыки» и проектом «Метрические книги волжских ставропольских калмыков». Цель настоящей статьи — обобщить полученные результаты, ввести их в проблематику политико-религиозной истории абсолютистской России интересующей нас эпохи.

Многотомное научное издание документов — событие в современной науке относительно редкое. В историографии Ставропольского калмыцкого войска отмечалось, что тема имеет богатую, но очень разнородную базу источников [Шовунов 1992: 13–17; Джунджузов 2011: 21–23]. Несколько архивов в России и за рубежом, десятки фондов, в том числе сложных для поисковой работы, — все это ставило перед составителями серии задачу не только полностью выявить, но и отобрать документы, способные максимально полно отразить жизнь локальной группы калмыков на Средней Вол-

ге. Изданные нарративные источники не забыты, однако акцент все же сделан на новые архивные памятники.

Ставропольские калмыки играли свою роль в защите российских рубежей на юго-востоке и проведении курса властей в отношении азиатских стран и народов, и в XVIII в. их роль была достаточно важной. Выходили они и на поля сражений России с наполеоновской Францией. Кроме того, войско в течение всей своей истории участвовало в экономическом освоении Среднего Поволжья, и эта тема также заслуживает внимания.

Объем отобранных бумаг по военнополитическим делам намного больше, нежели по хозяйственным делам: такова специфика базы источников по теме. Поэтому источники, призванные проследить значение войска для политики государства, составили три тома издания из четырех. В основу их комплектования легла обоснованная периодизация истории ставропольцев: конец 30-х — 60-е гг. XVIII в. — поселение калмыков в Ставрополе-на-Волге и организация их службы; 70–90-е гг. XVIII в. — Пугачевщина, затем восстановление и развитие войска; первая половина XIX в. — эпоха 1812 г., прославившая Ставропольский калмыцкий полк, служба на границе и зачисление калмыков в оренбургские казаки, положившее конец более чем вековой самостоятельности Ставропольского войска.

Четвертый, заключительный, том серии из-за особенностей его источников охватил пребывание ставропольцев в Поволжье целиком. Он характеризует людские и материальные ресурсы войска, имущественное положение, быт и образ жизни военнослужащих-калмыков с семьями.

В то же время содержание издания отнюдь не сводится к истории ставропольских

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Метрические книги волжских ставропольских калмыков» (№ 12-11-63601/а).

калмыков как части калмыцкого народа или особого отряда иррегулярных войск русской армии. Публикуемые источники трактуют собственно политику абсолютизма на юго-востоке страны, причем в отношении довольно широкого промежутка — с середины 1730-х гг. до конца 1840-х, и в этом заключен особый научный смысл документальной серии.

Из четырех томов серии на сегодня изданы два [Волжские ставропольские калмыки 2011; 2012]. Значение их выхода обусловлено прежде всего неудовлетворительным положением с печатными источниками по данной теме. Из законодательства историкам доступны лишь положения о войске 1745 и 1803 гг. [ПСЗРИ, XII 1830: 308–328 (№ 9110); XXVII 1830: 968–975 (№ 21025)]. Имеется также ряд документов второй трети XVIII в. о пополнении Ставропольского войска [обзор см.: Волжские ставропольские калмыки 2011: 30]. Однако заключительное двадцатилетие истории ставропольцев в археографии отсутствует вовсе.

Исключением стал боевой путь Ставропольского калмыцкого полка в кампаниях 1805–1814 гг. против Наполеона, но имеющиеся материалы рассеяны в изданиях, известных лишь знатокам эпохи 1812 г. [обзор см.: Волжские ставропольские калмыки 2012: 25–27]. В данной связи высоко следует оценить новый сборник, включающий и материалы о Ставропольском полку [Участие калмыков в наполеоновских войнах 2012].

В опубликованных томах серии использованы документы следующих архивов: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Для подготовки обоих томов проведено сплошное обследование 2-го (Оренбургская экспедиция), 3-го (Оренбургская губернская канцелярия) и 6-го (Канцелярия оренбургского генерал-губернатора) фондов ГА ОО. Здесь изучена вся переписка по управлению Оренбургским краем XVIII — первой половины XIX вв. В итоге в архиве практически не осталось неизвестных документов о службе и состоянии Ставропольского войска.

Также из фондов № 248 (Сенат и его учреждения — объединенный фонд) РГАДА

и № 36 (Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе) НА РК привлечены бумаги о первичном устройстве калмыков на Средней Волге и пополнении их выходцами из Калмыцкого ханства. Важную роль в серии играют материалы срочной отчетности Ставропольской войсковой канцелярии и послужные списки офицеров войска за соответствующие периоды, взятые из фондов № 13 (Казачья экспедиция Военной коллегии) и № 489 (Коллекция формулярных списков) РГВИА. Попутно стоит отметить, что последний фонд среди всех прочих фондов бывшего Лефортовского архива наименее «исхожен» калмыковедами и военными историками, и обращение к нему закономерно привело к новым и важным находкам.

Опубликованные источники в абсолютном большинстве официального происхождения, ибо учреждения-фондообразователи — Сенат, военное ведомство (Военная коллегия, Военное министерство, их отдельные столичные подразделения), Министерство внутренних дел, Коллегия Иностранных дел, Оренбургская комиссия и другие оренбургские военно-административные органы входили в структуру государственного управления Российской империи [Волжские ставропольские калмыки 2011: 30–32]. Документы относятся к таким разнovidностям, как законодательство, переписка учреждений и должностных лиц, внутреннее делопроизводство учреждений, судебно-следственная документация. Номенклатура изученных документов широка — это жалованные грамоты 1730-х гг. первой правительнице калмыцкого поселения на Средней Волге княгине Анне Тайшиной, указы Кабинета, Сената, Коллегии Иностранных дел, Оренбургской губернской канцелярии, предписания и приказы министров и губернаторов. Здесь же находим рапорты командиров и учреждений на местах, в том числе Ставропольской войсковой канцелярии, в вышестоящие инстанции.

В историографии тема ставропольских калмыков обозначена давно [Рычков 2002: 175–183; Прозрителев 1990: 42–57]. Но проблематика их истории в материалах серии отличается значительной новизной и существенно расширяет соответствующие научные представления.

Опубликованные материалы обозначают прежде всего выбор властями места

для крепости. Выбор нелегкий, ибо требовалось обеспечить безопасное соседство новоселов — бывших кочевников и с кочевниками, — в том числе с некрещеными соплеменниками, и с оседлым населением края [Волжские ставропольские калмыки 2011: 44–50, 52–54]. Открываются из бумаг и трудности перевода калмыков с низовьев Волги [Волжские ставропольские калмыки 2011: 72–78].

Важной темой исследования стал правовой статус Ставропольского войска, особенно в годы начальной истории войска. Изученные источники впервые раскрывают связь становления статуса с отношениями между господствующим слоем калмыков и властями. Документы также показывают: основой всех правовых установок в отношении войска стали законы конца 30-х и первой половины 40-х гг. XVIII в. [Волжские ставропольские калмыки 2011: 50–52, 54–72, 78–95, 127–129].

Впервые в историографии затронуты сюжеты о системе управления в Ставропольском войске и войсковой структуре в целом [Волжские ставропольские калмыки 2011: 127–129]. В частности, документы дают возможность в полной мере представить ротное деление корпуса и его развитие в связи с джунгарским пополнением 1759 г. В документах обозначены и источники пополнения Ставропольского войска в XVIII в.: выходцы из Калмыцкой степи, включая бывших пленных, возвращенные из бегов новокрещенцы, джунгары-перемещенные [Волжские ставропольские калмыки 2011: 66–69, 220–229, 231–232, 240, 241].

В свете изученных материалов становится понятным и место Ставрополя в политике властей. Крепость стала «метрополией» калмыцкого христианства: неофитов (и знатных, и простолюдинов) «для крещения и научения в законе» из Калмыцкого ханства, Астрахани, с Дона в XVIII в. присылали сюда постоянно [Волжские ставропольские калмыки 2011: 104–108, 173, 174, 178, 179, 183–186]. В XIX в. эта функция города была утрачена.

Среди опубликованных материалов одно из важнейших мест в серии занимают послужные списки командного состава Ставропольского войска. Благодаря им впервые в науке можно дать полное документальное описание свершений войска в XIX в.: сражения против наполеоновских

полчищ, наряды на Оренбургскую пограничную линию и в Уральск, охрана знаменитой Макарьевской ярмарки. Со всей очевидностью выявляются функции войска в военно-политической системе абсолютизма в целом. Трудно переоценить и значение списков для изучения положения офицеров как привилегированной части войска.

Также в научный оборот введены новые данные о ставропольцах в период Семилетней войны. Уточнен боевой путь Ставропольского полка в кампании 1814 г.: ранее речь шла об участии ставропольцев в штурме Парижа, ныне установлено, что полк в составе одного из корпусов союзников принимал участие в блокаде крепости Майнц [см. также: Максимов, Очиров 2012: 14, 366–370].

Впервые исследована и история ставропольских калмыков по окончании эпохи 1812 г. После Отечественной войны государство взяло курс на укрепление иррегулярных войск и улучшение условий службы в них. Из источников следует, что аналогичные меры применялись и в отношении Ставропольского войска: в переписке с чиновниками обсуждались обустройство войскового училища, назначения и жалование калмыцких учителей, высшее образование за казенный счет для группы школьных выпускников-калмыков, оспопрививание калмыков и другие шаги по части здравоохранения [Волжские ставропольские калмыки 2012: 164, 171–176, 178–182, 187–189].

Не наблюдалось ранее ясности касательно причин упразднения Ставропольского войска. Между тем, в документах 20–40-х гг. XIX в. обозначена вполне определенная ситуация. В XIX в. Поволжье перестало быть опасной и дикой окраиной, и нужда в дислокации здесь войск, служивших по казачьему образцу, отпала [Поволжье 2007: 181–192]. К тому же освоение территорий, рост населения и, главное, развитие феодального землевладения остро поставили вопрос о судьбах угодий калмыцкого войска и средствах на содержание военнослужащих с семьями. В связи с притоком крестьянства снижались возможности выпаса массы скота — основы хозяйственного уклада ставропольских калмыков. С 1820-х гг. войско оказалось вовлеченным в земельные споры, в которых военно-гражданские власти явно держались поддержки земледелия [Волжские ставропольские калмыки 2012:

160–164], и верхушка войска, состоявшая после Пугачевщины из незнатных офицеров и представителей калмыцкого простонародья, получивших офицерские чины, ничего не могла этому противопоставить.

Юго-восточные же границы государства ждали обустройства. Войны с Наполеоном отвлекли власти от подобной задачи, но уже в 1820-е гг. обозначилась необходимость к ней вернуться. В данной связи движение ставропольских калмыков на внешний рубеж было составной частью долгого процесса аналогичного перемещения периферийных отрядов казачества и близких к нему по социальному положению мелких сословий.

Интерес вызывает и предстоящий выход новых томов серии. Достаточно сказать, что 70–90-е гг. XVIII в. в археографии темы ныне никак не прослежены, кроме манифестов Е. И. Пугачева ставропольским калмыкам [см.: Овчинников 1980: 175, 179, 180]. Налицо и расхождения в историографии о причинах упадка Ставропольского войска и сокращения его численности в XIX в. [Кузнецов 2008: 279–281; Джунджузов 2011: 19–20]. Ожидающие своей очереди документы серии прольют свет на поднятые вопросы.

База источников, созданная в ходе работы над серией, способна в деталях раскрыть направления правовой политики государства, связанные со ставропольскими калмыками. Не меньшим ее значением оказывается и для понимания практических мероприятий местного начальства, определенных общими законами, но отнюдь не всегда и не во всем совпадавших с замыслами столичных властей. Наконец, она дает возможности изучить и отношение ставропольских калмыков к проводившейся политике, понять позицию их верхушки в курсе властей на азиатских окраинах страны.

Вместе с тем о внутренней обстановке в войске — демографической, вероисповедной — известно пока мало. Источники же серии в силу их специфики не покрывают потребностей соответствующих изысканий. Потому необходимо привлечь такие источники, которые способны улавливать и отражать стороны жизни ставропольцев, обычно попадавшие в поле зрения составителей документов лишь спорадически, или же вовсе недоступные по документальным материалам. Особенно это касается демографических ресурсов войска — здесь недо-

статки инструментария исследований вполне осознаны историками.

Научный проект «Метрические книги волжских ставропольских калмыков» предлагает выход из сложной ситуации. В задачу проекта входит источниковедческое и археографическое изучение названных метрических книг — ценнейшего историко-демографического источника, сведения о котором отсутствуют в литературе и по истории Среднего Поволжья, и по калмыковедению.

Метрические книги ставропольских калмыков выявлены в фонде № 31 Управления по делам архивов мэрии городского округа Тольятти (далее — УДА МТ). Фондообразователь — Ставропольское духовное правление (казак) Казанской епархии, бравшее свое начало от Калмыцкой миссии 20–30-х гг. XVIII в. [Орлова 2006: 14, 49, 68]. Книги охватывают почти всю историю Ставропольского войска — с середины XVIII в. и до перевода под Оренбург. Самые ранние из них датированы 1750–1751 гг. [УДА МТ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 83–141]. Наличие метрических книг XVIII в. следует отметить особо. В центральных архивах материалы метрического учета православных до 1796 г. налицо лишь за краткие периоды: 1738–1748, 1762–1772, 1781–1783, 1793 гг. [Мионов 1990: 108], — в этом важность выявленных памятников.

Формуляр метрических книг хорошо известен, а их информативная ценность давно установлена [Антонов, Антонова 2006: 17–19]. В данном случае отступлений также нет, кроме источников 1750–1751 гг.: они являются не обычными записями в трех частях (о новорожденных, новобрачных, умерших), а «репортами» приходских клириков в духовное правление со списками калмыков-прихожан [УДА МТ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 83–141].

Метрические книги прежде всего характеризуют размещение и распределение калмыков-военнослужащих с семьями (кибитками) в Ставропольском ведомстве как по отдельным калмыцким поселениям, так и по совместным (с крестьянами-новокрещенцами). Из источников понятны движение населения, типичные для рассматриваемого времени причины прироста и убыли людей, динамика формирования поколений калмыков, местных уроженцев, переживших и Пугачевщину, и 1812 г.

Весьма ценным представляется свидетельство метрических книг об этнической структуре и социальных отношениях калмыков, сохраненных переселенцами и на Средней Волге. Власти декларировали отмену прежнего социального устройства у крещеных калмыков и замену его новым служебным порядком. Однако из документов следует, что на деле они зачастую капитулировали перед традиционным калмыцким укладом, и метрические книги говорят о том же. Основой территориальной организации войска стали улусы — традиционные родоплеменные объединения калмыков, приходские же священники с середины XVIII в., судя по метрическим книгам, вели записи населения не только по приходам, но и по улусам, подверстывая под ситуацию и приходские правила метрического учета.

В целом же изученные демографические материалы характеризуют внутреннее состояние данного локального калмыцкого общества с его социальными и этноконфессиональными особенностями, обычно мало отражаемыми в документации официальных лиц и учреждений.

Подведем итоги. Проблематика документальной серии и проекта метрических книг раскрывает различные аспекты служебных, хозяйственных и демографических отношений на юго-восточных окраинах страны, участником коих было Ставропольское калмыцкое войско. При этом разные по назначению и содержанию источники — официальная переписка и метрические книги — служат дополнением друг к другу.

Документы открывают исследователям уровни политических взаимодействий: подходы центральных и местных властей в отношении периферийных служилых сословий, позиции привилегированных групп внутри указанных сословий в отношении курса властей. Однако важно и соответствие объективных материальных, прежде всего демографических, возможностей служилого люда предначертаниям свыше, и здесь поистине бесценный материал может быть извлечен именно из метрических книг. Весьма плодотворным обращение к ним представляется в контексте представлений об оптимуме населения в эпоху феодализма при известных хозяйственных и общественных условиях, сформулированных в литературе по исторической демографии малых

этносов [Горская 1994: 188, 203]. Трудно переоценить и историко-генеалогическую ценность источника.

На примере истории Ставропольского войска прослеживается один из вариантов интеграции этноконфессиональных служилых групп в рамках военно-политической системы абсолютизма [Очиров 2009; Джунджузов 2011]. Исследования показывают, что вариантов насчитывалось несколько, однако в русле общей тенденции развития России как континентальной империи Нового времени — ввод основной массы служилого простонародья в состав иррегулярных войск, инкорпорация знати, установка шкалы служебных привилегий, трезвый учет реального военно-служилого потенциала локальных обществ, — и все это на основе веротерпимости как фундаментальной предпосылки отношения монархии к разнотерпимой служилой массе. Значение веротерпимости исключительно велико: она была устойчивым фактором развития российской монархии в Новое время, и без учета ее влияния на служебные отношения анализ системы абсолютизма в целом будет неполон.

Очевидно, что исследовательская программа, реализованная в ходе работ по документальной серии и проекту метрических книг, должна быть развернута и в отношении прочих служилых сословий юго-востока России — башкир, мишарей, нагайбаков, ногайцев, крымских татар, групп выходцев с Северного Кавказа. Разумеется, ее основой послужат широкие архивные разыскания источников для сплошного выявления нужных материалов и обоснованная периодизация. Результатом такой работы призвана стать аналогичная серия документов или обобщающая монография (возможно, коллективная) о служилых сословиях на юго-восточных окраинах Российской империи в Новое время.

Источники

Управление по делам архивов Мэрии городского округа Тольятти (УДА МТ).

Литература

- Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 385 с.
- Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. / гл. ред.*

- А. С. Ряжев. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х — 60-е гг. XVIII в. / отв. ред. А. С. Ряжев; сост. С. В. Джунджузов, А. С. Ряжев, А. В. Тепикин, Л. Б. Четырова. Ростов н/Д: Изд-во Юж. науч. центра РАН, 2011. 320 с.
- Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. / гл. ред. А. С. Ряжев. Т. 3. Ставропольское калмыцкое войско в первой половине XIX в. / отв. ред. А. С. Ряжев; сост. С. В. Джунджузов, У. Б. Очиров, А. С. Ряжев, А. В. Тепикин. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 252 с.*
- Горская Н. А.* Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М.: Наука, 1994. 213 с.
- Джунджузов С. В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург: ГБУ РЦРО, 2011. 209 с.
- Кузнецов В. А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: [б. и.], 2008. 478 с.
- Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 519 с.
- Миронов Б. Н.* Метрические ведомости XVIII—XIX вв. — важнейший источник по исторической демографии России // Источниковедение отечественной истории. Вып. 8. М., 1982. С. 100–117.
- Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева (источниковедческое исследование). М.: Наука, 1980. 280 с.
- Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX в. М.: Вост. лит., 2006. 208 с.
- Очиров У. Б.* Калмыцкие этнические группы в составе казачьих войск Поволжья и Приуралья // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 658–680.
- Поволжье — «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX вв.) / под ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2007. 328 с.*
- Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Тип. П. Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. 1744–1748. 960 с.; Т. XXVII. 1802–1803. 1122 + 12 + 31 с.*
- Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Элиста: Изд-во «Эбелек», 1990. 140 с.
- Рычков П. И.* История Оренбургская / отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, Самар. гос. ун-т, 2002. 298 с.
- Ряжев А. С.* Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки: историографический вестник. 2005. М.: Наука, 2006. С. 84–126.
- Участие калмыков в наполеоновских войнах: документы и материалы. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 537 с.*
- Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии; КИОН, 1992. 319 с.

УДК 94(470.47)
ББК 63.2 (2Рос=6Калм)

**ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ
В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ:
ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА
(по материалам переписи 1897 г.)**

Л. В. Оконова

Вопросы численности, состава, размещения, миграций населения никогда не теряют своей актуальности. Они непосредственно приводят исследователей к решению следующих за ними фундаментальных проблем развития общества в различных аспектах экономической, социальной, политической истории, вызывая в свою очередь постановку новых задач изучения.

Переписи населения являются «мгновенными фотографиями» конкретно зафиксированного состояния населения, сложившегося на момент их проведения, в частности, миграционной ситуации. В. М. Моисеенко отмечает: «Переписи населения регулярно проводились в России с 1897 г. В большинстве из них серьезное внимание уделялось получению сведений о миграции населения. В условиях почти полного отсутствия иных данных о миграции населения переписи долгое время служили практически единственным достоверным источником получения соответствующей статистической информации» [Моисеенко 1997: 33]. Не исключением в аспекте миграции являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Итоговые показатели данной переписи неоднократно использовались авторами в исследованиях по различным вопросам, в частности для установления общей численности калмыков [Авлиев 2004; Борисенко 1982; 1991; Бурчинова 1980; Колесник 1997; Максимов 2002; Оглаев, Убушаев 1981; Оглаев 1987]. Миграционные же вопросы, нашедшие отражение в материалах переписи населения 1897 г., калмыцкими исследователями фактически еще не изучались.

Исходя из необходимости детального источниковедческого изучения названных материалов и предварительно проведенного анализа по половозрастному, семейному, вероисповедному составу [Оконова 2008; 2009; 2011а; 2011б], в данной статье мы ставим задачу рассмотреть, как в материалах переписи 1897 г. отразились вопросы, связанные с миграционными процессами, на примере зафиксированных данных по Астраханской губернии и Калмыцкой степи в ее составе. В материалах переписи они составили тетради I и II [Первая всеобщая перепись, I 1899; Первая всеобщая перепись, II 1899].

Общеизвестно, что ключом к характеристике миграции населения являются данные о месте рождения. Они отражены в следующих материалах тетради II: таблица «Сводная — состав наличного населения обоего пола (по уездам с городами и по городам) с разделением по месту рождения, сословиям, вероисповеданиям и родному языку»; таблица VI «Распределение населения по сословным группам и месту рождения»; VII «Распределение неместных уроженцев по месту рождения» [Первая всеобщая перепись, II 1899: 2–3; 14–15; 16–17]. При этом в каждой из перечисленных таблиц обязательно указаны сведения об уроженцах конкретных уездов Астраханской губернии, иных российских губерний и других государств. Все результаты произведенных нами суммарных подсчетов перечисленных табличных данных по Астраханской губернии в абсолютных числовых показателях и в процентном соотношении послужили основанием для составления сводной нижеприведенной таблицы, составленной автором:

Таблица 1. *Распределение населения Астраханской губернии по месту рождения* [Первая всеобщая перепись, II 1899: 2–3; 14–15]

Административно-территориальное разделение Астраханской губернии	Уроженцы местные		Уроженцы других уездов Астраханской губернии		Уроженцы других губерний		Уроженцы других государств		Итого	
	в абс.	в %	в абс.	в %	в абс.	в %	в абс.	в %	в абс.	в %
Астраханский уезд	114 667	13,89	23 871	41,74	80 467	66,95	755	85,12	219 760	21,9
Енотаевский уезд	66 666	8,07	5 193	9,08	4 180	3,48	41	4,62	76 080	7,58
Красноярский уезд	49 328	5,98	13 161	23,01	3 472	2,89	34	3,83	65 995	6,58
Царевский уезд	178 011	21,57	3 937	6,88	16 040	13,34	34	3,83	198 022	19,73
Черноярский уезд	84 313	10,22	4 230	7,40	11 752	9,78	21	2,37	100 316	10
Калмыцкая степь	123 309	14,94	3 446	6,03	1 817	1,5	1	0,11	128 573	12,81
Вн. Кирг. Орда	208 971	25,32	3 355	5,87	2 469	2,05	1	0,11	214 796	21,41
Калмыцкая степь и Вн. Кирг. Орда	332 280	40,26	6 801	11,89	4 286	3,57	2	0,23	343 369	34,22
Города	63 969	7,75	7 719	13,50	60 081	49,99	733	82,64	132 502	13,2
Всего в губернии	825 265	100	57 193	100	120 197	100	887	100	1 003 542	100

Основываясь на приведенных показателях, мы можем сделать вывод о том, что Калмыцкая степь по численности местных уроженцев в абсолютных числовых показателях и в процентном соотношении занимала в Астраханской губернии третье место, уступая Внутренней Киргизской Орде в 1,7 раза и Царевскому уезду — в 1,4 раза. По численности проживавших в ней уроженцев других уездов той же губернии Калмыцкая степь находилась на предпоследнем месте, уступая Астраханскому уезду в 6,9 раза, Красноярскому — в 3,8 раза, Енотаевскому — в 1,5 раза, Черноярскому — в 1,2 раза, Царевскому — в 1,14 раза. На последнем месте была Внутренняя Киргизская Орда, в которой численность уроженцев других уездов той же губернии была меньше в 1,03 раза, чем в Калмыцкой степи. Таким образом, в последней проживала преобладающая масса местных уроженцев.

Уроженцы других губерний в Калмыцкой степи составляли 1,5 %, т.е. из 128 573 ее жителей уроженцами других губерний были 1 817 человек. В Калмыцкой степи 126 575 человек составляли местные уроженцы. По этому показателю Калмыцкая степь занимала последнее место в губернии, уступая Астраханскому уезду в 44,6 раза, Красноярскому — в 23,2 раза, Царевскому — в 8,9 раза, Черноярскому — в 6,5 раза, Енотаевскому — в 2,3 раза, Внутренней Киргизской Орде — в 1,4 раза.

По показателям, отражавшим численность уроженцев других государств, Калмыцкая степь и Внутренняя Киргизская Орда так-

же находились на последнем месте. Они вместе уступали Астраханскому уезду в 774 раза, Енотаевскому — в 42 раза, Красноярскому и Царевскому — в 34,8 раза, Черноярскому — в 21,5 раза. Иначе говоря, уроженцев из других государств, проживавших в Калмыцкой степи, в 1897 г. было значительно меньше, чем в остальных уездах губернии.

Характеризуя в целом население Астраханской губернии по месту рождения, мы можем отметить, что по численности местных уроженцев самый низкий процент наблюдался в городах, уступавших уездам в 6,7 раза, в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской Орде вместе — в 1,3 раза. Численность уроженцев других уездов той же губернии в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской Орде вместе составляла 11,89 %. По данному показателю они уступали уездам в 6,3 раза, городам — в 5,5 раза. По численности уроженцев других губерний самый высокий показатель был зафиксирован в городах, опережавших уезды в 1,08 раза, Калмыцкую степь и Внутреннюю Киргизскую Орду вместе — в 14 раз. 82,64 % уроженцев других государств проживали в городах, опережавших уезды по этому показателю в 4,8 раза, а Калмыцкую степь и Внутреннюю Киргизскую Орду вместе — в 359 раз.

Собственно население Калмыцкой степи по месту рождения на основании показателей таблицы 2, которая конкретизирует и уточняет таблицу 1 в абсолютных числах и процентном соотношении, можно представить следующим образом.

*Таблица 2. Распределение населения
Калмыцкой степи Астраханской губернии по месту рождения*
[Первая всеобщая перепись, II 1899: 2–3; 14–15]

Место рождения	В абсолютных числах	В % соотношении
Уроженцы местные	123 309	95,91
Уроженцы других уездов Астраханской губернии	3 446	2,68
Уроженцы других губерний	1 817	1,41
Уроженцы других государств	1	0,001
Всего	128 573	100

Число местных уроженцев Калмыцкой степи, составлявшее 95,91 %, опережало число уроженцев других уездов губернии почти в 36 раз, уроженцев других губерний — в 68 раз, уроженцев других государств — почти в 96 раз.

Материалы таблицы VI из источника позволили нам составить таблицу, отража-

ющую место рождения сословных групп населения Калмыцкой степи Астраханской губернии (см. таблицу 3) [Первая всеобщая перепись, II 1899: 14–15]. Характерной особенностью этих данных является то, что все обобщения по сословиям приведены в материалах переписи без указания национальной принадлежности.

Таблица 3. Распределение населения Калмыцкой степи Астраханской губернии по месту рождения сословных групп

Сословные группы	Уроженцы местные		Уроженцы других уездов Астраханской губернии		Уроженцы других губерний		Уроженцы других государств		Итого	
	в абс.	в %	в абс.	в %	в абс.	в %	в абс.	в %	в абс.	в %
Лица сельского состояния ¹	529	0,43	2 240	65	1 442	79,4	-	-	4 211	3,3
Дворяне потомственные	6	0,01	21	0,6	16	0,9	-	-	43	0,03
Дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи ²	12	0,01	14	0,4	2	0,1	-	-	50	0,04
Лица прочих сословий ³	122 762	99,56	1 171	34	335	18,44	1	100	124 269	96,65
Итого всех сословий	123 309	100	3 446	100	1 817	100	1	100	128 573	100

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что среди местных уроженцев самый высокий показатель наблюдался у лиц прочих сословий, и это неудивительно, так как составители материалов переписи к этой сословной группе отнесли российских инородцев, большинство которых были калмыками. По материалам переписи 1897 г. население Калмыцкой степи насчитывало 128 573 чел., из них 120 978 чел. составляли инородцы [Первая всеобщая перепись, I 1899: 50–51]. В Предисловии к тетради II было дано пояснение: калмыки и киргизы [казахи. — Л. О.], «пользуясь издавна не-

которыми преимуществами, составляют особое сословие — инородцев» [Первая всеобщая перепись, II 1899: 9], что не следует понимать, на наш взгляд, в буквальном смысле — как определение их сословного статуса. В таблицах материалов переписи они отнесены к числу русских (или российских) подданных. В современном понимании они являлись представителями нетитульных народностей России. К титульным относились русские, к которым официально были причислены, наряду с великороссами, т. е. русскими, малороссы (украинцы) и белорусы.

¹ К лицам сельского состояния составители материалов переписи отнесли крестьян и войсковых казаков.

² К дворянам личным, чиновникам не из дворян и их семьям составители материалов переписи отнесли дворян личных и их семьи, чиновников не из дворян, не выше X класса, и их семьи, лиц, имевших право на личное дворянство при поступлении на службу, и их семьи.

³ К лицам прочих сословий составители материалов отнесли лиц духовного звания и их семьи, потомственных и личных почетных граждан и их семьи, мещан, инородцев, финляндских уроженцев без указания сословия, лиц, не принадлежавших к этим сословиям, лиц, не указавших сословий, а также иностранных подданных, живших в Астраханской губернии.

Самый низкий показатель зафиксирован у дворян потомственных, дворян личных, чиновников не из дворян и их семей, причем к ним, что общеизвестно по Положениям об управлении калмыцким народом 1834 и 1847 гг. [см. Максимов 1995: 220–267], относились, наряду с русскими, калмыцкие нойоны (владельцы улусов и аймаков), уступая лицам сельского состояния в 88 раз. Это говорит о том, что социальная структура Калмыцкой степи отличалась крайней малочисленностью дворянства (потомственного и личного).

По числу уроженцев других уездов той же губернии и уроженцев других губерний самый высокий показатель был у лиц сельского состояния. Самый низкий показатель

зарегистрирован у дворян личных, чиновников не из дворян и их семей: он меньше показателей дворян потомственных в 1,5 раза и в 8 раз, лиц прочих сословий — в 83 раза и в 167 раз соответственно.

Уроженцев других государств по переписи насчитывался всего 1 чел., его отнесли к лицам прочих сословий.

Характеристика мигрантов, т. е. неместных уроженцев Калмыцкой степи Астраханской губернии, по месту рождения на основании сведенных воедино показателей таблицы VII [Первая всеобщая перепись, II 1899: 16–17] материалов переписи и составленной нами таблицы 4 может быть представлена в следующем обобщенном виде.

Таблица 4. Распределение уроженцев российских губерний и иностранных государств, проживающих в Калмыцкой степи Астраханской губернии, по месту рождения

Уроженцы российских губерний и иностранных государств		
Место рождения: губернии, области и иностранные государства	В абсолютных числах	В % соотношении
I. Европейская Россия⁴	1 701	94
II. Привислинские⁵	2	0,11
III. Кавказ⁶	90	5
IV. Сибирь⁷	5	0,28
V. Средняя Азия⁸	2	0,11
Не указавшие место рождения	17	0,9
Итого в Калмыцкой степи	1 817	100
VII. Иностранные государства⁹	1	

⁴ Уроженцы Европейской части России: 1) Архангельской, Виленской, Вологодской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Подольской, Херсонской, Эстляндской, Ярославской губерний по 1 чел. в каждой, итого 10 чел.; 2) Минской, Калужской, Черниговской губерний по 2 чел., итого 6 чел.; 3) Витебской, Волынской, Оренбургской, Тверской, Уфимской губерний по 3 чел., итого 15 чел.; 4) Киевской, Орловской, Полтавской, Таврической губерний по 4 чел., итого 16 чел. 5) Бессарабской, Костромской, Смоленской губерний по 5 чел., итого 15 чел.; 6) Ковенской, Московской губерний по 7 чел., итого 14 чел.; 7) Тульской и Вятской губерний по 12 чел., итого 24 чел.; 8) Курской — 8 чел., Санкт-Петербургской — 9 чел., Екатеринославской — 24 чел., Рязанской — 27 чел., Харьковской — 32 чел., Самарской — 45 чел., Владимирской — 53 чел., Казанской — 58 чел., Симбирской — 106 чел., Тамбовской — 113 чел.,

Нижегородской — 117 чел., Воронежской — 182 чел., Пензенской — 239 чел., Области Войска Донского — 293 чел., Саратовской губерний — 295 чел., итого 1 601 чел. Всего из Европейской части России — 1 701 чел.

⁵ Уроженцы Привислинских губерний: Варшавской и Сувальской по 1 чел., итого 2 чел.

⁶ Уроженцы Кавказа: Бакинской губернии — 2 чел., Дагестанской — 4 чел., Кубанской — 5 чел., Ставропольской губернии — 60 чел., Терской — 17 чел., Тифлисской области — 2 чел., итого 90 чел.

⁷ Уроженцы Сибири: Забайкальской, Тобольской, Томской областей по 1 чел., Иркутской области — 2 чел., итого 5 чел.

⁸ Уроженцы Средней Азии: Семиреченской, Сырь-Дарьинской областей по 1 чел., итого 2 чел.

⁹ Уроженцы иностранных государств: Австро-Венгрия — 1 чел.

Анализ содержания таблицы 4 показал, что в Калмыцкой степи уроженцев других губерний было зафиксировано 1 817 человек. Самый высокий показатель был у уроженцев губерний Европейской части России — 94 %. Самый низкий показатель наблюдался у уроженцев Привислинских губерний и Средней Азии, он меньше показателей по уроженцам Сибири в 2,5 раза, уроженцам Кавказа — в 45 раз. Не указавших место рождения уроженцев других губерний по материалам переписи оказалось 0,9 % или 17 чел. Уроженцев других государств на момент переписи было зарегистрировано всего 1 чел. (Австро-Венгрии).

Таким образом, перепись 1897 г. зафиксировала относительно невысокий уровень миграции. Характеристика населения по месту рождения дает основание для вывода о низкой мобильности населения в калмыцких кочевьях по сравнению с уездами и городами, но в то же время необходимо отметить, что она в той или иной мере имела место. Иначе говоря, материалами переписи был зафиксирован факт лишь начала утраты подвижности в демографической характеристике населения волжских кочевий калмыков. Для ответа на вопрос, насколько собственно калмыцкое население было подвержено миграционным переменам в прошлом, требуется дальнейшее изучение.

Источники

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Астраханская губерния. Тетр. I. СПб.: Изд. Централ. Статист. Ком. Мин-ва Внутрен. дел, 1899. 53 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Астраханская губерния. Тетр. II. СПб.: Изд. Централ. Статист. Ком-та Мин-ва Внутрен. дел, 1899. 166 с.

Литература

Авлиев В. Н. Калмыцкое народонаселение в конце XIX–XX в.; историко-демографическое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2004. 200 с.

Борисенко И. В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII в. — XX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 42–80.

Борисенко И. В. Очерки по исторической географии. Дооктябрьский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 250 с.

Бурчинова Л. С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 117 с.

Колесник В. И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв.: уч. пособие. Элиста: Калмгосун-т, 1997. 135 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.

Максимов К. Н. Калмыкия — субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. 320 с.

Моисеенко В. М. Миграция населения в переписях России и СССР // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 30–37.

Оглаев Ю. О., Убушаев В. Б. Динамика народонаселения Калмыкии (XVII–XX вв.) // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 3–12.

Оглаев Ю. О. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года как источник по изучению социально-экономического строя предреволюционной Калмыкии // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста: КНИИФЭ, 1987. С. 91–109.

Оконова Л. В. Материалы по демографическому учету калмыков волжских кочевий последней трети XVIII–XIX вв. как исторические источники: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 198 с.

Оконова Л. В. Половозрастная структура населения Калмыцкой степи Астраханской губернии: по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2 ч. Ч. 2. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 604–608.

Оконова Л. В. Первая всеобщая перепись 1897 г. как источник по изучению буддийского населения Астраханской губернии // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2010 г.). М.: РГГУ, 2011а. С. 202–210.

Оконова Л. В. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по изучению семейного состояния населения Калмыцкой степи Астраханской губернии // Научная мысль Кавказа. 2011б. № 1(65). Ч. 2. С. 18–23.

УДК 9(С166)
ББК 63.3 (2Рос=Чеч)

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
И ТЕХНОЛОГИЯ РЕПРЕССИЙ 1930-х гг.
(по материалам региональной прессы)**

К. Г. Дендиев

Одним из действенных элементов советской модели тоталитарного государства являлся контроль над средствами массовой информации как главной составляющей советской пропаганды. Печатный орган, призванный объективно освещать происходившее в стране и за рубежом, становился рупором большевистской партии, искусно использованным И. В. Сталиным и его окружением в борьбе за власть против вчерашних соратников. В 1920-х гг. в Советском Союзе закладываются предпосылки для установления единоличной власти «вождя». Закрываются признанные враждебными политические партии, высылаются из страны ученые с мировым именем, составлявшие цвет российской интеллигенции, положено начало борьбы с «национал-уклонизмом». Эти и другие факторы способствовали к восхождению «великого кормчего» на Олимп власти. Кроме того, формируя в интересах проводимой политики общественное мнение, «вождь» добивается унификации в культуре, идеологии. Все это особенно наглядно проявилось в Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике.

Материалы газеты «Грозненский рабочий» за сентябрь и начало октября 1937 г. представляют документальное свидетельство того, как подготавливалось «трансформирование» чечено-ингушской партноменклатуры. Хотя газетную публикацию как исторический источник нельзя рассматривать в качестве основного носителя информации ввиду ее субъективизма, что, впрочем, не умаляет ее значимости, она дает возможность отслеживать через призму событий нарастание негативных тенденций в обществе (поэтому в период культа личности властями запрещалось хранить дома газетные подшивки). Нельзя обойти и такой важный фактор: любой «сигнал» спецкора служил основанием для проверки «органами» на лояльность и принятия соответствующего решения.

Начало поиску «врагов народа» было положено небольшой статьей в газете «Правда» Н. Кузовкина с броским названием «Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии». Проинформировав многомиллионную читательскую «аудиторию» о засоренности партийных организаций чуждыми элементами, автор призвал искать «корни вредительской работы буржуазных националистов ... не только в районах, но и в республиканском центре, в самом обкоме» [Кузовкин 1937].

Первой на «сигнал» отреагировала старейшая республиканская газета «Грозненский рабочий». Уже на следующий день на ее страницах появляется статья, открыв «шлюз» бдительным трудящимся, сигнализовавшим о «тягчайших преступлениях» врагов народа, пробравшихся в руководство республики. Газетные полосы запестрели заголовками: «Распутать буржуазно-националистический клубок!» [1937], «Вражье гнездо в республиканском потребсоюзе» [Иванов-Янус 1937], «Разоблачить и разгромить подлую банду буржуазных националистов! — таков общий голос парторганизаций Чечено-Ингушетии» [1937] и т. д., ставшими страшной детонирующей силой, всколыхнувшей общественно-политическую жизнь республики. Каждый новый номер газеты приносил новые имена кандидатов на «собеседование» с чекистами. В своих «разоблачениях» авторы широко использовали принятую официальную лексику: «троцкистско-бухаринские и буржуазные националистические агенты», «агенты фашизма в форме буржуазного национализма», «буржуазные национал-фашисты», «троцкистско-бухаринская нечисть» и т. д. В соединении с именем Л. Д. Троцкого — злейшего врага «отца народов» — подобные обвинения принимали зловещий политический оттенок.

В условиях формирования массового репрессивного сознания эпитеты, которыми

пресса щедро награждала своих жертв, означали, что для них дело не могло ограничиться простым партийным выговором.

Ложные доносы и намеренная клевета на сослуживцев, знакомых и близких стали обычным явлением в повседневной жизни советских людей. «Сигналы наверх» информировали не только об инкриминируемых преступлениях, но и об убеждениях, социальном происхождении, родственных связях. Так, ответственному редактору газеты «Ленинский путь» Халиду Арсанукаеву вменили в вину родство с расстрелянным большевиками бывшим премьер-министром правительства Узуна-Хаджи Иналук-ом Дышнинским [Гориев 1937б].

Широкое распространение получила практика выискивания «компрометирующих» сведений о находившемся в разработке человеке. «Что представляет собой прошлое Арсанова?» — вопрошают корреспонденты А. Ильский и Гарный¹. «По анкетам, он сын старо-юртовского батрака. Однако в царское время ему удастся окончить реальное училище и высшее учебное заведение в Петрограде. История не знает таких примеров, чтобы детям батраков так широко раскрывали двери к учебе царские сатрапы <...> Мы не сомневаемся, что под маской директора научно-исследовательского института Арсанова Саид-Бея скрывается враг...» [Гарный, Ильский 1937].

Объектами грязных инсинуаций становятся А. Горчханов (председатель правительства), А. Саламов (заместитель председателя правительства), С. Казалиев (нарком здравоохранения), Х. Мехтиев (прокурор республики), Х. Вахаев (2-й секретарь обкома партии), Х. Окуев (нарком просвещения), Х. Ханиев (председатель Верховного суда), управляющий банком М. Чекуев и другие. Позднее все они предстали на сфальсифицированных судебных «шоу» в качестве главных обвиняемых по делу «Буржуазно-националистический центр». Именно тогда и возобладало навязанное обществу мнение, что «врагов народа» следует искать в лабораториях научно-исследовательских институтов, учреждениях образования, здравоохранения и... в горах.

«Героями» публикаций становятся не только популярные в народе деятели, носи-

¹ В других публикациях подписывался «Горный».

тели политической воли и здравого смысла, но и руководящие работники низшего и среднего звена. В статье «Злейшие враги чечено-ингушского народа» безымянного автора собраны факты, свидетельствующие о степени «засоренности» Старо-Атагинского района: «Председателем старо-атагинского сельсовета работал некий Богачаев Люты, ныне работающий заместителем председателя райисполкома. В прошлом Богачаев — ординарец генерала Алиева, «правителя» Чечни при Деникине. Член президиума старо-атагинского сельсовета Эльбуздукаев Юсуп — в прошлом белогвардеец. Председатель сельского совета Новые Атаги Юнусов Хасан, исключенный из партии за произвол и покровительство кулакам. Председателем сельского совета селения Чечен-аул работает Мазаев Яхъяд — сын царского старшины, исключенный из партии за контрреволюционную работу. Председателем селения Дуба-юрт работает Осуев Осман, покровитель кулаков, в прошлом судившийся за казнокрадство. Сельский совет селения Дачу-Борзой возглавляет Добаев Дауд — пьяница, растратчик, имеющий судимость...» [Гориев 1937а]. Приведенный отрывок из многочисленных публикаций того времени дает возможность зримо представить результаты активного поиска «врагов народа» «строителями счастливой эпохи».

Общим лейтмотивом публикаций газеты «Грозненский рабочий» той поры стала необходимость до конца распутать клубок вредительской деятельности, беспощадно выкорчевывать всю буржуазно-националистическую агентуру.

Разумеется, в партийной среде республики «травля» вызывала растерянность, граничившую со страхом. Партийные работники, все еще сохранившие трезвость суждений, были в недоумении от разгула и масштабы клеветы, извергавшейся со страниц газет. Они не могли найти объяснения тому, как люди, проливавшие кровь в тяжелые годы гражданской войны, пользовавшиеся почетом и уважением, изменили ей, когда ее позиции оказались крепкими, как никогда.

Данный аспект противоречивости общественного сознания отражает идейную и социально-психологическую неоднородность большевистской партии, определяемую на-

личием в ней поколений, имевших разный партийный стаж, опыт, образовательный уровень, отличавшихся диаметрально противоположными — от восприятия И. В. Сталина как верного продолжателя дела К. Маркса и В. И. Ленина до отношения к нему как мильштюку революции.

Система легализовала доносомагию, по образному выражению советолога А. Г. Авторханова. Установка резолюции XIII съезда РКП(б) «...чутко прислушиваться к требованиям и предложениям, идущим со стороны масс» [Тринадцатый съезд РКП(б) 1934: 256] впоследствии наполнила иным значением работу рабкоров, занятых беспощадным изобличением «двурушников», осевших в различных организациях, учреждениях, в том числе и органах прокуратуры, облсуда [Гарный, Ильский 1937]. Кульминацией газетной кампании, поддержанной партийными организациями соответствующих ведомств, стал II Чрезвычайный пленум обкома ЧИАССР (6–10 октября 1937 г.). Прибывший в Грозный для личного расследования преступлений «буржуазных националистов» председатель партколлегии при КПК М. Ф. Шкирятов на расширенном совещании (7 октября 1937 г.), выразил политическое недоверие всему чечено-ингушскому руководству, которое тут же в зале было задержано [Авторханов 1991: 48]. Позднее вся арестованная элита общества с пристрастием была пропущена через партийное «судилище».

Следует подчеркнуть, что при расследовании парткомиссией акцент ставился «... по решающему признаку: как тот или иной коммунист практически осуществляет задачу разгрома и выкорчевывания фашистских агентов — троцкистов, бухаринцев и контрреволюционных националистов» [Как буржуазные националисты 1937], — т. е. результативность работника и целесообразность использования его в дальнейшей работе того или иного уровня зависели от «разоблачительной» деятельности. В течение октября–ноября 1937 г. по республике прокатилась волна арестов работников партийно-советских органов, продолжавшаяся до ноября 1938 г. [Дарьял 1937].

В свете современных научных изысканий видна несостоятельность измышлений корреспондентов, выполнявших явный политический заказ Центра. В период очи-

стительных перемен жертвы сталинского террора, за отсутствием состава преступлений, были реабилитированы [О реабилитации лиц ... 1990], но даже восстановленные в правах некоторые из них и в настоящее время продолжают быть объектами грязных инсинуаций со стороны отдельных исследователей.

Анализ публикаций газеты центрального органа ВКП(б) «Правда» показывает, что «сигналы», подобные чечено-ингушскому, поступали из различных уголков Советского Союза в одно и то же время. Достаточно беглого знакомства лишь с заголовками статей: «Вражеские гнезда в советском аппарате Карелии» [1937], «Как буржуазные националисты вредили таджикскому народу» [1937], «На поводу у буржуазных националистов» (по телеграфу от корреспондента «Правды» по Казахстану) [1937] и др., — как становится понятной цель режиссерского сценария. Если к этому добавить и проанализированную нормативную базу, в которой ключевое место занимает решение Политбюро ЦК ВКП (б) № П51/94 от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах», ставшее заключительным аккордом в «сталинской симфонии», то становятся очевидными планы политического руководства страны в преддверии «Большого террора».

Напомним, что одним из серьезных идеологических обвинений в советском обществе в 1920-е гг. было обвинение в национальном уклоне. После обретения власти большевистские лидеры стали тяготиться вчерашними «союзниками». Одним из них, с именем которого, собственно, и связывается «уклонизм», был видный политический деятель татарского народа М. Х. Султан-Галиев, делу которого и было специально посвящено четвертое секретное совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.) [Тайны национальной политики ЦК РКП 1992]. «Дело было явно придумано Сталиным совместно с аппаратом ГПУ», — пишет известный украинский политический деятель Иван Майстренко, после этого генсеку «понравился вкус крови» [Майстренко 1978: 99]. Борьба с «султан-галиевщиной» со временем приняла широкомасштабный характер: Украина, затем Белоруссия и другие республики. В 1930-х гг. она докатилась и до Чечено-Ингушетии, но

уже в форме борьбы с «буржуазным национализмом».

Как сегодня установлено, газетная история, развязанная Гарным, А. Ильским, А. Дарьялом, Ивановым-Янусом и другими «корреспондентами» (псевдонимы указывают на очевидную связь с «органами»), носила политический, заказной характер. Ставшая заключительной частью нового и громкого дела «Буржуазно-националистический центр Чечено-Ингушетии», она выполнила отведенную ей роль: на скамье подсудимых оказалась почти вся партноменклатура республики.

Исходя из сказанного, можно констатировать, что кампания борьбы с «уклонами», в том числе и правым, начатая с 1923 г., и газетная травля «буржуазных националистов» в 1937 г. являются звеньями одной программы общесоюзного масштаба, централизованно спущенной вниз.

Литература

- Авторханов А. Г. Технология власти. Мюнхен: ЦОПЭ, 1959. 720 с.
- Авторханов А. Г. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.: СП «Вся Москва», 1991. 72 с.
- Беспощадно громить и корчевать врагов народа // Грозненский рабочий. 1937. 12 окт. № 236 (4715). С. 2.
- Вражеские гнезда в советском аппарате Карелии // Правда. 1937. 9 сент. № 249 (7215). С. 4.
- Гакаев Ж. Ж. Очерки политической истории Чечни (XX в.): в 2 ч. М.: Чечен. культур. центр, 1977. 476 с.
- Гарный, Ильский А. Враг за столом ученого // Грозненский рабочий. 1937. 23 сент. № 220 (4699). С. 5.
- Гориев Х. Рупор буржуазных националистов // Грозненский рабочий. 1937. 21 сент. № 218 (4697). С. 3.
- Гориев Х. Злейший враг чечено-ингушского народа // Грозненский рабочий. 1937. 5 окт. № 230 (4709). С. 3.
- Горный А. Ильский А. Защитник врагов партии и народа // Грозненский рабочий. 1937. 29 сент. № 225 (4704). С. 3.
- Дарьял А. Вражья агентура в горах // Грозненский рабочий. 1937. 16 окт. № 239 (4718). С. 3.
- Иванов-Янус. Вражье гнездо в республиканском потребсоюзе // Грозненский рабочий. 1937. 12 сент. № 211 (4690). С. 2.
- Как буржуазные националисты вредили таджикскому народу // Правда. 12 сент. 1937. № 252 (7216). С. 2.
- Кузовкин Н. Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии // Правда. 1937. 8 сент. № 248. С. 4.
- Майстренко И. Национальная политика КПСС в ее историческом развитии. Мюнхен, 1978. 223 с.
- На поводу у буржуазных националистов // Правда. 1937. 21 сент. № 261 (7227). С. 2.
- О реабилитации лиц, репрессированных в 30–40-х и начале 50-х гг. // Грозненский рабочий. 1990. Январь-июнь.
- Разоблачить и разгромить подлую банду буржуазных националистов! — таков общий голос парторганизаций Чечено-Ингушетии // Грозненский рабочий. 1937. 17 сент. № 215 (4694). С. 2.
- Распутать буржуазно-националистический клубок! // Грозненский рабочий. 1937. 11 сент. № 240 (4689). С. 2.
- Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923 г. М.: ИНСАН, 1992. 296 с.
- Тринадцатый съезд РКП(б). 23–31 мая 1924 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1893–1986). Т. 3. 1922–1925. 9 изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. 256 с.

К ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА СТАЛИНГРАДА В 1943–1950-е гг.

М. Н. Серенко

Историческое исследование проблемы восстановления Сталинграда многогранно. Значительная часть научно-исследовательских работ посвящена вопросам возрождения социально-экономического потенциала Сталинградской области. Вопросы экономики, восстановления промышленных предприятий и активизации работы в сельском хозяйстве глубоко проанализированы историками. Однако тщательное изучение проблем восстановления объектов социальной сферы Сталинграда на основе значительно расширившейся источниковой базы, при отсутствии идеологических установок, актуально до сих пор.

Одной из наиболее значимых проблемных точек для исследователя является вопрос восстановления объектов культуры Сталинграда. Культура, безусловно, остается важным компонентом жизни социума. Именно поэтому органы управления Сталинграда уделяли огромное внимание решению задачи по восстановлению объектов культуры и началу слаженного функционирования системы культурно-просветительской работы в целом.

В Сталинграде, крупном индустриальном центре СССР, к началу войны была создана и активно работала широкая сеть учреждений культуры. В городе насчитывалось 4 государственных музея (Сталинградский областной музей краеведения, Сталинградская картинная галерея, Музей обороны Царицына и Историко-литературный музей имени А. С. Серафимовича), более 70 крупных библиотек, 4 театра (Драматический областной театр им. М. Горького, театр Музыкальной комедии, театр Юного зрителя и Театр кукол) [Величкин 2005: 359].

Все учреждения культуры города и области работали с максимальной отдачей. Посещение музеев, лекций, походы в кино и театр стали для многих сталинградцев традиционными способами проведения досуга. Так, только экспозиции краеведческого музея в 1940 г. посетили 70 762 сталинградца и гостей города [ГА ВО. Ф. 6598. Оп. 1.

Д. 29. Л. 1]. За четыре года существования Музея обороны Царицына (1937–1941 гг.) его гостями стали около полумиллиона человек [Культурное строительство..., I 1980: 322]. Музей пользовался огромной популярностью не только у жителей города: расположенный в непосредственной близости от железнодорожного вокзала музей часто посещали пассажиры проходящих поездов.

Умелая организация досуга трудящихся стала одной из причин активного вовлечения рабочих, служащих, студентов и школьников в широко развивавшуюся сеть коллективов творческой самодеятельности. Незадолго до начала Великой Отечественной войны в Сталинграде насчитывалось свыше 60 кружков и студий театральной самодеятельности [Андрианова 1991: 131]. Свое мастерство участники кружков художественной самодеятельности самой различной направленности демонстрировали на многочисленных творческих олимпиадах и фестивалях народного творчества.

Кино также было широко представлено в довоенном Сталинграде. Самой вместительной была летняя открытая киноплощадка в Городском саду. Она позволяла одновременно смотреть кино примерно семи сотням человек. Основными демонстрационными площадками в городе были кинотеатры, построенные незадолго до начала войны: «Ударник», «Комсомолец», «Культармеец», «Спартак», «Красная Звезда», «Призыв». Вместе с тем демонстрация фильмов производилась и во всех клубах промышленных предприятий города. Нередко кино демонстрировали прямо на улице или во дворах многоквартирных домов с помощью звуковых кинопередвижек. В городе сохранялись и не звуковые киноустановки, на которых показывали «немое кино», выпуски киноматериалов агитационной направленности [Культурное строительство..., I 1980: 294].

Сталинградская битва, длившаяся 200 дней и ночей, нанесла культуре региона невосполнимый ущерб. В результате прямого

попадания авиабомбы в первые дни сражения были уничтожены ценнейшие экспонаты Краеведческого музея [Чернявская 1994: 116]. Вражескими бомбардировщиками был уничтожен пароход, на котором вывозилась богатейшая коллекция Сталинградской картинной галереи. В числе картин, потерянных безвозвратно, были полотна великих русских художников: И. И. Шишкина, И. Е. Репина, И. И. Левитана, И. К. Айвазовского и многих других [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 140. Л. 20].

Впервые сведения об учреждениях культуры, разрушенных в ходе Сталинградской битвы, были оглашены на внеочередной сессии областного совета народных депутатов в феврале 1943 г., сразу после завершения разгрома окруженной группировки фашистских войск. Тогда же было заявлено об уничтожении 138 городских и районных библиотек, ряда театров и кинотеатров [Культурное строительство..., II 1981: 234].

Сведения об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими оккупантами, собирала и обобщала специально созданная Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний захватчиков. К середине лета 1944 г. в Сталинграде были обобщены данные о разрушениях в ходе Сталинградской битвы, в том числе и об уничтожении объектов социальной сферы. 6 марта 1945 г. Чрезвычайная государственная комиссия огласила окончательные результаты работы. Сообщалось, что немецко-фашистские захватчики разрушили и сожгли все клубы и красные уголки города, все театры Сталинграда, здания обоих цирков, 11 кинотеатров; огромные имущественные потери были нанесены сети творческих самодеятельных коллективов. Общая сумма убытков, нанесенных зданиям учреждений культуры области, составила 230 430 000 рублей [ЦДНИ ВО. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 5. Л. 174–175].

Работы по возрождению Сталинграда начались сразу по окончании боев. Первые планы восстановительных работ были определены еще тогда, когда в городе шли последние уличные бои. В январе 1943 г. на повестке дня XI Пленума Сталинградского обкома ВКП (б) одним из важнейших значился вопрос о восстановлении объектов культуры. Пленум постановил начать работу по возрождению «всех политпросветучреждений, особенно изб-читален, клубов,

библиотек, а до 1 марта 1943 г. установить в районах, пострадавших от немецких оккупантов, 7 стационарных киноустановок и 10 кинопередвижек» [Культурное строительство..., I 1980: 46].

Жители города и представители других регионов СССР сразу откликнулись на призыв возродить Сталинград и приняли самое активное участие в восстановительных работах. Руководство Сталинградской области, понимая важную роль культурно-просветительской работы с населением, выделяло на восстановительные работы все необходимые средства. Так, например, из 16 млн рублей, которые поступили в Сталинград в качестве добровольных пожертвований, два миллиона были направлены на восстановление Театра юного зрителя [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 6. Л. 204.]. Примерно в это же время в городе были открыты, в приспособленных помещениях, два стационарных кинотеатра [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 128. Л. 9].

Молодежные черкасовские бригады также активно включились в работу по восстановлению объектов культуры. В период с сентября 1943 г. по апрель 1944 г. 210 молодежно-комсомольских бригад восстановили помещения и здания 86 учреждений культуры [ЦДНИ ВО. Ф. 171. Оп. 88. Д. 225. Л. 9].

Поскольку строившийся Сталинград остро нуждался в огромном объеме самых различных материалов, на местах искали способы их замены. Так, главная газета области «Сталинградская правда» опубликовала большую статью инженера И. Гурари, в которой тот предлагал более смело искать замену дефицитным стройматериалам: «Восстановление Сталинграда требует огромного количества всевозможных строительных материалов. При существующих условиях не всегда эти материалы есть. Поэтому широкое распространение должны найти заменители различных видов сырья. Глина с добавкой извести может заменить дефицитный алебастр для штукатурных работ. Хорошо промытый шлак можно использовать при бетонных работах, так как он дает легкое, дешевое и устойчивое перекрытие. Полуразрушенные стены с небольшой деформацией неотчетливых зданий не следует разбирать, их надо связать железобетонным поясом и заделать бреши, нанесенные осколками мин, авиабомб, снарядов. Дощатые переборки можно заменить хворостом-плетнем» [Гурари 1943].

Несмотря на большие разрушения и значительную утрату книжного фонда, силами сталинградцев в области к лету 1944 г. были восстановлены 193 библиотеки, в том числе: 1 областная, 4 городских, 67 районных [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 99. Л. 62]. Сами строители активно пользовались книгами из библиотек. Так, только в первом полугодии 1944 г. на руки было выдано 49 000 книг [Мазурицкий 1982: 87]. Чаще всего сталинградцы брали в библиотеках роман Л. Н. Толстого «Война и мир», Е. В. Тарле «Наполеон» и повесть В. А. Каверина «Два капитана» [Культурная жизнь в СССР ... 1977: 114]. Книги в библиотечные фонды поступали из различных уголков страны. Из Ленинградской области были доставлены 342 тыс. книг, из Хабаровского края — 24 тыс. книг и т. д. [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 99. Л. 26].

Несколько сложнее шло восстановление театров Сталинграда — крайне необходимого элемента культурной жизни города. Из-за отсутствия помещений театры по возвращении из эвакуации были вынуждены либо работать в городах области (например, Театр музыкальной комедии временно расположился в Камышине [Андрианова 1994: 187]), либо, как Драматический областной театр, давать представления на окраине города [Культурное строительство..., II 1981: 65].

Гораздо более основательно и оперативно решались вопросы, связанные с наполнением актерских театральных трупп. Зачастую эти меры носили директивный характер. Так, после возвращения театров Сталинграда из эвакуации остро встал вопрос нехватки профессиональных актеров. Идя навстречу просьбе сталинградских коллег, председатель Комитета по делам искусств при Совете Народных комиссаров СССР приказал отправить на работу в восстанавливаемый город трех актеров из Малого академического театра, трех актеров из Саратовского государственного театра, одного актера из Московского театра Ленинского комсомола и других [Культурное строительство..., II 1981: 110].

После победы СССР в Великой Отечественной войне в условиях перестройки народного хозяйства для мирной работы возросло финансирование восстановительных мероприятий в Сталинграде. Это не могло не сказаться на темпах работ. В 1946 г. были восстановлены и приняты в эксплуатацию

кинотеатры «Комсомолец» и «Гвардеец» [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 130. Л. 20]. В 1948 г. вновь открылся музей обороны Царицына — Сталинграда [Музей-панорама... 1984: 208]. В том же году открыт кинотеатр «Победа», крупнейший в Сталинграде [Поднятый из руин 1962: 188].

Вместе с работами по восстановлению объектов культуры Сталинграда горожане участвовали в творческих конкурсах. Так, в июне в Сталинграде прошла «Первая Олимпиада художественной самодеятельности». В ней приняли участие рабочие заводов, кондитерской фабрики, школьники. Последние стали лучшими. Первое место завоевала ученица неполной средней школы № 6 Надя Гитатова, исполнившая песню Снегурочки из одноименной оперы Римского-Корсакова [Модина 1943].

К концу 1950 г. в Сталинграде уже имела развитая, хорошо функционировавшая система учреждений культуры. В городе успешно работали в своих помещениях три театра, 10 кинотеатров и киноплощадок, 5 дворцов культуры, 40 клубов [Люшин 1963: 227]. Таким образом, Сталинград по основным показателям развития культурной сферы приблизился к довоенным годам.

Источники

- Государственный архив Волгоградской области (ГА ВО).
Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО).

Литература

- Андрианова Г. Н. Художественный облик Царицына — Сталинграда. Волгоград: Универсал, 1991. 192 с.
Андрианова Г. Н. И жизнь приходила на сцену // Отчий край. 1994. № 4. С. 186–192.
Величкин А. И. Учреждения культуры и война // Сталинград в бою и труде. Документы. Очерки. Воспоминания. Фотографии. Волгоград: Издатель, 2005. С. 399–402.
Гурари И. Чем заменить дефицитные стройматериалы // Сталинградская правда. 1943. 6 июля.
Культурная жизнь в СССР. Хроника. 1941–1950. М.: Наука, 1977. 198 с.
Культурное строительство в Волгоградской области. 1917–1941. Сборник документов и материалов. Т. I. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980. 366 с.
Культурное строительство в Волгоградской области. 1917–1941: сб. док. и мат-лов. Т. II.

- Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1981. 384 с.
- Люшин С. П.* Трудовой подвиг волгоградцев. 1943–1962. Волгоград: Волгоград. кн. изд-во, 1963. 356 с.
- Мазурицкий А. М.* Библиотечное строительство в СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1982. 287 с.
- Модина.* Первая олимпиада // Сталинградская правда. 1943. 20 июня.
- Музей-панорама «Сталинградская битва».* Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. 208 с.
- Поднятый из руин* (сборник док. и мат-лов о восстановлении и развитии Волгограда. 1943–1960). Волгоград: Волгоград. кн. изд-во, 1962. 352 с.
- Чернявская Л.* Все мы у истории в гостях. Волгоградскому краеведческому — 80 лет // Отчий край. 1994. № 2. С. 110–118.

УДК 94(470.6)
ББК 63.3 (235.7)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В 40–50-е гг. XX в.*

А. И. Тетуев

Позитивные изменения, происходившие на постсоветском пространстве в последней четверти XX в., содействовали развитию в науке таких направлений, как историческая антропология и социальная история. В научный оборот были введены темы, ранее не исследованные или рассмотренные фрагментарно. К их числу, безусловно, относятся и проблема, связанная с депортированными народами в СССР. Но следует признать, что, при всей относительной актуализации этой темы в работах последних 20 лет, вне внимания ученых оказалась повседневная жизнь депортированных народов, оказавшихся в этот экстремальный, чрезвычайный период перед угрозой полной гибели.

В данной статье на материале архивных документов предпринята попытка исследовать, как в течение столь длительного времени (13–14 лет) карачаевский и балкарский народы сумели выжить, сохранить свою национальную идентичность, и выяснить, что помогло им адаптироваться на новом месте и не ассимилироваться.

Как известно, политика репрессий отдельных народов и этнических групп в Советском Союзе началась еще в предвоенный период и находилась в зависимости от отношений с тем или иным государством. Так, еще до войны были выселены из районов их проживания советские корейцы и поляки. С началом Великой Отечественной войны депортации подверглись советские немцы и финны. В виде превентивной меры была ликвидирована автономная республика немцев Поволжья. Из-за опасения, что захватчики могут получить помощь и поддержку с их стороны, все карачаевское и балкарское население (свыше 300 тыс. человек) было выслано в различные области Сибири и Казахстана. Всего за 1941–1942 гг. из Поволжья, Украины и Крыма было депортировано 1,2 млн немцев [Бугай 1995: 44, 45]. Из них

формировались трудовые армии и рабочие колонны, занятые на строительстве заводов и железных дорог. В 1943–1944 гг. были депортированы карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары [Бугай 1995: 56, 90, 142].

Все эти народы были лишены права на автономные государственные образования. Несмотря на нарушение Конституции СССР, Указами Президиума Верховного Совета СССР было упразднено 5 автономных образований (Карачаевская автономная область, Калмыцкая АССР, Чечено-Ингушская АССР, Крымская АССР, Кабардино-Балкарская АССР была переименована в Кабардинскую АССР). В Указах содержалась единая формулировка обоснования предпринимавших репрессивных мер — измена Родине, вступление в организованные немцами вооруженные отряды, оказание фашистским оккупантам помощи в качестве проводников на кавказских перевалах, участие в бандформированиях на освобожденных территориях. Без попыток выяснения индивидуальной ответственности депортации подлежало все население названных народов. Независимо от возраста или личной ответственности все они, в том числе и коммунисты, и руководители местных Советов, были насильственно выселены в малонаселенные районы Сибири и Средней Азии, где их расселили разрозненными группами.

Акцию депортации народов нельзя было оправдать даже ссылками на требования войны, она была проведена без какого бы то ни было официального оповещения: достоянием гласности депортация стала лишь 12 лет спустя, когда о ней рассказал Н. С. Хрущев в своем знаменитом «секретном докладе» на XX съезде партии.

По данным НКВД, к осени 1944 г. общее число выселенных за время войны составило 1 514 000 человек [Полян 2001: 46, 47].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-11-07007 а/Ю «Проблемы зарубежной диаспоры карачаевцев и балкарцев: возникновение, эволюция и современность».

Многие представители репрессированных народов — карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы — воевали в рядах Красной Армии. Однако репрессии затронули и их. По всем фронтам были изданы специальные приказы о направлении их на поселение или об аресте по обвинению в измене родине. У них изымались военные билеты, им запрещалось ношение погон.

Балкарцы и карачаевцы были разбросаны на огромных просторах Средней Азии и Казахстана. В марте 1944 г. в Казахстане было расселено 25 тыс. балкарцев и 45,3 тыс. карачаевцев, в Киргизии — 15 тыс. балкарцев и 22,9 тыс. карачаевцев. Отдельные группы семей были направлены в Узбекскую ССР, Таджикскую ССР, Иркутскую область и в районы Дальнего Севера. Всего на спецпоселении в сентябре 1944 г. находилось 39,4 тыс. балкарцев и 78,8 тыс. карачаевцев [Сабанчиев 2008: 132, 291, 292, 297; Карачаевцы 1993: 20].

Массовые репрессии, проводимые в Советском Союзе в 40-е гг. XX в., нарушили обычный уклад жизни миллионов людей. Целые народы (балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, калмыки др.) в одночасье лишились своих конституционных прав. Они стали оторванными от своих родовых корней, своей малой родины, потеряли свое жилье, веками нажитое имущество, оказались в совершенно иных климатических условиях. В частности, балкарцы и карачаевцы, населявшие горную часть Северного Кавказа, с ее умеренно континентальным климатом, где в изобилии имелись источники питьевой воды, оказались большей частью под палящим солнцем в безводных пустынях Казахстана, Киргизии, Узбекистана. Один из крупнейших специалистов по национальным проблемам Г. Д. Гачев, отмечая неразрывность связи народа с природой, которая его окружает, писал с присущей ему прямоотой и простотой: «И как жена — не рукавица, не скинешь, так и природа — народу: нельзя ее произвольно сменить без потери народом своей субстанциональной сути» [Гачев 2008: 30]. Насильственно выселенные из родных мест карачаевцы и балкарцы вынуждены были организовывать свою жизнь не только в условиях «другой природы», но и в других социальных и бытовых обстоятельствах.

Лишенные государственности, карачаевцы и балкарцы были переведены в статус «спецпереселенцев», что повлияло на по-

следующую историю депортированных народов. В Казахстане и Киргизии насчитывалось около 645 тыс. спецпереселенцев. Они были размещены в 4 036 колхозах, 254 совхозах, 167 городах и рабочих поселках, где работали на 2 500 промышленных предприятиях. Карачаевский и балкарский этносы оказались рассеянными почти по 400 населенным пунктам. Спецпереселенцев расселили в пустовавших жилых и подсобных помещениях колхозов, совхозов, МТС. В январе 1945 г. спецпереселенцы в Казахской ССР проживали:

- на уплотнении местного населения — 30 237 семей;
- в общежитиях и бараках — 15 520 семей;
- в закрепленных домах и отдельных квартирах — 40 577 семей;
- во вновь построенных домах — 12 081 семей;
- в приобретенных собственных домах — 5 218 семей;
- в помещениях, недостаточно приспособленных для жилья, — 4 444 семей [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 4. Д. 8. Л. 8].

Таким образом, в 1945 г. в Казахской ССР более половины семей спецпереселенцев проживало на уплотнении и в непригодных помещениях. Исполком Восточно-Казахстанского областного Совета депутатов трудящихся 25 декабря 1945 г. в своем решении отмечал, что «жилищно-бытовые и материальные условия спецпереселенцев в ряде районов требуют немедленного улучшения. До сих пор имеет место скученность и антисанитарное состояние в домах, где живут спецпереселенцы» [Шабаев 1994: 111].

На 1 июля 1946 г. в Казахской ССР 13 341 семья спецпереселенцев не имела постоянного жилья. Даже через три года, в октябре 1949 г., из 4 772 семей балкарцев, находившихся в Казахстане, 6 944 человек — проживали в ведомственных и коммунальных домах, 159 — на уплотнении, а 72 — в непригодных для жилья помещениях. Приусадебными участками были обеспечены 4 296 семей, имели крупный рогатый скот 1 900 семей и мелкий скот — 3 680 семей [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 4. Л. 56].

В январе 1945 г. в Киргизской ССР на уплотнении в домах колхозников проживало 6 957 семей спецпереселенцев в со-

ставе 66 681 человека, из них на площади, непригодной для жилья, — 3 500 семей (29 457 человек).

Инструктор ЦК КП(б) Киргизии в справке о хозяйственном и трудовом устройстве спецпереселенцев в Куршабском районе Ошской области отмечал, что 907 семей в количестве 3 483 человек, из которых более половины составляли дети, «были расселены в 17 колхозах и двух предприятиях крайне неудовлетворительно: живут в антисанитарных условиях, очень скученно, в комнатах 6–12 квадратных метров живут по 2–3 семьи с количеством от 5 до 10 человек» [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8. Л. 65–70]. В колхозах Фрунзенского района Ошской области летом 1945 г. в одной комнате проживало по 5–7 семей [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8. Л. 65–70].

В Быстровском районе в конце 1946 г. многие семьи спецпереселенцев проживали в различных колхозных пристройках, непригодных для жилья. Например, в колхозе «Бордук» 8 семей проживали «в скотных помещениях, совершенно не пригодных для жилья даже в летнее время» [Шабаев 1994: 111].

В сентябре 1946 г. в Иссык-Кульской области из 693 балкарских семей (2 619 человек) только 178 семей имели постоянное жилье, 81 семья — это 323 человека, как указывается в информации секретаря Иссык-Кульского областного комитета ЦК КП(б) Джаркимбаева от 1 августа 1946 г., «проживает на жилплощади, непригодной для жилья. Плохие жилищные условия спецпереселенцев имеют: в Тюпском районе — 40 семей (160 человек), в Иссык-Кульском районе — 67 человек» [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8. Л. 40, 41]. Через три года после прибытия в Киргизию, в 1947 г., в трех районах Фрунзенской области: в Кызыл-Аскерском, Кеминском и Панфиловском — более двух тысяч семей спецпереселенцев проживало на уплотнении и свыше 107 — в непригодных для жилья помещениях [ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–42]. В связи с затруднительными условиями получения ссуды в сельхозбанке спецпереселенцы практически не имели материальной возможности строить частное жилье.

Бесправное юридическое и тяжелое социально-экономическое положение спецпереселенцев закреплялось нормативными актами высших органов государственной власти, противоречащими Конституции СССР (1936 г.). Правовое положение спецпере-

селенцев, условия их проживания и трудоустройства были определены Постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г. [Депортация народов СССР 1992: 76–77]. Переселенцы были лишены всех основных гражданских прав, гарантированных Конституцией страны. Главной обязанностью спецпереселенцев провозглашалось занятие общественно-полезным трудом на тяжелых и трудоемких работах. Спецпереселенцы должны были неукоснительно соблюдать установленный режим проживания и общественный порядок, беспрекословно подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур. За любые нарушения, неподчинение коменданту спецпереселенцы подвергались штрафу или аресту. Бесправное положение спецпереселенцев позволяло комендантам организовать систему вымогательства взяток за пропуск на проезд в другой населенный пункт, за освобождение больного от работы.

Коменданты наделялись широким спектром правовых полномочий, дававших простор их произволу. Так, комендант села Каракунуз Жамбульской области Казахской ССР арестовал во время свадьбы Шабаеву Канитат Харуновну за то, что она без его разрешения вышла замуж за Эльбаева Ануара Мисостовича. Другой пример: 2 мая 1948 г. в Карагачской роще, находившейся в пригороде города Фрунзе, была устроена маевка, в которой принимали участие представители разных национальностей — русские, киргизы, карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, дагестанцы. Когда один из гармонистов заиграл лезгинку, в пляс пустились все участники маевки. В результате они оказались в окружении спецвзвода МВД во главе с капитаном. После того, как выяснилось, что документы у всех в порядке, капитан запретил играть лезгинку [ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 8. Л. 2].

Многочисленные свидетельства информантов позволяют утверждать, что чувство бесправности в таких условиях переносилось спецпереселенцами не менее тяжело, чем физические страдания. Тяжелое положение спецпереселенцев — карачаевцев и балкарцев — в первые годы пребывания в Казахстане и Киргизии усугублялось тем, что многие местные жители, знакомые с директивами Л. П. Берии и его пособников, были искренне убеждены, что представители этих национальностей являются

изменниками родины и относиться к ним нужно соответственно. По этой причине отдельные руководители колхозов, совхозов и предприятий не предоставляли транспорта для перевозки прибывших спецпереселенцев, отказывали в их обеспечении питанием, медицинским обслуживанием.

Дезинформация о спецпереселенцах приводила и к более печальным последствиям. Так, 27 апреля 1944 г. секретарь партийной организации колхоза им. Буденного Алабукинского района Джалалабадской области Киргизской ССР Д. Жалмурзаев и завхоз колхоза Абылбеков избили мальчика-спецпереселенца 11 лет, Байсултанова, обвиняя его в краже колосьев. Мальчик от нанесенных побоев через три дня умер [ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 3. Д. 8. Л. 3–7].

В специальном сообщении «О фактах издевательства над спецпереселенцами в Таласской области» на имя секретаря ЦК КП (б) Киргизии сообщалось, что председатель колхоза «Кен – Арыс» Османалиев систематически занимался избиением спецпереселенцев; 1 августа 1945 г. без всяких причин он избил спецпереселенку Байрамукову Зурият и ее дочь. В июне 1946 г. колхозники сельскохозяйственной артели «Коминтерн» Калининского района Киргизской ССР учинили самосуд над спецпереселенцами, в результате были убиты Р. Узгенов и Кивенев, а Ш. Узденев был тяжело ранен [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 2. Л. 56–58].

С лета 1945 г. фронтовики, остававшиеся в рядах армии и теперь демобилизованные, с боевыми орденами и медалями на груди стали возвращаться к мирному труду. Им было предписано выехать в места ссылки их родных, хотя не все и не сразу находили свои семьи. Прибыв в Киргизию и Казахстан, вчерашние воины-победители ставились на учет как спецпереселенцы со всеми ограничениями в правах и обвинением в предательстве Родины. Об этом свидетельствуют заявления и обращения участников Великой Отечественной войны Боташева Хусея Гыктаевича, Таппасханова Амаша Ануаровича в адрес руководителей государственных органов власти СССР с просьбой снять статус спецпереселенца. Им всем было отказано [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3]. Тем не менее, с их прибытием в места проживания их родных общее положение спецпереселенцев несколько улучшилось. Миф о них как о «предателях Родины» стал развеивать-

ся. Многие фронтовики сразу трудоустроивались. Их грамотность, компетентность также способствовали улучшению отношения к балкарцам в целом.

Рассказывать о выселении депортированных народов публично, в устной или в письменной форме, долгое время было небезопасно. Повседневная жизнь спецпоселенцев состояла из множества запретов и ограничений. Люди не понимали, за какие провинности они лишены родины и собственного крова, отчего оказались в столь ужасных условиях. Неудивительно, что у многих зарождалось недовольство существовавшим положением, хотя в условиях сталинского режима мало кто решался на самоубийственный протест. Но несомненно, что именно в этот период лишений, невзгод, осознания несправедливости ссылки закладывались ростки протеста. Многие авторы песен о выселении балкарцев, как и все авторы писем И. В. Сталину, получили свои «сроки». Так, в 1949 г. к Сталину с письмом обращался офицер-фронтовик А. Х. Соттаев. Он не только просил снять с него позорное клеймо «спецпереселенец», но и требовал вернуть балкарский народ на родину и наказать всех, кто принимал участие в репрессиях против безвинных людей, кто сослал его народ в ссылку. 2 декабря 1949 г. А. Х. Соттаев был арестован и осужден сроком на 25 лет за клевету на ВКП (б) и мероприятия, проводимые Советским правительством. После смерти И. В. Сталина он был освобожден, а впоследствии реабилитирован. За аналогичные письма на имя Сталина были арестованы И. С. Башиев (умер в тюрьме) и С. М. Караев (через полгода был освобожден). Письма спецпереселенцев — это письма мужественных людей, не смирившихся с участью заклеянных и поднявших голос протеста против незаконной тоталитарной системы государства, лишивших их родины и гражданских прав [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8. Л. 2].

Особенно трагическую роль в жизни депортированных народов сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» [Сабанчиев 2008: 319]. Это был первый нормативно-правовой акт высшего представительного органа страны, который в государственном

порядке регулировал положение депортированных народов. Указ устанавливал, что балкарцы и представители других репрессированных народов переселены навечно, без права возврата на этническую родину. Выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД СССР карался каторжными работами на срок до 20 лет. Спецпереселенцы могли свободно передвигаться лишь в радиусе 3 км от места проживания. Была предусмотрена регулярная явка в спецкомендатуры МВД на регистрацию всех взрослых выселенцев. Для репрессированных народов статус спецпереселенца был наследственным: их дети считались спецпереселенцами с момента рождения.

В повседневной жизни спецпереселенцы подвергались явной или завуалированной дискриминации. Их не призывали в армию, им отказывалось в приеме в партию и комсомол, они не могли баллотироваться в депутаты, не допускались на руководящие должности и на преподавательскую работу — при крайней нехватке педагогических кадров. Строго действовала система запретов для специалистов в области образования, литературы, искусства. Так, в августе 1948 г. У. Б. Алиев, заведующий кафедрой общего языкознания и современного русского языка Киргизского государственного педагогического института, был освобожден от занимаемой должности без всяких мотивировок. На законные вопросы У. Б. Алиева ему ответил министр просвещения Киргизской ССР Юнусалиев: «Вас уволили на основании постановления ЦК ВКП (б) как карачаевца-спецпереселенца, не имеющего право занимать руководящие должности и вести преподавательскую работу на кафедре русского языка» [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 3. Д. 4. Л. 2]. Также запрещалось спецпереселенцам участие в культурно-просветительной и общественной работе. Они не имели права публиковаться и печататься. Языки и культурные традиции депортированных народов исчезли из числа официально признанных и поддерживаемых государством. Был установлен полный запрет на упоминание балкарцев и других репрессированных народов в научных изданиях, в литературе и искусстве.

К. Кулиев, поэт-фронтовик, уже известный к тому времени всесоюзному читателю, чье творчество высоко ценили такие корифеи советской литературы, как Н. Тихонов,

Б. Пастернак, А. Твардовский, занимался переводами и как спецпереселенец не мог публиковать свои стихи. Лишь изредка он публиковал свои произведения под псевдонимом К. Чегемли [Писатели Кабардино-Балкарии. 2003: 247–248].

Жесткая система ограничений в правах не допускала исключений даже для спецпереселенцев, работавших в правоохранительных органах. Султан Кайтмуrzaевич Бабаев, участник Великой Отечественной войны, лейтенант запаса, после демобилизации работал в Управлении МВД по Алма-Атинской области и, в соответствии с приказом МВД СССР, как представитель репрессированного народа, в мае 1949 г. был уволен из органов, несмотря на положительную характеристику. Затем С. К. Бабаев поступил на заочное отделение Алма-Атинского госпединститута им Абая. 22 апреля 1952 г. он обратился с заявлением на имя заместителя председателя Совета Министров СССР В. М. Молотова: «До 1949 г. я и моя семья на учете спецпоселенца не состояли, были взяты на учет после моей демобилизации из органов МВД. Прошу снять меня и мою семью с учета спецпоселенца». Заявление рассмотрено Министерством госбезопасности Казахской ССР, и 31 мая 1952 г. в ходатайстве в освобождении с учета спецпоселенца было отказано [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 4. Л. 39–44].

Ограничения прав спецпереселенцев касались и получения общего среднего и профессионального образования. Так, в Казахстане находилось в начале 1946 г. детей спецпереселенцев школьного возраста 95 633, из них учились 31 946 [ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 3. Л. 226]. В Киргизии соответственно — 21 015 и 6 643 [Шабаев 1994: 171]. По данным комиссии ЦК КП (б) Киргизии, проверявшей хозяйственно-трудовое устройство спецпереселенцев, 90–95 % не охваченных учебой не посещали школы из-за отсутствия одежды и обуви [Шабаев 1994: 171]. Вместе с тем возникали и другие трудности в обучении детей. Семилетние и средние школы функционировали в основном в крупных населенных пунктах. Так как свобода передвижения ограничивалась, дети, окончившие начальные классы или семилетние школы, вынуждены были прекращать учебу. Поступление в средние и высшие профессиональные учебные заведения было также затруднительно. Все профессиональные учебные заведения находи-

лись в крупных городах, где спецпереселенцев проживало мало. Переезд детей спецпереселенцев на учебу в города органами МВД был запрещен. Более того, руководители средних и высших профессиональных учебных заведений, опасаясь нареканий со стороны органов МВД, создавали поступавшим абитуриентам различные препятствия [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1, Д. 8. Л. 59].

В этих сложных условиях повседневно-го существования спецпереселенцы использовали как легальные, так и нелегальные формы адаптации. Некоторые спецпереселенцы вынуждены были нелегально ежедневно ездить в средние общеобразовательные школы, расположенные в районных центрах и городах. Характерна в этом плане судьба спецпереселенца К. Б. Акаева. Окончив в 1952 г. семилетнюю школу в селе Ровное Джамбульской области Казахской ССР, он попытался продолжить обучение в средней школе города Джамбул. Однако комендант запретил выезжать из села. Только при помощи учительницы русского языка Г. И. Петровой К. Б. Акаев смог в «1956 году окончить среднюю школу и по возвращению на родину поступить в Кабардино-Балкарский госуниверситет и получить высшее образование» [Полевой материал. Пос. Яникой КБР: 2012].

Спецпереселенец М. Л. Батырбеков, окончив среднюю школу в поселке Красногорск Казахской ССР, в 1951 г., не смог получить у коменданта разрешения выехать в г. Алма-Ату для сдачи вступительных экзаменов в вуз. Только через год после неоднократных обращений в органы МВД и различные властные структуры он получает долгожданное разрешение. Но его мытарства на этом не закончились. Видимо, по идеологическим соображениям, его документы на историко-филологический факультет Казахского государственного университета не приняли. Тогда он сдал свои документы в Казахский государственный медицинский институт, куда после успешной сдачи экзаменов и был зачислен, правда, с определенными ограничениями: его не допускали на занятия по дисциплинам военной кафедры [Полевой материал. г. Нальчик КБР: 2012].

Спецпереселенцы с трудом адаптировались к новым условиям, им приходилось осваивать новые виды хозяйственной деятель-

ности и приспосабливаться к чужой культуре. Менялись деятельность и функции спецпереселенцев. Они потеряли дома, обстановку, хозяйство, работу и стали неимущим слоем населения. Ослабленные люди не выдерживали каторжного труда, бытовой неустроенности, голода. Так, в докладной записке о продовольственных затруднениях среди выселенцев в Казахской ССР указывалось, что в отделе спецпереселенцев МВД Казахской ССР, по неполным данным, в Акмолинской, Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской областях на 1 апреля 1948 г. было учтено остро нуждавшихся в продовольствии 118 259 спецпереселенцев, из них 2 590 человек больных дистрофией, было зарегистрировано 18 случаев смерти вследствие истощения от недоедания. Имеются факты употребления выселенцами в пищу трупов павших животных [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 3. Л. 202, 203].

В таких экстремальных условиях народ мужественно нес груз страданий, определенных не действительной виной, а преступным произволом власти. И тем не менее характерные черты менталитета карачаевцев и балкарцев все-таки сохранились: необычайное трудолюбие, терпение, приверженность высоким моральным ценностям, соборность, взаимопомощь. Об этом свидетельствуют воспоминания самих спецпереселенцев. Рассказывает К. Б. Тетугева: в Кирвинсовхозе Южно-Казахстанской области ее муж – Инзрел работал в совхозе. «Время было голодное. У нас дома была ручная мельница, и муж, приходя с работы, в первую очередь задавал мне вопрос: «Кого давно не было?» Услышав имя, шел к нему с мукой. Ведь не приходили те, у кого не было даже горсти зерна. Нет, мы и сами жили не привольно, просто муж отрывал от себя, помогая другим» [Горянка 2007].

Вымирили целыми семьями, родами, обрывались генеалогические корни, подрывался генофонд нации. Перемена территории проживания, изменение природно-климатических условий, уклада жизни, неудовлетворительные бытовые условия, истощение от недостатка питания, эпидемических заболеваний резко повысили смертность в среде сосланных. Об этом свидетельствуют демографические показатели (см. данные таблицы).

Справка о состоянии рождаемости и смертности балкарцев-спецпереселенцев, расселенных на территории Казахстана (1944–1955 гг.)

Годы	Всего балкарцев	Родилось детей	Умерло
1944	18 581	66	629
1945	19 790	66	1 592
1946	20 288	сведений нет	сведений нет
1947	18 327	122	324
1948	18 142	282	178
1949	17 512	326	273
1950	17 905	327	261
1951	16 606	487	212
1952	16 900	сведений нет	108
1953	16 674	сведений нет	102
1954	17 151	сведений нет	77
1955	10 928	сведений нет	102
1956	10 200	сведений нет	сведений нет

Анализ приведенных выше данных показывает, что за 11 лет в Казахстане умерло 3 858 балкарцев, в 1945 и 1946 гг. наблюдается некоторый рост численности населения, который связан с возвращением к своим семьям демобилизованных воинов из частей Красной армии. Все эти факторы привели к негативным демографическим последствиям. По официальным данным, за 13 лет ссылки погибло 26,5 % депортированных балкарцев и карачаевцев [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 4. Л. 39–44].

Самым действенным средством выживания в этих нечеловеческих условиях был труд. Великий поэт Балкарии К. Мечиев (1859–1945), в 85-летнем возрасте испытавший все ужасы депортации, создает стихи, которые стали завещанием балкарскому народу:

*Честный труд — спаситель наш сегодня,
Он оденет и прокормит нас,
Силы даст держаться благородней
И достойней встретить горький час.*

*Свой народ прошу — с бедою споря,
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут...*

[Мечиев 2003: 165–166].

С первых же дней в местах насильственного поселения спецпереселенцы, в основном женщины, старики, подростки, вышли на работу. Они трудились в сельском хозяйстве, на стройках и предприятиях угольной,

лесной, золотодобывающей промышленности. О работе по специальности в первое время не могло быть и речи — ярлык спецпереселенца сделал всех колхозниками или рабочими. Особенно трудным было положение интеллигенции, которая вынужденно занималась любой малоквалифицированной работой. На 1 декабря 1945 г. в Казахстане уже работало 158 444 спецпереселенца, из них в колхозах — 91 928, в совхозах — 15 790 и на предприятиях — 50 726 человек. В первом квартале 1948 г. из 17 902 спецпоселенцев-балкарцев, проживавших в Казахстане, трудоспособные составляли 6 787 человек, из них 6 567 работали в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях и стройках [Шабаетов 1994: 126].

В справке Управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпереселению от 1 июля 1946 г. указывалось, что «интеллигенции с высшим и средним образованием, прибывшей по переселению с Северного Кавказа, учтено 803 человека, из них работают по специальности 569 человек. 234 человека работают не по своей специальности. Рабочих массовых специальностей (плотники, столяры, каменщики, токари, слесари, нефтяники) с Северного Кавказа учтено 4 829 человек. Работают по специальности 4 100» [Сабанчиев 2008: 165].

Условия труда спецпереселенцев, даже по меркам военного времени, были тяжелыми: они вынуждены были работать по 15–16 часов в сутки для того, чтобы выжить и про-

кормить семью. Наравне со взрослыми работали не достигшие физической зрелости подростки 11–15 лет. Несмотря на тяжелые условия, карачаевцы и балкарцы, как правило, хорошо и добросовестно выполняли и перевыполняли плановые задания. Они не только не уступали представителям коренного населения, а во многих случаях опережали их. Тем не менее средняя зарплата у спецпереселенцев была на 20–30 % ниже средней зарплаты кадровых рабочих этих же предприятий. Это объяснялось отсутствием навыков в новом для них производстве, а также тем, что основная масса их была занята на подсобных работах, оплачиваемых по низкой шкале тарифных ставок. Кроме того, основная масса спецпереселенцев из-за отсутствия одежды и обуви в холодное время года не могла работать в полевых условиях.

Процесс адаптации и формирование стратегии выживания спецпереселенцев базировались на здоровой жизненной философии. Народная молва обвиняла в основном Л. П. Берию, который «дал ложную информацию Сталину», самого И. В. Сталина, но ни в коем случае — власть. В то же время народ верил, что справедливость восторжествует, это помогало мужественно переносить все трудности на работе, в быту, в семье. На первое место выступала жертвенность, осознанный отказ не только от своей выгоды, но и жизненно необходимого: еды, одежды, здоровья во имя спасения жизни близких, просто соотечественников. При этом они опирались на испытанные временем традиции и обычаи — чувство национального единства, усердие в труде, терпение.

За короткий срок они освоили новые профессии и успешно выращивали хлопок, табак, сахарную свеклу, коноплю, добывали руду на шахтах, возводили дома, прокладывали каналы и дороги. Многие из карачаевцев и балкарцев приобрели специальности тракториста, шофера, комбайнера, механизатора и др., внесли заметный вклад в экономическое освоение восточных регионов страны. Среди них было немало стахановцев, ударников труда. Оставаясь спецпереселенцами, многие карачаевцы и балкарцы получили награды Родины. В 1944–1945 гг. они поощрялись как передовики производства денежными премиями, промтоварами, скотом и т. д. Первых наград — почетных грамот и медалей — они были удостоены уже в 1947, а в последующие годы были отмечены даже орденами. Звено Зулейхи Ди-

наевой выращивало хлопок в совхозе «Пятилетка» Ташкентской области Узбекской ССР. В 1947 г. оно заняло первое место в республике. За выдающиеся достижения З. Динаева была удостоена ордена Ленина [Сабанчиев 2008: 175].

Сотни карачаевцев и балкарцев, работавших в хлопководстве, свекловодстве, животноводстве, на стройках и шахтах, были награждены орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Знаками Почета, медалями. Так, ордена Ленина были удостоены Шамкыз Уянаева, Зухра Геккиева, Мару Шаманова, Асият Лайпанова, Фатима Умарова, Балбу Эркенова, Патия Айбазова, Каракыз Джаттоева, Мариям Хапаева и другие [Сабанчиев 2008: 176; Карачаевцы 1993: 297].

В 1947–1949 гг. карачаевцы и балкарцы были отмечены более высокими наградами: звание Героя Социалистического Труда было присвоено бригадире полеводческой бригады Ш. И. Келеметову, этого звания также были удостоены Нузула Кубанова, Патия Шидакова, Тамара Абдуллаева за рекордные урожаи сахарной свеклы в Джамбульской области [Сабанчиев 2008: 175–176; Народы Карачаево-Черкесии... 1998: 297]. Спецпереселенцев, благодаря трудовым достижениям, стали ценить и выдвигать по деловым качествам. В некоторых случаях они обретали сравнительно высокий статус. На руководящие должности среднего звена в республиканском и областном масштабе были выдвинуты десятки карачаевцев и балкарцев, в их числе: Амин Хачиров — директор винодельческого завода, Шамшудин Жунусович Тетев — директор совхоза, первый секретарь Акалтынского районного комитета КПСС, Ануар Чопеевич Урусбиев — директор хлопководческого совхоза в Узбекистане, Чомай Баталлович Уянаев — начальник Тяньшаньского областного управления связи, Мухажир Ахматович Кульбаев — начальник республиканского отдела «Союзпечать» и член коллегии Министерства связи Киргизской ССР, Жанакаит Жунусович Залиханов — директор типографии при Совете Министров Киргизской ССР, и другие. После XX съезда КПСС (1956 г.) четырем передовикам производства — Ш. Тетеву, М. Узденовой, И. Жангуразову и З. Ульбашевой, по представлению правительств Казахстана, Киргизии и Узбекистана, было присвоено звание Героя Социалистического Труда [Сабанчиев 2008: 177].

Смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. вызвала среди депортированных народов вполне обоснованные надежды на реабилитацию. Новое руководство страны отметило начало своей деятельности рядом решений, поворотных с точки зрения развития национальной политики. В течение 1954–1955 гг. Советом Министров СССР и ПВС СССР был принят ряд нормативно-правовых актов, в которых снимались некоторые ограничения в правовом положении спецпереселенцев. В 1955 г. депортированным начали выдавать паспорта, молодежь стали призывать на срочную службу в армию. В течение того же года были приняты решения о снятии ограничений по спецпоселениям с членов и кандидатов в члены КПСС, членов их семей, а также о снятии со спецучета участников войны, лиц, награжденных орденами и медалями СССР, преподавателей учебных заведений. Даже эти скромные меры для отдельных категорий спецпереселенцев означали заметное облегчение условий жизни.

Важным событием в общественно-политической жизни спецпереселенцев во второй половине 1950-х гг. стало воссоздание государственности балкарского и карачаевского народов. Переломное значение имел XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г. На нем с закрытым докладом «О культе личности и его последствиях» выступил Н. С. Хрущев. Впервые высшим должностным лицом страны была дана оценка совершенному И. В. Сталиным и его ближайшим окружением беззаконию в отношении репрессированных народов. Выселение балкарцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей Н. С. Хрущев назвал «грубым попранием национальной политики советского государства» [Доклад ... 1956]. XX съезд партии предложил возродить незаконно упраздненные национальные автономии. Решения съезда имели огромное значение для судеб депортированных народов, способствовали проведению ряда мероприятий, направленных на восстановление справедливости.

28 апреля 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев и членов их семей» [Реабилитация народов ... 1994: 24–26]. 16 июля 1956 г. аналогичным указом были сняты ограничения по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей. В указе конста-

тировалось, что снятие людей с учета спецпоселений не предполагает их возвращения на родину и компенсацию имущества, конфискованного при выселении. Тем не менее балкарцы, истосковавшиеся по родным местам, массами возвращались домой. Самовольное возвращение репрессированных народов Кавказа ускорило принятие официальных решений о восстановлении их упраздненной государственности. 24 ноября 1956 г. ЦК КПСС принял Постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» [Реабилитация народов ... 1994: 44–49]. В нем депортация осуждалась как акт произвола и беззакония. ЦК КПСС счел необходимым восстановить национальную автономию указанных народов, разрешить им возвращение в родные края.

Решение ЦК КПСС приняло конституционную форму в соответствующих указах Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область». В тот же день были приняты Указы Президиума Верховного Совета РСФСР. 11 февраля 1957 г. эти указы обрели силу закона, и началось плановое возвращение карачаевцев и балкарцев из Средней Азии и Казахстана [Реабилитация народов и граждан 1994: 21–27, 44–50]. Значение этих документов в истории карачаевского и балкарского народов трудно переоценить: они «подводили черту» под тринадцатилетней ссылкой, начиналось национальное возрождение.

Таким образом, в новых местах жительства репрессированные народы, в том числе карачаевцы и балкарцы, в силу тяжелых условий жизни и дисперсного расселения на огромной территории, объективно были под угрозой исчезновения как этносы. Попытка тоталитарного режима рассеять и ассимилировать народ привела в действие защитный механизм самосохранения этносов. Вера в торжество справедливости, мобилизация традиционной этнической системы ценностей — трудолюбия, жизнестойкости, обостренного чувства собственного достоинства, чувства национального единства балкарцев и карачаевцев — обусловили этническую сохранность и этнокультурную целостность тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Полевой материал

Полевой материал. Пос. Яникой, Кабардино-Балкарская Республика, 2012.
Полевой материал. г. Нальчик, 2012.

Источники

Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР).

Литература

Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 322 с.
Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
Горянка. 2007. № 3.
Депортация народов СССР (1930–1950 гг.). Ч. 1. Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) / сост. О. Л. Милова. Вып. XII. М.: РАН, 1992. 354 с.

Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС от 25 февраля 1956 г. «О культе личности и его последствиях» [электронный ресурс] // URL: <http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt> (дата обращения: 22.11.2012).

Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск: ПУЛ, 1993. 175 с.

Мечиев К. Б. Стихи и поэмы. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 442 с.

Писатели Кабардино-Балкарии. Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эльфа, 2003. 442 с.

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. 327 с.

Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 гг. Документы / сост. И. И. Алиев. М.: ИЭА РАН, 1994. 304 с.

Сабанчиев Х.-М. А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик: Эльбрус, 2008. 440 с.

Шаббаев Д. В. Правда о выселении балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 288 с.

УДК 94(470)
ББК 63.3 (2Рос=Чеч)

**О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА РСФСР
«О РЕАБИЛИТАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ»
В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

С. С. Цуцулаева, А. Д. Осмаев

Демократическая власть России в начале 90-х гг. XX столетия продемонстрировала стремление добиваться реальных гарантий обеспечения в стране законности, прав и свобод человека и гражданина. Особое внимание уделяется проблемам восстановления в правах жертв политических репрессий. Данные вопросы регулируются рядом законодательных актов Российской Федерации, а также законодательством субъектов Российской Федерации. Государство обязалось принять соответствующие законодательные меры для восстановления нарушенных прав всех репрессированных народов и граждан. Так, Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечения их прав» [...] стала основой Закона «О реабилитации репрессированных народов», принятого 26 апреля 1991 г. Верховным Советом РСФСР [...]. Некогда оклеветанные, униженные и подвергшиеся геноциду народы восприняли их как государственные акты бесспорно исключительной важности и поверили в возможность практической их реализации, а тем самым и безоговорочного возвращения народам их доброго имени и восстановления попорченной справедливости и законности. Тем более, что постановление Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР „О реабилитации репрессированных народов“» [1991] обязывало Совет Министров РСФСР организовать до конца 1991 г. практическое восстановление законных прав каждого репрессированного народа и принять на сей счет соответствующие акты.

Лейтмотивом данного Закона стала статья 1, которая гласит: «Реабилитировать все репрессированные народы РСФСР, признав незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов» [Закон «О реабилитации репрессированных народов»].

Закон определил три основных направления реабилитации: социальную, территориальную и культурную.

18 октября 1991 г. принят Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» [1991]. В Законе впервые была не только дана правовая и нравственная оценка государственного террора против собственного народа, но и подчеркнута необходимость ликвидации его последствий. Во исполнение этого Закона принятыми постановлениями Правительства Российской Федерации утверждены положения:

- о порядке выплаты денежной компенсации реабилитированным за время их пребывания в местах лишения свободы (16 марта 1992 г., № 160);
- о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий (13 мая 1994 г., № 419);
- о погребении реабилитированных лиц в случае их смерти за счет государства (1 июня 1994 г., № 616);
- о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъяттого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации (12 августа 1994 г., № 926).

Если государство, реализовывая Закон «О реабилитации репрессированных народов», принимало или осуществляло неотложные меры по государственной поддержке социально-экономического развития репрессированных народов (карачаевцев, калмыков, ингушей, балкарцев и ряда других), то чеченцы были всего этого лишены в силу известных причин.

Сегодня, спустя более 20 лет, приходит-

ся с горечью констатировать, что применительно к Чеченской Республике ни один из этих законов в должной мере не был реализован. Только с конца 2005 г. началось подлинное возрождение, восстановление Чеченской Республики после окончания военных действий.

К сожалению, и нынешняя ситуация по исполнению этих законов в Чеченской Республике остается в режиме стагнации. Для депортированных 23 февраля 1944 г. чеченцев не осуществлены выплаты единовременных денежных пособий. Нет сомнения в том, что предполагаемая сумма выплаты, исчисляемая 10 тыс. рублей, не может быть приемлемой.

На территории Чеченской Республики до сих пор не в полной мере исполняется Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 1994 г. (№ 616) «О погребении реабилитированных лиц в случае их смерти за счет государства» [1994], так как многие не знают ни о существовании такого документа, ни о том, кто выделяет эти средства и где их получить. Между тем, ежегодно в бюджетах администраций городов и районов должны быть предусмотрены средства на погребение реабилитированных лиц. Так, во исполнение данного постановления из республиканского бюджета было выплачено денежных средств на погребение в сумме 2 млн рублей из расчета 1 000 рублей на одного умершего [Вахаев 2006: 49].

Важную роль в исполнении Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», в частности, возмещения материального и морального ущерба репрессированным и их наследникам призваны играть комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий. Комиссия как консультативный орган при Президенте России координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти по реализации Закона, изучает, анализирует и дает оценку масштабов и механизмов репрессий, подготавливает и представляет соответствующие материалы и предложения по вопросам реабилитации Президенту России, а также информирует общественность о масштабах и характере репрессий.

В настоящее время во всех субъектах Российской Федерации, в том числе и в Чеченской Республике, созданы и действуют комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических

репрессий, образованные при органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Конечно, на территории Чеченской Республики такая комиссия создана и начала работать с большим опозданием по сравнению с комиссиями, созданными на территории других субъектов Российской Федерации. Лишь 5 апреля 2004 г. Президентом Чеченской Республики А. А. Кадыровым был подписан Указ «О создании комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при Президенте Чеченской Республики» (№ 55) [Вахаев 2006: 49]. Согласно данному Указу, во всех районах и городах республики созданы районные (городские) комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий. В центре внимания данных комиссий — решение проблем, связанных с возвратом или возмещением стоимости имущества, утраченного в результате политических репрессий, с предоставлением льгот реабилитированным и пострадавшим от политических репрессий гражданам.

Однако Федеральным законом от 24 августа 2004 г. (№ 122-ФЗ) внесены значительные изменения в Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Сегодняшнее экономическое положение Российской Федерации во много раз лучше, чем в 1991 г., но российские власти сочли необходимым фактически отменить компенсации жертвам репрессий. Так, в соответствии со статьей 16 выше-названного Закона, предусматривавшей все льготы, реабилитированные лица и лица, призванные пострадавшими от политических репрессий, обеспечиваются мерами социальной поддержки, согласно законам субъектов Российской Федерации. Теперь выплаты компенсаций возложены на региональные бюджеты, в которых в отличие от федерального никакого профицита, как правило, не наблюдается. Мало того, что в большинстве регионов оказались урезаны и без того сугубо символические выплаты и льготы, власти посчитали нужным упразднить в Законе и упоминание о моральном вреде.

Во исполнение указанных изменений Министерством труда и социального развития Чеченской Республики проведена работа по формированию региональной нормативно-правовой базы. Так, было принято Постановление Правительства Чеченской

Республики «Об установлении величины ежемесячной денежной компенсации взамен натуральных льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, по Чеченской Республике» от 15 марта 2005 г. (№ 17), согласно которому была установлена ежемесячная денежная выплата в размере 800 рублей [Постановление... 2005а]. Однако данное Постановление не получило финансовой поддержки со стороны Правительства Российской Федерации.

Новым Постановлением Правительства Чеченской Республики «Об установлении величины ежемесячной денежной компенсации взамен натуральных льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, по Чеченской Республике» от 26 августа 2005 г. (№ 96) размер ежемесячной выплаты был снижен до 200 рублей [Постановление... 2005б].

По данным Министерства труда и социального развития Чеченской Республики, в течение 2005 г. реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, согласно Постановлению Правительства Чеченской Республики от 15 ноября 2005 г. (№ 135) «О порядке осуществления в Чеченской Республике ежемесячных денежных выплат реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий», были произведены ежемесячные денежные выплаты на общую сумму 222 228 рублей [Вахаев 2006: 50]. Сегодня вновь рассматривается вопрос об увеличении размера ежемесячной денежной выплаты до 400 рублей и сохранении льгот при оплате жилищно-коммунальных услуг.

Кроме того, Постановлениями Правительства Чеченской Республики от 5 июля 2005 г. (№ 69) «О порядке обеспечения льготными проездными билетами отдельных категорий граждан Чеченской Республики» от 15 ноября 2005 г. (№ 134), «О порядке обеспечения льготного проезда на пригородном железнодорожном транспорте отдельных категорий граждан Чеченской Республики» для этих категорий граждан предусмотрен льготный проезд на городском и пригородном автомобильном, а также на пригородном железнодорожном транспорте. По данным Министерства труда Чеченской Республики, в течение 5 месяцев 2005 г. своим правом на льгот-

ный проезд в городском и пригородном автомобильном транспорте воспользовался 831 реабилитированный гражданин Чеченской Республики.

В настоящее время в Чеченской Республике наиболее актуальным является вопрос о реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в части выплат компенсаций за потерю жилья и имущества. В течение 2005 г. Комиссией по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий при Президенте Чеченской Республики утверждены списки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, имеющих право на получение компенсации за потерю жилья и имущества в результате депортации чеченского народа. Так, на пяти заседаниях Комиссий утверждены списки на 20 837 человек. Выплаты по данным лицам уже производятся [Вахаев 2006: 50–51].

Установленные размеры выплат денежной компенсации ничтожно малы. Согласно статьи 16 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», размер возмещения стоимости имущества не должен превышать 10 000 рублей за все имущество, включая жилые дома. Размер этой выплаты не идет ни в какое сравнение с фактическими потерями чеченского народа — социально-экономическими потерями, человеческими жертвами народа вследствие его депортации в 1944 г. Профессор М. М. Магоматов считает, что экономические потери проявились в следующем:

- 1) в нарушении привычного ритма воспроизводства материальных благ (после выселения в бывшей Чечено-Ингушской Республике падение производства составило более 70 %, ВАР — 80 %, а в отдельных районах производство вообще прекратилось);
- 2) в потере материальных ценностей народа при депортации, накопленных многими поколениями до депортации и уже во время жизни в местах ссылки;
- 3) в затратах, потраченных на возвращение из мест выселения в родные места (например, затраты на переезд семьи из шести человек составляли примерно 85–90 тыс. рублей — в сегодняшних ценах);
- 4) в покупке новых или собственных домов, оставленных при выселении, причем по ценам, многократно превышавшим их действительную стоимость;
- 5) в этнически и исторически несправедливом

отторжении части территории республики (из-за этих территорий до сих пор происходят межнациональные конфликты, включая и вооруженные, жертвами которых являются тысячи людей [Магомадов 2006: 67–69]).

Конечно, это только часть потерь, которые понес чеченский народ, как и все репрессированные народы, во время Великой Отечественной войны. Экономические и духовные потери депортированных народов, в том числе и чеченского народа, должны быть возмещены полностью. Закон «О реабилитации репрессированных народов» должен быть выполнен в полном объеме.

Здесь уместно отметить, что в августе 1988 г. Конгрессом США был принят Закон, согласно которому, американцы японского происхождения, заключенные в лагеря после объявления войны Японией Америке, получили вознаграждение по 20 тыс. долларов на человека. Сам факт заключения в лагеря этих людей бывший президент США Р. Рейган назвал «великой трагедией». Конечно, никакого сравнения не может быть между трагедией чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и калмыков и временными лишениями свободы и общения с внешним миром американских японцев. Американские японцы давно получили свои компенсации, и закон, принятый конгрессом, выполнен.

Также уместно отметить, что получает компенсации и Россия от Германии для выплаты узникам Второй мировой войны. Что касается закона «О реабилитации репрессированных народов», то он совершенно не реализован в Чеченской Республике, хотя масштабы потерь чеченского народа в этой трагедии очень велики. Здесь, для сравнения, уместно привести Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации калмыцкого народа и государственной поддержке его возрождения и развития», подписанный Б. Н. Ельциным [1993]. Указ был построен на поручениях Правительству РФ. В этом Указе был один пункт, заслуживающий внимания репрессированных народов: до 1 июля 1994 г. рассмотреть вопрос о возможности снижения пенсионного возраста лицам из числа репрессированных народов. Но данный вопрос даже не рассматривался, хотя он настоятельно требовал своего решения. Ведь самым молодым чеченцам, родившимся в выселении, уже по 60 лет, не говоря о выселенных.

Проблема становится особенно актуальной и в связи с известными событиями, которые произошли в Чеченской Республике, начиная с середины 90-х гг. XX в. Сегодня мы вынуждены констатировать, что, наряду с выплатами компенсаций за потерю имущества в годы депортации чеченского народа, остро встает и вопрос, связанный с выплатами компенсаций за потерю жилья и имущества в ходе последних военных действий на территории Чеченской Республики. По некоторым неподтвержденным данным, составлены списки из 39 тыс. семей или 280 тыс. человек, полностью потерявших жилье. Необходимы выплаты компенсации за потерю имущества и тем, чьи дома разрушены не полностью. Такая работа в республике проводится, хотя и с большими трудностями.

В результате вышеизложенного можно констатировать, что только за последние 3–5 лет в Чеченской Республике начаты и проводятся необходимые правовые мероприятия с целью реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов» и Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» [1991]. Для реализации в полном объеме вышеназванных законов в отношении чеченского народа считаем необходимым руководству Чеченской Республики войти с законодательной инициативой о принятии Закона Российской Федерации «О мерах по реабилитации чеченского народа», в соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Этот Закон не только позволяет, но и прямо предусматривает принятие реабилитационных мер, которые, впрочем, ранее были приняты по отношению к другим репрессированным народам страны.

Источники

- Декларация* Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечения их прав» // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».
- Закон* «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991, № 1761-1 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».
- Закон* «О реабилитации репрессированных народов» от 01.07.93, № 5303-1 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».

Положение «О порядке выплаты денежной компенсации реабилитированным за время их пребывания в местах лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».

Постановление «О погребении реабилитированных лиц в случае их смерти за счет государства» от 01.06.1994, № 616 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».

Постановление «О порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации» от 12.08.1994, № 926 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».

Постановление «О порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий» от 13.05.1994, № 419 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».

Постановление «О порядке введения в действие Закона РСФСР „О реабилитации репрессированных народов“» от 26.04.1991 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».

Постановление Правительства Чеченской Республики «Об установлении величины ежемесячной денежной компенсации взамен натуральных льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими

от политических репрессий, по Чеченской Республике» от 15.03.2005, № 17 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».

Постановление Правительства Чеченской Республики «Об установлении величины ежемесячной денежной компенсации взамен натуральных льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, по Чеченской Республике» от 26.08.2005, № 96 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».

Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации калмыцкого народа и государственной поддержке его возрождения и развития» от 25.12.1993, № 2290 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».

Литература

Вахаев М. Х. Федеральный закон «О реабилитации политических репрессий» — как важный фактор восстановления исторической справедливости // Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации. Мат-лы науч.-практ. конф. (18 февраля 2006 г., г. Грозный). Грозный: Грозн. рабочий, 2006. 192 с.

Магомадов М. М. Социально-экономические последствия депортации чеченского народа // Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации. Мат-лы науч.-практ. конф. (18 февраля 2006 г., г. Грозный). Грозный: Грозн. рабочий, 2006. С. 67–73.

УДК 130.2
ББК 60.000.3

КРИТИКА И КРИЗИС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА (ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Х. В. Сударкина

Проблемы мультикультурного существования и межкультурного диалога приобретают сегодня новое звучание и особую социальную значимость. Следует отметить, что, несмотря на активный научный и общественный дискурс данной проблематики, само понятие мультикультурализма остается четко не определенным. По меткому замечанию американского исследователя Р. Бернштейна, мультикультурализм «определенно понятие неопределенное» [Bernstein 1994: 4].

Во многом именно в силу данной «неопределенности» многими учеными и политиками сегодня высказывается множество упреков в адрес политики мультикультурализма. Это вполне объяснимо, ведь происходящее на всех уровнях межэтническое и межкультурное взаимодействие периодически изменяет свою форму, что требует пересмотра и корректировки существующей идеологии, а отсутствие единого мнения буквально по всем вопросам отражает сложность и противоречивость рассматриваемых явлений и процессов, связанных с этническими культурами.

В последнее время во всем мире политика мультикультурализма подвергается все большей критике. В конце 1990-х и 2000-е гг. проявились негативные последствия воплощения в жизнь доктрины мультикультурализма. Среди них:

- распространение экстремистских настроений в среде мигрантов;
- формирование социально-, культурно- и экономически замкнутых диаспоральных анклавов;
- отсутствие у мигрантов желания, возможностей и необходимости усваивать принципы сосуществования, нормы правовой культуры, язык страны проживания;

- превращение мигрантов в самостоятельную политическую силу;
- рост влияния среди коренного населения крайне правых политических сил, использующих антииммигрантские лозунги.

В 2008–2011 гг. европейские политические элиты поставили под сомнение эффективность практики мультикультурализма. Председатель Бундесбанка Тило Сарацин выпустил книгу «Германия самоликвидируется», где предрек скорую гибель государства в результате неконтролируемой иммиграции [Sarrazin 2010].

Совет Европы попытался предложить новую интеграционную доктрину — «межкультурный диалог». Эта доктрина была сформулирована в «Белой книге по межкультурному диалогу», представленной Совету Европы в 2008 г. Европейские чиновники предложили видоизменить мультикультурализм, не отказываясь от его гуманистической основы, но добавив к этой концепции необходимость интеграции в принимающее сообщество не просто групп, а каждого конкретного иммигранта [Белая книга ... 2008].

Наконец, в конце 2010 и начале 2011 г. серия заявлений с критикой мультикультурализма прозвучала из уст европейских лидеров: федерального канцлера Германии А. Меркель, премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, президента Франции Н. Саркози и других.

Обратимся в этой связи к историко-культурному контексту возникновения мультикультурализма. Долгое время в мире преобладал центристский монокультурализм, когда каждая древняя цивилизация идентифицировала только свою культуру как безусловное ценностно-положительное и прогрессивное образование. Теоретическое развенчание европоцентристской культур-

ной парадигмы берет начало с работ известного этнокультуролога и основателя структурной антропологии К. Леви-Стросса [2001]. Он, исследуя поведение и мышление архаических народов, приходит к заключению, что универсальные нормы «разумности» отсутствуют, и, соответственно, европейский культуроцентризм признается ошибочным. Окончательное разрушение идеи монологического культуроцентризма произошло в рамках философии постмодернизма. Так, например, Ж.-Ф. Лиотар фиксирует «недоверие в отношении метанарративов», т.е. общекультурных универсалий-обобщенностей [Лиотар 1998: 108–138]. В эпоху постмодерна, по его мнению, возможно моделирование лишь локальных детерминационных структур на основе языковой игры, которые исключают обращение к «великому нарративу». В контексте возникновения идеи мультикультурализма интересны размышления Ж.-Ф. Лиотара о возможности этики в эпоху постмодерна, которые фактически являются идейным базисом и обоснованием политики мультикультурализма. Этика эпохи постмодерна основывается на чувствительности к различиям («*differend*»), а ее главной «несправедливостью» является попытка навязать одному локальному нарративу «правила игры» другого нарратива. Этика, а вместе с ней и культура в целом существуют в пространстве тотальных гетерогенных «языковых игр», унификация которых принципиально невозможна. Поэтому задачи по принудительному формированию некой гомогенной социальной общности и поиску универсального языка общения в рамках сложившегося пространства постмодернистской культуры Ж.-Ф. Лиотар считает принципиально ложными и деструктивными. Исходя из этого, адекватной времени постмодерна была бы социокультурная и этноконфессиональная политика, направленная на сохранение различия, инаковости.

В итоге политика мультикультурализма, направленная на сохранение культурных различий, стала практическим воплощением философии постмодернизма в социокультурной действительности. Был провозглашен глобальный культурный плюрализм, не допускающий ценностного сравнения культур и вообще не приветствующий размывание культурных границ, т.к. от этого может «пострадать» культурное многообразие. Культуры, с одной стороны,

виделись некими локальными гомогенными, нечитаемыми текстами-образованиями, с другой стороны, предполагалось возникновение некоего свободного и принципиально открытого дискурсивного пространства, объединяющего их.

Результатом политики мультикультурализма должно было стать выстраивание глобального «сверхобщества» постмодернистского толка, которое состояло бы из этнокультурных атомарных образований, категорически не способных к адекватной коммуникации. Это «сверхобщество» оказывается принципиально дискретным образованием, являющим собой модель нового универсального этнокультурного сосуществования народов в пространстве постмодернистской культуры.

Однако уже тогда можно было отметить ряд опасностей, потенциальных рисков осуществления этой политики, которые впоследствии имели тенденцию развития, что в конечном счете и привело к настоящему кризису мультикультурализма [Беляев 2012: 48].

Первая и самая острая опасность практики мультикультуралистской политики заключается в феномене асимметричной толерантности. Представители иных культурно-цивилизационных групп, оказываясь в ареале европейской культуры, как правило, не придерживаются ценностной парадигмы межкультурной толерантности, что порождает асимметричную толерантность. Складывается ситуация, когда одни субъекты этнокультурной диалоговости принимают установку на межкультурную терпимость, а другие, продолжая существовать в рамках традиционной центристско-вертикальной ценностной шкалы, не принимают толерантность как основу межкультурной коммуникации. Это порождает возникновение напряженности между условно европейским населением, принимающим мультикультурализм, и мигрантами, его отрицающими.

Вторая опасность политики мультикультурализма заключается в порожденном ею феномене «положительной дискриминации». Историческая память о прошлом колониальном опыте европейских стран, когда ими угнетались неевропейские культуры, сформировала определенный «комплекс вины» перед малыми, главным образом африканскими и азиатскими, культурами. При этом формой компенсации угнетения

стала практика «положительной дискриминации», предусматривающая получение этнокультурными меньшинствами ряда социально-экономических преференций по сравнению с культурно-автохтонным населением. Естественно, что данная практика вызывает некоторое недовольство у коренного населения.

Наконец, третьим опасным следствием мультикультуральной практики является добровольная сегрегация, когда этнокультурным меньшинствам оказывается социально и экономически выгодно культивировать свою инаковость, что приводит к их культурному замыканию, самосегрегированию.

Политика мультикультурализма привела к формированию в европейских странах этнокультурных анклавов, представители которых, во-первых, не отличаются терпимостью к европейской культуре, в контексте которой они находятся, а во-вторых, постепенно, но вполне целенаправленно и весьма агрессивно транслируют свои культурные ценности в европейское пространство. Постмодернистская система ценностей, принятая европейской культурой, не дает возможности действительно отвечать на эту этнокультурную экспансию. В свою очередь мигранты из стран Африки и Азии, находясь в традиционной парадигме ценностных координат, где существует своя шкала ценностей с безусловными метанарративами, имеют стремление, подчас агрессивно, насаждать свои идеалы в других культурах.

Все это побуждает к осмыслению мультикультурализма одновременно как теоретической категории и как области социальной практики. Сегодня, тем не менее, можно говорить о том, что мультикультурализм как идея не исчерпал своего потенциала, но реализация его принципов требует учета культурного и этнического своеобразия каждой страны.

Итак, непродуктивность политики мультикультурализма означает необходимость поисков иной модели, отвечающей требованиям времени, т. к. модель «меньшинств» является политическим средством их искусственного поддержания и сдерживания возможностей не только доминирующих этногрупп, но и прежде всего государства, в котором гражданское единство начинает уступать единству этногрупповому, региональному или этноконфессиональному.

Будущее глобального общества невозможно без сосуществования различных культур, и, следовательно, толерантность и мультикультурализм, по-видимому, являются основными принципами социокультурной и этноконфессиональной диалогости в системе глобального межкультурного коммуникативного дискурса. При этом в современном динамично меняющемся мире происходит смещение, стирание граней, разделявших некогда «своих» от «чужих». Категория «мы» обретает более широкий смысл. Характеристики, когда-то казавшиеся «чужими», становятся более привычными и знакомыми. Осознание многообразия культур, идентичностей не как угрозы, а как реальности мира должно послужить «преодолению барьеров» во имя диалога между цивилизациями [Бадмаев 2005: 265]. В данной ситуации мир, связанный глобальной взаимной зависимостью, нуждается в новом подходе к анализу культурного многообразия, мультикультурализма, культурной идентичности, глобализации.

Мультикультурализм — явление сложное и многообразное. Понятие «мультикультурализма» представляет собой открытую категорию, которая подвержена изменениям, происходящим в обществе. Дискуссия по вопросам мультикультурного общества доказала свою гибкость, она продолжается, единая модель отсутствует, и это свидетельствует о необходимости расширения дискуссионного поля. Применительно к изучаемой проблеме можно утверждать, что сформировался определенный научный дискурс, понимаемый как сигнал обществу, попытка через новые интерпретации сделать сосуществование в условиях мультикультурного общества бесконфликтным и толерантным по отношению друг к другу.

Литература

- Бадмаев В. Н. Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ). Элиста: КИСЭПИ, 2005. 280 с.
- Белая книга по межкультурному диалогу: Жить вместе в равном достоинстве. Информационный центр Совета Европы. [электронный ресурс] // URL: <http://www.coe.ru/publication/epublication/> (дата обращения: 17.07.2012).

- Беляев Д. А.* Мультикультурализм как стратегия создания дискретного «сверхобщества» в контексте постмодернистской культуры: теория и практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 8 (22). В 2 ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2012. С. 46–50.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Малахов В. С.* «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колером и «Дом интеллектуальной книги», 2001. 175 с.
- Bernstein, R.* Dictatorship of Virtue: Multiculturalism and the Battle for the America's Future / R. Bernstein. N.Y., 1994. 367 p.
- Sarrazin T.* Deutschland schafft sich ab. Wiewir unserLandaufs Spiel setzen / T. Sarrazin. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 464 s.

УДК 130.2
ББК 86.3

**ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПО ОТНОШЕНИЮ К БУДДИЗМУ В СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

С. Ю. Лепехов

Российская конфессиональная политика формировалась в течение длительного времени под влиянием многих разнонаправленных факторов в условиях взаимодействия с различными культурами и религиями. За довольно короткое историческое время сложилось обширное культурно-историческое пространство, на котором относительно мирно сосуществовали тысячелетние культуры, множество этносов. Буддисты представляли одну из сравнительно молодых для российского государства конфессий, но весьма активную по степени своего воздействия на жизнь государства, особенно в конце XIX и начале XX в.

В конце XIX в. политика царского правительства по отношению к буддизму находилась под влиянием нескольких противоречащих друг другу тенденций. С одной стороны, целью принятого в 1853 г. «Положения о ламайском духовенстве» было создание независимой буддийской сангхи в Восточной Сибири, полностью подконтрольной правительству [см.: Наследие, I 2010: 215–216]. Как отмечалось комиссией Куломзина, «изданием положения 1853 года завершились начавшиеся еще с распоряжения Рагузинского в 1728 г. заботы правительства о создании из восточно-сибирских лам автономного духовного целого, в видах прекращения постоянного общения с Урюю» [Материалы... 1898: 141]. С другой стороны, юридически закрепляя льготы для буддийского духовенства, наделяя его землей и властью, правительство фактически стимулировало развитие буддизма в Забайкалье, и ограничительные меры, предусмотренные «Положением...» и призванные сдерживать количество священнослужителей и дацанов (монастырей), с самого начала были не достаточно эффективными. К концу XIX в., по данным комиссии Кулом-

зина, в Забайкалье было 5 545 лам вместо положенных по штату 285, согласно «Положению» 1853 г. [Материалы... 1898: 142]. Хотя официально разрешено было обучать хувараков (учеников) только в Гусиноозерском дацане, фактически их обучали в каждом монастыре [Материалы... 1898: 158]. Увеличение числа лам закономерно усилило центробежные стремления в их среде. Чиновники были вынуждены придавать сложившемуся status quo хотя бы видимость законности. В 1890 г. была введена «Временная инструкция об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской губернии», согласно которой ряд дацанов тункинских и аларских бурят был выведен из-под управления хамбо-ламы и стал подчиняться местным ширетуям «под руководством и наблюдением иркутского генерал-губернатора» [Материалы... 1898: 141].

Сложившееся положение дел не удовлетворяло ни чиновников, считавших законы Российской империи в отношении буддийского духовенства слишком «мягкими», ни православное духовенство, полагавшее, что «более ста лет русское правительство писало законы для ограничения ламства <...> и все они оставались без исполнения, и даже, как будто назло, чем больше правительство хлопотало об ограничении лам и их идолопоклонства, тем больше они усиливались» [Вениамин 1885: 49]. В 1892 г. в связи с назревшей необходимостью пересмотра устаревшего и фактически не работавшего «Положения...» 1853 г. было собрано «Особое совещание по делам ламайской веры», с участием представителей Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел, Министерства государственных имуществ, Синода, на котором был заслушан доклад генерал-губернатора барона А. Н. Корфа «О мерах облегчения

христианской проповеди в Забайкалье». Соединение не смогло принять какие-либо конкретные решения в отношении буддистов, поскольку тенденции к ужесточению правительственных мер противостояла тенденция ко всемерному использованию междunarодных связей бурятских лам в буддийском мире для усиления экспансионистской политики царской России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Правительство стремилось укрепить связи с Тибетом, который в это время продолжал оставаться закрытой для европейцев страной.

В 1900–1902 гг. на средства Русского Географического общества под видом буддиста-паломника Гомбожаб Цыбиков совершил путешествие в Лхасу. В 1906–1907 гг. Базар Барадин по поручению Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии при Академии наук совершил путешествие по Монголии и Тибету, посетил монгольские и тибетские буддийские монастыри. Г. Цыбиков и Б. Барадин были представителями бурятской интеллигенции, сочетавшей в себе буддийскую и европейскую культуры. В конце XIX в. бурятская диаспора в Санкт-Петербурге начинает оказывать заметное влияние на формирование восточной политики России. Петр Александрович Бадмаев (1851–1920), чиновник департамента Министерства иностранных дел, становится лечащим врачом императорской семьи и, пользуясь своей близостью к Николаю II, дает советы, касавшиеся политики России в Тибете, Китае, Монголии, Маньчжурии. Он открывает на свои средства школы в Урге и Санкт-Петербурге, в которых готовили переводчиков, писарей, делопроизводителей, коммерсантов. Выдающиеся достижения востоковедов-буддологов Санкт-Петербургского университета становятся достоянием просвещенной общественности столицы и способствуют возрастанию в этой среде интереса к буддизму.

Во второй половине XIX в. Сибирь была вовлечена в бурное экономическое развитие. Необходимость осваивать значительные природные ресурсы Сибири, Дальнего Востока и Тихоокеанского побережья, новые рынки сбыта и сферы приложения капитала требовала быстрого развития транспортной инфраструктуры, развития опорных пунктов для продвижения российских торговых, промышленных и финансовых

интересов в Средней, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. В 1891–1893 гг. была построена Сибирская железнодорожная магистраль, которая в значительной степени облегчила распространение военно-политических и экономических интересов России на Центральную Азию, Дальний Восток и прилегающие территории.

П. А. Бадмаев предложил протянуть ветку до г. Ланьжоу, являвшегося опорным пунктом для движения в Тибет и Синьцзян. Для организации торгового дома «П. А. Бадмаев и К°» он получил от правительства 2 млн рублей золотом. Торговый дом П. А. Бадмаева призван был провести подготовительную работу по продвижению российских торговцев в Тибет. С этой целью П. А. Бадмаевым были отправлены отряды вооруженных бурят и монголов в Монголию, Китай и Тибет. На определенном этапе интересы П. А. Бадмаева и правительства совпадали. Возглавивший Министерство финансов в 1892 г. С. Ю. Витте полагал, что «по своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение» [За кулисами... 1925: XXIII–XXIV]. С. Ю. Витте беспокоили усилия англичан по проникновению в эту страну, и он считал, что «Россия ... должна сделать все от нее зависящее, чтобы противодействовать установлению в Тибете английского влияния» [За кулисами... 1925: XXIII–XXIV]. Планы же П. А. Бадмаева были гораздо масштабнее и грандиозней. Он считал, что Россия должна воспользоваться ослаблением маньчжурской империи, подготовить восстание против маньчжур и захватить Монголию, Тибет и часть Северного Китая. Поскольку С. Ю. Витте удалось в 1896 г. инициировать контракт с китайскими властями на строительство Китайско-Восточной железной дороги, П. А. Бадмаев стал представлять угрозу для реализации этого проекта и был отстранен от участия в нем. П. А. Бадмаев не мог остановиться на полпути, тем более, что, по признанию самого С. Ю. Витте, «посланные Бадмаевым буряты, хотя и открыто именовали себя русскими подданными, проникли в Лхасу и были там очень ласково приняты» [За кулисами... 1925: XXIII–XXIV]. Взгляды П. А. Бадмаева на необходимость более агрессивной политики по отношению к Китаю разделяли и другие высокопоставленные чиновники и придворные,

в их числе прежде всего А. М. Безобразов, ставший впоследствии статс-секретарем Николая II, великий князь Александр Михайлович и др. Начавшиеся в 1899 г. англо-бурская война и восстание ихэтуаней в Китае создавали вполне благоприятную ситуацию для возможности осуществления планов «безобразовцев», которые на практике оказались не столь утопичными, как это могло показаться вначале, и как их расценивал С. Ю. Витте. Россия не осталась в стороне от китайских событий и ввела свои войска в Маньчжурию.

Значительную роль в формировании политики царского правительства по отношению к буддизму не только в пределах Российской империи, но и в регионе Центральной Азии в целом сыграл Агван Доржиев¹, который, будучи бурятом по происхождению, и, следовательно, российским подданным, являлся крупной политической фигурой в тибетском правительстве. Царскому правительству потребовалось какое-то время, прежде чем оно в полной мере сумело оценить все выгоды и преимущества этой уникальной ситуации и использовать ее в своих интересах.

В 1898 г. А. Доржиев совершил свою первую поездку в Россию, где добился аудиенции у Николая II и сумел установить контакты с окружением С. Ю. Витте и Э. Э. Ухтомского и добиться понимания и доброжелательного приема с их стороны.

Наиболее активные участники политической игры, развернувшейся в начале XX в. в Центральной Азии, — Великобритания, Россия и Китай — стремились добиться преимуществ, пользуясь временным ослаблением конкурентов, но преследовали разные цели. Китай, ощущая собственную слабость в прямых столкновениях с западными державами, стремился удержать подвластные ему территории в прежних границах. Россия также должна была укреплять свои восточные

границы ввиду растущей экспансии Японии и западных держав. Англия видела угрозу в успешной активности России в Средней Азии и стремилась предотвратить ее приближение индийским границам, но в то же время использовала эти факторы как предлог для своей экспансии в Тибет². Подписав мир с бурами и заключив союз с Японией, Англия укрепила свои позиции и могла позволить себе более активно проводить политику в Центральной Азии. С началом русско-японской войны в феврале 1904 г. российские возможности в Тибете были полностью нейтрализованы и английский вооруженный отряд под командованием полковника Ф. Янгхазбенда практически беспрепятственно вошел в Лхасу в августе 1904 г., что вынудило Далай-ламу покинуть тибетскую столицу и искать убежища вблизи российской границы, в Урге, в надежде на помощь и защиту России в чрезвычайных обстоятельствах.

² Именно об этом пишет наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев в секретной телеграмме от 11 декабря 1903 г. посланнику в Пекине П. М. Лессару: «Не могу согласиться с приведенным в телеграмме 2 декабря взглядом, что деятельность Англии является отголоском занятия нами Маньчжурии».

Попытки Англии включить Тибет в сферу своего политического влияния начались задолго до возникновения маньчжурского вопроса и составляют продолжение той наступательной политики правительства Индии, благодаря которой последовательно подчинились английскому господству Непал, Бутан, Бирма, Сикким и среднеазиатские владения. По Сиккимскому соглашению с Китаем от 17 марта 1890 г., Англия выговорила себе право условиться о непосредственных сношениях, официальных и торговых, между Индией и Тибетом. Дальнейшими ее шагами в этом направлении, вполне естественном и неминуемом, если мы тому не воспротивимся, будет подчинение ее владычеству Тибета, как подчинены [были] остальные владения, без всякой связи с маньчжурским вопросом. Не подлежит сомнению, что и Китай отнесся бы к захвату Тибета так же пассивно, как теперь, в случае, [если] бы мы не занимали Маньчжурии, и что мы и тогда не встретили бы с его стороны этого содействия к восстановлению status quo в Тибете, о котором Вы упоминаете в телеграмме. Остановить захват Тибета, от которого зависит в духовном отношении все буддийское население Сибири и метрополии, можно лишь непосредственно воздействовав на Англию в одном из более чувствительных пунктов среднеазиатских владений» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 402. Л. 54–55].

¹ Агван-Лопсан Доржиев (1854–1938) родился в урочище Хара-Шибирь Хоринской Степной думы (ныне Заиграевского р-на Республики Бурятия). В 18 лет он поступил в качестве хуварака в Гоманский дацан при тибетском монастыре Брайбунг. В 35 лет получил ученую степень лхарамбы и стал одним из духовных наставников Далай-ламы тринадцатого Агван-Лобсан-Тубдан-Чжамцо (1876–1933), был его ближайшим советником, министром финансов Тибета, осуществлял важные дипломатические миссии по поручению Далай-ламы.

Пользуясь поражением России на Дальнем Востоке в войне с Японией, англичане стремились развить свой успех и использовать Тибет как плацдарм для проникновения в Кашгарию и воздействия через нее на мусульман Русского Туркестана, а также на буддистов Монголии и Сибири [Россия и Тибет... 2005: 21].

Озабоченность российских властей положением в Тибете и существующей угрозой своим интересам в азиатских владениях понималась (и отчасти разделялась) и другими государствами. Так, французский посол в России Бомпар в беседе со своим английским коллегой Спринг-Райсом в 1904 г. отметил, что беспокойство России в отношении Тибета совершенно естественно и правомерно, поскольку Лхаса рассматривается монголами, калмыками и бурятами как их основной религиозный центр, и та иностранная держава, которая сумеет его контролировать, сможет оказывать влияние на все буддийское население России. Выход из создавшегося положения, по мнению Бомпара, возможен только в случае, если и Англия, и Россия откажутся от стремления занять приоритетные позиции в этом регионе [Россия и Тибет... 2005: 22–23].

Положение Великобритании после окончания англо-бурской войны и подписания антироссийских по своей направленности соглашений с Японией улучшилось, но не настолько, чтобы она могла не опасаться усиления Германии. Англии для противовеса Германии нужно было укрепить отношения с Францией, которая в свою очередь увязала подписание соглашений с достижением консенсуса с Россией.

Примечательно, что тибетский вопрос стал ключевым в этой дипломатической игре, и основной мотивацией России было стремление обеспечить религиозные интересы своих подданных³. Сложившаяся к тому времени влиятельная и авторитетная группировка в российской элите, куда входили великие князья Николай Михайло-

вич и Константин Константинович, князь Э. Э. Ухтомский, востоковеды С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. М. Позднеев, П. К. Козлов, П. А. Бадмаев и др., оказывала давление на правительство и императора Николая II с целью побудить их к более решительным действиям в Центральной Азии. В начале 1904 г. по согласованию с военным министром А. Н. Куропаткиным и с соизволения царя в Тибет была послана тайная экспедиция калмыков, целью которой было склонить тибетских монахов к союзу с Россией, а не Англией [Андреев 1997: 11].

В 1905 г. под давлением революционно-демократического движения царское правительство вынуждено было декларировать право свободы совести, что нашло отражение в императорском манифесте «Об укреплении начал веротерпимости» [см.: Наследие, I 2010: 236–238]. В манифесте провозглашалось право перехода из православия в другие вероисповедания, что, в частности, давало возможность многим крещеным бурятам возвратиться к буддизму. С этого момента позиции буддизма в Бурятии значительно усилились. В сложившейся исторической ситуации А. Доржиев явился одним из главных идеологов так называемого «обновленческого» движения в российском буддизме. Для лидеров обновленческого движения стало ясно, что буддизм в таких регионах традиционного распространения, как Бурятия и Калмыкия, сможет быстро развиваться только в том случае, если основные буддийские сочинения будут переведены на понятный простому народу язык. Службы на тибетском языке, проводившиеся в бурятских дацанах, изначально представляли собой ни что иное, как буддийскую проповедь, и могли быть понятны только немногим по-настоящему образованным ламам. То представление о буддизме, которое сложилось в монгольском обществе, а затем в Бурятии под влиянием феодальной верхушки, заинтересованной в том, чтобы буддийское духовенство защищало прежде всего ее интересы, расходилось с тем, которое сложилось в европейской и российской буддологии на основании изучения древних источников. Наиболее образованные представители бурятской интеллигенции, такие как Ц. Жамцарано, Б. Барадийн, Э. Ринчино, Г. Цыбиков, стремились возродить «чистый» буддизм, реформировать буддийскую цер-

³ Е. И. Кычанов и Б. Н. Мельниченко в своей монографии «История Тибета с древнейших времен до наших дней», характеризуя внешнюю политику России в описываемый период, отмечают: «Интересы России в Тибете лежали преимущественно в религиозной сфере: российские буряты и калмыки — буддисты признавали Далай-ламу своим духовным главой» [Кычанов, Мельниченко 2005: 212].

ковь, сделать буддийскую этику понятной и доступной для простого народа, и на этой основе осуществить национально-культурное возрождение бурятского народа. Перед обновленческим движением возникла и другая задача: объединить буддийское духовенство из различных национальных регионов и создать единую буддийскую конфессию во всероссийском масштабе. Первая русская революция 1905 г., а затем и Февральская революция создали благоприятные условия для осуществления целей «обновленцев»⁴.

⁴ В 1905 г., не занимая еще никакого официального положения ни в буддийской церкви, ни в органах управления, видные представители этого движения Базар Барадин, Цыбен Жамцарано и Лысок Гончикожапов обращаются к С. Ю. Витте с письмом в защиту достоинства буддистов и их права свободно исповедовать свою веру, не подвергаясь дискриминации по религиозному признаку: «Узнав, что на днях будет рассматриваться в Комитете министров под председательством Вашего высокопревосходительства вопрос о расширении религиозной свободы иноверцев, мы, нижеподписавшиеся буряты-буддисты, как частные лица, считаем нашим нравственным долгом представить Вам некоторые частные пункты, удовлетворение коих в настоящее время было бы крайне важно для бурят, причем мы вовсе не касаемся вопроса о коренном изменении или пересмотре существующих законоположений о буддистах и о предоставлении им полной свободы совести. Пункты будут следующие:

I. По единогласному утверждению ученых авторитетов и образованного мира, буддизм давно признан как религия высокой нравственности. Между тем в русских учебниках географии, одобренных МНП, а также во многих других изданиях, в особенности миссионерских, нас, буддистов, называют язычниками, приравнивая к идолопоклонникам. Систематическое проведение в русских школах и в народе такого взгляда на буддизм и буддистов, во-первых, не отвечает действительности, во-вторых, оскорбляет наше религиозное чувство, и, в-третьих, давая превратное понимание в русском народе и обществе, вызывает ненормальное отношение к нам, бурятам, якобы идолопоклонникам. А потому необходимо, чтоб, по крайней мере, в учебниках буддисты назывались буддистами, а буддизм рассматривался не превратно.

II. Необходимо распространить разрешение (1903 г., январь) на преподавание буддийского верования в бурятских училищах МНП и в тех школах, где еще не распространено сие разрешение.

III. Для поступления в Иркутскую учительскую семинарию МНП и в школу, при ней на-

ходящуюся, систематически требуется предварительное окрещение мальчиков-буддистов и шаманистов. Вследствие такого ограничения местные буряты-нехристиане лишены возможности получать педагогическое образование. Так как бурятам крайне необходимо педагогическое образование, семинарское и институтское, то необходимо открывать свободный доступ бурятам-нехристианам во все учительские семинарии, в особенности в Иркутскую, и учительские институты.

IV. Многие наши буряты, официально считающиеся православными и шаманистами (Иркутская губерния), фактически являясь буддистами, не могут открыто исповедовать своей буддийской религии из-за административных преследований и из опасения кары закона за вероотступничество. Такое двусмысленное ложное положение вещей необходимо уничтожить, разрешив сим бурятам принципиально и на деле добровольный свободный переход в буддизм, в крайнем случае — шаманистам, для которых переход в буддизм был бы безусловным прогрессом.

V. Благодаря временным административно-миссионерским мерам наши буряты Иркутской губернии в высшей степени стеснены в деле исполнения своих религиозных нужд, не имея, во-первых, возможности свободно получать из-за китайской границы и из соседнего Забайкалья необходимые книги (тибетские и монгольские), бурханы и прочие предметы культа, а также лекарства и материалы тибетской медицины, которая является неотъемлемой частью нашей буддийской веры и крайне необходима для народного здоровья; во-вторых, возможности приглашать сведущих духовных лиц из Забайкалья для исполнения религиозных треб и врачебной помощи; в-третьих, возможности получать религиозное и медицинское образование в Забайкалье, т. к. в самой Иркутской губернии никаких школ не имеется для таковой цели. А потому необходимо упразднить временные правила, по которым буддисты Иркутской губернии изъяты из ведения своего духовного главы, хамбо-ламы буддийского духовенства Восточной Сибири, и отданы в ведение местной губернской администрации, и вновь предоставить иркутских бурят-буддистов в ведение хамбо-ламы в деле их религии, установив полную свободу сношений по религиозным делам с Забайкальем и разрешив беспрепятственно привозить из Забайкалья и Китая книги, бурханы и прочие предметы культа, а также лекарства и материалы тибетской медицины.

VI. Также крайне необходимо разрешение свободного пропуска религиозных книг и прочих предметов культа, лекарств и материалов тибетской медицины забайкальским бурятам из-за китайской границы, ибо циркуляром центральных и местных властей недавно установлены

А. Доржиев, побуждая Далай-ламу обращаться за поддержкой к российскому правительству, поставил последнего в достаточно затруднительное положение: находясь в Урге, он оказался практически в изоляции не только от своего тибетского окружения, но и был прохладно встречен монгольским богдо-гэгэном и российским консулом В. Ф. Любой, который всячески уклонялся от встреч с ним. В этой ситуации Далай-лама нашел поддержку в лице ряда монгольских влиятельных нойонов и лам-перерожденцев, сумев убедить их, что Цинская империя уже не в состоянии контролировать Халху и Тибет и настало благоприятное время для борьбы за свою независимость⁵.

крайне стеснительные преграды и даже запрет по отношению ввоза упомянутых предметов» [«Частная записка представителей бурят-буддистов Председателю комитета министров Российской Империи, Статс-секретарю С.Ю.Витте о расширении религиозной свободы буддийской веры в Восточной Сибири. 7 февраля 1905 г. [НА РБ. Ф.П-1. Оп.1. Д.1 287. Л.38–40].

⁵ В записке полковника генерального штаба А. Л. Хитрово, исполнявшего в 1906 г. должность кяхтинского пограничного комиссара, отмечается: «Далай-Лама с единомышленниками монгольскими князьями и влиятельными хутухтами-гегенами, в принципе бесповоротно решили отделиться от Китая в самостоятельное союзное государство, совершив эту операцию под покровительством и поддержкою России, избежав при этом кровопролития... Поддержка и покровительство России, в мнении Далай-Ламы, должны выразиться в том, чтобы Россия, признав справедливость требований Монголии и Тибета, приняла бы от Далай-Ламы его представления по этому вопросу и внесла их на обсуждение и решение всех великих европейских держав, которые, как уверен Далай-Лама, не могут не согласиться с законностью сих требований» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 409. Л. 310–315]. Комментируя планы Далай-Ламы, А. Л. Хитрово делает выводы: «Не зная ни правил, ни обычаев международных политических сношений, никому из других держав и народностей не доверяя, монголы и тибетцы, естественно, обращаются к своему историческому могущественному соседу России, в подданстве которой имеются родные монгольские племена, считая при этом, что всякие другие пути противны их национальной этике, и если эти иные пути и могут быть использованы, то не иначе как с разрешения той же России» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 409. Л. 310–315].

Постепенно царское правительство стало осознавать, что Россия может использовать деятельность Далай-ламы в Монголии к своей выгоде, укрепляя свои пошатнувшиеся внешнеполитические позиции после проигранной русско-японской войны [Shaumian 2000]⁶.

О потенциале России и возможности расширения ее влияния в Азии писал в своей секретной записке в МИД России от

⁶ 6 июня 1906 г. у министра иностранных дел А. П. Извольского состоялось совещание, на котором предстояло выработать позицию России относительно дальнейшей судьбы Далай-ламы — возвращаться ли ему в Тибет или временно поселиться в Кукуноре, т. е. недалеко от Монголии. Любопытно, что, кроме чинов Министерства иностранных дел, на совещание были приглашены: действительный статский советник П. П. Семенов (Тянь-Шанский), вице-председатель Императорского Русского географического общества; тайный советник А. М. Позднеев, член Совета Министерства народного просвещения; князь Э. Э. Ухтомский; действительный статский советник С. Ф. Ольденбург, неперменный секретарь Императорской Академии наук; действительный статский советник В. В. Владимиров, директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий; и капитан П. К. Козлов, путешественник. Участники совещания отметили: «...Мы заинтересованы Тибетом прежде всего в том отношении, что среди наших подданных имеется немалое число буддистов, вследствие чего нам, конечно, выгодно пользоваться расположением их духовного главы, всеми ими признаваемого и почитаемого. Есть затем и другая сторона вопроса, специально затрагивающая Россию, а именно, наше первенство в деле научных исследований Тибета. Заслуги наших путешественников и ученых в этой области признаются всеми, между прочим и англичанами, и нам во всяком случае следует по мере возможности отстоять для русской науки право свободно идти вперед по открытому ею пути» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 409. Л. 288–290].

На совещании обсуждался также вопрос о том, каким образом выполнить нравственные обязательства перед Далай-ламой в случае возникновения угрозы его жизни или положению, поскольку «всякое несчастье, которое постигло бы Далай-Ламу в ближайшем будущем, вне всякого сомнения, было бы истолковано буддистами как несоблюдение Россией своих обещаний, породило бы в них предположение о нашей слабости и, таким образом, подорвало бы в глазах огромного буддийского мира обаяние России и доверие к ее мощи и силе» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 409. Л. 288–290].

20 ноября 1907 г. и А. Доржиев: «Необходимо, чтобы Россия устремила свое внимание на правильную постановку политики на континенте Азии, необходимо, чтобы сообразно с новыми соотношениями сил и требованиями жизни на местах были приняты соответствующие шаги для усиления влияния на Монголию и Тибет. Надо совершить культурно-экономическое мирное завоевание этих стран. Тогда только, когда эти обе страны будут чувствовать себя тесно спаянными общностью культурно-экономических интересов, будет достигнут мир на все время, и Россия будет играть ту роль, которую давно должна была сыграть в жизни Монголии и Тибета. Такое культурно-экономическое завоевание Россия может совершить без особого труда, ибо у нее имеются этнографически-бытовые, материально-экономические и религиозно-культурные посредующие звенья на всем протяжении китайской границы, начиная с туркестанских инородцев и кончая бурятами и тунгусами» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 364. Л. 254–256].

В числе торгово-экономических мер, предлагаемых А. Доржиевым, обращает на себя внимание проект торгово-промышленного дома, «деятельность которого охватила бы неразрывной сетью всю Монголию и Тибет. Центральный аппарат мог быть размещен в Кяхте или Урге, а филиалы в разных местах Монголии, Тибета, Китая и России, причем в России предлагается открыть отделы в Москве, Варшаве и Иркутске, в Китае — в Пекине, Шанхае и Ханькоу, в Халхе — до 15 отделений и в Тибете — в Алашане, Гумбуме, Лабране, Лхасе, Дашилхумбо, Накчу, Цайдаме и Кукуноре. Пайщиками могут входить «монголы, тибетцы, буряты, калмыки и их товарищества, монастыри, улусы, хошуны и прочие юридические лица, как бы мал или велик ни был вложен пай». А. Доржиев особо отмечает, что «торговый дом (а через него — Россия) должен приносить материальную и духовную пользу монголо-тибетской массе, в противоположность китайской, английской и японской политике, которая основана на бессердечном «выжимании соков» из туземцев» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 364. Л. 254–256].

Торгово-экономические меры, по замыслу А. Доржиева, обязательно должны были дополняться культурно-просветитель-

ными, в числе которых он предлагает организацию общеобразовательных заведений, «где могли бы обучаться монгольские и тибетские дети вместе с русскими и бурятами; ... в программу преподавания должны входить русский, монгольский, тибетский, китайский и английский языки, по выбору учащихся, история и литература народов, к которым принадлежат учащиеся, а также учение Будды». Наряду с общеобразовательными, следует открывать и специальные: «горное, промышленное, педагогическое и т. п.». «Особенно важно, — отмечает А. Доржиев, — чтобы своевременно подготавливался преподавательский персонал из русских подданных, которые могли бы вести школу в Монголии и Тибете». Кроме того, следует широко поставить издательское дело на монгольском и тибетском языках. Такими просветительно-культурными мерами можно было, по мнению А. Доржиева, достичь того, что «монголы и тибетцы будут смотреть на Россию как на источник здоровой культуры и просвещения, как на свое идейное отечество» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 364. Л. 254–256].

В 1908 г. Далай-лама обращается к русскому правительству с просьбой об открытии в Санкт-Петербурге буддийского храма. В связи с ходатайством Далай-ламы министр иностранных дел А. П. Извольский обращается к министру внутренних дел и Председателю Совета Министров П. А. Столыпину: «Принимая в соображение, что Далай-лама дружески расположен к России и что сохранение добрых с ним отношений имеет для нас существенное значение как с точки зрения политических интересов наших в Китае, так в смысле возможности использовать в благоприятную сторону его влияние на наших подданных ламайского исповедования, я с особым вниманием отнесся к ходатайству его Святейшества... Что касается просьбы о разрешении сооружения храма, то я считаю долгом поддержать ее пред Вашим Превосходительством, в уверенности, что благосклонное отношение наше к этому желанию Далай-ламы произведет глубокое впечатление в нашу пользу как на него самого, так и на многих ламаистов в пределах России» [ЦГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. (1908). Л. 1].

В 1915 г. в Санкт-Петербурге открывается буддийский дацан. Идея строительства Санкт-Петербургского буддийского

храма нашла живую поддержку со стороны Российской академии наук, в частности в строительный комитет входили академики В. В. Радлов и С. Ф. Ольденбург.

А. Доржиев последовательно реализует многое из того, что он наметил в своей программе, в частности, открывает в Петербурге издательство «Наран» (Солнце), где начинают печататься памятники монголо-бурятской литературы; разрабатывает свой собственный «агвановский алфавит» — по одному из имен, которыми подписывался А. Доржиев, он еще называется «письменность Вагиндра»; инициирует открытие в 1908 г. при Ацагатском дацане типографии, в которой было напечатано немало уникальных изданий на монгольском и тибетском языках.

Весьма полезная, с точки зрения правительства Тибета, деятельность А. Доржиева нуждалась, по мнению Далай-ламы XIII, в наделении его уполномоченного легальным дипломатическим статусом. Санкт-Петербургский дацан и мыслился первоначально как храм при тибетской миссии. О легализации «Цанит Ханчена Агвана Доржиева» говорится в личном письме Далай-ламы Николаю II, переданном А. Доржиевым Председателю Совета Министров В. Н. Коковцову, вместе с Запиской с извещением о самостоятельности Тибета, провозглашенной после падения Цинской империи. Это письмо, переведенное на русский язык, В. Н. Коковцов переслал министру иностранных дел С. Д. Сазонову 6 апреля 1913 г. Недавно в Национальном музее Бурятии были найдены тибетские подлинники писем, отправленных из Тибета А. Доржиеву, включая и упомянутое письмо Далай-ламы. Между тибетским оригиналом и русским переводом обнаружилось расхождение, касающиеся упоминания стран, заинтересованных в урегулировании тибетского вопроса, в числе которых Далай-лама упоминает Германию, Францию и Японию. В русском переводе они заменены безличным упоминанием «других великих держав». Как предполагает Н. В. Цыремпилов, А. Доржиев в переводе не стал раскрывать схемы тайной дипломатии тибетского правительства, опасаясь вызвать излишнюю настороженность российских дипломатов, и без того не слишком расположенных глубоко влезать в тибетские дела [Samten, Tsyrempilov 2011: 27].

Синьхайская революция и падение династии Цин изменили положение в еще одном буддийском регионе Центральной Азии — Урянхайском крае (Туве). В начале XX в. в Туве функционировало 22 буддийских монастыря и насчитывалось свыше 3 тыс. лам, большинство из которых, в отличие от забайкальских лам, жили не в монастырях, а в селениях. Это объяснялось прежде всего бедностью тувинских монахов и их неспособностью прокормить учеников, поэтому ученики продолжали жить у родителей и приходили в монастыри для обучения, как в школу [Вайнштейн и др. 2008: 151]. Однако уже в 1916 г. по официальным данным, «в Урянхайском крае имелось около 10 тысяч буддийских лам» [Дацышен, Ондар 2003: 83]. На смену юрточным монастырям пришли стационарные (Верхнечадаанское и Нижнечадаанское хурээ). Верхнечадаанский храмовый комплекс (Устуу-Хурээ), официальная резиденция главы тувинской буддийской церкви — даа-ламы, был возведен в 1905–1907 гг. Главный храм (цокчин) был построен по проекту специально приглашенного тибетского ламы Кунтана Римпоче тувинским нойоном Хайдыпом. Тувинский даа-лама, в отличие от бурятских хамбо-лам, не имел автокефального статуса, а исполнял посреднические функции при монгольском богдо-гэгэне, считавшимся в Туве верховным буддийским иерархом. По-видимому, нестабильная ситуация в Центральной Азии побудила настоятеля Устуу-Хурээ камбы-ламу Лобсана Чамзы (1857–1930) обратиться к российским властям с прошением о принятии тувинского населения, проживавшего в самом большом районе Тувы — Хемчике, — под протекторат России. С таким прошением обратился и правитель Даа-кожуна, нойон Монгуш Буян-Бадыргы. Указ об установлении протектората России над Урянхайским краем был подписан Николаем II в Ливадийском дворце (Крым) в июле 1914 г. Назначенный комиссаром по делам Урянхайского края Виктор Ювентинович Григорьев, а затем его преемник — Алексей Александрович Турчанинов предпринимали усилия с тем, чтобы создать структуру управления тувинской буддийской церковью, аналогичную той, что уже существовала в Забайкалье, с тем чтобы «предоставить главе урянхайского духовенства — Бандидо камбы-ламе

равное положение с Забайкальским» [Вайнштейн, Москаленко 2008: 67–68].

После Февральской революции 1917 г. вновь образованное Временное правительство (куда входил в качестве министра образования крупнейший русский буддолог — академик С. Ф. Ольденбург) издало постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», в котором все граждане были уравнены в правах, независимо от национальности и вероисповедания [см.: Наследие, II 2010: 14]. Основные принципы этого постановления были в дальнейшем подтверждены и конкретизированы в специальном постановлении «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. Таким образом, впервые в России была создана законодательная база для реального религиозного равноправия. Не случайно с этого времени начинается недолгий период наивысшего расцвета буддизма в России в целом и в Сибири в частности.

В начале XX в. буддизм в Сибири осознается и правительством России, и правительствами других стран в качестве весомого фактора внутренней и внешней политики. Забайкальские ламы принимают активное участие в строительстве гимназий и училищ, устройстве госпиталей во время русско-японской войны. Распространяется представление о том, что «белый царь» является воплощением буддийского божества — Белой Тары и, следовательно, Россия является частью буддийской цивилизации и естественным покровителем и защитником буддийских народов. Царское правительство отнюдь не пытается бороться с такой мифологией и, более того, стремится использовать ее в своих интересах. Сложившаяся мифология тесно связывает буддийскую церковь в России с монархическим режимом, и с крахом последнего в 1917 г. возникают проблемы с легитимностью сложившейся системы церковного управления у высших буддийских иерархов в Забайкалье. Политика царского правительства определялась прежде всего, разумеется, исходя из его классовых и сословных интересов, интересов крепнувшей российской буржуазии, задач и вызовов, стоявших перед страной в начале XX столетия в целом, но и духовные интересы и запросы населения, пусть даже такой сравнительно небольшой его части, как буддисты Сибири, играли, как ни странно, вполне значимую и самостоятельную роль в определении внутренней и внешней политики страны.

Источники

- Архив* внешней политики Российской империи (АВПРИ).
Национальный архив Республики Бурятия (НА РБ).
Центральный государственный исторический архив (ЦГИА).

Литература

- Андреев А. И.* От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага: Агни, 1997. 318 с.
- Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПбГУ — Нартанг, 2006. 464 с.
- Вайнштейн С. И., Москаленко Н. П.* Тувинцы // Тюркские народы Восточной Сибири. М.: Наука, 2008. С. 51–119.
- Вайнштейн С. И., Москаленко Н. П., Добжанская О. Э.* Духовная культура / Тувинцы // Тюркские народы Восточной Сибири. М.: Наука, 2008. С. 120–152.
- Вениамин*, архиепископ Иркутский и Нерчинский. Жизненные вопросы Православной миссии в Сибири. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1885. 75 с.
- Дацышен В. Г., Ондар Г. А.* Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республикан. тип., 2003. 278 с.
- За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева.* Л.: Гос. Изд., 1925. XXXIV + 175 с.
- Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Материалы* Комиссии Куломзина. СПб.: Гос. тип., 1898. Вып. 6. 198 с. (163 с. + 40 фотографий).
- Наследие.* Вып. 1: Религия — общество — государство: институты, процессы, мысль. Кн 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века): хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Ч. 1: X — начало XX века. Ч. 2: XX — начало XXI века. М.: Изд-во РАГС; ИД «Медиа-Пром», 2010. 392 + 288 с.
- Россия и Тибет: сб. рус. арх. док., 1900–1914.* М.: Вост. лит., 2005. 231 с.
- Samten J., Tsyrempilov N.* From Tibet confidentially. The secret correspondence of the Thirteenth Dalai Lama to Agvan Dorzhiev, 1912–1925. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2011. I–XII+211 p.
- Shaumian T.* Tibet. The Great Game and Tsarist Russia. Oxford University Press, 2000. XII + 223 p.

ОБ ОБРАЗЕ И КУЛЬТЕ БУДДЫ МАЙТРЕИ В КУЛЬТУРЕ КАЛМЫКОВ*

Г. В. Нунова

Древнее искусство буддизма, распространившись из Индии во многие страны Азии, прижилось в, казалось бы, далекой от Индостана среде — степях Нижнего Поволжья, где, начиная с XVII в., проживают калмыки. Буддизм получил широкое распространение среди калмыков в силу духовной, социальной и политической востребованности. Буддийская культура оказалась близка менталитету калмыцкого народа, способствовала его этнической консолидации, сыграв важную роль в формировании национального самосознания. Принятие буддизма калмыками знаменовало собой качественно новый этап в развитии их культуры и стимулировало появление новых форм духовной жизни общества [Уланов 2009: 201].

Калмыки, являясь единственным в Европе этносом, традиционно исповедующим буддийскую религию, занимают особое положение в социокультурном пространстве России. Изолированное географическое положение было причиной того, что в течение своей относительно небольшой истории калмыцкие буддисты несколько раз оказывались оторванными от остальной части буддийского мира [Уланов, Уланова 2012: 100].

Буддизм в Калмыкии, как справедливо отмечает М. С. Уланов, оказался своеобразным «островом», зажатым между мощными конфессиональными «плитами» ислама и православия [Уланов 2010: 21]. Но, несмотря на подобный «островной» характер, религия калмыков сохранила все черты канонического, традиционного учения Будды. Философия, астрология, ритуалы и изобразительное искусство, сложившись в цельную культовую систему, являются тра-

диционными формами религиозной жизни калмыков.

Буддийскому искусству на пространствах степи суждено было занять свое место в храмах (*сум*, *хурл*) и войлочных жилищах (*ишкэ гер*) монголоязычных номадов. Буддизм стал весомым религиозным компонентом в богатом социокультурном пространстве юга России, оказывая влияние на формирование полицентрического мира, самим фактом своего существования обогащая, внося разнообразие в моноцентрические тенденции концепции российской государственности.

Частью богатого наследия калмыцкого этноса является буддийское художественное искусство, в частности буддийская иконопись (калм. *зург шүтэн*, тиб. *тханка*). Калмыцкие иконы, обладающие своеобразием «народного» стиля живописи, служили особыми «опорными маяками», распространявшими свет веры, идеи альтруизма и гуманности через специфическую живописную традицию, получившую выражение в образах гневных и мирных божеств буддийского пантеона.

Известно, что в искусстве любого народа отражается его и психофизика, этнические, культурные предпочтения, — в общем, то, что именуется ментальностью. Ментальность кочевого народа своеобразно определяет простоту стиля калмыцких живописных икон. Традиционный быт и уклад калмыков до 20-х гг. XX в. можно назвать простым по форме, лаконичным и «эргономичным»: компактное и удобное жилище — кибитка (*ишкэ гер*), сборно-разборное по конструкции, минимум утвари (легко собираемой при перекочевке к другим пастбищам), минимум одежды (обилие платьев

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки Российской Федерации на оказание услуг «Буддизм в транскультурном пространстве Юга России») и внутривузовского гранта Калмыцкого государственного университета («Этнофилософия калмыков: опыт историко-культурного исследования»).

и костюмов в условиях постоянных кочевок негде было хранить). «В убранстве ее нет ничего лишнего, целостность художественного образа интерьера отработана кочевым укладом хозяйства. Красота и целесообразность — взаимосвязанные в народном искусстве понятия — сформировали художественный стиль предметов, составляющих убранство кибитки» [Батырева 2005: 49]

В калмыцких живописных иконах *зург шутэн* собраны лучшие качества, свойственные народному искусству, — оптимизм, лаконизм и транспарентность цвета. Они несут нагрузку скрытой символики, живой ткани этнической традиции.

Профессор Н. Н. Пальмов составил перечень наиболее часто встречающихся божеств калмыцкого пантеона. Среди них: «Мандошир» (Манджушри), «Ариоболо» (Арьябала) и, конечно же, Будда Шакьямуни («Бурхан-багши») [Пальмов 2007: 61]. Изображения Будды, выполненные согласно канонам махаяны, в настоящее время находятся на алтарях всех современных калмыцких хурулов. Подобная тенденция прослеживалась и в прошлых веках: литые и рисованные изображения Будды украшали стационарные и передвижные хурулы. Упоминания об этом мы находим в описаниях старинного монастыря Аблайн-кит, первого стационарного монастыря ойратов [Батырева 2005: 59]. Развалины его фундамента до сих пор можно видеть в Прииртыше в районе г. Усть-Каменогорска [Златкин 1964: 140]. По дошедшим до нас описаниям монастыря ясно, что канонические изображения буддийских божеств были украшением и обязательными элементами храмового интерьера.

Изображения будд, бодхисаттв — это не образы высшего творца, а, как уже неоднократно подчеркивалось исследователями, — это объекты для медитации, применяемые в практике буддистов и отмечающие уровни сознания. Мысль о вторичности внешней красоты в изображении Будды неоднократно встречается в лекциях по буддийской философии выдающихся буддийских лам. По их мнению, несмотря на изысканность и красоту изображений Будды, нам не следует чрезмерно увлекаться лишь внешним блеском. Так, в одной из бесед с известным журналистом и писателем Т. Лэрдом

высший иерарх буддизма Далай-лама XIV высказался на этот счет достаточно определенно: «Строго говоря, с точки зрения буддийского практика, к образу Будды надо относиться с уважением только потому, что это образ Будды. Не потому, что он дорого стоит или прекрасно выглядит, или сделан из золота или глины» [Лэрд 2010: 142].

Согласно буддийскому летоисчислению, мы живем в кальпу Будды Шакьямуни. Кальпа — огромный временной отрезок, в течение которого Будда пришел, покинул этот мир и оставил свое учение. Считается, что до рождения Будды Шакьямуни в наш мир приходили три Будды: Будда Канакамуни, Будда Краккучандра, Будда Кашьяпа. Следующим пробужденным после Шакьямуни будет Будда Майтрея (калм. *Мээдрин гэгэн*).

Образ Будды Майтреи присутствует как в махаяне, так и в хинаяне. Широко известно предание о великом философе Асанге (IV–V в.), практиковавшем медитацию на Будду Майтрею, дабы зародить с ним связь и в будущем стать его учеником. *Великий Асанга стал гелонгом (буддийским монахом), согласно желанию матери-буддистки. Асанга стал выдающимся ученым и задался целью найти текст праджняпарамиты (запредельной мудрости), из книг он узнал, что если медитировать на Будду Майтрею или же бодхисаттву Манджушри и в результате успешной практики узреть их воочию, то возможно будет попросить учение праджняпарамиты у самого Майтреи либо Манджушри.*

Он провел двенадцать долгих лет в медитации, но трижды прерывал ее с желанием уйти, так как не добивался успеха. И каждый раз, выходя из пещеры с желанием бросить все, он видел сцены, наталкивающие его на мысли о недостаточности усилий и об ошибках собственной практики. Прервав самадхи в первый раз, он вышел из пещеры и увидел старика, натравившего кусок железа тканью в надежде выточить иголку. И когда Асанга спросил старика, понимает ли тот, что должно уйти много времени на вытачивание иглы, человек ответил утвердительно: «Да, но все же когда-нибудь я выточу ее». Через три года, не добившись результатов практики, Асанга вновь решил уйти и увидел, как капля воды, падая на камень, сделала в нем углубление,

а у подножия валуна образовалось озеро. «Если из капли воды может создаться озеро, то почему я не могу долго и упорно медитировать?», — подумал он. Так Асанга понял, что это напоминает ему о недостаточности усилий. В третий раз, отчаявшись узреть лик Майтреи, он вновь вышел из затвора и увидел, как скала постепенно разрушается от прикосновения крыльев птиц, задевающих ее при полете. «Если птица на протяжении долгого времени может разрушить камень, то почему я не могу добиться успехов», — подумал Асанга и вернулся обратно.

После четвертого длительного трехлетнего затвора он вышел из пещеры, по дороге увидел собаку, в боку которой была рана, и червей, поселившихся на ране. Асанга ощутил сильнейшее сострадание к собаке. Он подумал: как помочь собаке, пересадить червей, не принеся им вред. В результате, Асанга срезал кусок собственной плоти с бедра и решил языком слизывать червей с поверхности раны, дабы пересадить их на этот кусок мяса. Асанга достиг такого уровня сострадания к живым существам, что для него не было разницы, кому помогать — собаке ли, червям ли, все они были существами, охваченными страданием. Прикрыв глаза, святой решил было слизывать червей, как перед ним предстал прекрасный Будда Майтрея. Майтрея взял Асангу на райские небеса Тушита, где Асанга пробыл 55 лет, по исчислению людей, и мгновение, по исчислению богов. Получив множество наставлений по текстам махаяны, он вернулся на Землю. Согласно традиции, считается, что благодаря необычной встрече Асанги с Буддой Майтреей люди получили текст учения Праджняпарамиты [Будон 1999: 217].

Для буддизма махаяны культ данного Будды весьма характерен. Гигантские скульптуры, высеченные в скалах, сохранились в горах Китая. Скульптура Будды Майтреи находится на горе Лэшань в провинции Сычуань. Высота ее равна 91 м. Как памятник мирового наследия «сычуанский» Будда внесен в список Юнеско. В скором будущем ожидается постройка 130-метровой скульптуры Майтреи в Индии, в штате Уттар-Прадеш. Строительство организовано организацией «Фонд сохранения традиции буддизма Махаяны» под руководством од-

ного из выдающихся лам современности — Ламы Сопы Ринпоче. В Монголии и Бурятии изображения Майтреи также представлены в достаточной мере, что показывает важность этого культа.

В коллекции Национального музея Республики Калмыкия им Н. Н. Пальмова в постоянной экспозиции находится живописная икона «Будда Майтрея», некогда служившая украшением одного из калмыцких храмов. Внушительного размера сакральное полотно является творением калмыцких иконописцев и относится к началу XX в. Это произведение отличает хорошая степень сохранности и высокое качество исполнения.

Культу Будды Майтреи у монголоязычных народов посвящен праздник *Мэадрин эрц*. С ним связана интересная обрядовая часть, запоминающаяся своей зрелищностью. Праздник отмечается во всех буддийских регионах России. В наши дни в Центральном хуруле Элисты происходит вынос статуи Будды Майтреи, восседающего в мандале. Статую будды Майтреи в символической мандале на специальных носилках выносят из хурула монахи в праздничном облачении, с музыкальными инструментами, за ними следует процессия верующих.

В духовном контексте празднования скрыт глубокий смысл, связанный с пониманием того, что, оказывая знаки уважения и почести грядущему Будде, буддисты закладывают невидимую, но прочную основу для тонких, незримых «кармических» связей с ним в будущем.

«Будда Майтрея» из собрания Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова — икона, безусловно, репрезентативная. И по качеству исполнения, и по размерам она заслуживает детального изучения и анализа. Центром композиции является Будда Грядущего. Он восседает на троне, ноги спущены вниз и опираются на лунный диск, его тело золотистого цвета, поскольку в работе использовалось сусальное золото. Одежда Майтреи состоит из юбки «нивасана» (санскр. *nivāsana*), накидки, покрывающей плечи «упаспарша» (санскр. *ūpasparśa*). Голова Будды увенчана диадемой, на руках и ногах — золотые украшения, на груди, шее — ожерелья. На Будде Майтрее полный набор украшений бодхисаттв, его фигура доминирует в общей

композиции полотна, но величина фигуры не воспринимается как довлеющая тяжелая масса. Его фигура легка, нарядна и органично вписана в картину «чистой земли» — изображения рая Тушита.

Утонченный, пластичный рисунок рук, сложенных в «дхарма-чакра-мудру» (мудру проповеди), нежный лик бодхисаттвы с тонкими чертами — все говорит о мастерстве неизвестного живописца, о его утонченной манере письма. Пропорциям тел самого бодхисаттвы и его окружения присуща едва заметная вытянутость, что создает дополнительное чувство легкости, приподнятости настроения.

Цветовой колорит живописного полотна золотисто-зеленый, обогащенный белыми пятнами больших пионов и лотосов. По обе стороны от Майтреи расположены фигуры двух восседающих бодхисаттв. Один из них белого цвета, второй — синего.

Белый бодхисаттва из семейства Будды Вайрочаны показывает мудру вращения колеса учения, черты его лица округлы, им придана юношеская припухлость. Судя по

стилю написания, художник испытал влияние китайской живописи. У бодхисаттвы синего цвета, принадлежащего к семейству Акшобьи, в руках колокольчик и ваджра. Ваджру он держит в правой руке, а в левой руке у бедра держит колокольчик. Предположительно, это черный Ваджрасаттва.

Украшением небесного пространства стали узкие, перистые белоснежные облака, расположенные в ритмичной последовательности, на фоне которых размещены фигуры трех великих личностей традиции Гелуг. Изображение троицы великих святых лам — одна из характерных черт, отличающих структурную специфику школы Гелуг.

По центру над головой Майтреи находится лама Цзонхава (калм. *Богдо Зунква, Зунква-гегэн* (1359–1419). Основателя школы Гелуг — учителя Цзонхаву почитают как второго Будду (Дже Ринпоче). Цзонхава восседает на лотосе и лунном диске. По обе стороны от него находятся ближайшие ученики святого, монахи-гелонги: Кхайдуб Гелег Пелзангпо (*Кхедруб Ринпоче, Кхедруб*

Дже, 1385–1438) и Гъялцаб Дарма Ринчен (Гъялцаб Ринпоче, Гъялцаб Дже, 1364–1432).

Верхняя часть живописной иконы мажорная, светлая, нарядная. Фигуры изображенных на ней святых отличает воздушность, невесомость. При всей каноничности и устойчивости композиции изображение на верхнем поле иконы пронизывает чувство светлой радости. Конструкция больших по массе цветов (пионов) выстроена торжественно и умело. Рисунок стеблей служит обрамлением трона Будды Майтреи и ореола-мандорлы, а крупные белоснежные распустившиеся бутоны, увенчивающие их, словно парят в воздухе, внося дополнительную торжественность. Цвета облаков вокруг тронов Кхайдуба Ринпоче и Гъялцаба Ринпоче — светло-розовый и нежно-зеленый — усиливают праздничность иконы. Изображения двух светил — ночное и дневное, солнца и луны — на фоне клубящихся облачков, закручивающихся вертикально, придают «танцующий» характер всей верхней части иконы. Следует упомянуть о символизме этих знаков. Так, в некоторых пояснениях указывается, что изображение луны может иметь трактовку относительной истины, а солнце — символ абсолютной истины.

В нижнем поле иконы находятся фигуры божеств-защитников (дхармапал). Под ногами бодхисаттвы Майтреи — изображение шестирукого Махакалы, божества-защитника традиции Гелуг. Далее фигура Эрлик Номин хана (санскр. *Каларупа*, тиб. *Яма*), пляшущего со спутницей (шакти) на голубом буйволе и окруженного пламенем. Следующее божество — *Окн Теңгр* (санскр. *Шри Деви*, тиб. *Палден Лхамо*). Детали облачения ее ездового животного (мула), все атрибуты выполнены с точностью, отличающей качественную работу.

Исследуя икону, мы приходим к выводу, что, возможно, над полотном работали два мастера. Так, стиль написания центральной фигуры Будды Майтреи, бодхисаттв из его окружения отмечается манерой более искусной, нежели остальные фигуры. Нижняя композиционная часть полотна наполнена динамикой, усиленной характерными позами дхармапал, ореолами языков пламени,

с которыми «перекликаются» пламя на трех драгоценных камнях (*триратна*) и красный цвет коралловых подношений.

Живописная икона «Майтрея» (*Мэдрин гегэн*) имеет четкую структуру горизонтальных и вертикальных ритмов, создающих богатство композиции. Движение от темного низа к светлому верху сопоставимо с определенным смыслом изображения: прочность основания, фундамента есть необходимая предпосылка для устремленности к небесам.

Как сакральный артефакт икона несет несколько функций: информативно-религиозную, эстетическую и культурную. Информативность выражается в скрытом от поспешного и поверхностного взгляда объеме, сумме знаний о великих философах, ламах, чьи фигуры изображены на ней. Эстетическая часть представлена во всем художественном великолепии описываемой живописной иконы. Культурная часть относится к внутренней, скрытой от постороннего взгляда жизни религиозных произведений искусства, дающих щедрый материал, вплетающийся в канву этнокультурной жизни народа, его традиций и обычаев.

Литература

- Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство XVII — начала XX века. М.: Наука, 2005. 155 с.
- Будон Р. История буддизма. СПб.: Евразия, 1999. 336 с.
- Златкин И. А. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1964. 470 с.
- Лэрд Т. История Тибета. М.: АСТ-Астрель-Харвест, 2010. 608 с.
- Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. 236 с.
- Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2010. 54 с.
- Уланов М. С., Уланова Г. В. Социокультурное пространство России и буддизм // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 1. С. 95–101.

УДК 294.3

ББК 86.36

БУДДИЙСКОЕ УЧЕНИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ДУХОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛУБСАН-САМДАНА ЦЫДЕНОВА

Д. Л. Баяртуева

Большая часть истории монголоязычных народов связана с буддизмом, который был для них не просто религиозным учением, а, по существу, являлся одним из важных компонентов общественно-политической жизни. Само бытие монголоязычных народов, в том числе бурятского, строилось на религиозных постулатах буддизма.

Бурятское духовенство выдвинуло из своей среды немало выдающихся лам-ученых, известных не только в Бурятии, но и во всем монголоязычном и буддийском мире. До сих пор в памяти бурятского народа живы легенды и предания об именитых ламах, обладавших глубокими познаниями. К их числу относится и Лубсан-Самдан Цыденов (1851–1922?) — буддийский ученый, писатель и поэт, религиозный деятель, попытавшийся реализовать свои воззрения в области реальной политики через учреждение в 1919 г. теократического государства, основанного на принципах буддийской концепции власти.

В детском возрасте Лубсан-Самдана отдали в ученики (хувараки) в Кижингинский дацан, где он выделялся успехами в учебе среди остальных учеников. Уже в начале учебы в дацане ламы-наставники стали замечать у мальчика незаурядные способности, странности в поведении, отличавшие Лубсан-Самдана от других детей, необычайную серьезность и замкнутость. В столь раннем возрасте он познал сущность философского учения о пустоте — шунье. Лубсан-Самдан Цыденов получил полное философское образование в Кижингинском дацане, где ему было присуждено звание габжи (доктора богословских наук), и в 1890 г. становится общепризнанным среди бурятского духовенства ученым-ламой, обладавшим глубокими философскими познаниями и в совершенстве владевшим всеми тонкостями философии мадхьямики и учения праджняпарамиты.

В годы жизни при монастыре Л.-С. Цы-

денов встречается с европейским ученым — этнографом М. А. Кролем, благодаря которому Л.-С. Цыденов расширяет свои познания в области европейской науки.

В марте 1896 г. Л.-С. Цыденов был включен в состав делегации от буддийского духовенства, присутствовавшей на коронации императора Николая II, где произошел экстраординарный случай. Лубсан-Самдан Цыденов был единственным, кто не принял участия в поклонении делегатов царю, что не только поставило их в неловкое положение, но и вызвало сомнение в их лояльности со стороны дворцовых чинов и министерства внутренних дел. В ответ на осуждение Цыденов настаивал, что он как гелун (монах) не должен поклоняться царю, что неучастие его в данном поклонении не является преступным деянием, а поклонение гелуна является отступлением от законов Винаи и оценивается как позор.

После приезда из Петербурга в 1896 г. Л.-С. Цыденов создал на тибетском языке поэтическое произведение «Лечу по небесам», где ярко и красочно описывает свое пребывание в Москве и Санкт-Петербурге. К сожалению, оригинал этой поэмы на тибетском языке не был найден. Однако часть поэмы была переведена на старописьменный монгольский язык (*Oytagui-dur niysünem*) и опубликована в Монголии в сборнике академика Цэндийн Дамдинсурэна «100 образцов» (*Jaγun bilig*) в 1959 г. В описаниях внешних впечатлений автора таится глубина буддийской символики.

Поэма Лубсан-Самдана Цыденова «Лечу по небесам» состоит из восьмидесяти пяти шлок-четверостиший, разделенных на две части. Первая часть, состоящая из одиннадцати четверостиший, посвящается Москве, а вторая часть поэмы, состоящая из семидесяти четырех шлок, поэтически описывает столицу Российской Империи — Санкт-Петербург. Среди поэтических сравнений встречаются традиционные об-

разы индийской, тибетской и монгольской литературы.

Стихотворное произведение «Лечу по небесам» свидетельствует о том, что Лубсан-Самдан Цыденов — не только ученый, знаток многих языков, великий лама, но и талантливый поэт. В нем меткий взгляд Лубсан-Самдана обнаруживает особенности, которые являются достаточно интересными. В произведении как страноведческом источнике исследования быта, культуры российских столиц XIX в. он обратил внимание на то, что в Санкт-Петербурге количество русских меньше, чем в Москве. Описание народонаселения дается с точки зрения добродетелей, обеспечивающих ему переживание счастья.

Помимо этого поэтического произведения, сохранились рукописи Лубсан-Самдана Цыденова иного характера: это рукописи и документы балагатского движения. Среди них есть «Манифест Лубсан-Самдана» на монгольском языке, который содержит удивительные и смелые предсказания о распространении тантры, о будущем цивилизации. Идеи текста даже в некотором смысле опережают самые смелые догадки В. И. Вернадского и К. Э. Циолковского. Язык текста символичен, труден для перевода. В Кижингинском районе Бурятии в черном переплете хранится подлинная рукопись «Манифеста», до сих пор не доступная исследователю. Имеется также «Хвала Лубсан-Самдану», написанная его учеником Агваном Силнамом Бадмаевым. Этот текст достаточно известен и доступен для исследований.

После приезда из Санкт-Петербурга Самдан-лама решает уйти из монастыря и погрузиться в медитативную практику вдали от мирской суеты. В 1908 г. Л.-С. Цыденов заочно избрали настоятелем Кижингинского дацана. Когда ему сообщили об этом, он отказался возвращаться в дацан, так как не хотел оставлять отшельничество. Поэтому от его имени почти до конца 1915 г. обязанности настоятеля исполнял Гэнин Цыремпилов (Тыхэйн-лама). Вскоре Лубсан-Самдану предлагают стать не только настоятелем Кижингинского дацана, но и хамбо-ламой. По преданиям Кудунского круга, Л.-С. Цыденову принадлежит знаменитая фраза, которую он бросил на предложение стать хамбо-ламой: «Дацан — это сансара (мирское)». Его не удовлетворял образ жизни в монастыре, так как много времени занимала административно-хозяй-

ственная деятельность и ежедневная ритуальная служба, и почти не уделялось внимания медитативной практике.

Л.-С. Цыденов с близким ему учеником Агван-Силнамом вышли из Кижингинского дацана и со своими сторонниками поселились в тайге на склоне Кудунского хребта. Действиями такого рода Л.-С. Цыденов старался вернуть практическому буддизму строгость правил и интенсивность духовной практики времен индийских йогин-махасиддхов.

В жизни своей сангхи (общины) Лубсан-Самдан возродил принципы непосредственного ведения учителем ученика. Здесь проповедовались и осуществлялись практики тантры уровня махамудры. Он считал, что в меняющихся условиях жизни монастырская форма учения будет нежизнеспособной, и перешел к нетрадиционным, с точки зрения доминирующей в Бурятии школы Гелуг, видам практики и установил внешкольные правила — риме (тиб. *ris-med*) — устройства сангхи, которые могли бы помочь устоять учению в будущем.

Избрав отшельнический путь со своими последователями, Лубсан-Самдан Цыденов начинает распространять нетрадиционную, немонастырскую, форму буддизма в Бурятии. Идея «модернизации» буддизма предполагала два направления. Первое направление возникло в недрах бурятского Просвещения, идейным вдохновителем которого был ученый, политик, дипломат Агван Доржиев. Второе зародилось в ламской среде в первый приезд Жаягсан гэгэна (1896) в Кижингинский дацан. Инициатором реформационного движения здесь был Лубсан-Самдан Цыденов. Оба движения преследовали одну цель — приспособление буддизма к новым условиям жизни наступающего XX в. пышной обрядовости и монастырской форме учения они противопоставили философско-этические принципы раннего буддизма.

В недрах Просвещения происходит осознание своей общности с монгольским миром, которое инициирует движение за возрождение единства монгольских народов, за возрождение монгольской государственности и культурной общности. В научных изысканиях просветителей того времени, публицистических выступлениях в периодической печати, в полемике друг с другом оформлялась общественно-политическая платформа бурятской интеллиген-

ции, философское осознание ею действительности. Однако, как справедливо замечает Л. Е. Янгутов, идеи лидеров бурятского Просвещения не составляли какое-то идеологическое единство, во многом каждый из них оставался на собственной позиции [Янгутов 1995]. Тем не менее, лидеры бурятского Просвещения в обновленческом движении видели путь к консолидации бурятского народа.

Создание своего рода несектарного/нешкольного движения «риме» Л.-С. Цыденовым и его сторонниками объяснялось необходимостью развитию иных форм учения буддизма, предполагающих также и жизнь в миру, посвященную духовному совершенствованию. Л.-С. Цыденов пришел к пониманию необходимости изменить устоявшуюся форму бурятского буддизма таким образом, чтобы он мог развиваться в новой для себя социокультурной среде, в контексте российской действительности и культуры. К тому же Л.-С. Цыденов был лично знаком с представителями западной культуры и науки и на личном опыте знал, что западных адептов отличает большая интеллектуальная подготовка: обширные знания в области различных наук, владение языками и т. д. Им были собраны тексты не только Гелуг, но и других основных школ буддизма: Ньингма, Кагью, Сакья и Шижед, которые уделяют особое внимание медитативной практике. Здесь следует отметить, что, несмотря на то, что основным йидамом (божеством) йогина был Ямантака, для реализации своей практики в затворничестве он также использовал основные учения Хеваджра-тантры, Чакрасамвара-тантры, Гухьясамаджа-тантры, махамудры, которые практиковались в вышеназванных школах.

Учение школы Ньингма привлекло Л.-С. Цыденова и его последователей, поскольку в основе этой школы лежит традиция тантры. Тайная тантра владеет неизмеримо высоким методом единства стадий зарождения и завершения, которые очищают от заблуждений на разных ступенях практики. Теоретической основой этой практики является учение *дзогчен*. Его оформление в Тибете было осуществлено известным философом и йогиним Лонченпой (Нацог-Ран-доллом), оставившим многотомное собрание сочинений. Итоговую работу Лонченпы «Карнатантра...», объединившую учения дзогчен и махамудры, ученик и сподвижник Л.-С. Цыденова Агван Силнам Доржи

(Д. Бадмаев) перевел на бурятский язык. В круг практики было также введено учение махамудры традиции Шижед. Другой школой, учение которой было значимо для Л.-С. Цыденова, является Сакья. Основное учение этой традиции трактуется как Путь-Плод, что значит в развернутом виде «Путь, в самом себе заключающий Плод». Основной практикой Сакья является практика божества Хеваджры, в которой методически осуществляется Путь, состоящий из двух ступеней — зарождения и завершения. Таким образом, Самдан-лама, осуществляя практику созерцания божества Хеваджры, руководствуется сакьяпинской садханой (методом) «Способ осуществления Хеваджры». Созерцая божество Чакрасамвару, Л.-С. Цыденов руководствовался основными принципами школы Кагью. Так же, как и в традиции Кагью, основные принципы Л.-С. Цыденова базировались на устной традиции учителя. Основным учителем, давшим посвящение по практике Ямантаки Самдан-ламе, является Жаягсан-гэгэн. В свою очередь Л.-С. Цыденов передал эти наставления своим ученикам, одним из которых был Б. Д. Дандарон, известный тем, что продолжил идеи своего учителя.

Таким образом, Лубсан-Самдан Цыденов со своими учениками переходит к нетрадиционному, с точки зрения доминирующей в Бурятии школы Гелуг, видам практики. Безусловно, в то время для многих верующих и лам такое решение было непонятным. По нашему мнению, причиной неприятия и даже осуждения реформатора было убеждение в том, что путь серьезной тантрической практики, который избрал Лубсан-Самдан, мог осуществить не каждый, а только хорошо подготовленный для многолетнего затворничества человек.

Лубсан-Самдан Цыденов устраивает келью в Нижнем Кудуне, на западном склоне горы Шилэнтуй, в местности Соорхой, где и начинает созерцание божества Ямантаки. В буддийских текстах, содержащих разъяснения по практике Ямантака-тантры, говорится, что местами проведения затворничества отшельника могут быть кладбища, берега рек, перекрестки дорог, пустые дома, места сражения, вершины гор, храмы, дома, населенные различными вредоносными духами, и густые леса. Чтобы устранить блуждание ума, затворничество нужно осуществлять в тихом и безлюдном месте, то есть оно должно находиться вдали от мир-

ской суеты. Соорхой идеально подходила для затворничества. Божество, которое созерцал Л.-С. Цыденов, является йидамом в системе Ануттарайогатантры — наивысшей ступени махаяны, которая в свою очередь подразделяется на сутраяну и тантраяну. Ведущая мотивация последователя махаяны — это стремление достичь просветления и освобождения от сансарного круговорота ради всех живых существ и затем обратить их на путь к пробуждению. Практикующий тантру, будучи махаянистом, стремится достичь состояния Будды, чтобы уже с этого уровня содействовать страдающим. По мнению буддистов, тантрийский путь, который, в отличие от пути сутраяны, реализуется за короткий срок, может оказать неоценимую помощь всем живым существам. Тантрийский путь, хотя и нелегкий, отличается своей ясностью [Карма Агван Йондан Чжамцо 1993].

Аннутагарайогатантра является важным аспектом тантрической практики буддизма Махаяны и, по мнению Далай-ламы XIV, фактически образует ту основу, на которой строится вся структура тантры. Она обладает силой, которая наполняет медитацию серьезного практика необычайной жизненной энергией. В отличие от других систем тантрической медитации в значительной степени зависит от благословения, которое непосредственно передается по непрерывной линии традиции через живых наставников (гуру) [Его Святейшество Далай-лама XIV 2001].

Подобная практика довольно сложна для начинающих, поэтому во время затворничества Лубсан-Самдан Цыденов сочинил магтал (гимн) гневной ипостаси Манджушри — Ямантаке для своих учеников в упрощенном варианте, который представляет сокращенный и облегченный метод созерцания, что позволяет постепенно перейти к более сложной медитации. Магтал написан в стихотворной форме и имеет мелодию, что значительно упрощало процесс медитации для простых людей.

*Суть всех книг,
Объясняющих пустотность,
[Визуализирую, как реальность]:
Разноцветный лотос-престол,
Будду, ушедшего с победой,
Лучезарного Ваджра Бхайраву*

*[На лotosовом троне]
С телом темно-синего цвета,
С девятью гневными лицами.
Тридцатичетырехрукий,
Шестнадцатиногий,
Единотелый стоит Ямантака.
На голове, горле и сердце
Три магические буквы
«Ом-А-Хум» сияют.
И светом этим призывают
Бхайраву.
Дза-Хум-Бам-Хо!
Над головою возносится
Будда Акшоба.
Вновь молюсь, восхваляю
Падму Ямандака!
И очистившись, наконец,
От клеш и скверны,
Прошу магической силы:
Ом-Ямандака-хум пад!
Прошу погрузиться в меня,
Войти в мое тело.
От этого благодеяния
Сам становлюсь Ямандакой!
Устраиваю счастье и благоденствие
Всех живых существ!*

[Баяртуев 2001: 191–192].

В такой творческой, созерцательной практике Лубсан-Самдан Цыденов со своими учениками провел более двадцати лет. Возможно, кудунское созерцание могло бы продлиться еще несколько лет, однако война нарушила созерцательный образ жизни Л.-С. Цыденова. В конце августа 1918 г. власть в Забайкалье захватил атаман Семенов, ранее бывший представителем Временного правительства. С этого момента у Лубсан-Самдана Цыденова начинается новый этап жизни.

Литература

- Баяртуев Б. Д. Предыстория литературы бурят-монголов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 220 с.
- Его Святейшество Далай-лама XIV. Союз блаженства и пустоты / пер. с тиб. геше Туптен Джинпа, пер. с англ. А. А. Щербаков. СПб.: Нартанг, 2001. 259 с.
- Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч уверенности. СПб.: Орис, Яна-Принт, 1993. 240 с.
- Янгутов Л. Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск: Наука, 1995. 224 с.

УДК 294.3

ББК 86

ТРАДИЦИЯ ПОЧИТАНИЯ ТАРЫ В БУДДИЗМЕ

Д. Сумъяа

Согласно мифологии буддизма, богиня, которую в Индии называют Тара (санскр. *Tāra, Tāre*), в Тибете Долма (от тиб. *sgrol ma*), в Монголии именуют Гэтэлгэгч эхэ, Дара эхэ (от монг. *getülgegči eke, dar-a eke*) или Зеленая Тара (от санскр. *syama Tāra*, тиб. *sgrol ljan*, монг. *getülgegči ноууан dar-a eke*), Белая Тара (тиб. *sgrol dkar*, монг. *ᠰауауан dar-a eke*), — это божество из разряда бодхисаттв. В древности, будучи простой миряночкой, Тара преисполнилась мыслью о достижении просветления и дала обет спасать живые существа от опасностей, страданий сансары и посредством медитации обрела силу. Как воплощение будды деяния она выступает в виде (в форме) Зеленой Тары, обладающей телом изумрудно-зеленого цвета, как воплощение Будды долгой жизни, а под именем Белой Тары, обладающей телом цвета белого лотоса. Тара известна также и под именем «Двадцати одной матери-освободительницы» (тиб. *sgrol ma nyi rtza gcig*, монг. *getülgegči eke qorin nige*).

В силу того, что она обрела необычайную способность спасать все шесть видов живых существ от чувственных желаний сансары, ее также нарекли «Освобождающая мать» (монг. *Гэтэлгэгч эхэ*; тиб. *sgrol nyid ma*), «Стремительная (стремительно [спасающая]) мать» (монг. *Түргэн эхэ*; тиб. *myur ma*), «Изначальная мать» (монг. *Язгуур эхэ*; тиб. *gdug ma*), «Отважная (Доблестная) мать» (монг. *Баатар эхэ*; тиб. *dra' mo*) и др. Поскольку она была воистину освящена сиянием сострадания всех Будд, то стала бодхисаттвой Авалокитешварой (Жанрай-сиг) (санскр. *Avalokitesvari*, тиб. *'phags pa spyun ras gzigs*, монг. *Хутагт нүдээр үзэгч*). Поскольку она была воистину освящена сиянием изначальных дхьяни-будд («Таван язгуурын бурхан») и сиянием запредельной мудрости бодхисаттв, то стала Спасительницей Охин Тэнгэр (санскр. *Tāra sridevi*, тиб. *lha mo sgrol ma*, монг. *Гэтэлгэгч Охин тэнгэр*). Умиротворяя желания всех будд из самого сердца бодхисаттвы Авалокитешвары и вобрав в себя воедино деяния всех

будд, она претворилась Буддой, удовлетворяющим все желания.

Со времен индийского буддизма существует традиция поклонения Таре, спасающей от восьми великих опасностей (монг. *Аюулаас аврагч найман эх*, тиб. *'jigs chen brgyad*), среди которых выделяют следующие:

- спасающая от опасности [встречи со] львом (монг. *Арсланы аюулаас аврах*; тиб. *seng ge'i 'jigs pa las bskyab*);
- спасающая от опасности [встречи со] слоном (монг. *Зааны аюулаас аврах*; тиб. *glang po'i 'jigs pa las bskyab*);
- спасающая от опасности огня (монг. *Галын аюулаас аврах*; тиб. *me'i 'jigs pa las bskyab*);
- спасающая от опасности [встречи с] ядовитой змеей (монг. *Хорт могойн аюулаас аврах*; тиб. *dug sbrul gyi 'jigs pa las bskyab*);
- спасающая от опасности [встречи с] грабителями (монг. *Дээрэм хулгайн аюулаас аврах*; тиб. *chom rkun gyi 'jigs pa las bskyab*);
- спасающая от опасности тюрьмы (монг. *Гянданы аюулаас аврах*; тиб. *btzon ra 'jigs pa las bskyab*);
- спасающая от опасности океанского шторма (монг. *Далайн долгионы аюулаас аврах*; тиб. *rgya mtso'i rlabz kyi 'jigs pa las bskyab*);
- спасающая от опасности демонов (монг. *Мах идэгч бишчийн аюулаас аврах*; тиб. *sha ja'i 'jigs pa las bskyab*).

Древнеиндийская традиция поклонения Таре, спасающей от восьми великих опасностей, получила развитие в Тибете и Монголии, обретя форму поклонения двадцати одной Таре, каждая из которых наделена определенной функцией:

- 1) стремительная героиня мать (монг. *Түргэн баатар эх*; тиб. *myur dra' ma*);
- 2) подобная осенней луне светлая мать (монг. *Намрын саран мэт цагаан эх*; тиб. *ston ka'i zla ltar dkar po'i sgrol ma*);
- 3) золотого цвета мать (монг. *Алтан өнгөт эх*; тиб. *gser tog brgyan ma*);

- 4) обладающая ушнишей (выпуклостью на макушке — символом просветленности) мать татхагата (монг. *Үснүрт тийн ялгуусан эх*; тиб. *gtzug tor rnam rgyal ma*);
- 5) наполняющая [мир] слогом «хум» мать (монг. «Хум» *үсгийг дуурсгагч эх*; тиб. *hum sgra sgrogs pa 'i sgrol ma*);
- 6) трех миров мать победительница (монг. *Гурван ертөнцийг ялагч эх*; тиб. *jig rten sgum rgyal sgrol ma*);
- 7) подавляющая [козни] других мать (монг. *Бусдыг дарагч эх*; тиб. *rab tu 'joms ma*);
- 8) полностью истребляющая врагов мать (монг. *Шулмасуудыг машид дарагч эх*; тиб. *bdud 'joms ma*);
- 9) высшие три [драгоценности] почитающая мать (монг. *Чухаг дээд гурвыг тахигч эх*; тиб. *mchog gsum stan ma*);
- 10) подчинившая мир [своей власти] мать (монг. *Ертөнцийг эрхээрээ бологч эх*; тиб. *'jig rten dbang mdzad ma*);
- 11) очищающая от всего опустошающего (монг. *Хоосрол бүгдийг арилгагч эх*; тиб. *phongs gsal sgrol ma*);
- 12) сверкающая как огонь мать (монг. *Гал мэт бадарсан эх*; тиб. *'od rab mdzad ma*);
- 13) разрушающая защиту врагов мать (монг. *Дайсны өмгийг дарагч эх*; тиб. *dgra yi dbung ni rnam par 'joms ma*);
- 14) подавляющая препятствия мать (монг. *Тоггорыг дарагч эх*; тиб. *khro gnyer spyun ma*);
- 15) высшее успокоение [дарующая] мать (монг. *Ихэд амирлуулагч эх*; тиб. *zhi spyod yul nyid ma*);
- 16) освобождающая [посредством] «хум» мать (монг. *Ухааны хум-аар гэтэлгэгч эх*; тиб. *rig pa hum las sgrol ma*);
- 17) сотрясающая три мира и дарующая [свойства] чары мать (монг. *Гурван ертөнцийг хөдөлгөж, шид бүхнийг хайрлагч эх*; тиб. *'jig rten gsum gyö ba nyid ma*);
- 18) устраняющая яды [зло] мать (монг. *Хорлолыг эвдэгч эх*; тиб. *dug sel byed ma*);
- 19) устраняющая все страдания мать (монг. *Зовлон бүгдийг арилгагч эх*; тиб. *dug bsngal sel ba 'i sgrol ma*);
- 20) устраняющая [заразные] болезни мать (монг. *Хижиг өвчнийг дарагч эх*; тиб. *rimbs nad sel sgrol ma*);
- 21) вершащая деяния мать (монг. *Үйлсийг бүтээгч эх*; тиб. *'phrin las grub byed sgrol ma*).

Широкий спектр культа Тары не только вызвал к жизни систему религиозных обра-

дов (церемоний), но также положил начало литературе, посвященной этому культу. Самым ранним сочинением из этого ряда является гимн (монг. *магтаал*) Таре, составленный индийским учителем Вайрочаной (буддой (монг. *Энэтхэгийн Бурхан багш*) Намбарнанзадом) (санскр. *vyirozana*, тиб. *rnam par snang mdzad*). Он известен под названием «Поклонение 21 Спасительнице Таре» (тиб. *rJe btzun sgrol ma 'i phyag 'tshal nyi shu rtza gcig ma bzhuks*, монг. *Getülgegči dar-a eke-yin qorin nigen mörgül orosiba*). Этот текст в разных вариантах широко распространился среди верующих буддистов.

Гимн начинается с краткой молитвенной формулы «Ом, нижайше поклоняюсь Святой Спасительнице Таре» (тиб. *Om rje btsun ma 'phags ma sgrol ma la phyag 'tshal lo*), смысл которой заключается в поклонении святой матери деяниями тела, речи и ума.

Далее в пространной форме поясняется суть прославления и результат этого деяния:

- 1) восхваление с опорой на легендарную биографию (намтар);
- 2) при восхвалении совершенного радостного тела:
  - а) прославляются 6 мирных ее воплощений;
  - б) прославляются 7 гневных ее воплощений;
- 3) восхваление с позиций дхармы;
- 4) шесть разновидностей восхваления с позиций ее деяний.

Иными словами, превозносятся славные деяния каждой из двадцати одной Тары (тиб. *sgrol ma nyi shu rtza gcig*, монг. *getülgegči eke qorin nige*). Из содержания данного гимна становится понятным, каким деяниям они способны противостоять (противодействовать), и, соответственно, становится ясной функция цвета тела Тары.

В гимне «Стремительной героине матери» (монг. *Түргэн Баатар эхийн мөргөл*) прославляется ее способность стремительно, как вспышка молнии, исполнять любые просьбы любого человека, подобно тому, как мать проявляет заботу о своем ребенке.

Поклоняюсь Спасительнице Стремительной героине матери,

Очи [которой сверкают] подобно мгновенной молнии,

Возникшей из ушниши лотосоподобного ликом

Защитника трех миров.

Цвет этой ипостаси Тары подобен исходящим из ее тела красным радужным молниям. Она собирает всех под свое покровительство (символом чего выступает приспущенная нога) и указывает путь к устранению страданий. Таким образом, красный цвет символизирует покровительство и власть богини.

В гимне «В высшей степени умиротворяющей матери» прославляется Тара, чей лик подобен полному осеннему месяцу и сияет светом тысячи звезд. Она помогает всякому, кто обращается к ней с просьбой о защите, об очищении от ментальных клешей (загрязнений) и стремится стать чистым, подобно жемчугу.

В 14-м поклонении, с позиций гневной сущности совершенно счастливого тела (образа), восхваляется «Мать, творящая гнев» (монг. *Агуурлыг үйлдэгч эх*):

*Поклоняюсь той, кто ударяет о землю
рукой и стопой,*

Гнев проявляя слогом «хум»,

*Рассеивая семь уровней подземного
мира,*

— так из сердца перекошенной от гнева матери, а также из сосуда слога «хум» появляется град, излучается, подобное мечу, великое черное сияние, превращая в прах препоны сил, наносящих вред.

В поклонении «Матери, исполняющей все деяния» (монг. *Үйлсийг бүтээгч эх*) пре-

возносятся деяния, подавляющие всех злых духов и демонов и способствующие исполнению задуманного:

Поклоняюсь той, кто посредством звука «туре»

И проявлением трех видов истинной сущности

Усмиряет злых духов и демонов.

Тайное значение мантры «Ом-А-Хум» связано с тремя точками на теле (макушка головы, горло, сердце), символизирующими деяния тела, речи и ума. Визуализируется, что из сосуда «Ом» исходит белое сияние, из «А» — красное, из «Хум» — черное, которые подавляют вред и способствуют распространению добродетели, долгой жизни, счастья, богатства, знания и т. д.

Таким образом, смысл стихотворного восхваления 21 Тары заключается в том, что превозносятся ее способности спасать и помогать каждому человеку в той мере, в какой кто бы то ни было пожелает.

Практика визуализации требует символического знания всех видов состояния Тары и их цветовой манифестации. Если собрать воедино цветовые характеристики Тары, данные в трудах буддийских учителей (проповедников) (таких, как Шагжаан тойн Лувсанжанцансэнгэ, Лувсанчойжижалцан, Сэрдэг Лувсанчүлтэмжамц, Лувсанчүлтэм и др.), то можно представить их следующим образом:

№ п/п	Дара эхийн алдар Имя Тары	Биений онго, байдал Цвет тела, поза	Ямар үйлс даасан Символ действия
1.	<i>Түргэн Баатар Гэтэлгэгч</i> Стремительно спасающая героиня	<i>Бадмаараг улаан, сүрлэг</i> Цвета красного рубина, величественная	<i>Эрхэнд хураагч</i> Собирающая под свою власть
2.	<i>Ихэд амирлуулагч</i> В высшей степени успокаивающая (усмиряющая)	<i>Намрын сар мэт цагаан</i> Белая, подобно осенней луне	<i>Амирлуулагч</i> Умиротворяющая (усмиряющая)
3.	<i>Алтан өнгөт эх</i> Мать, [обладающая] золотым цветом	<i>Шижир алтан, баясгалант</i> Цвета чистого червонного золота, радостная	<i>Нас, буяныг дэлгэрүүлэгч</i> Приумножающая возраст и добродетели
4.	<i>Тийн үснирт эх</i> Мать, [обладающая] ушнишей — символом просветленности	<i>Алтан уул мэт жавхлант.</i> Подобна золотой горе, величественная	<i>Нас, хийморь арвитгагч</i> Приумножающая возраст и удачу (счастье)
5.	<i>Хум дуун дуурсгагч</i> Наполняющая [мир] слобом «Хум»	<i>Шүрэн уул мэт</i> Подобна коралловой горе	<i>Бусдын сэтгэлийг эрхгүй хураагч</i> Собирающая мысли других, помимо их воли

6.	<i>Гурван ертөнцийг ялагч</i> Победительница трех миров	<i>Улаан хар, хилэнт</i> Красно-черного цвета, свирепая (гневная)	<i>Бүдээг согтууруулагч</i> Опьяняющая невежество
7.	<i>Машид эвдэгч</i> В высшей степени подавляющая (разрушающая)	<i>Хар, амаа ангайсан</i> Черного цвета, с оскалом	<i>Бусдын тарнийг эвдэгч</i> Разрушающая дхарани других
8.	<i>Шулмас дарагч</i> Подавляющая шулмусов (врагов)	<i>Улаан хар, хилэнт</i> Красно-черного цвета, свирепая (гневная)	<i>Дайсныг дарах мэс буулгагч</i> Опускающая меч, подавляющий (побеждающий) врага
9.	<i>Гурван эрдэнийн бэлгэдэл</i> Символ трех драгоценностей	<i>Цагаан, амирлангуй</i> Белого цвета, мирная (миролюбивая)	<i>Аюул бүхнээс аврагч</i> Освобождающая от всех опасностей
10.	<i>Ертөнцийг эрхэндээ хураагч</i> Подчиняющая своей власти мир	<i>Улаан, тачаангуйт</i> Красного цвета, чувственная	<i>Шулмасыг дарагч</i> Подавляющая шулмусов (врагов)
11.	<i>Үгээгүйг арилгагч</i> Избавляющая от бедности	<i>Улаан шаргал</i> Красно-желтого цвета	<i>Үгээгүй бүхнээс аврах</i> Освобождающая от всевозможной нищеты
12.	<i>Өлзий өгөгч</i> Дарующая счастье	<i>Алтан өнгөт, үзэсгэлэнт</i> Золотого цвета, прекрасная	<i>Үүрдийн амгаланг өгөх</i> Дарующая вечное счастье
13.	<i>Гал мэт бадрангуй</i> Пылающая, как огонь	<i>Хар бараан, соеогоо ярзайлгасан</i> Черного (темного) цвета, с оскаленными клыками	<i>Саад тотгорыг арилгагч</i> Освобождающая от препон (препятствий)
14.	<i>Агуурлыг үйлдэгч</i> Творящая гнев	<i>Хар, хилэнт</i> Черного цвета, свирепая (гневная)	<i>Дайсны хүчийг буцаах</i> Обращающая вспять силу врага
15.	<i>Их нүгэлийг дарагч</i> Подавляющая великие грехи (прегрешения)	<i>Цаст уулын өнгөт</i> Цвета снежной горы	<i>Хилэнцийг амирлуулна</i> Усмирняет грехи (прегрешения)
16.	<i>Ухаан Хум-аар гэтэлгэгч</i> Спасающая [с помощью] «Хум»	<i>Улаан өнгөт, номхон</i> Красного цвета, спокойная	<i>Арвис тарнийг арвитгагч</i> Приумножающая дхарани Приумножающая [силу] заклинаний (тарни)
17.	<i>Гурван ертөнцийг хөдөлгөгч</i> Сотрясающая три мира	<i>Оронде (гургэн) амирлангуйн</i> Цвета шафрана, мирная (миролюбивая)	<i>Хулгай дээрмийг дарагч</i> Подавляющая грабителей
18.	<i>Хор өвчнийг арилгагч</i> Очищающая (освобождающая) от ядов	<i>Цагаан болрын өнгөт</i> Цвета белого жемчуга	<i>Хор бүхнийг арилгагч</i> Очищающая от всех ядов
19.	<i>Зовлонг арилгагч</i> Освобождающая от страданий	<i>Болор мэт тунгалаг</i> Светлая, подобно жемчугу	<i>Зовлон бүгдийг арилгагч</i> Освобождающая от всех страданий
20.	<i>Хижиг өвчнийг арилгагч</i> Устраняющая болезни (эпидемии)	<i>Үүрийн туяа мэт</i> Подобна цвету утренней зари	<i>Өвчин тахлыг арилгана</i> Очищает от болезней, эпидемий
21.	<i>Үйлс бүхнийг бүтээгч</i> Совершающая все деяния	<i>Цагаан өнгөтэй</i> Белого цвета	<i>Элдэв үйлс бүхнийг бүтээгч</i> Исполняющая все деяния

В чем заключается суть почитания Двадцати одной Тары, — богинь, спасающих от опасностей и исполняющих желания? Верующим известно, что и в гневной, и умиротворенной форме (эманации) они помогают тем, кто деяниями тела, речи и ума поклоняются, почитают и визуализируют ее образ. В гневной ипостаси она выступает в образе Охин Тэнгэр, в спокойной форме проявляется как эманация бодхисаттвы Авалокитешвары, принося пользу всем и оказывая покровительство живым существам. По этому поводу в сочинении «Поклонение 21 Спасительнице Таре» (монг. *Хутагт хорин нэгэн мөргөл*; тиб. *rJe btzun sgrol ma phyag 'tsal nyi shu rtza gcig ma*) сказано: «Кто, пробудив в уме великое благоговение, вечером или проснувшись рано утром, произнесет (гимн), то все опасности устроятся, все пороки усмирятся, все плохие рождения будут побеждены. <...> Если произнести этот гимн два, три, семь раз, то желающие ребенка обретут его, желающие имущества обретут его, все желаемое обретется и все препятствия будут устранены».

Таким образом, практика почитания Тары, спасающей от восьми великих опасностей, преобразуется в практику почитания 21 формы (эманации) Тары, спасающей всех и исполняющей все желания. Вследствие этого культ почитания и поклонения Тары получил широкое распространение.

Практика почитания Тары (тиб. *sgrol ma'i cho ga*) включает следующие аспекты:

- 1) в Индии, Тибете и Монголии учителя веры (буддийские проповедники) осуществляли прямую передачу традиции почитания Тары своим ученикам в виде таких практик, как «Пророчества Тары» (монг. *Дара эхийн эш*, тиб. *sgrol ma'i lung*), «Могущество Тары» (монг. *Дара эхийн эрх*, тиб. *sgrol ma'i dbang*), «Превознесение Тары» (монг. *Дара эхийн даган соерхол*, тиб. *sgrol ma'i rjes gnam*). Отдельно следует назвать традиции таких индийских учителей, как Нагарджуна и Джово Атиша. Основываясь на них, религиозные деятели Тибета и Монголии давали свои наставления. Сочинение, которое вообрало в себя основы многих тантрических практик Тары, известно под названием «Передача основ Тары» (монг. *Дара эхийн үндэсний зэрэг дамжлага*, тиб. *sgrol ma'i bgyud rim*). Таким образом, практики почитания и

медитации Тары, зародившиеся в Индии и получившие продолжение в Тибете и Монголии, включают множество аспектов;

- 2) произнесение имен Тары (монг. *Дара эхийн нэрийг унших*, тиб. *sgrol ma'i mtsan 'don*). Включает практику чтения восьми, двадцати одного и ста восьми имен Тары;
- 3) чтение дхарани (тарни) Тары (монг. *Дара эхийн тогтоол тарнийг унших*, тиб. *sgrol ma'i gzungs*). Это практика чтения определенного количества раз коренной мантры Тары;
- 4) явственное распознавание Тары (монг. *Дара эхийг илт онох*, тиб. *sgrol ma'i mngon rtog*). Практика поклонения Таре путем ясной визуализации ее образа;
- 5) совершение шестикратного подношения Таре (монг. *Дара эхэд зургаан гишүүн тахил өргөх*, тиб. *sgrol ma'i yan lag drug ma*). Это практика подношения Таре с просьбой обретения в ней прибежища;
- 6) подношение четырех мандал Таре (монг. *Дара эхэд дөрвөн мандал өргөх*, тиб. *sgrol ma'i mandal bzhi ba*). Это практика подношения четырех мандал в качестве спасительного деяния;
- 7) произнесение молитвы Таре (монг. *Дара эхэд залбирал тавих*, тиб. *sgrol ma'i gsol ba 'debs*). Это практика благоговейного поклонения Таре с просьбой о спасении;
- 8) восхваление Тары (монг. *Дара эхэд ерөөл тавих*, тиб. *sgrol ma'i smon lam*). Это мольба к Таре о спасении, к силе ее деяний;
- 9) гимн Таре (монг. *Дара эхийг магтах*, тиб. *sgrol ma'i stod pa*). Это восхваление внешних качеств, силы, драгоценных деяний Тары, с просьбой о спасении;
- 10) мольба к Таре о ниспослании счастья и благословения (тиб. *sgrol ma'i bkra shis*, монг. *Дара эхийн өлзий гуйж, адистид оршуулах*). Это просьба к Таре даровать счастье и благословение своей силой и драгоценными деяниями;
- 11) метод реализации Тары (монг. *Дара эхийн бүтээлийн арга*, тиб. *sgrol ma'i sgrub thabs*) и принцип действия (монг. *үйлийн есон*, тиб. *bya'i tshul*). Это практика медитации на образе Таре, а также методы тантрических практик, изложенные в сочинениях «Правило возведения кюрде (молитвенного барабана)» (монг. *Хүрд бүтээх есон*), «Правило возведе-

ния сосуда для воскурений» (монг. *Сангийн бумба бүтээх есон*).

Таким образом, рецепция Тары в своей женской ипостаси, вобравшей в себя силу всех будд трех времен ради блага других, получает особое развитие — с выделением множественных образов, каждый из которых наделяется собственной функцией: Зеленая Тара, Белая Тара, Тара, спасающая от восьми великих опасностей, 21 Тара. По этой причине культ почитания Тары получил большое распространение в широких слоях простых верующих буддистов. Появляются многообразные обрядовые тексты и практики разных жанров, связанные с традицией почитания и поклонения Таре: восхваления, гимны, комментарии, жизнеописания, истории, дхарани (тарни — заклинания), призывания (инвокации), описания мандалы, описания воскурения, жертвоприношения, гадания и т.п. Культовая литература, связанная с традицией почитания Тары, представляет собой иерархически организованную систему — от текстов об-

ращения к ней с мольбой о помощи до описания тантрических практик.

Литература

- Билгүүдэй Г. Ц.* Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол номын бүртгэл. I боть. Улаанбаатар, 1998. 248 х.
- Богд Зонхаба.* Бодь мөрийн зэрэг. Улаанбаатар, 2002. 284 х.
- Бүрнээ Д., Энхтөр Д.* Төвд Монгол илт өгүүлэхийн нэрийн толь. Улаанбаатар, 2003. 367 х.
- Дагваадорж Д.* Монголын шашин суртахууны тайлбар толь. Улаанбаатар, 1995. 111 х.
- Сумъяа Д.* Монгол Ногоон Дара эхийн тууж. Улаанбаатар: ШУА-ийн ХЗХ, 2011. 412 х.
- Цэрэнсодном Д.* Монгол уран зохиол (XIII–XX зуун). Улаанбаатар: ШУА-ийн ХЗХ, 1987.
- Цэрэнсодном Д.* Монголын Бурхан шашны уран зохиол. Улаанбаатар: ШУА-ийн ХЗХ, 1997. 401 х.

*Перевод с монгольского языка выполнен
канд. филол. наук Д. Н. Музраевой*

УДК 811.161.1'271.2

ББК Ш141.2-5

БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (шедевры искусства Бурятии)

Н. Л. Жуковская

В литературе, посвященной истории буддизма в России, отправной датой его формирования в одну из религиозных систем страны считается 1741 год — именно в этом году императрица Елизавета Петровна подписала Указ об официальном признании наличия буддийской сангхи в Бурятии. Однако указанная дата неправомерно укорачивает период существования этой религии в России. На самом деле буддизм на ее территории появился более 400 лет назад [Zhukovskaya 2011: 19–20].

Первыми буддистами Российской империи были калмыки — потомки ойратов, добровольно вошедших в состав Российского государства в начале XVII в. Ныне большая их часть живет в Республике Калмыкия. Вторым буддийским народом стали буряты. Их земли постепенно включались в состав Российской империи в 40–50-е гг. XVII в. Сейчас это Республика Бурятия и сопредельные территории Иркутской области и Забайкальского края. Буддистами были также и тувинцы — ныне основное население Республики Тува (Тыва), — но она стала частью России только в советское время, войдя в состав СССР в 1944 г. Именно эти три народа вплоть до 80-х гг. XX в. имелись в виду, когда заходила речь о том, кто исповедует буддизм в российских регионах. Однако в данной статье речь пойдет только о бурятском буддизме и о сохранившемся до наших дней его культурном наследии.

Буддизм, получивший распространение в Бурятии, относится к тибетской школе Гелуг, входящей, наряду с другими школами (Ньингма, Кагью, Сакья), в третье по времени возникновения направление в буддизме, называемое *ваджраяна*¹. Школа Гелуг создана в начале XV в. крупным религиозным деятелем, учителем, проповедником тибетской формы буддизма по имени Цонхава Лобсанг Дракпа на основе реформированной им школы Кадам, существовавшей с XI в. В бурятских кочевьях регулярно по-

являлись миссионеры этой школы, считавшейся самой сильной в Центральной Азии [Буряты 2004: 397–400]. К 1701 г. в Бурятии уже действовали 11 войлочных храмов (*дуганов*), но лишь в середине XVIII в. был построен первый стационарный буддийский монастырь — Цонгольский дацан.

В 1764 г. в правление императрицы Екатерины II главный лама Цонгольского дацана был официально признан Верховным ламой бурят Забайкалья и получил титул Пандито Хамбо-лама («Ученый Первосвященник»). Это положило начало автономии буддийской церкви Бурятии и содействовало постепенному укреплению ее независимости от Тибета и Монголии. В 1853 г. Министрство внутренних дел России утвердило «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири», в котором признавались действующими в Бурятии 34 монастыря (*дацана*), при них 146 больших и малых храмов (*дуганов*), и всего 285 священнослужителей всех рангов (*лам* разных степеней посвящения) [Ермакова 1998: 57–63].

Несмотря на административные ограничения, число дацанов и лам продолжало расти. К началу XX в. в Бурятии уже насчитывалось 47 монастырей и более 10 тыс. лам. Крупнейшими дацанами считались Цонгольский, Тамчинский, Агинский, Аннинский, Ацагатский, Эгитуйский, Цугольский.

В начале XX в. был построен последний из дореволюционных на территории России — Санкт-Петербургский дацан. Его строили по инициативе дипломата и наставника Далай-ламы XIII Агвана Доржиева, средства собирали среди бурят и калмыков. Третью необходимой суммы пожертвовал Далай-лама XIII. Первый молебен в этом храме состоялся в феврале 1913 г. и был приурочен к 300-летию правления Романовых. В 1930 г. храм был закрыт, но, к счастью, не разрушен, а в 1991 г. начал функционировать вновь.

Буддизм оказал огромное влияние на развитие бурятской национальной культуры. При дацанах существовали факультеты,

¹ Два других, более ранних, — хинаяна и махаяна.

где преподавали философию, логику, медицину, тантру и т. д., печаталась религиозная, научная и художественная популярная дидактическая литература, существовали мастерские, в которых работали живописцы, резчики по дереву, скульпторы, переписчики и т. д. Таким образом, буддийские монастыри фактически стали главными духовными и культурными центрами традиционного бурятского общества. Широко известна просветительская деятельность бурятских дацанов: 29 из них имели свои типографии (точнее, печатни), где с деревянных клише вручную печатались буддийские сочинения на тибетском и монгольском языках для монахов и мирян, каноны и комментарии к ним, биографии известных деятелей буддизма, обрядники (описание обрядов, которые необходимо совершать в разных ситуациях), сочинения по вопросам вероучения, азбуки и пособия по грамматике, дидактическая литература, назидательные притчи, сборники наставлений бурятского просветителя Ринчена Номтоева, исторические очерки по буддизму Агвана Доржиева и др. Всего известно около 1 200 изданий, выпущенных типографиями монастырей, среди которых наиболее значительной была находившаяся при Агинском дацане. Именно благодаря им наука сейчас располагает фундаментальными источниками по теории и практике популярного буддизма. Преподавательская деятельность монастырских школ способствовала развитию образования и созданию кадров бурятской интеллигенции [Абаева 2008: 46].

При монастырях возникла национальная школа буддийской архитектуры, живописи, скульптуры. Руководствуясь индо-тибетским каноническим, бурятские мастера сумели создать выдающиеся произведения в каждом из этих трех видов искусства именно потому, что вложили в них еще дух и стиль национальной традиции.

Список шедевров буддийской культуры Бурятии насчитывает не один десяток названий. Им посвящены толстые фолианты, научно-исследовательские монографии, красочные альбомы и огромное количество статей. Охватить весь объем бурятской буддийской культуры в одной статье невозможно, поэтому мы выбрали три наиболее значительных произведения, два из которых созданы руками бурятских мастеров, — это архитектурный комплекс Тамчинского дацана и буддийская скульптура выдающего-

ся мастера Санжи-Цыбик Цыбикова, а третье, хотя и сотворено далеко за пределами Бурятии, но уже более ста лет находится на ее территории и в какой-то степени стало ее сакральным символом — это Сандаловый Будда. Все три святыни относятся к сокровищам бурятского буддизма, а значит, являются и культурным достоянием России в целом.

Тамчинский дацан

Он известен в литературе и официальных документах под несколькими названиями: Тамчинский (от бурятского названия местности Тамча, где он расположен), Хулуннурский (от названия Хулун нур, что в переводе с бурятского означает «Гусиное озеро», на берегу которого он находится), Гусиноозерский (то же самое, но по-русски), Хамбинский (от *хамбо* — в переводе с бурятского «главный», т.к. на протяжении более века в этом дацане находилась резиденция Пандито Хамбо-лам — высших лиц в буддийской иерархии священнослужителей Бурятии), и, наконец, у него есть и тибетское название — Даши Галдан Даржалинг (в переводе — «Сад нерушимого благоденствия»).

Дацан был основан в 1741 г. — тогда же, когда и Цонгольский, но ему предстояло сыграть более важную роль в истории Бурятии, чем последнему, с которым он более 50 лет соперничал по своей значимости. В 1783 г. он стал резиденцией Пандито Хамбо-ламы, а с 1809 г. ему были подчинены и все остальные дацаны Бурятии.

Дацан долго строился, перестраивался, его храмы переносили на новые места в связи с тем, что Гусиное озеро, которое еще в середине XVIII в. было достаточно неглубоким, постепенно заполнялось водой за счет подземных ключей и новой протоки реки Темник, которая несла в него свои воды.

О том, как разрастался дацан в размерах, как увеличивалось число его храмов и прихожан, как становились более красочными и многочисленными по числу участников проводимые им *хуралы* (религиозные праздники), известно из описаний ученых, путешественников и политических ссыльных, побывавших в нем в разное время — П. С. Палласа в 1772 г., А. Мартоса в 1823 г., М. Кастрена в 1848 г., В. Птицына в 1890 г., М. Кроля в 1892 г. и др.

Храмы размещались поначалу в обширных юртах, затем были построены деревян-

ные, а позднее и каменные здания для основных из них. Цогчен дуган – самый главный в любом монастыре. Тот, что сохранился до наших дней, был построен в 1859–1860 гг., частично разрушен в 1930-е гг. — в период антирелигиозных репрессий в Советской России, реставрирован в начале 1960-х гг. и понемногу подновляется постоянно в последние два десятилетия. В свое время он считался — и действительно был таковым — первым опытом в создании собственной школы культовой архитектуры Бурятии. Он состоит из трех ярусов: на первом этаже проводились религиозные службы, и только здесь могли находиться миряне, второй и третий этажи строго предназначались для лиц, имевших те или иные степени посвящения в ламский сан. Здание завершал павильон, в котором проходили службы в честь богини-покровительницы храма Палдан Лхамо — одной из десяти главных хранителей буддизма (*докишитов*). В настоящее время храм функционирует в полном объеме, в нем совершаются все общеподдрийские хуралы, а также локальные, имеющие отношение к истории данного дацана и памяти выдающихся бурятских Пандито Хамболам, чьи имена неразрывно с ним связаны: Жимба Ахалдаев, Дэмчиг, Гаван и Данзан Чойван Ешизамсуевы, Галсан Чойроп Ванчиков, Дампил Гомбоев, Цынгунжап Баниев, Данжа Мункожапов. В честь каждого из них в местах их рождения воздвигнуты сурбурганы (мемориальные ступы).

Всего к началу XX в. на территории Тамчинского дацана действовали 17 храмов (дуганов). Среди них по значимости, после уже названного Цогчен дугана, можно отметить дуганы Чойра и Деважин. Оба были построены в самом конце XIX в. Чойра был учебным факультетом, там изучали буддийскую философию. В дугане Деважин находилась модель «Рая Сукхавати» — досл. «Небесная страна счастья» или «Чистая земля», хозяином которой считается Будда Амитабха, куда стремятся попасть многие буддисты в очередном перерождении.

В Тамчинском дацане имелись медицинская школа, школа буддийской живописи и своя типография. Известны 97 наименований книг на тибетском и монгольском языках, отпечатанных с ксилографов именно в этом дацане. Часть этих ксилографов хранится сейчас в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге [Буддийская традиционная... 2011: 25–27].

Одной из достопримечательностей дацана является Алтан сэргэ — «Золотая коновязь», установленная перед входом в храм Чойра. В дни календарных буддийских праздников устраивался Цам — театрализованное представление, участники которого танцуют в масках и костюмах, изображая персонажей буддийского пантеона, которых встретит душа умершего на пути к новому перерождению (мистерия торжества сил добра над силами зла). Считалось, что в такие дни боги съезжаются на представление на своих невидимых обычным людям конях и привязывают их к Золотому сэргэ. Ламы с утра пораньше, еще до начала Цама, привязывали к сэргэ живого коня золотисто-соловой масти в красивой конской упряжи. До этого его не кормили, чтобы голодный конь погромче ржал, оповещая людей и богов о том, что мистерия вот-вот начнется.

У этого сэргэ своя долгая история. Коновязь представляет собой каменный четырехгранный столб высотой примерно в 3 метра, на боковых гранях которого высечены в парящем полете олени с ветвистыми рогами. Археологи называют такие столбы оленьими камнями, им более 3 тыс. лет, сотни их стоят в степях Монголии, являясь памятниками культуры ее древнего населения II–I тысячелетий до н. э. [Волков 2002: 16–19]. В конце XIX в. он был привезен именно оттуда и стал использоваться в виде «божественной» коновязи. В 1938 г. дацан был закрыт, большая часть дуганов разрушена, а камень исчез. До конца 80-х гг. XX в. о нем не было никаких известий, и лишь случайно несколько отколотых от него кусков были обнаружены в качестве фундамента под одним из жилых домов в соседнем поселке. Сейчас он реставрирован и снова стоит на прежнем месте.

Да и весь монастырь в течение 50 лет пребывал в заброшенном состоянии. Уцелевшие храмы использовались по-разному: в дугане Цогчен жили заключенные, строившие железную дорогу от Иркутска до Наушек; в дугане Чойра был всегда переполненный больными лазарет для заключенных; в конце 1940 г. было принято решение о создании в дацане Антирелигиозного музея, но оно так и осталось на бумаге; часть построек использовали под жилье; один из дуганов отвели под конюшню, в ней жгли священные книги. Чудом уцелели до 1970-х гг. храмы Деважин и Аюши, их решили сохранить, но не на территории монастыря, а сделать

частью музеев архитектуры под открытым небом: Деважин был перевезен в Музей деревянного зодчества Бурятии под Улан-Удэ (сейчас это Этнографический музей народов Забайкалья), а Аюши отдан Новосибирскому историко-архитектурному музею Сибирского отделения АН СССР.

Возродился Тамчинский дацан в постперестроечное время. В ноябре 1990 г. он был заново освящен, ему были возвращены дуганы Деважин и Аюши, отреставрированы, хотя далеко не сразу и не быстро, храмы Цогчен и Чойра, найдена и вновь установлена *Золотая коновязь*. В 1991 г. дацан впервые за всю его историю посетил Далай-лама XIV. В 2001 г. и в 2011 г. Тамчинский дацан отметил соответственно 260-летие и 270-летие своего существования. Возродились все основные хуралы, а также национальные спортивные игры — борьба, стрельба из лука, конные скачки, с древности называемые «Три игры мужей», которыми всегда сопровождалась монастырские праздники. Дацан вновь стал не только религиозным, но и культурным центром жизни своего региона [Буддийская традиционная... 2011: 40–48].

Деревянная скульптура С.-Ц. Цыбикова и его учеников

Школе деревянной скульптуры, созданной Санжи-Цыбик Цыбиковым при Янгажинском дацане Бурятии, и ему лично как автору и Мастеру с большой буквы принадлежит ряд шедевров в этой сфере буддийского искусства, равных которым трудно что-либо найти в буддийском мире.

С.-Ц. Цыбиков (1877–1934) родился и вырос в улусе Ошор Булак недалеко от Верхнеудинска (ныне это столица Республики Бурятия — г. Улан-Удэ), получил высшее философское образование в Янгажинском дацане и степень габжа-ламы — самую высокую из того, что можно было получить в Бурятии. Он был учеником Даши-Доржо Итигэлова, будущего 12-го Пандито Хамбо-ламы, чье нетленное тело через 75 лет после его ухода из этой жизни и погребения было явлено буддийскому миру в 2002 г. и стало главной на сегодняшний день святыней бурятского буддизма.

Имея такого Учителя и будучи от природы наделенным талантами архитектора, иконописца, скульптора, владея глубокими познаниями в теории и практике буддизма, С.-Ц. Цыбиков создал великолепные

скульптурные портреты важнейших персонажей буддийского пантеона и реальных исторических деятелей, духовных учителей, настоятелей монастырей, известных своей святостью лам, чьи имена были почитаемы в школе Гелуг тибетского буддизма.

Он создал при Янгажинском дацане школу буддийской скульптуры, в которую сам отбирал наиболее способных учеников, обучал их канонам иконографии и иконометрии, восходящих к древнеиндийским и тибетским трактатам, обучал их технологическим приемам работы с разным исходным материалом, но особенно с деревом, из всех пород которого он более всего ценил кедр, мягкий и податливый для обработки ножом.

Расцвет его школы приходится на 10–20-е годы XX в. Одновременно с С.-Ц. Цыбиковым работали около 30 его учеников. Когда приходилось оформлять интерьер какого-либо дацана или делать монументальную многометровую скульптуру, сам Мастер (его также называли Багша, т. е. Учитель) и его ученики работали вместе. Самым крупным и известным произведением этой школы, над которым трудились все ученики во главе с Учителем, является 16-метровая статуя Будды грядущего мирового периода Майтрейи (бур. бурхан Майдар), выполненная для Майдарин дугана Янгажинского дацана. В конце 1930-х гг. дацан постигла та же судьба, что и многие другие дацаны и религиозные памятники Бурятии: он был разрушен, статуя погибла вместе с ним, сохранилась только ее фотография, сделанная в 1938 г. [Санжи-Цыбик 2006: 223].

Мастер и его ученики выполняли заказы и других монастырей. Для уже упоминавшегося выше дугана Деважин Тамчинского дацана именно они создали композицию «Чистой земли» — рая Будды Амитабхи. Их приглашали для оформления буддийских монастырей Монголии, православных церквей, они даже строили жилые дома в русских селениях и, наверное, как все, что они делали, эти постройки отличались прочностью и красотой [Бардалеева 2006: 11].

Из того, что уцелело в период разгула атеистических погромов в Бурятии и по счастливой случайности с конца 1930-х гг. оказалось в Музее², следует назвать 34 фигуры (должно быть 37, но 3 утрачены) ком-

² В то время он назывался Антирелигиозный музей, а сейчас это Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова.

плекса мандала Сарвавид Вайрочаны (в переводе с санскрита — «Всеведущий Сияющий подобно солнцу»). Его бурятское имя — Гунриг, и комплекс более всего известен как мандала Гунриг. Вайрочана (Гунриг) — один из 5 дхьяни-будд, чрезвычайно популярный в мифологии и культовой практике ваджраяны. Этот скульптурный комплекс был сделан для посвященного боже-ству храма Гунриг Янгажинского дацана. Сохранилось не только скульптурное, но и живописное изображение персонажей этой мандалы, оно называется «Мистический цикл 37 божеств мандалы Гунриг». В 1980-е гг. скульптуры были отреставрированы, с тех пор неоднократно демонстрировались на разных выставках. С 1998 г. в Музее истории Бурятии открыта экспозиция, посвященная буддийскому искусству региона, на которой выставлены несколько скульптур этого цикла.

Сохранились также и другие крупные работы мастера: Ушнишавиджайя (бур. *Зугдэр Намжилма*) — богиня сострадания, долгой жизни и счастья; Амитаюс (бур. *Аюша*) — Будда беспредельной жизни, дарующий богатство; Белая Тара, или Ситатара (бур. *Саган Дара эхэ*), — «спасительница», олицетворяющая милосердие ко всем живым существам; Вайшравана (бур. *Намсарай*) — бог богатства, благополучия и удачи; Белый старец (бур. *Саган убгэн*) — покровитель природы и всего живого на земле, а также несколько фигур Цзонхавы — основателя школы тибетского буддизма Гелуг, сделанных из папье-маше, дерева, покрытых позолотой, расписанных минеральными красками.

Судьба самого С.-Ц. Цыбикова, как и многих других лам его поколения, сложилась трагически. В 1931 г. он был арестован, посажен в тюрьму Верхнеудинска, где сидел со многими другими ламами, приговоренными к расстрелу. Каждый день приговоры приводили в исполнение, и в конце концов он остался в камере один. Каким-то странным образом его уголовное дело исчезло, и у тюремного начальства не осталось оснований для его расстрела. Его отпустили домой, и в 1934 г. он скончался в возрасте 57 лет, не дожив нескольких лет до того времени, когда его родной Янгажинский дацан, которому он отдал лучшие творческие годы, исчез с лица земли [Бардалеева 2006: 13–14].

Зандан Жуу — Сандаловый Будда

Существует легенда о том, что еще при жизни Будды Шакьямуни, когда ему было всего 38 лет, один из его учеников, Маудгальяна, по просьбе правителя Удияны, одного из княжеств Индии, где в тот момент проповедовал свое учение (дхарму) Будда, захотевшего в отсутствие Учителя постоянно иметь перед собой его образ, заказал 32 скульпторам сделать из красного сандалового дерева статую.

В последующие века ее не раз перевозили с места на место, делали с нее копии, что приводило к спорам, где собственно оригинал, а где копия.

К X в. относятся сведения о том, что Сандаловый Будда (его бурятское название Зандан Жуу) появился на территории Китая, и в правление Юаньской династии статую установили в храме монастыря Сандан-сы, где ее всячески почитали и монголы, и китайцы, и маньчжуры, считая не просто изображением Будды, а как бы самим Буддой, поскольку внутри статуя содержала вложения, воспринимавшиеся как Его реликвии.

В 1900 г. во время восстания Ихэтуаней (в европейских странах оно известно как Боксерское) монастырь Сандан-сы сгорел и статуя исчезла, а в январе 1901 г. она появилась в Бурятии и была установлена в Эгитуйском дацане. История ее спасения и очень сложной транспортировки в Россию имеет несколько версий, каждая из них — сюжет хорошего детектива, и ни одна не может считаться полностью достоверной. До сих пор не ясно, и вряд ли когда-либо мы узнаем, кто спас Сандаловый Будду — китайские монахи или бурятские казаки, была ли она украдена последними или куплена, кто поручил доставить ее в Бурятию, кто и с какой целью сжег монастырь, где она хранилась? — на все эти вопросы однозначного ответа нет [см. подробно: Терентьев 2008: 446–451; Монтлевич 2008: 297–303].

Зато судьба Зандан Жуу, начиная с 1901 г., прослеживается довольно отчетливо, хотя вполне могла закончиться печально, если учесть особенности исторического периода, в котором Сандаловый Будда, как и вся страна, вскоре оказался. С 1901 до 1935 гг. культовая статуя пребывала в Эгитуйском дацане Бурятии и была объектом активного поклонения верующих. В 1934 г. дацан закрыли, часть дацанского имущества была уничтожена, что смогли, жите-

Сандаловый Будда

*Санжи-Цыбик Цыбиков
Будда Вайрочана (санс.) – Гунриг (бур.)*

ли окрестных сел разобрали по домам, но двухметровую статую спрятать в каком-либо доме было невозможно.

Идея спасения Зандан Жуу принадлежала человеку, которому бурятская культура обязана очень многим. Его имя Жалсан Жапович Жабон (1899–1971). В юные годы он учился в школе при Ацагатском дацане, был знатоком монгольского языка и старомонгольской письменности, был знаком со многими ламами и прекрасно понимал, какова истинная ценность предметов буддийской культуры, обреченных на уничтожение невежественными представителями новой власти. В 1935–1936 гг. он работал инструктором областного совета Союза воинствующих безбожников, в 1938–1939 гг. — заместителем директора Антирелигиозного музея в Улан-Удэ, а с 1952 г. и вплоть до последних дней жизни заведовал фондохранилищем музея, переименованным из Антирелигиозного в Краеведческий. Именно он в 1935 г. вместе со своим помощником тайно вывез Зандан Жуу из дацана в музей, обмотав статую хадаками и завернув в белый войлок. Там Сандаловый Будда хранился до сентября 1991 г., когда на волне

перестройки и начавшегося религиозного возрождения в стране, сопровождавшегося частичным возвращением предметов религиозного культа монастырям и храмам, был возвращен на свое место в Эгитуйский дацан.

Ж. Ж. Жабон возвратил культуре еще один раритет буддийской Бурятии — Атлас тибетской медицины, хранившийся в Ацагатском дацане вплоть до его закрытия в 1936 г. [Жуковская 2000: 222–238].

За время хранения в музее и после возвращения в Эгитуй Сандаловый Будда не менее трех раз проходил частичную реставрацию. Поводов для этого было несколько: отсутствовал палец на правой ноге (его вырезали из кедра, древесина которого по цвету напоминает сандал, и установили на место); пострадала ушниша — выпуклость на макушке, один из 32 знаков Будды, символ просветленности (она была повреждена в 1930-е гг., когда ее вскрывали в поисках драгоценностей, которые, возможно, были в нее заложены, удалось исправить и восстановить первоначальную форму ушниши); наконец, уже после возвращения статуи в Эгитуйский дацан, по неразумению и

невежеству местный художник покрыл ее сусальным золотом, и по статуе пошли трещины, началось ее шелушение (на помощь снова пришли реставраторы Государственного Эрмитажа и в 1995–1997 гг. привели статую в порядок).

Та же группа реставраторов провела радиоуглеродный анализ небольшой щепочки, отколовшейся от ноги Зандан Жуу, и определила возраст статуи примерно в 200 лет. Таким образом, вопрос о том, является ли Зандан Жуу прижизненным портретным изображением Будды, сделанным более 2 500 лет назад, становится не актуальным. Вывод о том, что бурятская святыня — это копия подобного изображения или поздняя копия с ранней его копии, напрашивается сам собой. Но этот вывод не связан со значением Сандалового Будды как одного из сокровищ буддийской культуры Бурятии, которое до появления нетленного тела Д.-Д. Итигэлова среди сакральных реликвий занимало первое место.

Литература

- Абаева Л. Л. История формирования этноконфессиональной ситуации в Бурятии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Вост. лит., 2008. С. 37–57.
- Бардалеева С. Б. Санжи-Цыбик Цыбиков (1877–1934) и школа буддийской скульптуры в Янгажинском дацане // Санжи-Цыбик Цыбиков. Улан-Удэ: Буддийская традиционная сангха России, 2006. С. 8–14.
- Буряты. М.: Наука, 2004. 634 с.
- Буддийская традиционная сангха России. Тамчинский дацан «Даши Гандан Даржалинг» — Село Тамча: Издат. дом «Байкал-Гео», 2011. 48 с.
- Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Науч. мир, 2002. 248 с.
- Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX века. СПб.: Наука, 1998. 344 с.
- Жуковская Н. Л. Атлас тибетской медицины на перекрестке религии и политики // Жуковская Н. Л. Мир традиционной монгольской культуры. USA, Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000. С. 222–238.
- Монтлевич В. М. Сандаловый Будда // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Вторые Доржиевские чтения. Материалы конференции (Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2006 г.) СПб.: Петербург. Востоковед., 2008. 363 с.
- Санжи-Цыбик Цыбиков. Улан-Удэ: Буддийская традиционная сангха России, 2006. 232 с.
- Терентьев А. А. Сандаловый Будда и его судьба в России // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. С. 446–453.
- Zhukovskaya N. Buddhism in Russia: The Road Four Centures Long // Buddhism in Russia. Exhibition. Catalog. Moscow: Rosizo, 2011. С. 19–61.

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3 (2) 635

О ТРАДИЦИЯХ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЯ У БУДДИСТОВ КАЛМЫКИИ

В 1950–1980-е гг.*

Э. П. Бакаева

В 50–80-е гг. XX в. в разных «буддийских» регионах Советского Союза сложилась особая ситуация. В целом «в послевоенный период буддийское духовенство в СССР частично восстановило свои позиции, обретя статус признанного на уровне государства социального института» [Бакаева 2011: 119]. В Бурятии наблюдалось развитие буддийских институтов: 21–23 мая 1946 г. в г. Улан-Удэ состоялся съезд представителей духовенства и верующих мирян, на который собрались делегаты из Бурят-Монгольской АССР, Читинской, Иркутской областей и Тувинской автономной области. На съезде приняли «Положение о буддийском духовенстве в СССР», создали Центральное духовное управление буддистов СССР. В Туве, включенной в 1944 г. в состав Советского Союза, в 1946 г. была открыта молитвенная юрта, однако уже в начале 1960-х гг. было принято решение о ее закрытии, и, как отмечают исследователи, с этого времени до середины 80-х гг. XX в., религиозная практика производилась в основном нелегально [Абаев и др. 2010: 114]. В съезде буддистов 1946 г. не участвовали калмыки, расселенные по всей восточной части страны в результате противоправного акта депортации в 1943 г. (калмыцкий народ оставался в ссылке до 1957 г.).

Буддийская традиция в этот период в среде калмыков бытовала в особых формах. Вопросы сохранения знания и способов его передачи в условиях атеистической пропаганды в Калмыкии после восстановления автономии и до официальной регистрации первой буддийской общины в 1988 г. еще не затрагивались в работах отечественных историков. Отдельные аспекты бытования буддийской традиции в период с 1957 до 1988 гг. освещались в обобщающей коллективной монографии «История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.» [2010] и в наших статьях [Бакаева 2011а; 2011б]. В настоящей рабо-

те предпринимается попытка рассмотреть основные пути передачи знания от учителя к ученикам в период «тайного» буддизма, особенности которого обусловлены как последствиями депортации народа, так и спецификой религиозной жизни и деятельности буддистов в 20–30-е гг. XX в.

В Калмыкии в период конца 20–30-х гг. XX в., известный как время перехода к политике активной коллективизации, а также широкой атеистической пропаганды и борьбы с религией, проводившейся во всех регионах Советского Союза, репрессиям подверглось духовенство, многие представители которого были вынуждены снимать с себя духовный сан. Антирелигиозные акции данного периода значительно повлияли на последующее развитие культурных традиций, в том числе и буддийской традиции Калмыкии. В условиях борьбы с буддийской церковью в республике были закрыты все храмы (*хурулы*), а с ними и хурульные школы, т. е. учебные заведения, в которых получали образование монахи. Динамику закрытия храмов и репрессий против священнослужителей можно проследить по следующим данным. В 1924–1928 гг. в Калмыкии было зарегистрировано 70 буддийских религиозных обществ, в которых насчитывалось 38 452 рядовых члена и 1 904 священнослужителя [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Ед. хр. 508а. Л. 1–23]. В 1929 г. в Калмыцкой АО действовали 42 хурула, 19 молитвенных домов. В них насчитывалось 1528 священнослужителей [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 71]. В 1931 г. состоялся громкий процесс против руководства Центрального духовного совета буддистов в Калмыкии, начались репрессии против духовенства [Бакаева 1997: 3–5]. В 1936 г. в 14 действовавших храмах насчитывалось лишь 41 духовное лицо [Дорджиева 2001: 104], а ко времени начала Великой Отечественной войны в республике уже не функционировал ни один буддийский храм.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-21-03003/а.

Кроме хурульных школ, монахи могли получать религиозное образование в высших буддийских академиях — Цанит Черя, которые стали появляться в Калмыкии с конца XIX в. Две Черя, открытые в 1907 и 1908 гг. в Малодербетовском и Икицохуровском улусах при содействии хамбо-ламы Агвана Доржиева, являлись центрами буддийского образования. Однако в 1921 г. была закрыта высшая конфессиональная школа Цанит Черя в Икицохуровском улусе [Бакаева, Очирова 2010; Очирова 2009]¹, а ученики продолжили свое образование в Малодербетовской Черя. В данный период закрытие одной из школ явилось результатом целенаправленной работы по улучшению качества образования, проводимого духовенством, а не атеистической пропаганды, как это будет через десятилетие. Значение объединения двух высших школ уясняется в строках автобиографии Агвана Доржиева², придававшего особую роль деятельности избранного в 1920 г. главой калмыцкой церкви представителя обновленческого движения Г. Сеперова и потому связавшего два события в истории буддизма Калмыкии: «Исполненного ума и знаний дорамбу Гавву <...>, обучавшегося вместе с совершенными мудрецами, на всеобщем соборе выбрали главным ламой религии. Учрежденные в разных местах [школы] чойра, *приложив старания* [выделено нами. — Э. Б.], объединили и собрали в одном месте, в местности Хэцийн-Булак³» [Доржиев 2003: 67–68]. Ко времени слияния двух школ велась активная борьба представителей обновленческого движения духовенства с консерваторами, что выражалось как в критике образа жизни, не вполне соответствовавшего монашескому, так и в пропаганде религиозного образования. Оценка значения духовных академий также дана в автобиографии А. Доржиева: «Я <...> каждый раз говорил ламам и послушникам, как

заставить молодых монахов учиться и что они должны искать умных людей для обучения в монастырской школе [Предание 1994: 70]. Хамбо-лама считал: «Если не исправить положение, то можно потерять свою религию» [Доржиев 2003: 67].

Однако с началом «наступления на религию» стали закрывать как храмы, так и центры религиозного образования. В 1931 г. Калмыцкий облисполком принял решение о закрытии высшей конфессиональной школы в Малодербетовском улусе. В 1932 г. администрация Центрального улуса Калмыкии принудила гелюнгов подписать документ, в котором утверждалось, что они не в состоянии содержать школу Цанит Черя; в феврале 1933 г. облисполком утвердил ее закрытие. В течение 1932–1935 гг. А. Доржиев обращался в различные инстанции по поводу закрытия высшей конфессиональной школы, акцентировал внимание на том, что монашество лишается возможности получать глубокие знания, а население высказывает недовольство. Тем не менее 20 марта 1935 г. Президиумом ВЦИК было принято окончательное решение по данному вопросу. Ученики были лишены возможности обучаться в духовной академии еще с 1932–1933 учебного года [Очирова 2009]. Хурул Черя (храм, открытый при школе) в период с 1932 до 1935 гг. еще действовал, в 1935 г. в нем проживали три гелюнга. В феврале 1935 г. было проведено последнее богослужение, после которого и храм был закрыт [Убушиева 1986: 56].

Таким образом, уже с середины 30-х гг. XX в. центры буддийского образования практически отсутствовали. Передача традиции осуществлялась от учителя к ученикам, которых становилось все меньше в условиях репрессивной политики по отношению к духовенству. Закрытие религиозных школ повлекло отсутствие молодых монахов, способных в будущем сменить представителей старшего поколения в буддийской церкви Калмыкии. Репрессии против духовенства и закрытие буддийских храмов явились акциями, призванными прекратить воспроизводство традиции, прервать преемственность в передаче религиозных знаний.

Одним из последствий депортации 1943 г., дисперсного расселения калмыцкого народа по восточным территориям страны и строгого комендантского контроля над соблюдением режима спецпереселенцев стало усугубление положения с передачей

¹ К сожалению, в статью о высших конфессиональных школах в Калмыкии, опубликованную в словаре «Буддизм», вкралась неточность: 1935 г. датировано закрытие Икицохуровской Черя [см. Бакаева 1992: 265]. Так же датировано прекращение работы данной высшей конфессиональной школы в работе А. Н. Басхаева [2007: 173].

² Автобиография написана в 1921 г.

³ Имеется в виду местность Кецин Булак в Малодербетовском улусе Калмыцкой АО, в которой располагалась школа Черя.

религиозного знания, которую могли бы осуществлять бывшие священнослужители, в 1930-е гг. либо отказавшиеся от сана, либо отбывшие сроки в лагерях.

9 января 1957 г. были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» и Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края», а 12 января 1957 г. — указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном составе Калмыцкой автономной области Ставропольского края». Но в период после восстановления автономии в Калмыкии был создан испытательный полигон для реализации атеистической политики в отношении народа, восстанавливавшего «с нуля» как экономику региона, так и социальные институты [Максимов 2009: 614]. В условиях отсутствия буддийских общин и недопущения их регистрации явилось отсутствие «официальных» центров подготовки кадров духовенства. В этой ситуации сложилась уникальная практика способов и путей передачи сакрального знания:

- 1) от буддийских учителей к ученикам, принимавшим от них сан;
- 2) от буддийских учителей к последователям, исполнявшим обряды *мацг*, но при этом остававшимся мирянами;
- 3) от буддийских учителей к так называемым «имеющим покровителя» (*сэкустэ*), религиозная практика которых имела синкретический характер и во многом была связана с добуддийскими верованиями калмыков.

В буддийской традиции особое значение придается передаче знаний от учителя к ученику: обычно она осуществляется в рамках функционирования общины и действия школ при храмах, а также в специальных духовных академиях типа Цанит Черя. В Калмыкии после восстановления ее автономии верующими предпринимались попытки регистрации религиозной общины и открытия храма, но они встречали противодействие со стороны советских органов. «Источники по истории буддизма в Калмыкии в данный период относятся к двум типам. Первый — устная информация в виде интервью, рассказов, иногда зафиксированная в разных изданиях, в том числе в СМИ. Второй — архивные источники. Именно они проливают

свет на неизвестную верующим сторону жизни общества, раскрывая методы борьбы с религией, а также предоставляя возможность оценки общего положения буддизма в Калмыкии» [Бакаева 2011: 121]. Для освещения путей передачи традиционного буддийского знания от учителей к ученикам особую роль играют устные источники.

Передача знания от буддийских учителей к ученикам, принимавшим от них сан

В отсутствие официальных буддийских центров и религиозных школ в Калмыкии после 1957 г. сложились неофициальные центры, среди которых выделялись «четыре действующих религиозных объединения буддийской веры, по числу людей, которые превратили свои жилые дома в молитвенные, оборудовав их соответствующим образом, и принимали (хозяева) у себя верующих, исполняя при этом функции служителей буддийской веры» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Ед. хр. 2164. Л. 37]. Такими главными центрами притяжения верующих стали места проживания О. М. Дорджиева (Тугмюдгавджи) (1887–1980 гг.) в пос. Цаган-Амане Юстинского района КАССР, С. Т. Теляева (1904–1983 гг.) в г. Каспийском КАССР, Н. Д. Кичикова (1901–1985 гг.) в пос. Заливном Приозерного района КАССР, С. У. Улюмджиева (1910 — после 1985 г.) в с. Троицком Целинного района КАССР. Кроме них, тайно принимали верующих и совершали буддийские обряды и другие бывшие священнослужители. Специфика религиозной жизни и отношения к духовным лицам отражена в справке, составленной уполномоченным по делам религии при Совете министров КАССР С. С. Васькиным 4 марта 1981 г.: «Современные верующие Калмыкии не знают ни философии буддийского вероучения, ни тонкости уставных порядков буддийского храма, ни молитв <...> От классического религиозного комплекса в буддизме, если можно так выразиться, осталась вера в магическую силу религиозного обряда и бесконечная слепая доверчивость к посреднику между верующим и богом — гелюнгу (ламе). Круг веры калмыцкого буддизма настолько сузился, что от веры в бога у него осталась смутная и смазанная отвлеченность, которая никакого практического значения в жизни верующих не имеет. Вера его ограничилась сознанием необходимости свер-

шения религиозного обряда, а питательной средой этой веры, вернее будет сказать, его религиозных чувств, стала семья со своими религиозными и национальными традициями, сохранившимися с глубин веков, и в силу этого она стала и основным фактором воспроизводства религии [выделено нами. — Э. Б.]. Этой особенности немало способствовало то обстоятельство, что в Калмыкии уже 50 лет не было ни официальных религиозных объединений буддистов, ни духовенства, ни культовых зданий, а религиозная жизнь протекала в условиях изоляции от крупных религиозных центров (Тибет, МНР, Бурятия)» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Ед. хр. 2164. Л. 47]. Обращая внимание на содержание культа, С. С. Васькин отмечал: «В соответствии со сказанным проходит и практическая деловая часть жизни верующих. В основе ее лежат не массовые собрания с чтением молитв и проповедей, не массовые религиозные мероприятия, а исполнение религиозных обрядов, каждая⁴ из которых продиктована жизненной необходимостью того или иного верующего <...> В основе современной религиозной жизни Калмыкии лежит не богословское учение и проповедь священнослужителя, а ритуал совершения религиозных обрядов» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Ед. хр. 2164. Л. 48]. Таким образом, по оценке советских специалистов, социальной нишей воспроизводства религиозности стала семья, в которой формировалась потребность совершения религиозных обрядов, и именно к последним сводилась вся религиозная жизнь.

Строгий контроль государством деятельности священнослужителей не позволял им открыто практиковать учение. Духовные лица были вынуждены отречься от сана, подписывать документы, согласно которым они обязывались не проводить прием верующих. К примеру, уполномоченный по делам религии, критикуя недостаточно эффективную работу предшественников, отмечал, что «за четверть века активной деятельности Кичикова к нему не были применены никакие меры воздействия. Официальные органы и должностные лица вместо применения закона, принятия надлежащих мер по пресечению незаконной деятельности ведут с ним ни к чему не обязывающие беседы, а чаще всего „не замечают“ деятельность Кичикова. Единственный офици-

альный документ, подтверждающий работу с Кичиковым, — это протокол беседы с ним от 4 августа 1981 года. Комиссия делала вывод: „Официально предупреждаем Вас о прекращении принятия людей, так как у Вас нет разрешения“. Кичиков согласился с выводами комиссии» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Ед. хр. 2164. Л. 73]». При беседе с представителями советских органов в том же году священнослужитель С. Т. Теляев даже просил выдать ему документ, запрещающий проведение служб, для облегчения полного отказа от богослужений, которые ему было трудно проводить в связи с прогрессирующей слепотой [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Ед. хр. 2164. Л. 74].

Таким образом, согласно архивным материалам, содержащим в основном данные, собранные представителями советских органов, не выявляются сведения о возможной передаче знаний ученикам известными учителями. По устным же источникам нам удалось установить, что таковая передача, несмотря на запреты, все же имела место. Так, в начале 2000-х гг. в молитвенном доме, построенном на месте старого хурула близ пос. Полынного (Бергин) Юстинского района Республики Калмыкия, службы проводил руководитель поселковой общины буддистов Мухтар Басангович Тюкшинов (религиозное имя — Джимбя), имевший буддийскую степень посвящения *манжэ* (или «генин»). Религиозное образование М. Б. Тюкшинов получил в 1960-х гг., обучаясь, по его словам, у известного гелюнга Санджи Джумаевича Цебекова (Йондон-гелюнг, второе имя Каака гелюнг), проживавшего в пос. Барун совхоза «Астраханский» Астраханской области (ныне — пос. Буруны). По рассказу М. Б. Тюкшинова, в период после возвращения из депортации он отправлялся пешком из пос. Полынный КАССР в пос. Барун Астраханской области, где оставался в течение длительного периода, получая религиозные знания от своего учителя — Йондон-гелюнга. М. Б. Тюкшинов прославлял имя учителя, сообщая верующим о нем. Религиозное имя Джимбя, данное ему Каака-гелюнгом, настолько широко вошло в употребление, что личное его имя — Мухтар — многие верующие в районе принимали за прозвище. Но М. Б. Тюкшинов остался в ранге *манжэ*, так как религиозное образование его не было продолжено после смерти С. Д. Цебекова в 1964 г. [ПМА: 4]. Подоб-

⁴ Так в источнике.

ная передача буддийского знания, вероятно, осуществлялась и другими гелюнгками, однако информация скрывалась, и потому о данном способе передачи знания буддистами из первых уст нам известно только по приведенному примеру.

**Передача знания
от буддийских учителей к последователям,
исполнявшим обряды *мацг*,
но при этом остававшимся мирянами**

Как отмечалось выше, в условиях атеистической пропаганды и борьбы с религией семья оставалась одной из ниш, в которой сохранялась религиозность. Поэтому обрядность семейного уровня составляла основу ритуальных комплексов. Для верующих важными являлись и ритуалы «отправления» подношений предкам, которые совершались в дни поста. Особое значение почитания предков в традиционном обществе обусловило также его значимость в буддийском культе, и в калмыцком обществе существовала традиция проведения молебнов светскими лицами в домах верующих, обучившимися буддийским молитвам. Молебны проводились трижды на протяжении лунного месяца, по дням поста *мацг*, и сопровождалась комплексом обрядов, основное значение которых состояло не только в поклонении и молитве различным божествам буддийского пантеона, в «очищении» места проведения молебна, но и в как можно более быстром «доведении до адресатов» подношений пищей. Подобные молебны, по свидетельству информантов, практиковались до 30-х гг. XX в. [ПМА: 1–3; 5]. В период депортации калмыков и ликвидации государственности Калмыкии, в условиях жесточайшего контроля за режимом проживания в регионах ссылки проведение подобных молебнов было крайне затруднено, но после возвращения на родину эта традиция была возрождена.

В настоящее время существуют группы людей, которые проводят *мацг* в домах верующих, и их основной целью по-прежнему является «способствование» поднесению жертвоприношений пищей (*хот орулх*). Молебны проводятся не только по дням поста, но и в дни главных календарных калмыцких праздников: *Зул* (25 числа месяца Коровы, или 1-го зимнего); *Цаһан сар* (в месяце Дракона, или 1-м весеннем); *Үрс сар* (в месяце Овцы, или 1-м летнем); а также 4 числа месяца Курицы (3-го летнего) — в

праздник *Ик дүүцн*, день первой проповеди Будды Шакьямуни; 15 числа месяца Собаки (1-го осеннего) — молебен в честь Будды Майтрейи (*Мээдрин гегэн*), 22 числа месяца Мыши (3-го осеннего) — праздник *Ик дүүцн* в честь сошествия Будды Шакьямуни с неба Тушита. Кроме того, в период больших праздников проводятся ежедневные молитвы *сожн*. Первый *сожн* длится с 8 по 15 день месяца Дракона и включает *сожн* Бендря бурхана (с 8 по 11 день), *сожн* Будды Шакьямуни (с 12 по 14 день), а также *Ик дүүцн* — праздник чудес Будды Шакьямуни (15 числа). Второй *сожн* длится с 8 по 15 день месяца Овцы и также включает *сожн* Бендря бурхана (с 8 по 11 день) и *сожн* Будды Шакьямуни (с 12 по 15 день).

В период 1950–1980-е гг. сформировались общины верующих, практиковавших указанные ритуалы *мацг* [Шивлянова 2001; Бадмаева 2010; Бакаева 2011а]. Передача традиции происходила в устной форме, что определило сложение «народных вариантов» тибетских буддийских молитв. Комплекс молитв, читающихся в дни *мацг* и *сожн*, передавался от буддийских учителей мирянам, сохранившим данную традицию до наших дней. Специфика последней состоит в сочетании тибетских молитв и калмыцких текстов, в особой мелодике произносимых речитативом молитвенных текстов, что было характерно для калмыцких храмов в прошлом. Последнее подтверждается любопытным фактом: идентичные тексты и мелодии записаны в 1990-х гг. среди калмыков г. Элисты, а ранее — среди калмыков, проживающих в США и являющихся потомками эмигрантов периода гражданской войны. В Калмыкии сложилась община мирян, возводящая линию своей традиции к монаху Кирипу Бадминовичу Бадакову, служившему в Эркетеневском хуруле донских калмыков и передававшему знания Эрэнджен Бадминовне Васькиной. Благодаря активной деятельности по распространению ритуальной практики ее последователями были записаны молитвы, ранее передававшиеся устно. В общину входили верующие, принявшие первоначальные обеты, соблюдавшие буддийские посты и изучившие состав молитв, необходимых для проведения обрядов, — в их числе Н. М. Дандырова, З. У. Кекеева, А. М. Джамбинова, Н. Д. Желачинова, М. М. Мошкина, К. Бурлова, Н. Бургчинова, А. Кувакова, Н. Жирова, А. Абушинова, Н. Г. Польшинова и другие. В 1999 г. одной

из активных членов буддийской общины «мацгта» — Н. М. Дандыровой, ученицей Э. Б. Васькиной в 1900–1992 гг., подготовлен сборник «Калмыцкие молитвы», в котором опубликованы тибетские и калмыцкие молитвы в фонетической записи на кириллице. Сборник [Калмыцкие молитвы 1999] включает более шестидесяти молитв, исполнявшихся во время *мацг*.

**Передача знания
от буддийских учителей к так называемым «имеющим покровителя» (сэкүстэ)**

В период после возвращения калмыцкого народа из сибирской ссылки и ограничения практики буддийских священнослужителей активно стала возрождаться традиция, бытовавшая еще в начале XX в. и восходящая к практике знахарей и гадалей, называющихся *медлгч* ('знающие') или *сэкүстэ* ('имеющие духа/божество-покровителя') и идентифицирующих себя как буддистов. Обретение дара ими связывается, как правило, с болезнью, волей духов или божеств-покровителей. В то же время бытуют линии передачи дара (знания), среди которых выделяются восходящие к буддийским учителям. Так, свою деятельность в качестве лекаря упоминавший выше М. Б. Тюкшинов основывал не только на знании, полученным им от Йондон-гелюнга, но и на даре, обретенном, по его словам, во время обряда посвящения, также проведенного его учителем.

Активная деятельность священнослужителя, гелюнга З. Л. Натырова, известного в народе как «володарский аав» (по месту проживания в совхоза им. Володарского), давшего благословение на проведение практики лекарей и гадалей *сэкүстэ*, обусловила появление линии преемственности, восходящей к этому духовному лицу, рассматриваемой как линия «передачи дара». Так появились последователи гелюнга З. Л. Натырова, обучавшегося в свое время в Цанит Черя, которые впоследствии образовали группу *медлгч*, считавших своим божеством-покровителем Белого старца — *Цаһан аав*. Однако среди других «знающих» бытовало мнение, согласно которому «передача дара *медлгч*» буддийским священнослужителем не осуществлялась, так как он не проводил обряд призывания божества-покровителя, а только освящал изображения божеств, покровительствующих, по буддийской традиции, каждому человеку, согласно году его рож-

дения в 60-летнем цикле лунно-солнечного календаря.

Другая линия преемственности, восходящая к буддийскому священнослужителю Бадма-Халге Манджиеву, стала весьма разветвленной благодаря широкой деятельности его последовательницы⁵ У. Д. Очировой (1923–2000), известной среди верующих Калмыкии как «яшкульская *һана*⁶», проводившей впоследствии обряды призывания духа/божества-покровителя и благословлявшей избранных этими покровителями верующих на осуществление практики *сэкүстэ*. Гелюнг Б.-Х. Манджиев, согласно рассказам его последователей, проводил религиозные обряды и в Сибири, а после возвращения из депортации — в Каспийском районе КАССР. После смерти священнослужитель был захоронен на родине, недалеко от пос. Джалыково Каспийского (ныне — Лаганского) района Республики Калмыкии, где позднее был установлен субурган и ежегодно его последователями проводились жертвоприношения божествам-покровителям и хозяевам местности. В Лаганском районе республики во время экспедиции 2000 г. нам также рассказали о проведении в 1977 г. гелюнгом С. Т. Теляевым обряда принятия обетов и благословения на лечение, для которого специально шили белый халат *лавиинг* и во время которого священнослужитель читал молитвы, призывающие «Белого старца земли-воды» (*Һазр-усна Гилэн аав*) стать покровителем посвящаемых.

Еще одна линия преемственности восходит к священнослужителю из пос. Цаган Нур Приозерного района КАССР — Бартбагш, даровавшему благословение на религиозную деятельность в период депортации, когда он проживал в Красноярском крае в д. Копьево, известной впоследствии *сэкүстэ* Дальч аак, продолжательницей которой являлась также популярная среди верующих М. Ц. Эрдниева. В постперестроечный период зародилась линия преемственности, восходящая к гелюнгу из пос. Ханата Малодербетовского района республики Б. П. Павлову, благословившему на ведение деятельности *медлгч* одного из посвящаемых, который основал затем группу.

Наличие подобных линий преемственности, восходящих к буддийским священнослужителям, уникально, поскольку передача

⁵ Обряд принятия дара проводился в 1960 г.

⁶ *Һана* — сестра отца, старшая родственница по отцу.

знаний в таких случаях не проводилась, а совершалось лишь благословение на принятие дара и проведение обряда призывания духа/божества-покровителя. Дополнительным фактором, способствовавшим развитию этих линий преемственности, считалось наличие в роду известных буддийских священнослужителей. Однако в целом традиция связывает обрядность «принятия покровительства» не с буддийскими священнослужителями, а со «знающими» («посвященными»).

Таким образом, в период отсутствия религиозных центров в Калмыкии продолжалась передача знаний от буддийских священнослужителей к представителям разных групп верующих: потенциальных духовных лиц, которым не удалось получить религиозного образования вследствие запрета на религию; мирян, проводивших обряды поста в кругу семьи; лиц, занимавшихся деятельностью, близкой к знахарской, для которых преемственная связь с буддийскими священнослужителями была обоснованием их практики и являлась знаком «принятия покровительства божества».

Полевые материалы

1. Дандырова Нина (Нимя) Манджиевна, с. Троицкое Целинного района РК (опрос 1999 г.).
2. Кекеева Зурган (Зоя) Убушаевна, г. Элиста (опрос 1999 г.).
3. Польшинова Наталья Гавриловна, г. Элиста (опрос 1992 г.).
4. Тюкшинов Мухтар Басангович, пос. Полюный Юстинского р-на РК (опрос 2000 г.).
5. Эрдниева Моня Цебековна, пос. Буруны Астраханской области (опрос 2001 г.).

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия
Национальный архив (далее — НА РК).

Литература

- Абаев Н. В., Бичелдей У. П., Садалова Т. М. Буддизм в Туве и на Алтае // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. М.: Фонд современ. истории, 2010. С. 114–133.
- Бадмаева Г. Ю. Молитвенные напевы обряда мацг (день поста) // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 350–351.
- Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии в 1957–1988 гг. // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2010 г.). М.: РГГУ, 2011а. С. 118–136.

Бакаева Э. П. Из истории процесса над буддийским духовенством Калмыкии: «дело Тепкина и других» // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.) Доклады российской делегации. М.: Ин-т востоковед. РАН, 1997. С. 3–5.

Бакаева Э. П. К этническим характеристикам калмыцкого буддизма: обряд «мацг» // Научная мысль Кавказа. 2011б. № 1. Ч. 2. С. 120–123.

Бакаева Э. П. Цаннит Чооре // Буддизм. Словарь. М.: Республика, 1992. С. 265.

Бакаева Э. П., Очирова Б. В. Открытие высших конфессиональных школ Цанит-Чоере в Калмыкии: исторический контекст // Становление и развитие высшего профессионального образования в национальных республиках Юга России. Мат-лы Регион. науч. конф. (22–24 апреля 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 39–43.

Басхаев А. Н. Буддийская церковь в Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 240 с.

Дорджиева Г. Ш. Буддийская церковь в Калмыкии второй половины XIX – начала XX в. М.: ИРИ РАН, 2001. 181 с.

История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. М.: Фонд современ. истории, 2010. 390 с.

Калмыцкие молитвы: сост. Н. М. Дандырова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 160 с.

Максимов К. Н. Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. II. С. 580–641.

Очирова Б. В. Из истории высших буддийских философских академий «чойра» в Калмыкии в первой трети XX века // Вестник Бурят. гос. ун-та. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. Вып. 8. С. 48–55.

Доржиев А. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография) // Агван Доржиев / пер. с монг. А. Цендиной; транслит., предисл. коммент., глоссарий и указ. А. Г. Сазыкина и А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 2003. С. 67–68.

«Предание о кругосветном путешествии», или Повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ: Бурят. ин-т обществ. наук СО РАН, 1994. 119 с.

Убушиева С. И. Антирелигиозная пропаганда в Калмыкии. Элиста, 1996. 70 с.

Шивлянова В. К. Калмыцкий обряд «Мацг Одр» (День поста) и проблемы структурно-стилистического единства молитвенных напевов // Mongolica V. СПб., 2001. С. 113–118.

УДК 316.7

ББК 86.35 (2Рос=Калм)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БУДДИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАЛМЫКИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ*

М. Б. Марзаева

В условиях новых социально-экономических отношений в стране произошла трансформация всех сфер жизнедеятельности общества, которая затронула и институты социализации. Исследователи отмечают, что за последние два десятилетия значимость традиционных институтов социализации (семьи, школы, общественных организаций) в российском обществе снизилась. Изменения, происходящие в среде современной молодежи: ценностных ориентиров, традиционных нравственных норм и моральных установок — вызывают обеспокоенность. В связи с этим изучение процессов формирования ценностных ориентаций молодежи в условиях реформируемого общества является особенно актуальным.

Исследованию ценностей и ценностных ориентаций молодежи посвящены работы М. Т. Горшкова [2010], Н. А. Журавлевой [2006], Н. И. Лапина [2003], В. Т. Лисовского [2000] и многих других авторов. Ученые отмечают, что ценностные ориентации молодежи в последние два десятилетия сильно изменились.

Процесс формирования ценностей в молодежной среде Калмыкии остается малоизученным. Некоторые аспекты этого вопроса рассматриваются в работе О. Д. Мукаевой, Е. К. Бадма-Халгаевой [2009]. В настоящее время руководство страны придает большое значение деятельности традиционных религий по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения. На федеральном уровне в 2012 г. принято решение о введении в школах предмета «Основы религиозных культур и светской этики». В системе же образования Республики Калмыкии уже накоплен положительный опыт преподавания религиозоведческих курсов по буддизму и православию [Марзаева 2007].

Цель данной статьи — определить значение деятельности буддийской конфессии в формировании ценностных ориентаций современной молодежи на примере Республики Калмыкия.

Преподавание курса «Основы буддизма» в школах республики вводится на факультативной основе по выбору учащихся. Учителями разработаны программы по данному предмету. Заслуживает внимания, на наш взгляд, опыт преподавателя Элистинской многопрофильной гимназии Ж. О. Джанжиевой. Главной задачей занятий учитель считает формирование и развитие у учащихся нравственных идеалов, способности отличать добро от зла, укрепление нравственных позиций. Школьники занимаются с увлечением: организуют диспуты, готовят исследовательские проекты, пишут творческие работы, в которых ученики высказывают самостоятельные суждения. Многие исследовательские проекты учащихся успешно представляются и защищаются на различных конкурсах и конференциях. Интересные высказывания можно найти в работах учеников на тему «Самое прекрасное и самое уродливое»: «Самое прекрасное — мое появление на свет, самое ужасное, что в мире много зла», «Самое прекрасное — цветы, самое ужасное — когда я в первый раз соврал родителям», «Самое прекрасное — мать, кормящая дитя, самое ужасное — мои ошибки, которые нельзя исправить»¹. Таким образом, изучение принципов буддийской морали благотворно влияет на формирование у детей нравственных качеств [Марзаева 2012].

Центральный хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни» («Бурхн Багшин сюме») уделяет большое внимание работе с

¹ Автор благодарит за предоставленную информацию Ж. О. Джанжиеву.

* Исследование проведено в рамках проекта «Современная молодежь и традиционная культура (на примере Калмыкии)» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

подростающим поколением. Одним из главных направлений деятельности служителей хурула является воспитание у детей любви к родному языку и национальной культуре. Администрация хурула совместно с Министерством образования, культуры и науки Республики Калмыкии организует ряд различных мероприятий для школьников. Проводятся конкурсы детских рисунков и сочинений, посвященных празднику Зул, а в преддверии Цаган Сар — конкурсы знатоков устного народного творчества, прежде всего жанров благопожеланий (йорялов) и восхвалений (магталов), а также конкурсы на лучший национальный костюм. Ежегодно в Центральном хуруле организуются конкурсы на знание калмыцкого языка, победителям которых священнослужители вручают «подарки, чтобы стимулировать их интерес к учебе» [Кому помог ...].

В Центральном хуруле действуют музей истории буддийской культуры, библиотека. В малом зале хурула по праздникам демонстрируют познавательные фильмы. В библиотеке проводятся интернет-трансляции лекций Далай-ламы XIV. Литературный клуб «Манджушри», открытый при библиотеке, пропагандирует историю и традиции калмыцкого народа. В 2007 г. инициаторами одного из заседаний клуба стали ученицы Элистинской школы № 20 Д. Андреева и Н. Манжеева, которые выступили с проектом «Спасем храм»², посвященным проблемам восстановления исторического памятника калмыцкого народа — Хошеутовского хурула, расположенного на территории Астраханской области [Хошеутовский хурул...].

Глава буддистов Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче считает возрождение и сохранение национального языка одной из задач деятельности храма: «Я убежден, что нам крайне необходимо сохранить свой родной язык, чтобы мы могли владеть письменным, устным языком, тем самым сохраняя свою культуру» [Шалдунова 2010а]. Ежегодно в сентябре ко Дню национальной письменности клуб проводит мероприятия, посвященные родному языку: «Ясное письмо и буддизм. Создатель национальной письменности Зая-пандита», «Хальмг келн — мини келн», «Пламя родного языка». В 2008 г. одно из заседаний было посвящено теме «360 лет

„тодо бичиг“: история, современность, проблемы и перспективы». Выступая на этом заседании клуба «Манджушри», Тэло Тулку Ринпоче говорил молодежи «...о важности национального самосознания, сохранении уникальной калмыцкой культуры, знании калмыцких обычаев, традиций, родного языка» [360 лет ...]. С 2010 г. при хуруле открыты бесплатные трехмесячные курсы по изучению разговорного калмыцкого языка.

Клуб проводит мероприятия и на темы истории, поэзии, прозы, искусства калмыцкого народа. Разносторонняя тематика заседаний клуба «Манджушри» дает возможность подрастающему поколению подробнее узнать о жизнедеятельности великих учителей буддизма, о судьбах калмыцких священнослужителей Бааза-багши, Боован Бадмы и геше Вангьяла. Для молодежи личность буддийских лам служила примером добродетели и человеколюбия, и очень важно современному молодому поколению привить умение строить взаимоотношения на основе терпимости и сострадания.

Встречи с поэтами и художниками, с научной и творческой интеллигенцией, с буддийскими учителями и гостями из других регионов, паломниками в Индию и Непал расширяют кругозор молодых участников заседаний. Активное, заинтересованное участие школьников, учащихся ССУ, студентов высших учебных заведений в заседаниях клуба «Манджушри» позволяет сделать вывод, что работа сотрудников «Золотой обители Будды Шакьямуни» имеет положительное значение в сохранении этнической самоидентификации молодежи. «Деятельность клуба обращена к новому поколению... Заинтересовать молодежь, показать им истоки традиционной культуры, неразрывно связанной с настоящим возрождением буддизма Калмыкии, — это основное направление деятельности клуба» [Бакраева 2011].

Шаджин-лама Тэло Тулку Ринпоче в своих выступлениях всегда подчеркивает важность прямых контактов и встреч с молодежью [Шаджин-лама ...]. В рамках просветительской программы в республику приглашаются буддийские учителя. Известные наставники буддийского учения читают лекции по самопознанию, самосовершенствованию для молодых людей. В рамках этой программы в Калмыкии побывали Алан Уоллес, Роберт Турман, Александр Берзин и другие учителя и практики.

² Данный проект учащихся был подготовлен в рамках конкурса социальных проектов «Я гражданин»

В сентябре 2010 г. республику впервые посетил президент Института исследований сознания Санта-Барбары (штат Калифорния) Алан Уоллес, известный своими ретритами по практике однонаправленного сосредоточения — шаматхи во многих странах мира [Алан Уоллес проведет ...]. В своих лекциях, посвященных буддийской медитации, он рассказывал о пользе тренировки внимания, о важности специального эмоционального обучения детей, «чтобы они могли распознать свои эмоции, огорчен он или печален... чтобы дети могли справляться с ними. Обучить тому, чтобы они могли поставить под контроль свое поведение, справляться со своими чувствами, не шли на поводу своих эмоций и не совершали под их влиянием необдуманных поступков». Во время своих встреч с молодежью профессор объяснял, «почему источник счастья людей зависит от человеческого духа, от духовных ценностей». Алан Уоллес в лекции для педагогов «Преподавание буддийской этики и практик тренировки ума — детям» сказал: «Думаю, важно рассказать детям, что счастье делится на два типа. Есть счастье, которое мы испытываем, когда мы встречаемся в повседневной жизни с чем-либо приятным... Но у людей есть одна особенность: почти все мы хотим быть счастливее, чем есть... Люди всегда хотят все большего. Погоня за таким счастьем может привести к разочарованию... другой вид счастья, которое не дает прибыли и рождается изнутри. Оно рождается в образе жизни. Совершенно очевидно, что внешнее благополучие не делает нас счастливыми. Есть подлинное счастье, которым мы можем поделиться с миром. Всегда придерживаться ненасилия, непричинения зла. И когда появляется возможность сделать что-то хорошее, мы получаем подлинное счастье» [Шалдунова 2010б].

Буддийские методики по самосовершенствованию личности успешно используются в школах г. Элисты. В частности, в школе раннего развития «Алтан гасн» С. С. Гиляндиковой совместно с геше Джампа Тинлеем была разработана в рамках эксперимента своеобразная методика психотренинга для детей. Школьники учились снимать напряжение, владеть собой, добиваться концентрации и сосредоточенности мысли и чувств, обучались навыкам медитации на дыхании.

В учении буддизма одной из главных добродетелей считаются любовь и сострадание ко всем живым существам. На наш взгляд, развитие таких качеств у подрастающего поколения необходимо для дальнейшего благополучного развития современного общества. Буддийские монахи пропагандируют идеи сострадания и добросердечия, используя современные методы. Объединение буддистов Калмыкии совместно с Министерством образования, культуры и науки Республики Калмыкия провели этно-рок-фестиваль «Океан сострадания» (2009). В этом мероприятии приняли участие тибетские ламы монастыря Дзонкар Чоде, тувинская певица Саинхо, тибетский вокалист Лотен Намлинг с экспериментальным проектом «Тибет-Блюз», бурятская певица Бадма Ханда, Борис Гребенщиков и группа «АКВАРИУМ», Александр Васильев и группа «СПЛИН». Девиз фестиваля гласил: «Сострадание — стиль жизни». Вырученные от концерта средства переданы трем детским домам республики [Головкина 2009].

О развитии практики сострадания и любви говорилось и на встрече известного ученого Александра Берзина со студентами ССУЗов Республики Калмыкия (2011). Он рассказал «о том, как позитивный настрой ума благотворно влияет на здоровье человека, как можно, сталкиваясь с проблемами, учиться их решать, как избавиться от чувства страха и неуверенности в себе, как изменить себя в лучшую сторону» [Шалдунова 2011]. В его лекции «Как развивать бодхичитту — любовь и сострадание ко всем живым существам» в доступной для учащихся форме были изложены основные буддийские принципы.

Буддийскими священнослужителями ведется работа и по воспитанию у подрастающего поколения нравственных добродетелей — милосердия, сострадания, терпения. При Центральном хуруле действует общественная молодежная организация «Иткл». Вместе с ее членами монахи ежемесячно посещают престарелых и инвалидов элистинского дома-интерната. Священнослужители читают молитвы, совершают обряды, а ребята поздравляют именинников с днем рождения, радуя их своими выступлениями. Можно отметить, что общественная деятельность буддийских монахов оказывает непосредственное влияние на социальные установки молодежи.

Одной из основных идей в учении буддизма признается ответственность за свои поступки. Известный санскритолог Лобсанг Норбу Шастри во время встречи с молодыми слушателями обратил их внимание на ответственность при выборе жизненных ориентиров: «Подумайте, прежде чем что-то сделать, чтобы ваш поступок не принес страдания вам и вашей семье... Хорошее и плохое в нашей жизни зависит от нас, от того, какие причины мы закладываем для этого». Примечательно, что благодаря подобным лекциям молодежь задумывается над своим будущим. «Я считала, что я учусь только для себя, своей семьи, но, послушав профессора, очень ясно поняла, что мое образование нужно и для моего народа, моей республики. Думаю, что обязательно вернусь домой, чтобы работать в Калмыкии, принести здесь пользу», — сказала одна из студенток, приехавшая домой на каникулы из Москвы, после встречи с профессором» [Шалдунова 2010в].

Профессор Роберт Турман в период визита в Калмыкию включил в программу лекций для молодежи занятие на тему «Я могу стать счастливым», на котором осветил вопрос как сознание влияет на жизнь. «Если в вашем уме жадность, омрачающие эмоции, вы никогда не станете счастливым, — говорил профессор, — все неблагое мысли — источники ваших страданий. Будда дал простой совет счастливой жизни: первое — этика, второе — работа с умом, третье — развитие мудрости» [Публичная лекция 2012]. Благоприятное влияние применения главных идей и основных принципов буддийской философии в повседневной жизни уже доказано наукой. По мнению ученого, изучение и практика общечеловеческих ценностей, пропагандируемые буддизмом, будут иметь большое значение для подрастающего поколения.

Центральный хурул принимает активное участие в пропаганде здорового образа жизни. Так, во время священного месяца Урюс сар в республике проводится акция «Принимаю обет трезвости». Священнослужители Центрального хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни» совместно с отраслевыми министерствами республики проводят для молодежи мероприятие «Я выбираю здоровье».

В 2012 г. Центральный хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни» поддержал

идею проведения I Международного турнира по мини-футболу на Кубок буддийских народов «Белый Лотос» калмыцкой общественной организацией по связям с соотечественниками «Джунгар». В турнире приняли участие студенческие и молодежные команды.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в настоящее время религиозные организации выступают в качестве одного из институтов социализации подрастающего поколения. На рассмотренных нами примерах мы видим позитивное влияние буддийской конфессии как социального института на формирование системы ценностных ориентаций молодежи. Монахи Центрального хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни» содействуют духовно-нравственному становлению молодого человека, развитию у него таких качеств, как милосердие, терпение, добросердечие; способствуют формированию нравственного поведения — проявления ответственности, гражданственности, патриотизма. Участие молодежи в просветительской, благотворительной деятельности имеет положительное значение для формирования духовно-нравственных установок.

Литература

- Алан Уоллес проведет в Калмыкии двухдневный ретрит. [электронный ресурс]. // URL: http://www.elista.org/index.php?option=com_content&view=article&id=14597:2012-07-04-09-53-21&catid=1. 2012 (дата обращения: 12.07.2012).
- Бакараева Н. Клуб «Манджушри» знакомит с историей и традициями калмыцкого народа [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/?p=6012>. 2011 (дата обращения: 12.07.2012).
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
- Головкина В. Полный стадион стадион [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/?p=1334>. 2009 (дата обращения: 12.07.2012).
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Ин-т психологии, 2006. 335 с.
- Кому помог верховный лама? [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/?p=4626> (дата обращения: 12.07.2012).
- Лапин Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: УРСС Едиториал, 2003. 224 с.

- Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учебн. пос. СПб.: Санкт-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2000. 519 с.
- Марзаева М. Б. Религиозные аспекты в духовно-нравственном воспитании в системе образования Республики Калмыкия // Современные реалии социально-политических процессов в Республике Калмыкия: состояние и перспективы. Мат. Республикан. науч.-практ. конф. Ч I, II. Элиста: КТИ (филиал) ГОУ ВПО ПГТУ, 2007. С. 147–155.
- Марзаева М. Б. О преподавании курса основ буддизма Калмыкии // Буддизм Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин; сост. В. М. Дронова М.: Алмазный путь, 2012. С. 827–833.
- Мукаева О. Д., Бадма-Халгаева Е. А. Духовно-нравственное воспитание учащихся на правилах буддийской этической дисциплины // «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 443–447.
- Хошеутровский хурул: проблемы восстановления [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/lib/?p=17#more-17>. 2007 (дата обращения: 12.07.2012).
- Шаджин-лама принял участие в Межрелигиозном совете [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/?p=2545>. 2009 (дата обращения: 11.07.2012).
- Шалдунова Н. Александр Берзин встречается с молодежью Элисты [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/?p=6466>. 2011 (дата обращения: 12.07.2012).
- Шалдунова Н. В хуруле открываются бесплатные курсы калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/?p=4488>. 2010а (дата обращения: 11.07.2012).
- Шалдунова Н. Медитация – это лекарство. [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/?p=4238>. 2010б (дата обращения 11.07.12).
- Шалдунова Н. Быть полезным на своей земле [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/?p=4103>. 2010в (дата обращения: 12.07.2012).
- Публичная лекция «Я могу стать счастливым» Роберта Турмана для молодежи прошла в Центральном хуруле Калмыкии [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/?p=10456>. 2012 (дата обращения: 12.07.2012).
- 360 лет «тодо бичиг»: история и современность, проблемы и перспективы. [электронный ресурс] // URL: <http://khurul.ru/lib/?p=11>. 2008 (дата обращения: 12.07.2012).

БУДДИЗМ В МОНГОЛИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.*Р. Т. Сабиров*

12 марта 1990 г. политбюро ЦК Монгольской народно-революционной партии (МНРП) ушло в отставку в ответ на многочисленные демонстрации и акции протеста, проходившие в Улан-Баторе с конца 1989 г. В Монголии (тогда еще МНР) начался новый этап истории, лейтмотивом которого стали демократические преобразования и экономические реформы. В 1992 г. принята новая Конституция, которая среди прочих свобод провозгласила свободу вероисповедания. Впрочем, процесс возрождения буддийской сангхи и активная миссионерская деятельность представителей других религий, прежде всего христиан, начались еще в конце 1980-х гг.

Буддизм оказал основополагающее влияние на историю и культуру страны, поэтому его возрождение занимает особое место в современной Монголии. Знакомство монголов с буддизмом произошло еще в XI–XII в. в ходе контактов монгольских племен с буддистами из соседних государств и позже, в ходе завоевательных походов Чингис-хана (1162–1227) и его преемников. Хубилай-хан (1215–1294) провозгласил буддизм государственной религией Монгольской империи. После падения монгольской династии Юань в Китае в 1368 г. позиции буддизма среди монголов пошатнулись. И, хотя контакты монголов с буддистами полностью не прерывались, буддизм, лишившись ханской поддержки, перестал играть значимую роль в жизни монголов. Так завершился первый этап распространения буддизма в монгольских кочевьях.

Начало второму этапу положила встреча Алтан-хана (1507–1582), предводителя южных монголов-тумэтов с главой тибетской школы Гелуг Сонам Гьяцо в 1576 г. На этот раз благодаря активному участию монгольских ханов и князей, с одной стороны, и тибетских проповедников, с другой, буддизм укоренился в Монголии надолго. Также этому способствовала поли-

тика Цинского двора, поддерживавшего буддизм. В 1588 г. был построен первый стационарный монастырь Эрдэнэ-цзу, в 1650 г. Далай-лама V присвоил сыну хана Тушетухановского аймака титул «Джеб-цзун-Дамба-хутутха» и объявил его «перерождением» (монг. *хубилган*) Таранатхи (1575–1634), известного проповедника буддизма в Тибете. Так было положено начало институту перерожденцев в Монголии, который сыграл одну из ключевых ролей в истории буддизма в стране.

Постепенно буддизм прочно закрепил свои позиции среди населения, сумел войти в контакт с автохтонными верованиями монголов. Многие элементы шаманизма и местных культов, после некоторой трансформации и адаптации, были инкорпорированы в культовую систему буддизма. Укоренению буддизма в монгольских улусах также способствовало слияние светской и религиозной власти: монгольские князья отдавали своих детей в монахи, слали щедрые подношения монастырям. Последнее привело к появлению института шабинаров (аратов, которые дарились князьями монастырям или отдельным хутухтам и исполняли при них различные повинности), составившего основу экономической мощи сангхи. В итоге монгольская сангха превратилась в мощную политическую и экономическую силу. К началу XX в. в Монголии насчитывалось 747 больших и малых монастырей и кумирен и более 100 тыс. монахов, что приблизительно составляло треть мужского населения страны [Жуковская 1992: 165]. К 1918 г. монастыри и храмы имели около 2 млн голов различного скота, то есть 15 % всего поголовья скота, которым располагала Внешняя Монголия [Майский 1960: 253]. Буддийские монастыри были единственными центрами просвещения, образования и медицины.

В 1911 г. после падения династии Цин в Китае Монголия провозгласила свою не-

зависимость (де-юре Монголия оставалась частью Китая до 1946 г.). В стране была установлена теократическая монархия во главе с Джебцзун-Дамбой-хутухтой VIII, просуществовавшая до 1924 г.

После победы народной революции 1921 г. в рядах МНРП развернулась внутрипартийная борьба по вопросам дальнейшего развития страны. В числе прочих обсуждался вопрос о будущем буддизма. Сангха, которой принадлежала существенная часть скота, материального имущества и людских ресурсов, а также пользовалась непререкаемым авторитетом среди большинства населения, представляла серьезное препятствие на пути революционных преобразований. Для решения «ламского вопроса» предпринимались разные меры, но, в конце концов, под влиянием советского руководства и Коминтерна в партии усилилось радикальное крыло, представители которого были настроены на решительную и бескомпромиссную борьбу с религией. В результате к 1938 г. было насильственно закрыто 760 крупных монастырей из 771 [Siklos 1991: 175]. Остальные закрыли годом позже. Было уничтожено около сотни высших лам, около двух тысяч лам убито во время закрытия монастырей в 1937 г. Из шести тысяч лам, арестованных в 1938 г., выжило незначительное число. При этом данные цифры не включают число убитых во время широкомасштабных операций против монастырей в 1937–1938 гг., а также тех, кто погиб еще раньше, — в 1928–1932 гг. [Siklos 1991: 180].

После того как сангха перестала представлять угрозу новой власти и вслед за послаблением политики в отношении религии в СССР, началось постепенное восстановление религиозных институтов и в Монголии. В 1949 г. в Улан-Баторе был заново открыт монастырь Гандантэгчинлин (Гандан), несколько монастырей сохранились в качестве музеев. С 1970 г. при Гандане начал работу Буддийский университет, готовивший кадры для монастырей Монголии и России. Буддийская община Монголии вошла в качестве члена во Всемирное братство буддистов; с 1969 г. — член Азиатской буддийской конференции за мир. Именно эта организация обеспечила визиты Далай-ламы в Монголию в 1979 и 1982 гг. Таким образом, буддизм играл

важную роль во внешней политике монгольского государства, являясь связующим звеном между Монголией и другими странами Азии. Конечно, в стране официально господствовало атеистическое мировоззрение, не публиковалась религиозная литература и в целом интерес населения к религии не поощрялся.

Очевидно, что буддизму в Монголии в 1920–30-е гг. был нанесен сокрушительный удар. Однако практика буддизма сохранялась на бытовом уровне, особенно в первые послереволюционные десятилетия, когда были живы уцелевшие ламы и люди, заставшие еще «буддийскую Монголию». Но антирелигиозная кампания уничтожила главное — систему воспроизводства буддийского знания в стране и лучших его носителей. Кроме того, в стране произошли серьезные социальные преобразования; многие функции, в прошлом исполнявшиеся сангхой, оказались в руках светских институтов (например, образование, медицина); были уничтожены экономические основы существования сангхи. Наконец, в XX в. произошли другие не менее важные изменения — Тибет, бывший центром тибето-буддийского мира, оказался во власти КНР. Несмотря на то, что тибетскому буддизму удалось пережить — пусть и с большими потерями — культурную революцию и другие инициативы китайского правительства, все его ведущие деятели, включая Далай-ламу XIV, оказались в вынужденной эмиграции, а «тибетский вопрос» приобрел значительную политическую составляющую. Таким образом, к началу 1990-х гг. не только изменилось монгольское общество, но и возникла принципиально новая ситуация в мире тибето-монгольского буддизма (куда входят также и буддийские регионы РФ — Бурятия, Калмыкия, Тыва).

В таких условиях начался процесс возрождения сангхи в 1990-е гг. Монгольские власти оказывали и оказывают поддержку буддистам, хотя в начале 1990-х гг. они сами находились в самых сложных условиях экономического и социального кризиса. На буддизм возлагалась задача сплотить народ, дать ему нравственные ориентиры, способствовать решению социальных проблем, противостоять внешнему идеологическому влиянию. Последнее для

Монголии стало особенно актуально, так как активная миссионерская деятельность протестантских церквей и евангелических миссий вкупе с экспансией западной массовой культуры рассматривается как серьезная угроза национальной самобытности страны.

В 1993 г. принят «Закон об отношениях государства и церкви» [Монгол улсын төр, сүм хийдийн харилцааны тухай хууль 1993], в котором буддизму отведена особая роль: «Исходя из почитания единства монгольского народа, исторических традиций культуры и цивилизации, государство будет уважать преобладающую позицию буддийской религии в Монголии» (ст. 4, ч. 2).

Немалое внимание процессу восстановления сангхи уделял президент Н. Багабанди (1997–2005). Основные вопросы отношений государства и буддийской сангхи были сформулированы Н. Багабанди во время выступления на открытии научно-практической конференции «Взаимоотношения государства и религии на современном этапе» [Төр, сүм хийдийн харилцаа 1998]. Президент подтвердил, что в государственной политике в области религии проблемам буддизма отводится особое место. Обращаясь к ламам, Н. Багабанди отметил, что необходимо обратить особое внимание на вопросы обновления буддизма, больше работать с людьми, прежде всего, с молодежью, учитывать их духовные потребности и интересы, повышать конкурентоспособность буддизма в сравнении с другими религиями [Төр, сүм хийдийн харилцаа 1998]. Президент не обошел вниманием тот факт, что в адрес буддийских лам Монголии высказывается много критики. Она связана, прежде всего, с тем, что некоторые ламы ведут себя не так, как подобает духовным лицам: не придерживаются принятых обетов, нарушают общественный порядок, не воздерживаются от дурных привычек, злоупотребляют своим положением в целях наживы. Н. Багабанди призвал буддистов внимательнее относиться к подобным вещам и не допускать злоупотреблений [Төр, сүм хийдийн харилцаа 1998].

В 2000-е гг., особенно в период президентства Н. Энхбаяра (2005–2009), буддийская сангха получила большую под-

держку, что было связано и с преодолением наиболее тяжелого периода новейшей истории Монголии, и с личным интересом президента к буддизму, который сам переводил книги по буддизму и способствовал визиту Далай-ламы XIV в Монголию в 2006 г.

Несмотря на то, что были и остаются различные проблемы во взаимоотношениях сангхи и государства (возвращение имущества монастырей, конфискованного в 1930-е гг. [Чойжамц 1998: 34], высокое налогообложение монастырей [Сухбаатар 2011]), в целом можно сказать, что государственная политика в отношении буддизма благоприятна. Монгольское правительство поддерживает сангху как политически, так и материально.

К 2011 г. в стране насчитывалось около 170 буддийских храмов и монастырей и 5000 лам [Сухбаатар 2011]). Это совсем немного в сравнении с дореволюционной ситуацией, однако неплохо, учитывая, что подобные результаты были достигнуты всего за 20 лет. По данным переписи 2010 г., буддистами себя считают 53 % монголов (38,6 % не принадлежат ни к какой религии, остальные проценты распределены между христианами, мусульманами и шаманистами) [Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын үр дүн 2010].

Восстановление сангхи в Монголии шло при активном участии международных организаций и отдельных лиц. Они предоставляли материальную помощь, а также возможности для обучения. В 1990-е гг. в Монголии наиболее активно работали Тибетский фонд, Фонд мира ламы Гангчена и Фонд сохранения традиций Махаяны.

Эти организации способствовали отправке монгольских лам на обучение в индийские монастыри и приглашению тибетских учителей в Монголию; оказывали материальную поддержку монастырям, поставляли в страну одежду и медикаменты, помогали восстановлению разрушенных монастырей, обучали людей основам буддизма, организовывали различные социальные программы.

Одной из ключевых фигур в процессе восстановления сангхи стал Бакула Ринпоче, посол Индии в Монголии (с 1 января 1990 г.) и известный буддийский учитель. В 1993 г. по его инициативе в Монголию

были привезены мощи Будды, что стало исключительным явлением в религиозной жизни страны. Под его руководством осуществлялась масштабная работа по переводу буддийских текстов с тибетского на современный монгольский язык. В 1999 г. в Улан-Баторе Бакулой Ринпоче был основан монастырь Бэтуб хийд, который стал первым монастырем в Монголии, полностью приспособленным для постоянного проживания монахов. Его основная задача, по словам самого Бакулы Ринпоче, – быть наглядным примером того, каким должен быть настоящий буддийский монастырь, и приучить монахов к подлинной монашеской жизни, то есть проживанию в монастыре и строгому соблюдению данных ими обетов [Hertzog 1998].

В 1990-е гг. одной из основных задач монгольских буддистов стало восстановление разрушенных и строительство новых монастырей; подготовка квалифицированных кадров, переводы и публикация книг и журналов по буддизму; распространение знаний о буддизме среди населения.

В 1991 г. состоялся съезд буддистов страны, на котором было принято решение о создании единого руководящего Центра монгольских буддистов и избран глава буддийской общины страны. Им стал хамбо-лама монастыря Гандан. До 1924 г. лидером буддийской сангхи в Монголии был Джебцун-Дамба-хутухта, однако после смерти предыдущего, восьмого, хутухты монгольское правительство запретило поиски его очередного перерождения, прервав тем самым линию преемственности. Тем не менее, девятое воплощение было найдено в Тибете, в 1992 г. его существование официально подтвердил Далай-лама. Поначалу монгольские власти и представители сангхи относились к девятому Джебцун-Дамбе настороженно, поскольку он был тибетцем, а правительство старалось ограничить степень иностранного влияния на внутренние процессы в стране (кроме того, это могло напомнить политику Цинского двора, которая запрещала находить крупных перерожденцев среди монголов). Но в 2010 г. Джебцун-Дамба-хутухта было дано монгольское гражданство, а 2 ноября 2011 г. его провозгласили главой Центра буддистов Монголии, то есть фактически он возглавил монголь-

скую сангху. Однако в новом статусе Халха Джебцун-дамба-хутухта пробыл недолго — 1 марта 2012 г. восьмидесятилетний лама скончался. Согласно монгольским источникам, перед смертью он пообещал переродиться в Монголии, и уже через несколько дней после его ухода была сформирована специальная комиссия, которая будет заниматься поисками его следующего воплощения [Нэргүй 2012]. Обнаружение следующего хутухты в Монголии, несомненно, повысит самостоятельность и авторитет местной сангхи. Это крайне важно, учитывая неопределенное будущее «тибетского вопроса» после ухода нынешнего Далай-ламы: велика вероятность, что Китай представит свою кандидатуру следующего Далай-ламы, что приведет к обострению ситуации. Очевидно, что монголы не хотят быть вовлеченными в конфликт. Вообще, тенденция дистанцироваться от тибетской проблемы и тибетской сангхи в целом явно пролеживается в современной Монголии.

Конечно, монголо-тибетские отношения имеют богатую и продолжительную историю. Тибетские ламы принимали и принимают активное участие в возрождении монгольской сангхи в 1990-е гг. Многие монгольские монахи прошли обучение в тибетских монастырях в Индии. Далай-лама XIV пользуется непрерываемым авторитетом и почитанием среди монгольских верующих. Ритуалы и обряды в монгольских монастырях по-прежнему проводятся на тибетском языке. Однако, несмотря на все это в Монголии отчетливо прослеживается линия на построение национальной сангхи, независимой от внешнего влияния. Во-первых, в этом заинтересованы монгольские власти, старающиеся избегать конфликтов с Китаем, одним из основных инвесторов и экономических партнеров страны, и руководствующиеся принципом невмешательства во внутренние дела извне. Во-вторых, в этом заинтересовано и руководство сангхи, которое не желает делить власть и имеет свои представления о том, каким должен быть «монгольский буддизм». Например, многие тибетские ламы указывают на несоблюдение монгольскими монахами правил Винаи, в частности на то, что монгольские ламы не живут постоянно в монастырях, могут иметь жен и друзей,

что противоречит монашескому кодексу. Некоторые из представителей сангхи отвечают на это, что жизнь кочевника-скотовода с пребыванием в монастыре в течение ограниченного периода времени – традиционная и сугубо монгольская модель буддийской жизни, которой следует придерживаться [Kollmar-Paulenz 2003]. Она, по их мнению, заключается в том, что молодые ламы, сделав домашние дела или завершив работу, приходят в монастырь, где совершают свои ламские обязанности, а потом возвращаются домой.

И, наконец, среди монголов бытует мнение, что Цины использовали буддизм для порабощения монголов, что стало одной из причин их отсталости, а тибетские ламы явились ключевым звеном в проведении этой политики [Elverskog 2006: 32–33]. Тот факт, что отношения между монголами и тибетцами носили временами довольно напряженный характер, находит свое отражение как в средневековых источниках, так и в современной жизни [Elverskog 2006: 34].

С начала второго этапа распространения буддизма среди монголов предпринимались попытки создания «монгольского буддизма», в частности с этой целью на монгольский язык был переведен буддийский канон (Ганджур). Прослеживается эта тенденция и в настоящее время [Сабиров 2009], хотя четкой политики и единства в этом вопросе нет. Показателен следующий пример. В подавляющем большинстве монгольских храмов и монастырей во время служб используется тибетский язык, который непонятен простым верующим. Однако связано это вовсе не со стремлением поддержания авторитета тибетской сангхи. Во-первых, в результате перехода на кириллицу в 1940-е гг. старомонгольская письменность, на которой были написаны многие тексты, была забыта монголами, и сейчас подавляющее большинство населения не в состоянии их прочитать. Во-вторых, ламы стремятся к возрождению традиционной формы взаимодействия монахов и мирян, когда первые удовлетворяли потребности вторых за определенную плату. Тибетский язык в этом случае выполняет роль сакрального языка, придавая авторитет тем, кто им владеет, и очерчивая границы сангхи [Elverskog 2006: 37].

Примечательно, что за использование монгольского языка выступают представители зарубежных организаций, прежде всего – Фонда по сохранению традиций Махаяны. В отличие от традиционного подхода сангхи, они ратуют за то, чтобы монголы больше узнавали об основах буддийского учения, понимали их и воплощали в жизнь. Они переводят и публикуют книги по буддизму на современном монгольском языке, организуют занятия по буддизму для всех желающих. Несмотря на то что деятельность Фонда привлекает монголов, в целом он не в состоянии существенно изменить ситуацию.

Вообще, наличие различных подходов к распространению и практике буддизма — отличительная черта современной религиозной ситуации в Монголии. Если раньше буддизм существовал преимущественно в монастырях и был представлен школой Гелуг, то теперь, помимо монастырей, существуют так называемые дхарма-центры, а кроме школы Гелуг, есть последователи и монастыри других школ (Ньингма, Кагью). Появились и женские монастыри.

Представляется, что в 1990–2000-е гг. буддизм в Монголии находился в переходном состоянии, монголы решали проблемы восстановления сангхи, приспосабливались к новой ситуации. Однако последние годы показали, что позиции буддизма в стране укрепляются, сангха движется к большей самостоятельности и независимости, и перспективы в этом направлении вполне благоприятные.

Литература

- Жуковская Н. Л. Ламаизм в Монголии // Буддизм: Словарь / под общ. ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатовича, В. И. Корнева. М.: Республика, 1992. 288 с.
- Майский И. М. Монголия накануне революции. М.: Изд-во Вост. лит., 1960. 310 с.
- Монгол улсын төр, сүм хийдийн харилцааны тухай хууль // Ардын эрх. 30.02.1993. № 196 (696).
- Нэргүй В. Д. Чойжамц: Богд гэгээнтэн Монголд төрөх ерөөлөө өөрөө тавьсан (Д. Чойжамц: Богдо-гэгэн пожелал родиться в Монголии) // Unen.mn. 02.03.2012.
- Сабиров Р. Т. Буддизм в Монголии после 1990 года: тибетский или монгольский? // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2009. Изд-во Бурят. гос. ун-та. № 4–5. С. 38–45.
- Сухбаатар Д. Возрождение буддизма в Монго-

- лии — достижения и ошибки // Сохраним Тибет. 18.04. 2011 г. [электронный ресурс] // URL: <http://savetibet.ru/2011/04/18/mongolia.html> (дата обращения 01.06.2012).
- Төр, сүм* хийдийн харилцаа: орчин үе сэдэвт онол-практикийн бага хурал дээр Монгол улсын ерөнхийлөөгч Н. Багабандийн хэлсэн үг // *Төр, сүм* хийдийн харилцаа: орчин үе. Онол-практикийн бага хурал. Улаанбаатар, «Бэмби-сан» хэвлэлийн газар, 1998. С. 6–10.
- Хүн* ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын үр дүн. Улаанбаатар, 2010 [электронный ресурс] // URL: http://www.toollogo2010.mn/doc/Main%20results_20110615_to%20EZBH_for%20print.pdf (дата обращения 04.07.2012).
- ЧойжамцД.* Монголын бурхан шашны өнөөгийн байдал, тулгамдсан асуудлууд // *Төр, сүм* хийдийн харилцаа: орчин үе. Онол-практикийн бага хурал. Улаанбаатар, «Бэмби-сан» хэвлэлийн газар, 1998. С. 34.
- Elverskog, Johan.* Two Buddhisms in Contemporary Mongolia // *Contemporary Buddhism*. Vol. 7: № 1, May 2006. P. 26–46.
- Hertzog Stuart.* A Crisis in Mongolian Buddhism. November 23, 1998. [электронный ресурс] // URL: http://portfolio.stuzog.com/web_sites/Mongolia/Buddhism_Crisis_3.html (дата обращения 15.03.2012).
- Kollmar-Paulenz K.* Buddhism in Mongolia after 1990 // *Journal of Global Buddhism*. 2003. Vol. 4. [электронный ресурс] // URL: www.globalbuddhism.org/toc.html (дата обращения 12.05.2012).
- Siklos B.* Mongolian Buddhism: A Defensive Account // *Mongolia Today*. London, 1991. P. 155–182.

УДК 323.2
ББК 66

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ОЦЕНКАХ ШКОЛЬНИКОВ г. ЭЛИСТЫ
(на материале социологических опросов)***

Б. В. Иджаева

Республика Калмыкия — полиэтнический и поликонфессиональный регион, где накоплен успешный опыт мирного сосуществования представителей различных этносов, исповедующих разные религии. Ситуация в области межэтнических отношений является результатом не только исторических добрососедских отношений между калмыками, русскими, народами Кавказа и Средней Азии и др., но и политики, которую проводят республиканские органы власти. Тем не менее вопросы гармонизации межэтнических отношений, прогнозирования их развития, своевременного разрешения конфликтов не теряют своей актуальности, поскольку «в республике существуют ситуации, в которых имеется нежелательный аспект межэтнических взаимоотношений» [Намруева 2010: 146].

Следует отметить, что, по данным предыдущих исследований состояния межэтнических отношений в Калмыкии, молодежь, в сравнении с другими возрастными группами, более негативно оценивает состояние данных отношений: «41 % молодых респондентов до 20 лет признались, что чувствуют недоброжелательность, хотя внешне это никак не обнаруживается. Это намного больше, чем в других возрастных группах. Молодежь гораздо чаще, примерно в два раза, сталкивается с затруднениями в личном общении, чем респонденты постарше» [Намруева 2010: 146]. В связи с этим возникла необходимость мониторинга трансформаций мнения молодежи в свете возможной негативной перспективы развития межэтнических отношений в ре-

гионе и разнообразных методов коррекции этой группы.

В данной статье анализируются некоторые результаты анкетирования школьников г. Элисты, проведенного в 2011 г. сотрудниками отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Цель исследования заключалась в анализе отношения школьников как к своему, так и к другим этносам. Были опрошены школьники 9 и 10 классов г. Элисты. Опрос был проведен по половозрастной выборке, объем которой составил 100 человек, из них 34 % юноши, 66 % — девушки. 68 % респонденты в возрасте 14 и 15-ти лет, 27 % — 16-тилетние, 5 % школьников не указали возраста.

Опрос был основан на следующих индикаторах:

- 1) отношение к своей этнической группе (этот индикатор включал такие установки, как этническое восприятие, вовлеченность в культуру и традиции, интерес к своей культуре и традициям);
- 2) интерес к другим культурам;
- 3) наличие опыта взаимодействия с представителями других этносов;
- 4) понимание терминов и оценка суждений.

Рассмотрим результаты социологического опроса среди школьников г. Элисты. Большинство респондентов отметили, что проявляют частичный интерес родной культуре (61 %), а треть — активный интерес. 10 % школьников плохо знают ее.

---

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект КИГИ РАН «Современная молодежь и традиционная культура (на примере Калмыкии)»).

Таблица 1. Распределение составляющих компонентов понятия «национальность»

Как ты определяешь свою национальную принадлежность?		В %
1.	По родителям	67
2.	По религии	19
3.	По языку общения	7
4.	По месту проживания	3
5.	По обычаям	4

Как видно из таблицы 1, 67 % учеников определяют свою национальность по национальности родителей, на втором месте находится ответ «по религии» (19%), на третьем месте — ответ «по языку общения» (7 %).

Исследование показало, что среди школьников г. Элисты достаточно высокая степень вовлеченности в культуру своего народа. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос о соблюдении учащимися традиций и обычаев своего народа. Распределение ответов выглядит следующим образом: треть опрошенных (34 %) всегда соблюдают традиции и обычаи своего этноса, больше половины (54 %) — «иногда», «очень редко» и «никогда» — 5 % и 7 % соответственно.

Далее рассмотрим результаты опроса, которые определяют характер восприятия учащимися своей этнической группы. Почти половина опрошенных (49 %) испытывает чувство гордости от принадлежности к своему народу. 39 % молодых людей выбрали вариант «спокойная уверенность», 10 % безразличны к своей этнической принадлежности и 2 % респондентов отметили, что чувствуют «ущемленность».

Более половины школьников (59 %) проявляют интерес к культурам других народов. При вопросе о необходимости изучения традиций других народов 54 % респондентов выбрали ответ «считаю это интересным». Необходимым изучение традиций и обычаев других народов, населяющих республику, считают 30 % школьников. 36 % подростков отметили, что удовлетворены своим познанием культур разных народов. Процент не интересующихся культурой других народов и не видящих необходимости в их изучении мал — 5 % и 15 % соответственно.

Несмотря на достаточно высокий интерес к другим культурам, почти половина учащихся не хотела бы введения предмета, посвященного народам России (39 %), и это объяснимо, поскольку перспектива введения дополнительного предмета не у всех школьников вызывает энтузиазм. С другой стороны, 61 % школьников не пугает возможность введения нового предмета, они считают его интересным.

Можно отметить факт достаточно интенсивного межэтнического взаимодействия среди опрошенных молодых людей. Так, больше половины учащихся отметили, что имеют близких родственников другой национальности (64 %). 36 % опрошенных не имеют близких родственников другой национальности. Абсолютное большинство школьников отметило, что имеют друзей другой национальности (97 %).

В связи с тем, что проблема толерантности и толерантного отношения особенно актуальна, нас также интересовало, как понимают старшеклассники термин «толерантность». Вопрос о трактовке термина «толерантности» был оставлен открытым. Ответы респондентов обобщены в представленной ниже таблице 2. По смыслу, все определения, предложенные школьниками, подходят к общепринятой трактовке толерантности.

Рассмотрим, какие предложения поддерживают старшеклассники по установлению мира и прекращению межнациональных конфликтов. По результатам, представленным в таблице 3, более 40 % школьников отмечают, что необходимо закладывать уважение к людям другой национальности в семье, 35 % респондентов выделяют утверждение «учиться жить в согласии с другими», 15 % школьников счи-

Таблица 2. Как ты понимаешь термин «толерантность»?

Варианты ответов		В %
1.	Вежливость, уважение	36
2.	Равное отношение	2
3.	Понимание	4
4.	Терпение, терпимость	26
5.	Выслушивать мнение других	6
6.	Воспитанность, качество воспитания	8
7.	Сдержанность	6
8.	Культура	6
9.	Хорошее отношение	2
10.	Спокойствие, спокойное отношение к словам	4

тают, что следует участвовать в совместных мероприятиях. «Проблемы, которые возможны в молодежной среде в сфере межнациональных отношений, могут быть

разрешены с помощью мероприятий, так как они предполагают взаимодействие большого круга представителей различных национальностей» [Привалова 2012: 19].

Таблица 3. Какие предложения по установлению мира между народами и прекращению межнациональных конфликтов ты поддерживаешь? (можно было выбрать несколько вариантов)

Предложения		В %
1.	Научиться жить в согласии с другими	35
2.	Закладывать уважение в семье	42
3.	Нужно организовывать мероприятия (в сфере культуры и спорта)	15
4.	Установление толерантности невозможно без хорошего уровня жизни	6
5.	Наверное, ничего нельзя предпринять	2

На основании приведенных результатов анкетного опроса можно сделать вывод о достаточной информированности школьников Калмыкии и понимания вопроса межэтнических отношений. Исследование показало, что молодое поколение республики испытывает чувство гордости за свой этнос, проявляет интерес к культуре своего народа, при этом достаточно высок интерес к культуре других народов, который во многом объясняется активным процессом межэтнической коммуникации, основывающейся на родственных связях и опыте общения с друзьями. Результаты исследования свидетельствуют о тенденции позитивного развития межкультурной коммуникации и межэтнического общения и важности воспитательного компонента,

особенно, если в этот процесс будут включены институты семьи, общества и государственных органов.

Литература

- Намруева Л. В. Межэтнические отношения в оценке различных этнических групп (на материале опроса 2009 г. в Калмыкии) // Социальное самочувствие населения в современной России: тез. Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 145–149.
- Привалова М. Е. Межнациональные коммуникации молодежи в полиэтническом регионе: социологический анализ // Культурное пространство регионов России: тез. участников Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2012. С. 19.

УДК 316.4
ББК 60.5

МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: ОЦЕНКА ЭКСПЕРТОВ*

Н. В. Бадмаева

Вопросам региональной миграции, межнациональных отношений следует уделять особое внимание, поскольку их решение важно для обеспечения стабильного развития региона. В этих целях Центром мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН был проведен экспертный опрос «Оценка межнациональных отношений в Республике Калмыкия: взгляд экспертов». Одной из проблем, затронутых в опросе, стала проблема взаимодействия мигрантов и принимающего общества, которой посвящается данная статья.

Миграция является неотъемлемым элементом современного развития общества, поэтому особую актуальность приобретают вопросы интеграции мигрантов в принимающее общество, их толерантности по отношению к друг другу.

Анализ миграционных процессов выявил проблемную ситуацию, связанную с противоречивостью последствий привлечения трудовых мигрантов. Позитивный эффект миграции для общества обусловлен тем, что миграция является одним из способов решения долгосрочных экономических и демографических проблем. В рамках активной миграционной политики на первый план выходят трудности адаптации и интеграции, суть которых состоит в антимигрантских настроениях и интолерантности части принимающего сообщества. Если не уделять должного внимания этим проблемам, ситуация может выйти из-под контроля и перерасти в форму открытого конфликта.

Важной практической задачей в связи с этим является разработка мер, направленных на формирование толерантных установок принимающего населения по отношению к мигрантам, научной же задачей — изучение факторов, способствующих и препятствующих толерантности принимающего населения по отношению к мигрантам.

В ходе опроса экспертами выступили люди, знающие предложенную тематику, среди них — руководители и активисты национальных диаспор, представители научного сообщества, в том числе философы, политологи и социологи.

Экспертам задавались вопросы по проблемам миграции и о мерах по разрешению возникающих трудностей. В результате исследования были определены основные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты. Во-первых, это отсутствие перспектив в повышении социального статуса, сложности трудоустройства и адаптации мигрантов. Во-вторых, к проблемам принимающего общества можно отнести настороженность принимающей стороны из-за возможного неуважения к обычаям и традициям титульного этноса, неумение самих мигрантов жить в другой культурной среде. В-третьих, к основным отнесена и проблема безответственного подхода к использованию ресурсов региона, земли, недр. Отметим также, что преобладание в потоке мигрантов мужчин трудоспособного возраста определяет отношение к ним реципиентов: молодые люди видят в мигрантах экономического конкурента. Таким образом, трудности миграции связываются с культурными

* Исследование выполнено по проекту «Демография народов Калмыкии (конец XX — начало XXI вв.)» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности».

различиями, тяжелым экономическим положением в регионе, проблемами, связанными с использованием земель и ресурсов региона.

Здесь необходимо отметить, что перечисленные проблемы в большей степени относятся к отдельным группам мигрантов и не относятся ко всем. Как отмечают эксперты, население демонстрирует дифференцированное отношение к мигрантам различных этнических и социальных групп. Например, по замечанию одного из экспертов, «существуют мигранты, по отношению к которым фобии отсутствуют или почти не наблюдаются. Например, буддийские священнослужители-иностранцы, приезжающие постоянно или длительно служить в Калмыкии, — это ведь тоже мигранты. Но они не вызывают настороженности. Терпимое отношение также к китайцам, специализирующимся на полеводческих работах. В этом секторе занятости они не вытесняют коренное население, не претендуют и на то, чтобы стать собственниками земли».

Мнения экспертов разделились и в вопросе приграничной миграции из близлежащих регионов, особенно из Республики Дагестан. Часть экспертов вообще не видит проблемы приграничной миграции в Калмыкии, некоторые из них отметили неактуальность этого вопроса для нашего региона. Другая же часть экспертов, наоборот, отмечает, что эта проблема существует и имеет негативную перспективу. Это усугубляет нерешенность социально-экономических проблем, особенно проблему безработицы местного населения. Интервьюируемые отмечают, что «происходит постепенная смена этнокультурного облика приграничных районов. Это отражается на безопасности региона и может привести к межэтническим конфликтам в будущем». Так как «миграция в приграничных зонах, в том числе и нелегальная, — явление обычное, то факты нелегальной миграции, которым сопутствуют и криминальные потоки, создают угрозу безопасности приграничных регионов». Однако все эксперты сходятся во мнении, что здесь важна основная регулирующая роль государственных органов и государственной политики.

К подобному выводу приходит и О. А. Васильева: «Для того, чтобы изменить ситуацию, связанную с повышенной межэтнической напряженностью вследствие интенсивных миграционных процессов, необходимо проведение институционально-правовых изменений» [Васильева 2011: 100]. И здесь следует обратить внимание на позицию М. А. Аствацатуровой, по мнению которой межэтнические отношения как важная составляющая общественных отношений нуждаются в модернизации. Для такой модернизации важны внутренние ресурсы этнокультурного развития, национально-культурного самоопределения, национально-государственного строительства, в которых институционализированы базовые социальные предпочтения этнических групп, а также механизмы коммуникации между ними [Аствацатурова 2010: 16–17].

В связи с этим экспертам было предложено рассмотреть возможность создания программы гармонизации межнациональных отношений в республике. Как показал анализ проведенного опроса, в основном эксперты сходятся во мнении, что «подобная программа не помешала бы, лучше что-то, чем ничего»; «обязательно надо принимать»; «это будет способствовать развитию диалога культур, толерантности в республике. Важно, чтобы эта программа реализовывалась с участием и под контролем общественности, а не осталась бюрократической «отпиской» или «декларацией». Таким образом, большинство экспертов считает принятие подобной программы актуальной задачей.

В то же время, по мнению некоторых экспертов, программа должна быть направлена на развитие и укрепление гражданского сознания, общероссийской идентичности: «...полезно было бы задуматься о программе общегражданской консолидации, укрепления общегражданской идентичности народов Калмыкии. Программа гармонизации ориентирована на этническое, этнокультурное различие жителей республики. Но у всех нас есть общее, независимо от этнической принадлежности, а именно: принадлежность к народу Калмыкии, зафиксированная в

Конституции республики, об этом вспоминается реже, а порой и вовсе забывается... Калмыки, «не калмыки», проживающие на территории республики, оставаясь «в рамках» своих этнических идентичностей, должны ощущать также и гражданскую солидарность как народ Калмыкии. Программа, нацеленная на формирование, укоренение такого рода идентичности, решит и задачу гармонизации межэтнических отношений, но не через акцентирование национальных различий, а через гражданское единение».

По мнению экспертов, власть должна принять следующие меры.

1. Осуществлять постоянный качественный мониторинг состояния межнациональных отношений в республике на предмет выявления напряженности на ранних стадиях. Иметь для полноценного проведения такой политики и мониторинга подготовленных специалистов на государственной гражданской и муниципальной службе, привлекать профессионалов из научной среды. В этих же целях необходимо поддерживать постоянный диалог с лидерами различных этнических общин, проявлять волю к исправлению перекосов в своей деятельности, задевающих этнические чувства и вызывающих недовольство, пусть даже преимущественно непубличное. Например, очевидны дисбалансы в области этнического представительства в органах государственной и муниципальной власти, управления, СМИ, некоторых других сферах и структурах.
2. Одним из приоритетов государственной политики в обозначенной области должна стать работа с молодежью. Воспитание нужно начинать с детского возраста, и именно к молодежи должны быть обращены тематические радио- и телевизионные передачи, газетные публикации.
3. Проводить постоянный мониторинг по межнациональным взаимоотношениям в тех местах, где уже были зафиксированы предпосылки к появлению конфликтных ситуаций, своевременно реагировать на сигналы с мест». «Необходимо достойное фи-

нансирование развития культуры и возрождения народных традиций и обрядов. Главным объектом внимания должна быть семья (традиционная семья).

4. Более активно привлекать общественность, представителей всех проживающих в республике народов, диаспор к решению конкретных вопросов общественного бытия, больше внимания уделять организации и работе общественных организаций такого направления.

Таким образом, суммируя все пожелания, можно выделить 3 уровня работы в сфере гармоничного развития межнациональных отношений: локальный, местный и региональный. На уровне локальном — работа с представителями диаспор и местным населением, часто контактирующим с мигрантами. На местном уровне — работа с образовательными учреждениями, пропаганда толерантности в семье. На региональном уровне — принятие программы по межнациональным отношениям, работа со СМИ, с учреждениями культуры и досуга. Эти меры могут применяться с помощью самых различных технологий, из практики образования (передача знаний о различных народах, культурах, верованиях для лучшего их понимания) и воспитания (привитие толерантности, передача навыков правильного общения, сотрудничества, умения выстраивать отношения с представителями иных народов в этнически сложносоставном обществе).

СМИ необходимо активнее пропагандировать положительные примеры межнациональных отношений, освещать деятельность этнокультурных организаций, транслировать информацию о достойных представителях различных этнических общин, рассматривать проблемные вопросы, касающиеся межэтнических отношений и путей их решения.

В организационной работе с этническими группами возможно привлечение лидеров, в том числе этнических, для участия в решении проблем межэтнических отношений.

В то же время ряд экспертов отмечает, что «нет универсальных техноло-

гий, в каждом отдельном случае должна существовать своя технология урегулирования проблем». Но, тем не менее, необходимость разработки социальных технологий, на основе изучения определенных межнациональных проблем, исходя из конкретных материалов и ситуации, всегда была, есть и будет, потому что нужен основной ориентир в этой непростой работе, от результатов которой зависит стабильность нашего общества.

Литература

- Аствацатурова М. А.* Межэтнические отношения в СКФО: возможные направления и векторы модернизации // Социальное самочувствие населения в современной России: Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (4–5 октября 2010 г., г. Ставрополь). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 16–19.
- Васильева О. А.* Отечественный опыт политического управления процессом территориального строительства на Северном Кавказе в практике российского федерализма. Армавир: РИЦ АГПА, 2011. 240 с.

УДК 342.075
ББК 67.400

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ*

Е. А. Гунаев

В Российской Федерации демографическая политика находится в центре особого внимания властей. Демографическое развитие является одним из важных шагов в формировании комплексного подхода в реализации социальной политики [Шилова, Лепихина 2011]. Демографическая политика определяется как «государственное управление процессами воспроизводства населения в зависимости от демографической ситуации» [Поплаухин 2009: 23], «как приоритетная часть социально-экономической политики государства долгосрочного характера, направленная на стабилизацию или изменение тенденций воспроизводства населения, грамотную организацию притока и оттока мигрантов посредством улучшения качественных показателей состояния населения» [Савдерова 2010: 474].

Наряду с мерами экономико-социального характера, ведущую роль играют и правовые основы в обеспечении данной политики. Вопросы социально-демографической политики регулируются как на уровне Федерации, так и ее субъектов. Согласно Конституции Российской Федерации (РФ), координация вопросов здравоохранения, защита семьи, материнства, отцовства и детства, социальная защита, включая социальное обеспечение, отнесены к совместному ведению правового регулирования (ст. 72 Конституции РФ). Нормативные акты субъекта РФ принимаются в развитие федерального законодательства в данной сфере. Как правило, в самих федеральных нормативных актах закреплена обязанность принятия субъектами федерации мер, способствующих реализации федеральных программ. В настоящей статье рассматриваются право-

вые основы регулирования социально-демографической политики на примере Республики Калмыкия.

Первичным, безусловно, является законодательный уровень правовых основ социально-демографической политики. Высший уровень законодательства Республики Калмыкия как субъекта РФ составляют конституционные нормы, закрепленные в его Основном Законе. Согласно нормам Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия, республика стремится создать условия, обеспечивающие достойную жизнь своих граждан (ч. 2 ст. 3), всемерно содействует сохранению самобытности, традиций народов республики, особенно таких, как почитание старших, уважение к женщине, любовь и забота о детях (ст. 14). Права человека, включая социальные (такие как право на труд, образование, культуру, охрану здоровья, социальное обеспечение), объявлены непосредственно действующими (ст. 21) [Степное Уложение].

Следующий уровень образуют законы Республики Калмыкия. В целях улучшения социального положения семьи и детей, а также в рамках реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. в Республике Калмыкия принят ряд новых законов в указанной сфере. Согласно Закону Республики Калмыкия «О регулировании земельных отношений в Республике Калмыкия» от 9 апреля 2010 г. № 177-IV-3 (ред. от 18.09.2012), на однократное бесплатное предоставление в собственность сформированных земельных участков имеют право:

– родители (родитель) многодетной семьи, имеющей в своем составе трех и более несовершеннолетних детей, в том числе

---

* Статья выполнена в рамках проекта «Демография народов Республики Калмыкия (конец XX — начало XXI вв.)» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности».

усыновленных, принятых под опеку (попечительство);

– родители (родитель) семьи, имеющей в своем составе ребенка-инвалида, в том числе усыновленного, принятого под опеку (попечительство)

При этом на одну семью предоставляется один земельный участок, а многодетной семье, имеющей в своем составе пятерых и более несовершеннолетних детей, — два земельных участка [Закон РК «О регулировании...» 2010].

Законом Республики Калмыкия от 7 июля 2011 г. № 274-IV-3 «О знаке отличия Республики Калмыкия „За заслуги в воспитании детей“» учрежден вышеназванный знак отличия и определены основания награждения им. Он учреждается «в целях повышения авторитета семьи, общественного престижа родительского труда и является формой поощрения семей, внесших значительный вклад в сохранение и укрепление семейных ценностей и традиций, воспитывающих достойных граждан Российской Федерации» [Закон РК «О знаке отличия...» 2011]. При награждении знаком отличия «За заслуги и воспитания детей» родителям выплачивается единовременное денежное вознаграждение [Закон РК «О знаке отличия...» 2011].

Законом Республики Калмыкия от 16 сентября 2011 г. № 285-IV-3 «О внесении изменений в Закон Республики Калмыкия «О государственном ежемесячном пособии на ребенка» предусмотрена индексация размера государственного ежемесячного пособия на ребенка, исходя из прогнозируемого уровня инфляции [Закон РК «О внесении изменений...» 2011].

Законом Республики Калмыкия от 26 декабря 2011 г. № 324-IV-3 «О региональном материнском (семейном) капитале в Республике Калмыкия» введена дополнительная мера социальной поддержки семей, имеющих троих и более детей. Данным Законом установлено, что «право на получение материнского (семейного) капитала возникает со дня рождения (усыновления) третьего ребенка или последующих детей независимо от периода времени, прошедшего с даты рождения (усыновления) предыдущего ребенка (детей), и может быть реализовано по истечении трех лет со дня рождения (усыновления) третьего и последующих детей» [Закон РК «О региональном материнском семейном капитале...» 2011].

При этом средства регионального материнского капитала могут быть использованы не ранее 1 января 2015 г. в полном объеме либо по частям по следующим направлениям:

– улучшение жилищных условий (приобретение на территории Республики Калмыкия жилого помещения, на строительство, реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства);

– приобретение земельного участка, предназначенного для индивидуального жилищного строительства или ведения личного подсобного и дачного хозяйств;

– на получение образования ребенком (детьми);

– на лечение ребенка (детей) [Закон РК «О региональном материнском семейном капитале...» 2011].

В соответствии с Законом Республики Калмыкия «О мерах социальной поддержки многодетных семей» от 23 ноября 2011 г. № 311-IV-3 указанным семьям предоставляются меры социальной поддержки: ежемесячная денежная выплата в размере 30 % стоимости оплаты коммунальных услуг в пределах нормативов потребления коммунальных услуг, первоочередной прием детей в детские дошкольные учреждения, ежемесячная денежная выплата на бесплатное питание (обеды) на каждого учащегося общеобразовательного учебного заведения и др. [Закон РК «О мерах...» 2011].

Важная роль в реализации социально-демографической политики отводится прогнозированию демографических процессов в рамках общего государственного социально-экономического прогнозирования. Его результаты используются при принятии органами государственной власти и местного самоуправления конкретных решений в области социально-экономической политики. Прогнозирование находит свое отражение и в стратегиях, концепциях, программах социально-экономического развития страны или региона.

В 2001 г. распоряжением Правительства РФ утверждена Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., представляющая собой «систему взглядов, принципов и приоритетов в сфере регулирования демографических процессов» [Распоряжение РФ 2001]. Концепция служит ориентиром для органов государственной власти, в том числе субъектов РФ, а также для органов местного самоуправления «при решении вопросов,

касающихся рождаемости, оказания поддержки семье, здоровья, продолжительности жизни, миграции и иных аспектов демографического развития» [Распоряжение РФ 2001].

В ней проанализирована демографическая ситуация за 1992–2000 гг. в Российской Федерации. Так, численность населения сократилась в 65 из 89 субъектов РФ (ныне 83 субъекта. — *Е. Г.*). Естественный прирост населения в 2000 г. был отмечен лишь в 15 субъектах РФ, в число которых вошла и Республика Калмыкия [Распоряжение РФ 2001].

На основании федеральной Концепции демографического развития 2001 г. в Республике Калмыкия была принята аналогичная Концепция до 2015 г. применительно к условиям региона [Распоряжение РК 2002]. Министерством и ведомствам республики поручалось утвердить Планы мероприятий по реализации данного документа. В Концепции проанализирована демографическая ситуация в республике. Отмечается, что «ситуация с рождаемостью отражает значительные перемены в репродуктивном поведении населения, которая определяется ростом числа малодетных семей (1–2 ребенка), сближением уровня рождаемости в сельской и городской местности, ростом внебрачной рождаемости. Из числа умерших 33,8 % приходится на лица трудоспособного возраста, среди которых большую часть составляют мужчины. Продолжительность жизни мужчин ниже, чем у женщин на 12 лет. Основными причинами смерти людей трудоспособного возраста являются травмы, отравления, несчастные случаи» [Распоряжение РК 2002].

В Концепции констатируется, что одним из факторов снижения численности населения является превышение миграционного оттока над естественным приростом населения республики: «растет число трудовых мигрантов, что сказывается на возрастной структуре населения. Миграционная убыль населения в республике продолжает носить устойчивый характер. Ранее сформировавшиеся тенденции в области естественного и миграционного движения предопределили дальнейшее сокращение его численности и старения. В республике с 1970 года отмечается рост лиц старше трудоспособного возраста, то есть наблюдается неуклонная тенденция старения населения» [Распоряжение РК 2002].

Согласно Концепции, демографические прогнозы показывают высокую вероятность

обострения проблем, связанных с воспроизводством населения Республики Калмыкия. Однако утверждается, что «в отличие от Российской Федерации оно не будет высоким, что связано со значительным числом населения в относительно молодом возрасте» [Распоряжение РК 2002].

Целями демографического развития Республики Калмыкия объявляются стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту. Устанавливаются задачи демографической политики республики:

1) в области укрепления здоровья и увеличения ожидаемой продолжительности жизни:

- увеличение продолжительности жизни населения за счет улучшения качества жизни, снижения преждевременной смертности;
- увеличение продолжительности здоровой (активной) жизни путем сокращения заболеваемости, травматизма и инвалидности;
- улучшение качества жизни хронически больных и инвалидов путем предоставления им условий реализации имеющегося потенциала здоровья;

2) в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи:

- улучшение репродуктивного здоровья населения;
- создание предпосылок для повышения уровня рождаемости;
- всестороннее укрепление института семьи как формы наиболее гармоничной жизнедеятельности личности и ее нормальной социализации;
- создание условий для самореализации молодежи и молодой семьи;
- обеспечение адресной социальной защиты семьи и материальное поощрение ответственного родительства;
- разработка и реализация республиканских целевых программ в области здравоохранения, занятости, социальной защиты населения, молодежной политики, в том числе целевых программ, направленных на улучшение положения семьи и детей;

3) в области миграции и расселения:

- повышение эффективности использования миграционных потоков путем достижения соответствия их объемов, направлений и состава интересам социально-экономического развития республики;
- обеспечение интеграции мигрантов в общество и формирование толерантного к ним отношения [Распоряжение РК 2002].

В этой связи в данной области определены следующие приоритеты и направления:

– создание экономических условий для сокращения эмиграционного оттока населения и сохранения научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала Республики Калмыкия;

– создание системы эффективной защиты законодательно закрепленных прав вынужденных мигрантов на территории республики;

– оказание помощи в трудоустройстве;

– создание условий для получения образования;

– с целью формирования толерантного отношения к мигрантам «оказание содействия в развитии культур других народностей, проживающих в республике, на основе равноправного межнационального, культурного взаимодействия» [Распоряжение РК 2002].

Особенностью Концепции Республики Калмыкия, по сравнению с федеральной, является наличие раздела «Национально-духовное возрождение». Отмечается, что «в современных условиях демократизации и гуманизации всех сфер жизни общества, национально-духовного возрождения народов России активные поиски преодоления бездуховности, пагубных последствий массовой культуры являются важной задачей демографического развития как страны в целом, так и республики» [Распоряжение РК 2002]. Большая роль в Концепции отводится развитию традиционных семейных ценностей через приобщение молодого поколения к самобытной национальной культуре. «Традиционная культура воспитания, регенерирование народных педагогических систем является, — согласно Концепции, — спасительным путем преодоления семейной разобщенности, установления более тесной связи младшего и старшего поколений» [Распоряжение РК 2002].

В настоящее время федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в большей степени руководствуются положениями «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351¹ [Указ 2007], а также положениями Указа Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» от 7 мая 2012 г. № 606 [Указ 2012].

¹ Определение направлений политики — прерогатива Президента РФ — см. [Елизаров].

В Республике Калмыкия Распоряжением Правительства республики от 22 июня 2010 г. № 148-р утвержден Комплексный план мероприятий по реализации в 2011–2015 гг. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Распоряжение 2010].

Согласно Степному Уложению (п. 2 ст. 30) и Закону республики «О прогнозировании социально-экономического развития Республики Калмыкия» от 22 февраля 2007 г. № 334-III-3, обеспечение составления прогнозов социально-экономического развития республики находится в ведении Правительства Республики Калмыкия. Прогнозы социально-экономического развития Республики Калмыкия «включают количественные и качественные характеристики макроэкономической ситуации, экономической структуры, научно-технического развития, внешнеэкономической и инвестиционной деятельности, уровня и качества жизни, а также развития систем образования, культуры, здравоохранения и социального обеспечения населения Республики Калмыкия» [Закон РК «О прогнозировании...» 2007]. Прогнозы разрабатываются на долгосрочную (10 лет), средне- (3–5 лет) и краткосрочную (ежегодно) перспективу [Закон РК «О прогнозировании...» 2007].

Примером долгосрочного прогнозирования в сфере социально-экономической политики является «Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2020 года». В ней содержится анализ состояния экономики и социальной сферы республики, описание основных вызовов, стоящих перед экономикой и обществом Республики Калмыкия. Также определены сравнительные преимущества и возможности повышения конкурентоспособности Республики Калмыкия.

В Стратегии проанализирована демографическая ситуация в республике на 2007 г. Отмечены некоторые положительные тенденции увеличения естественного прироста населения за счет увеличения коэффициента рождаемости и снижения коэффициента смертности, которые наметились с 2003 г. В то же время, подчеркивается, что «миграционные процессы уменьшают общую численность населения, снижают трудовой и генеративный потенциал, так как большая часть мигрантов — лица трудоспособного возраста» [Постановление РК «О Стратегии...» 2008].

В целом выводы, содержащиеся в данном документе, очевидны («характер де-

мографических процессов на территории Республики Калмыкия будет определяться естественным и миграционным движением населения, масштабы которых будут зависеть от результатов социально-экономических преобразований: развития экономического потенциала, развития рынка жилья, занятости и уровня оплаты труда, социальной политики и т. д.» [Постановление РК «О Стратегии...» 2008].

«Концепция социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2015 года» разработана на среднесрочную перспективу [Постановление РК «О Концепции...» 2011]. Согласно Концепции, в Республике Калмыкия сохраняется тенденция естественного прироста населения. «В 2010 г. Республика Калмыкия — один из 22 регионов России, где отмечался естественный прирост населения. Уровень рождаемости населения республики на 3 промилле превышает среднероссийский» [Постановление РК «О Концепции...» 2011]. Планируется, что реализация направлений Концепции позволит снизить показатель уровня младенческой смертности к 2015 г. до 8,7 чел. на 1 000 родившихся.

Показателями результативности в сфере социальной защиты к 2015 г. в Концепции объявлены:

- снижение показателей инвалидности взрослого населения;
- доведение удельного веса инвалидов и граждан пожилого возраста, получивших услуги учреждений социального обслуживания, до 41 % от общего числа обслуживаемых граждан;
- упрощение процедур предоставления гражданам мер социальной поддержки.

Прогнозируется, что планируемые мероприятия в сфере развития физической культуры и спорта позволят увеличить к 2015 г. численность молодежи Республики Калмыкия, занимающейся физической культурой и спортом, на 20,0 % от общего количества молодых граждан [Постановление РК «О Концепции...» 2011].

Краткосрочное прогнозирование определено в Постановлении Правительства Республики Калмыкия «О прогнозе социально-экономического развития Республики Калмыкия на 2012 год и плановый период 2013 и 2014 годов». К 2014 г. прогнозируется увеличение коэффициента естественного прироста населения с 4,9 промилле в 2011 г. до 5,9 промилле в 2014 г. вследствие роста общего коэффициента рождаемости и сни-

жения общего коэффициента смертности. Кроме того, прогнозируется, что в Калмыкии будет увеличиваться такой показатель, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении (с 69,4 лет в 2011 г. до 70,2 лет в 2014 г.) [Постановление РК «О прогнозе...» 2011].

Социально-демографическая политика включает мероприятия не только по повышению рождаемости, но и по поддержке пожилого населения [Смирнова 2008: 113]. В Калмыкии в целях установления социальной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом «О государственной социальной помощи» от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ, ежегодно республиканским Законом устанавливается прожиточный минимум пенсионера [Закон РК «Об установлении...» 2012]. Принят Закон Республики Калмыкия «О ветеранах труда Республики Калмыкия» от 20 сентября 2012 г. № 370-IV-3, устанавливающий меру социальной поддержки гражданам, удостоенным соответствующего звания, в виде ежемесячной денежной выплаты [Закон РК «О ветеранах...» 2012].

Еще одним важным направлением является комплексное развитие территорий и улучшение условий проживания населения [Елсуков, Кашина 2010: 72]. В Республике Калмыкия действует Республиканская целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий Республики Калмыкия на 2008–2013 годы», утвержденная Постановлением Правительства Республики Калмыкия от 24 ноября 2007 г. № 423 [Постановление РК «Об утверждении...» 2007].

Таким образом, в Республике Калмыкия создана законодательная основа социально-демографической политики, приняты соответствующие республиканские целевые программы, комплексные планы мероприятий. Эффективность реализации данной политики зависит от взаимодействия органов исполнительной власти региона с органами местного самоуправления.

Источники

Закон Республики Калмыкия «О прогнозировании социально-экономического развития Республики Калмыкия» от 22 февраля 2007 г. № 334-III-3 // Хальмг үнн. 2007. 28 февр.

Закон Республики Калмыкия «О регулировании земельных отношений в Республике Калмыкия» от 9 апреля 2010 г. № 177-IV-3 (ред. от 18.09.2012) // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Региональное законодательство».

- Закон Республики Калмыкия «О знаке отличия Республики Калмыкия „За заслуги в воспитании детей“» от 7 июля 2011 г. № 274-IV-3 // Хальмг үнн. 2011. 9 июля.*
- Закон Республики Калмыкия «О внесении изменений в Закон Республики Калмыкия „О государственном ежемесячном пособии на ребенка“» от 16 сентября 2011 г. № 285-IV-3 // Хальмг үнн. 2011. 20 сент.*
- Закон Республики Калмыкия «О мерах социальной поддержки многодетных семей» от 23 ноября 2011 № 311-IV-3 // Хальмг үнн. 2011. 24 нояб.*
- Закон Республики Калмыкия «О региональном материнском (семейном) капитале в Республике Калмыкия» от 26 декабря 2011 г. № 324-IV-3 // Хальмг үнн. 2011. 27 дек.*
- Закон Республики Калмыкия «О ветеранах труда Республики Калмыкия» от 20 сентября 2012 г. № 370-IV-3 // Хальмг үнн (спецвыпуск). 2012. 22 сент.*
- Закон Республики Калмыкия «Об установлении величины прожиточного минимума пенсионера в Республике Калмыкия на 2013 год» от 20 сентября 2012 г. № 374-IV-3 // Хальмг үнн (спецвыпуск). 2012. 22 сент.*
- Постановление Правительства Республики Калмыкия «Об утверждении Республиканской целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий Республики Калмыкия на 2008–2013 годы» от 24 ноября 2007 г. № 423 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».*
- Постановление Правительства Республики Калмыкия «О Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2020 года» от 30 декабря 2008 г. № 465 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».*
- Постановление Правительства Республики Калмыкия «О Концепции социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2015 года» от 30 мая 2011 г. № 152 // Хальмг үнн. 2011. 15 июня.*
- Постановление Правительства Республики Калмыкия «О прогнозе социально-экономического развития Республики Калмыкия на 2012 год и плановый период 2013 и 2014 годов» от 24 июня 2011 г. № 184 // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».*
- Распоряжение Правительства Республики Калмыкия «О принятии необходимых мер по реализации Концепции демографического развития Республики Калмыкия на период до 2015 года» от 3 июля 2002 г. № 336-р // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».*
- Распоряжение Правительства Республики Калмыкия «Об утверждении Комплекс-*

ного плана мероприятий по реализации в 2011–2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в Республике Калмыкия» от 22 июня 2010 г. № 148-р // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».

Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года» от 24 сентября 2001 г. № 1270-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 40. Ст. 3873.

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (ред. от 29.06.2012) /// СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство».

Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», от 9 октября 2007 г. № 1351 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» от 7 мая 2012 г. № 606 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2343.

Литература

- Елизаров В.* Сравнительный анализ демографических концепций 2001 и 2007 гг. [электронный ресурс] // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0309/polit02.php> (дата обращения: 18.08.2012).
- Елсуков М., Кашина М.* Комплексный подход к разработке и реализации региональной демографической политики // Власть. 2010. № 10. С. 69–73.
- Савдерова А. Ф.* Демографическая политика региона и ее эффективность // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 474–478.
- Смирнова К. С.* Конституционно-правовые основы социально-демографической политики субъектов Российской Федерации в рамках Года семьи // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 3. С. 110–115.
- Поплаухин В. Е.* Нормативно-правовая база, регламентирующая социально-демографическую политику. Система федеральных нормативных актов, регулирующих воспроизводство населения // Юридический мир. 2009. № 5. С. 23–27.
- Шилова С. П., Лепихина Т. Л.* Демографический процесс как объект управления на федеральном и региональном уровнях // Проблемы современной экономики. 2011. № 3(39) [электронный ресурс] // URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3684> (дата обращения: 25.08.2012).

УДК 32
ББК 65

СБАЛАНСРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИО-ЭКОНОМИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А. И. Бородин, Л. С. Шеховцева

Социо-экономико-экологическая система представляет собой целостное образование разнообразных взаимосвязанных элементов, которые создают благоприятные условия для человеческой жизни и трудовой деятельности.

Под сбалансированным развитием экономико-экологической системы подразумевается согласованность в развитии социально-экономических, экологических, технологических, нравственно-эстетических потребностей интересов общества, которые могут быть реализованы в долгосрочной перспективе развития.

Развитие указанной выше социо-экономико-экологической системы определяется наличием необходимых природных ресурсов, объемом валового регионального продукта, численностью населения, количеством основного капитала в расчете на единицу площади, территориальной организацией производственной и хозяйственной деятельности, структурой по видам деятельности, занятости населения, интенсивностью трудовой деятельности, соотношениями между отдельными составляющими системы, уровнем развития транспортных систем и инженерных сооружений, обеспеченностью необходимыми материальными и трудовыми средствами.

Методика исследований обеспечивает решение следующих задач:

- определение возможности уменьшения затрат на приобретение используемых природных и энергетических ресурсов;
- определение величины экономических ущербов от осуществления производственной, хозяйственной и бытовой деятельности;
- оценка величины предотвращенных ущербов при осуществлении природоохранной деятельности.

При формировании комплекса природо-

охранных мероприятий, обеспечивающих сбалансированное развитие социо-экономико-экологической системы, необходимо определить ряд экономических показателей [Бородин 2006: 222].

Так, возможное уменьшение необходимых затрат на приобретение i -го природного ресурса определяется по формуле (1),

$$\mathcal{E}_{i_i} = Q_{\text{нpi}} (K_{1i} - 1) K_{2i} \Pi_i \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_{i_i}$ — возможное уменьшение затрат на приобретение i -го природного ресурса;

K_{1i} — коэффициент, характеризующий отношение нормативного значения показателя использования i -го природного ресурса к фактическому его значению;

K_{2i} — коэффициент, характеризующий потери i -го природного ресурса в результате изменения технологии;

Π_i — тариф на использование i -го природного ресурса;

$Q_{\text{нpi}}$ — количество приобретаемого i -го природного ресурса, необходимое для функционирования того или иного предприятия.

Общая возможная экономия затрат на приобретение всех природных ресурсов, необходимых для функционирования того или иного предприятия, вычисляется по формуле (2):

$$\mathcal{E}_{\text{полн}} = \sum_{i=1}^N Q_{\text{нpi}} (K_{1i} - 1) K_{2i} \Pi_i \quad (2)$$

Для внедрения новой ресурсосберегающей технологии необходимы дополнительные затраты на строительство дополнительных сооружений, приобретение дополнительного оборудования, поэтому величина $Y_{\text{нpi}}$ уменьшится на величину этих дополнительных затрат $\Delta C_{\text{нpi}}$, которые вычисляются по формуле (3):

$$\Delta Z_{\partial} = \Delta \mathcal{E}_{\kappa} + E_{\text{н}} \Delta K, \quad (3),$$

где $\Delta \mathcal{E}_{\kappa}$ — годовые эксплуатационные затраты на обслуживание и содержание дополнительного оборудования;

E_i — нормативный коэффициент эффективности капитальных затрат;

$\Delta \hat{E}$ — величина капитальных затрат на модернизацию технологий, приобретение дополнительного оборудования.

При замене одного природного ресурса на другой вид природного ресурса экономия соответствующих затрат определится в соответствии с формулой (4):

$$\mathcal{E}_{2i} = \Delta Q_{\text{при}}^{\text{зам}} (\mathcal{C}_{1i} - \mathcal{C}_{2i}) \quad (4),$$

где $\Delta Q_{\text{при}}^{\text{зам}}$ количество заменяемого i -го природного ресурса;

$\mathcal{C}_{1i}$ — тариф на заменяемый i -й природный ресурс;

$\mathcal{C}_{2i}$ — тариф на новый природный ресурс;

$\mathcal{E}_{2i}$ — величина экономии необходимых затрат, получаемых в результате замены i -го природного ресурса.

При замене нескольких видов природных ресурсов общая экономия затрат на приобретение замененных видов природных ресурсов определится в соответствии с формулой (5):

$$\mathcal{E}_2 = \sum_{i=1}^K \Delta Q_{\text{при}}^{\text{зам}} (\mathcal{C}_{1i} - \mathcal{C}_{2i}) \quad (5).$$

Анализ развития социо-экономико-экологической системы показал, что на сбалансированность развития указанной системы оказывают существенное влияние целенаправленные мероприятия по охране природных сфер от негативного влияния на них со стороны производственно-хозяйственной деятельности. Определить величину этого негативного влияния можно с помощью вычисления величины экономического ущерба, наносимого природной среде производственно-хозяйственными объектами. Величину указанного выше экономического ущерба необходимо определять отдельно для каждой подсистемы социо-экономико-экологической систем (экономическая, экологическая и социальная), а также для каждого вида природной сферы (атмосфера, гидросфера и земельные угодья).

Для атмосферы экономический ущерб по i -му загрязняющему веществу определится в соответствии с формулой (6):

$$(Q_{\text{ущ}}^{\text{атм}})_i = a_{1i}^a Q_{1i}^a + k_{1i}^a a_{1i}^a (Q_{2i}^a - Q_{1i}^a) \quad (6),$$

где a_{1i}^a — удельный экономический ущерб для i -го загрязняющего вещества, поступающего в атмосферу;

Q_{1i}^a — количество загрязняющего i -го вещества, поступающее в атмосферу в соответствии с утвержденным для него нормативом;

k_{1i}^a — коэффициент кратности влияния i -го загрязняющего вещества на состояние атмосферы при сверхнормативном сбросе его в атмосферу;

Q_{2i}^a — величина реального сброса i -го загрязняющего вещества в атмосферу.

Суммарный экономический ущерб от поступления в атмосферу всех загрязняющих веществ определится в соответствии с формулой (7):

$$Q_{\text{ущ}}^{\text{атм}} = \sum_{i=1}^N [a_{1i}^a Q_{1i}^a + k_{1i}^a a_{1i}^a (Q_{2i}^a - Q_{1i}^a)] \quad (7).$$

Экономический ущерб при поступлении i -го загрязняющего вещества в водную среду вычисляется по формуле (8):

$$(Q_{\text{ущ}}^{\text{гид}})_i = [a_{1i}^b Q_{1i}^b + k_{1i}^b a_{1i}^b (Q_{2i}^b - Q_{1i}^b)] K_{2i}^b \quad (8),$$

где a_{1i}^b — удельный экономический ущерб водной среде при сбросе в водоем i -го загрязняющего вещества;

Q_{1i}^b — величина сброса в водную среду i -го загрязняющего вещества в соответствии с утвержденными нормами;

k_{1i}^a — коэффициент кратности воздействия i -го загрязняющего вещества на среду того или иного водоема;

K_{2i}^b — коэффициент, учитывающий народнохозяйственное значение того или иного водоема;

Q_{2i}^b — количество i -го загрязняющего вещества, реально поступающее в тот или иной водоем.

Общий экономический ущерб от сброса в водные ресурсы всей совокупности загрязняющих веществ определяется в соответствии с формулой (9):

$$Q_{\text{ущ}}^{\text{гид}} = \sum_{i=1}^N [a_{1i}^B Q_{1i}^B + k_{1i}^B a_{1i}^B (Q_{2i}^B - Q_{1i}^B)] \quad (9).$$

Для литосферы экономический ущерб от поступления в нее i -го загрязняющего вещества определяется в соответствии с формулой (10):

$$(Q_{\text{ущ}}^{\text{лит}})_i = [a_{1i}^L Q_{3i}^L + k_{1i}^L a_{1i}^L (Q_{2i}^L - Q_{3i}^L)] + R_{2i}^L \quad (10),$$

где a_{1i}^L — удельный экономический ущерб от поступления i -го загрязняющего вещества на специальный полигон обезвреживания и последующего хранения этого вещества;

Q_{3i}^L — количество i -го вредного вещества, поступившего на специальный полигон;

k_{1i}^L — коэффициент кратности вредного воздействия i -го вредного вещества на земельные ресурсы при вывозе их не на специальные полигоны;

a_{1i}^L — удельный экономический ущерб от вывоза i -го загрязняющего вещества на неспециальный полигон;

Q_{2i}^L — общее количество i -го загрязняющего вещества, подлежащего вывозу с территории предприятия;

R_{2i}^L — затраты на транспортировку i -го загрязняющего вещества.

Затраты на транспортировку i -го загрязняющего вещества вычисляются по формуле (11):

$$R_{1i}^L = T_{1i}^L Q_{3i}^L + T_{2i}^L (Q_{2i}^L - Q_{3i}^L) \quad (11),$$

где T_{1i}^L — тариф на транспортировку i -го загрязняющего вещества на специальный полигон;

Q_{3i}^L — количество i -го загрязняющего вещества, транспортируемого на специальный полигон;

T_{2i}^L — тариф на транспортировку i -го

загрязняющего вещества на неспециальный полигон;

Q_{2i}^L — общее количество i -го загрязняющего вещества, образующегося на предприятии и подлежащего вывозу с его территории.

Экономический ущерб от поступления в земельные ресурсы общего количества загрязняющих веществ определится в соответствии с формулой (12):

$$Q_{\text{ущ}}^{\text{лит}} = \sum_{i=1}^N [a_{1i}^L Q_{3i}^L + k_{1i}^L a_{1i}^L (Q_{2i}^L - Q_{3i}^L) + R_{1i}^L] \quad (12).$$

Общий экономический ущерб природной среде от поступления в природные сферы всех загрязняющих веществ определяется по формуле:

$$Q_{\text{ущ}}^{\text{сист}} = Q_{\text{ущ}}^{\text{атм}} + Q_{\text{ущ}}^{\text{гид}} + Q_{\text{ущ}}^{\text{лит}} \quad (13).$$

Для выполнения анализа состояния экономико-экологической системы целесообразно определять общий экономический ущерб через определение экономического ущерба для каждой из подсистем социо-экономико-экологической системы (экономической, экологической и социальной).

В этом случае общий экономический ущерб для той или иной социо-экономико-экологической системы вычисляется в соответствии с формулой (14):

$$Q_{\text{ущ}}^{\text{сист}} = Q_{\text{ущ}}^{\text{эк}} + Q_{\text{ущ}}^{\text{экол}} + Q_{\text{ущ}}^{\text{соц}} \quad (14),$$

где $Q_{\text{ущ}}^{\text{эк}}$ — суммарный экономический ущерб для экономической подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы;

$Q_{\text{ущ}}^{\text{экол}}$ — суммарный экономический ущерб для экологической подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы;

$Q_{\text{ущ}}^{\text{соц}}$ — суммарный экономический ущерб для социальной подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы.

Суммарный экономический ущерб для экономической подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы определяется по формуле (15):

$$Q_{уц}^{эк} = (Q_{уц}^{амм})^{эк} + (Q_{уц}^{гид})^{эк} + (Q_{уц}^{лим})^{эк} \quad (15).$$

Суммарный экономический ущерб для экологической подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы определяется по формуле (16):

$$Q_{уц}^{экол} = (Q_{уц}^{амм})^{экол} + (Q_{уц}^{гид})^{экол} + (Q_{уц}^{лим})^{экол} \quad (16).$$

Суммарный экономический ущерб для социальной подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы определяется по формуле (17):

$$Q_{уц}^{соц} = (Q_{уц}^{амм})^{соц} + (Q_{уц}^{гид})^{соц} + (Q_{уц}^{лим})^{соц} \quad (17),$$

Значения $(Q_{уц}^{амм})^{эк}$, $(Q_{уц}^{гид})^{эк}$, $(Q_{уц}^{лим})^{эк}$, $(Q_{уц}^{амм})^{экол}$, $(Q_{уц}^{гид})^{экол}$, $(Q_{уц}^{лим})^{экол}$, $(Q_{уц}^{амм})^{соц}$, $(Q_{уц}^{гид})^{соц}$, $(Q_{уц}^{лим})^{соц}$ определяются в соответствии с формулами (7), (9) и (12), в которых все их составляющие принимают соответствующие значения для каждой из подсистем той или иной социо-экономико-экологической системы (экономической, экологической и социальной).

Учитывая результаты природоохранной деятельности, можно сделать вывод о том, что экономический ущерб, образующийся в результате развития подсистем (экономической, экологической и социальной) той или иной социо-экономико-экологической системы уменьшится ввиду уменьшения выбросов вредных загрязняющих веществ в природные сферы. Для экономической подсистемы результирующее значение предотвращенного экономического ущерба $(Q_{уц}^{эк})_{пред}$ определяется в соответствии с формулой (18):

$$(Q_{уц}^{эк})_{пред} = (Q_{уц}^{амм})_{пред}^{эк} + (Q_{уц}^{гид})_{пред}^{эк} + (Q_{уц}^{лим})_{пред}^{эк} \quad (18),$$

где $(Q_{уц}^{амм})_{пред}^{эк}$ — предотвращенный экономический ущерб за счет уменьшения поступления загрязняющих веществ в атмосферу в результате выполнения природоохранных мероприятий при развитии экономической подсистемы той или иной системы;

$(Q_{уц}^{гид})_{пред}^{эк}$ — предотвращенный экономический ущерб за счет уменьшения поступления загрязняющих веществ в водные объекты в результате выполнения природоохранных мероприятий при развитии экономической подсистемы той или иной системы;

$(Q_{уц}^{лим})_{пред}^{эк}$ — предотвращенный экономический ущерб за счет уменьшения поступления загрязняющих веществ в литосферу в результате выполнения природоохранных мероприятий при развитии экономической подсистемы той или иной системы.

Для экологической подсистемы иной социо-экономико-экологической системы предотвращенный экономический ущерб $(Q_{уц}^{экол})_{пред}$ в результате выполнения природоохранных мероприятий может быть подсчитан по формуле (19):

$$(Q_{уц}^{экол})_{пред} = (Q_{уц}^{амм})_{пред}^{экол} + (Q_{уц}^{гид})_{пред}^{экол} + (Q_{уц}^{лим})_{пред}^{экол} \quad (19),$$

где $(Q_{уц}^{амм})_{пред}^{экол}$ — предотвращенный экономический ущерб за счет уменьшения поступления загрязняющих веществ в атмосферу в результате реализации природоохранных мероприятий при развитии экологической подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы;

$(Q_{уц}^{гид})_{пред}^{экол}$ — предотвращенный экономический ущерб за счет уменьшения поступления загрязняющих веществ в водную среду в результате реализации природоохранных мероприятий при развитии экологической подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы;

$(Q_{уц}^{лим})_{пред}^{экол}$ — предотвращенный экономический ущерб за счет уменьшения поступления загрязняющих веществ в земельные ресурсы в результате реализации природоохранных мероприятий при развитии экологической подсистемы той или иной системы.

Для социальной подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы предотвращенный экономический ущерб $(Q_{уц}^{соц})_{пред}$ при реализации природоохранных мероприятий может быть подсчитан по формуле (20):

$$(Q_{уц}^{соц})_{пред} = (Q_{уц}^{амм})_{пред}^{соц} + (Q_{уц}^{гид})_{пред}^{соц} + (Q_{уц}^{лим})_{пред}^{соц} \quad (20),$$

где $(Q_{\text{ущ}}^{\text{атм}})^{\text{соц}}_{\text{пред}}$ — предотвращенный экономический ущерб при развитии социальной подсистемы той или иной системы за счет снижения количества загрязняющих веществ, поступающих в атмосферу, вследствие реализации природоохранных мероприятий;

$(Q_{\text{ущ}}^{\text{гид}})^{\text{соц}}_{\text{пред}}$ — предотвращенный экономический ущерб при развитии социальной подсистемы той или иной системы за счет снижения количества загрязняющих веществ, поступающих в водоемы в результате реализации природоохранных мероприятий;

$(Q_{\text{ущ}}^{\text{лим}})^{\text{соц}}_{\text{пред}}$ — предотвращенный экономический ущерб при развитии социальной подсистемы той или иной социо-экономико-экологической системы за счет снижения количества загрязняющих веществ, поступающих в литосферу, в результате реализации природоохранных мероприятий.

Общий результирующий предотвращенный экономический ущерб $(Q_{\text{ущ}}^{\text{сисм}})^{\text{соц}}_{\text{пред}}$ при развитии той или иной социо-экономико-экологической системы с учетом уменьшения экономических ущербов в каждой из составляющих этой системы частей может быть подсчитан в соответствии с формулой (21):

$$(Q_{\text{ущ}}^{\text{сисм}})^{\text{соц}}_{\text{пред}} = (Q_{\text{ущ}}^{\text{эк}})^{\text{соц}}_{\text{пред}} + (Q_{\text{ущ}}^{\text{экол}})^{\text{соц}}_{\text{пред}} + (Q_{\text{ущ}}^{\text{соц}})^{\text{соц}}_{\text{пред}} \quad (21)$$

Возможность достижения сбалансированного развития социо-экономико-экологической системы определяется состоянием и развитием финансово-кредитной системы, от инвестиционной и налоговой политикой в государстве.

Экономический кризис в мировой экономической системе оказывает сильное негативное влияние на обеспечение сбалансированности при развитии социо-экономико-экологических систем.

В обеспечении сбалансированного развития социо-экономико-экологических систем важную роль играет развитие природоохранной деятельности, которая обеспечивает появление предотвращенного экономического ущерба для всех подсистем той или иной системы.

Эффективная природоохранная деятельность обеспечивает благоприятные условия развития производственной и хозяйственной деятельности, а также благоприятное воздействие на условия жизни населения [Бобылев, Ходжаев 2010: 153]. Эффективность природоохранной деятельности оценивается также снижением таких удельных показателей, как удельный расход природных и энергетических ресурсов, снижение удельных затрат на приобретение указанных ресурсов, уменьшение поступления вредных веществ в атмосферу, гидросферу и литосферу [Бородин 2006: 221]. Для обеспечения получения желательных экономических результатов природоохранная деятельность в социо-экономико-экологической

системе должна развиваться на основе реализации комплексной программы защиты всех природных сфер от негативного воздействия на них со стороны объектов производственной, хозяйственной и социальной деятельности.

Необходимо учитывать, что наличие и развитие экологически опасных предприятий в значительной степени снижает сбалансированность развития социо-экономико-экологических систем. Для России это имеет существенное значение, так как в структуре промышленного производства России экологически опасные предприятия имеют большой удельный вес: металлургические, горно-обогатительные, химические, нефтехимические, атомные электростанции и т. д. [Бородин 2012: 185].

Для улучшения сбалансированности развития социо-экономико-экологических систем необходима экологизация промышленного производства и хозяйственной деятельности на основе использования для этих целей достижений науки и техники. Это позволит обеспечить восстановление возобновляемых природных ресурсов, снижение ресурсоемкости и энергоемкости производственных и хозяйственных процессов, замену невозобновляемых природных ресурсов на нелимитируемые виды ресурсов, обеспечит приоритетное развитие малоотходных процессов, повторное использование образующихся отходов, снижение поступления вредных веществ в природные сферы. Исследования показали необходи-

мость осуществления комплексного характера инноваций, включающих использование прогрессивных методов управления социо-экономико-экологическими системами. Необходимо учитывать, что на степень влияния результатов природоохранной деятельности на сбалансированность развития социо-экономико-экологических систем оказывают существенное влияние погодно-климатические факторы. Указанные факторы способствуют возникновению и развитию стихийных бедствий, экономический ущерб от которых за последние 30 лет ежегодно возрастает в 1,5–2,0 раза [Бородин 2012: 86].

Инновационная деятельность, обеспечивающая сбалансированное развитие социо-экономико-экологических систем, должна оцениваться по следующим признакам: по новизне и экономико-экологической целесообразности использования тех или иных инноваций, а также по новизне для рынка сбыта готовой продукции и экологической чистоте готовой продукции. При реализации достижений науки и техники необходимо учитывать наличие временного запаздывания в реакции социо-экономико-экологической системы на воздействия для ее составляющих элементов указанных достижений. Одним из основных направлений предотвращения риска при внедрении достижений науки и техники должно быть использование комплексного экономического подхода к оценке результатов использования достижений науки и техники с учетом наличия соответствующего временного запаздывания на социо-экономико-экологические проявления в основных составляющих той или иной системы.

Экономические оценки влияния природоохранной деятельности на основные направления развития социо-экономико-экологических систем должны учитывать эффективное использование накопленного производственного и хозяйственного потенциала, преобразование систем управления, меры по повышению уровня экономического и экологического образования населения, управленческого и производственно-хозяйственного персонала, основные направления активизации решения социальных про-

блем, рационализации структуры занятости трудоспособной части населения.

Обобщение мирового опыта обеспечивает получение более объективных экономических оценок направлений развития социо-экономико-экологических систем, позволяет учесть большое влияние на указанное развитие конкурентности рыночного механизма. Необходимо также отметить, что развитие рыночной экономики не облегчает разработку направлений развития социо-экономико-экологических систем, не сводит этот процесс к появлению каких-либо автоматических решений.

Постоянная экономическая оценка основных направлений развития указанных систем позволяет оперативно оценивать получаемые при этом результаты и обеспечивает возможность вносить в направления развития этих систем своевременные коррективы. Экономическая оценка получаемых результатов при реализации предложенных мероприятий позволяет оценивать вероятность появления кризисных ситуаций и обеспечивает формирование в оперативном порядке мероприятий по их устранению. Результаты исследований свидетельствуют о том, что активизация природоохранной деятельности позволяет снизить затраты на приобретение природных и энергоресурсов, а также увеличить значение предотвращенного экономического ущерба.

Развитие природоохранной деятельности обеспечивает улучшение сбалансированности как отдельных подсистем, так и всей системы в целом ввиду роста значения предотвращенного экономического ущерба.

Литература

- Бобылев С. Н., Ходжаев А. Ш. Экономика природопользования. М.: ИНФРА-М, 2010. 502 с.
- Бородин А. И. Экономико-экологическое программирование устойчивого развития региона. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 432 с.
- Бородин А. И. Моделирование эколого-социально-экономической системы // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 2. С. 221–224.

УДК 336.025
ББК 65.05

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА: ДЕФИНИЦИИ И ОСНОВНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ*

Е. Д. Доштаева

В Налоговом кодексе Российской Федерации, основном документе, регулирующем сферу налогообложения в России, понятие «налоговая политика» не определено. В экономической же литературе существуют разнообразные точки зрения по данному вопросу.

Наиболее простое и часто встречающееся толкование этого термина дается в Современном экономическом словаре: «налоговая политика — система мероприятий, проводимых государством в области налогов и налогообложения» [Современный экономический словарь 2006: 71]. Аналогичной точки зрения придерживаются М. Алле [2001: 56], Дж. Ю. Стиглиц [1997: 87], И. В. Шевченко, А. С. Алеников [2012: 15–18]. Схожая трактовка встречается и у А. В. Брызгалина, который под налоговой политикой понимает «систему актов и мероприятий, проводимых государством в области налогов и направленных на реализацию тех или иных задач, стоящих перед обществом» [Налоги... 1997: 50–52].

Представляется, что последнее определение налоговой политики имеет весьма расплывчатую формулировку. Большинство трактовок, данных в современных отечественных публикациях, имеют схожий смысл, но отличаются механизмом представления понятия «налоговая политика».

Автор данной статьи под налоговой политикой понимает совокупность целенаправленных экономических, правовых, организационных и контрольных мероприятий органов государственной власти по формированию и функционированию эффективной налоговой системы в целях финансового обеспечения потребно-

стей государства, отдельных социальных слоев населения, развития национальной экономики за счет перераспределения финансовых ресурсов между различными отраслями экономики в более приоритетные отрасли. На наш взгляд, данная дефиниция наиболее полно и четко отражает сущность понятия «налоговая политика».

Рассмотрим типы налоговой политики.

В зависимости от состояния экономики, целей, которые на данном этапе развития экономики государство считает приоритетными, принято выделять типы налоговой политики. Так, А. В. Брызгалин выделяет следующие три типа: политика максимальных налогов, политика разумных налогов и налоговая политика, предусматривающая достаточно высокий уровень обложения, но при значительной социальной защите [Налоги... 1997: 50–52]. Аналогичной точки зрения придерживаются многие другие авторы. Так, например, В. Г. Пансков высказывает схожую точку зрения, выделяя политику максимальных налогов, политику разумных налогов и политику экономического развития, однако он называет их формами налоговой политики [Пансков 2004: 118].

На основе анализа мировой и отечественной теории и практики налогообложения мы попытались осуществить систематизацию типов налоговой политики, исходя из таких критериев, как величина налогового бремени, государственное устройство и органы власти, осуществляющие налоговую политику, сферы воздействия, вид воздействия, масштабность и долговременность целей, продолжительность периода реализации и модель экономического развития страны (см. таблицу).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. в рамках научного проекта № 2012-1.2.2.-12-000-3002-029.

Классификация типов налоговой политики

Критерии классификации	Типы налоговой политики
Величина налогового бремени	1. Политика максимальной налоговой нагрузки 2. Политика минимальной налоговой нагрузки 3. Политика умеренно высокой налоговой нагрузки 4. Политика сбалансированной налоговой нагрузки
Государственное устройство и органы власти, осуществляющие налоговую политику	1. Государственная налоговая политика 2. Региональная налоговая политика 3. Местная (муниципальная) налоговая политика
Сферы воздействия	1. Индустриальная налоговая политика 2. Налоговая политика в сфере АПК 3. Налоговая политика в сфере ЖКХ 4. Налоговая политика в сфере торговли 5. Социально-ориентированная налоговая политика
Вид воздействия	1. Стимулирующая налоговая политика 2. Стабилизирующая налоговая политика 3. Нейтральная налоговая политика
Масштабность и долговременность целей налоговой политики	1. Налоговая стратегия 2. Налоговая тактика
Продолжительность периода реализации налоговой политики	1. Долгосрочная налоговая политика 2. Среднесрочная налоговая политика 3. Краткосрочная налоговая политика
Модель экономического развития страны	1. Налоговая политика стран с планово-административной экономикой. 2. Налоговая политика стран с моделью «стратегии ускоренного развития». 3. Налоговая политика стран с «либеральной моделью».

Рассмотрим первую классификацию в зависимости от величины (см. рис.).

Для политики максимальной налоговой нагрузки характерно установление максимально высоких налоговых ставок, большое количество действующих налогов и сокращение льгот, что в конечном итоге приводит к увеличению налогового бремени на экономику. Следовательно, она нацелена на то, чтобы получить как можно больше финансовых ресурсов населения, и не учитывает социально-экономическое состояние развития общества. Политика максимальной налоговой нагрузки не позволяет обществу в целом и каждому налогоплательщику в частности нормально экономически развиваться. Поэтому, как правило, такая полити-

ка проводится государством в экстраординарных случаях (таких, как экономический кризис, военные действия), когда необходимо существенно повысить мобилизацию финансовых ресурсов в государственный бюджет, увеличить объем государственных закупок и инвестиций в определенные секторы экономики военного назначения, уменьшая при этом социальные расходы. Приоритетом в данном случае являются фискальные цели, остальные — второстепенны. Подобная политика проводилась в России в начале 90-х гг. XX в. и привела к негативным последствиям, таким, как:

- падению темпов роста производства во всех отраслях, поскольку у налогоплательщиков после уплаты на-

Типы налоговой политики

логов практически не оставалось денежных средств, что делало невозможным расширение производства;

- массовому уклонению от уплаты налогов;
- развитию теневой экономики широких масштабов.

Вторым типом налоговой политики является политика минимальной налоговой нагрузки, когда государство, ослабляя налоговое бремя для предпринимателей, одновременно сокращает свои расходы в первую очередь на социальные программы. Цель данной политики состоит в обеспечении приоритетного расширения капитала, стимулировании инвестиционной активности за счет обеспечения наиболее благоприятного налогового климата. Политика минимальной налоговой нагрузки проводится в случае намечающейся стагнации экономики, грозящей перейти в экономический кризис. В данной политике приоритетными выступают экономические цели. Подобную политику в последнее десятилетие успешно реализуют страны, осуществляющие экспансию на мировые рынки, в частности Китай, Индия, Бразилия, Мексика и др.

Третий тип налоговой политики — это политика умеренно высокой налоговой нагрузки, суть которой состоит в установлении достаточно высокого уровня налогообложения как юридических, так и физических лиц при одновременной реальной социальной защите граждан, наличии значительного числа государственных социальных программ. Эта политика на-

ходит применение, например, в развитых странах Скандинавии, где высокий уровень налоговой нагрузки сопровождается высокими социальными расходами. При такой политике в качестве приоритетных выступают уже фискальные и социальные цели.

Четвертым типом налоговой политики является политика сбалансированной налоговой нагрузки, которая представляет собой нечто среднее между вторым и третьим типом и характеризуется оптимальным средним уровнем налоговой нагрузки, позволяющей не подавлять развитие экономики и при этом поддерживать значимый объем социальных расходов. Такая политика используется в основном высокоразвитыми странами (США, Великобритания, Канада и др.), уже достигшими пределов традиционного экономического роста. Такие страны вынуждены поддерживать достаточный уровень социального обеспечения. Разумные налоги необходимы в первую очередь для сохранения конкурентных позиций своих товаров на существующих мировых рынках и достижения приоритетного положения на вновь формирующихся рынках высокотехнологичной продукции. Повышение адресности налоговых преференций и регулирование отраслевой налоговой нагрузки позволяет им осуществлять структурную перестройку экономики в соответствии с перспективными потребностями мирового рынка: дестимулировать дальнейшее развитие устаревших производств и стимулировать развитие новейших. Приоритетность

целей данной политики рассредоточена между фискальными, экономическими и социальными целями.

В России на данном этапе развития проводится политика сбалансированной налоговой нагрузки, что, по нашему мнению, до влияния мирового финансового кризиса 2008 г. обусловило такие положительные результаты, как:

- увеличение темпов роста ВВП и объемов производства во многих отраслях;
- сокращение масштабов теневой экономики и уклонения от уплаты налогов.

Налоговая политика является одним из важнейших способов государственного управления в сфере экономики. Посредством научно обоснованной налоговой политики государство обеспечивает себя финансовыми ресурсами для выполнения всех присущих ему функций, поддерживает воспроизводственный процесс внутри страны и сглаживает

негативные тенденции в экономическом развитии.

Литература

- Налоги и налоговое право: учеб. пос. / под ред. А. В. Брызгалина. М.: Аналитика-Пресс, 1997. 600 с.
- Пансков В. Г. Налоги и налогообложение в Российской Федерации. М.: МЦФЭР, 2004. 576 с.
- Современный экономический словарь / под ред. Б. А. Райзберга, Л. Ш. Лозовского, Е. Б. Стародубцевой. М.: ИНФРА-М, 2006. 495 с.
- Шевченко И. В., Алеников А. С. Концептуальные основы налоговой политики как комплексной экономической категории // Финансы и кредит. 2012. № 30. С. 15–18.
- Алле М. За реформу налоговой системы. Пересмысливая общепризнанные истины / пер. с франц. Т. А. Карлова; под ред. И. А. Егорова. М.: ТЕИС, 2001. 173 с.
- Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора / пер. с англ. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. 259 с.

УДК 811.512.3
ББК 82.02

К ВОПРОСУ О СРАВНЕНИИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ РУСИЗМОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ (на примере лабиальных согласных)

С. Бат-Эрдэнэ

Одной из важнейших задач в области исследования современных литературных монгольских языков является изучение заимствований. Проблема заимствованных слов тесно связана с фонетикой, лексикологией, терминологией, семантикой, морфологией, орфографией и культурой речи каждого конкретного языка. Поэтому сравнительное исследование заимствованных слов, в частности русизмов, в составе калмыцкого, бурятского и монгольского литературных языков является актуальной задачей.

Русские заимствования на материале бурятского языка были изучены в трудах Д. А. Алексеева [1965], И. В. Баранникова [1965], А. Н. Боржоновой [1926], Ц. Б. Будаева [1969], М. П. Хоменова [1959], Ц. Б. Цыдендамбаева [1959], К. М. Черемисова [1956а; 1956б] и других.

В работах калмыцких языковедов также был проведен развернутый анализ заимствований из русского языка, что нашло отражение в работах П. Ц. Биткеева [1969; 2009], И. К. Илишкина [1972; 1973; 1975], В. Э. Очир-Гаряева [1987], Д. А. Павлова [1968; 1992], Б. Х. Тодаевой [1968], Б. А. Шурунговой [2004] и др. Проблеме русских заимствований в монгольском языке посвящены работы Д. Болда [2003], Н. Балжинняма [2008], Г. Даваажавы [2010] и др.

В количественном плане наибольшее количество русизмов наблюдается в бурятском языке, немногим меньше в калмыцком. Гораздо меньше русских заимствований в монгольском языке.

Цель настоящей работы является определение степени фонетической адаптации русизмов в монгольских языках путем сопоставления их фонетических систем на примере лабиальных согласных.

Известно, что русизмы в конкретных монгольских языках прошли разные этапы адаптации от сохранения звукового облика слова языка-источника до полного его изменения согласно фонетическим нормам заимствующего языка, что обусловлено неравномерным процессом развития двуязычия у различных монгольских народов, разной степенью владения носителями фонетическими нормами русского языка и т. д. Проникновение русизмов наблюдалось еще в дореволюционный период, когда среди бурят и калмыков лишь единицы владели русским языком. Эти русизмы вошли в словарный фонд монгольских языков в адаптированной форме, т. е. с полным соблюдением фонетической нормы языка-реципиента. К таким заимствованиям относятся слова типа: бур. *бидруу*, калм. *бедер* (*бэдер*) ← ‘ведро’; бур. *бороонхо*, калм. *борнк* ← ‘воронка’ и т. д.

Общеизвестно, что современный монгольский язык начал складываться после Монгольской народной революции 1921 г. на основе халхаского диалекта. По мнению Г. Д. Санжеева, «к началу XVII в. бурят-монгольские племена уже составляли отдельные от прочих центрально-азиатских монголов этнические группы под общим наименованием „бурят“. Судя по „отпискам“ русских казаков и воевод, в XVII в. бурятские диалекты еще знали *с*, *ц*, *ч*, которым теперь соответствуют *h*, *с*, *ш*, иначе говоря, тогда между бурятскими и халхаскими диалектами в области фонетики не было еще тех существенных различий, которые имеются теперь. Надо, конечно, предполагать, что бурятские диалекты XVII в., как и теперь, существенно отличались от халхаских диалектов в отношении своего словарного состава» [Санжеев 1953: 9].

Советский и современный периоды характеризуются массовым двуязычием калмыков и бурят, подавляющее большинство которых владеет русским языком, и потому для них не представляет сложности произношение русизмов и интернационализмов, проникших из русского языка или через его посредство в родной язык.

Различаются три вида фонетической ассимиляции:

- звуковая конвергенция — регулярная замена двух близких звуков одним, например, замена долгих и кратких гласных одним в русском языке, где такого различия нет, или замена одного другим;
- звуковая дивергенция — замена одного звука двумя, например английского *h* русскими *x* (*hall* — холл) и *z* (*holography* — голография);
- звуковая субституция — замена одного звука одним звуком принимающего языка, например, твердых *z*, английских согласных *m* и *t* мягкими русскими: *meeting* — митинг; в языках с фиксированным ударением к фонетической ассимиляции относятся и сдвиг ударения, например, в английском языке *réason* из французского — *raison* [Гринев-Гриневич 2008: 156].

Как отмечает известный монголист Г. Д. Санжеев, между монгольским, бурятским и калмыцким, а также монгольскими языками и диалектами монголов Китая существуют некоторые фонетические различия. Так, «диалекты Внутренней Монголии не имеют свистящих аффрикат *ц*, *дз*, присутствующих в литературном халха-монгольском. Монгольский и калмыцкий языки характеризуются наличием противопоставления сильных аспирированных и слабых неаспирированных, а также регрессивной диссимиляции начальных сильных согласных, что отсутствует в бурятском языке, для которого, напротив, характерно противопоставление глухих и звонких согласных. Калмыцкий язык имеет гласные *о*, *э* только в 1-м слоге, тогда как прочие монгольские языки характеризуются лабиальной гармонией; кроме того, в этом языке имеются фонемы *э* переднего ряда нижнего подъема, проточная *h* и смычная *z* (в прочих монгольских языках аллофоны одной согласной фонемы *z*). Бурятский язык имеет гортанный *h* (<*c*), в нем отсутствуют аффрикаты *ч* (>*ш*),

ц (>*c*), *дж* (>*ж*, *з*). Кроме того, в бурятском и во многих собственно монгольских диалектах древний заднеязычный аллофон *к* отражается как спирант *x*, но сохраняется в калмыцком языке и в некоторых внутреннемонгольских диалектах. Все монгольские языки издавна отличаются тем, что в начале слова не встречаются согласные *p*, *л* (за немногими исключениями) и предвокально *ң*; в конце слога звонкие согласные оглушаются (примерно как в русском языке); сильные согласные, аффрикаты *дж* (бур. *ж*), *дз* (халх., но бур. и калм. *з*), *ч* (*ш*), *ц* (халх., калм., но бур. *с*) не могут находиться в конце слога, если конечные гласные не выпадают; стечение согласных возможно лишь на стыке слогов. Отступления от изложенных норм могут быть только в заимствованных словах. В основных монгольских языках согласные (но не всегда) могут быть палатализованными и непалатализованными фонемами [Санжеев 1990: 306].

Следует полагать, что и процесс адаптации русских (и не только) заимствований в каждом конкретном языке будет происходить, исходя из фонетических особенностей каждого конкретного языка. К примеру, в бурятский язык вместе с новыми словами проникли новые звуки *в*, *ф*, *ц*, *ч*, *ш* и *к*, отсутствующие в фонологической системе литературного бурятского языка и вносящие нечто абсолютно новое в звуковую организацию слова, в норму сочетаемости гласных и согласных. В анлауте стали употребляться согласные *p*, *л*, *n*, которые не употреблялись в начале исконных слов. Согласный *n* встречался в анлауте образительных слов и заимствований, но ранние заимствования с анлаутным *n* заменялись согласным *б* типа *бууд* ‘пуд’, *больтоо* ‘пальто’. Следует отметить, что фонемы *n*, *ф* встречаются лишь в новых заимствованиях, а *б* и *в* являются вариантами одной фонемы в коренных монгольских словах. Звонкие согласные в конце слога оглушаются.

Рассмотрим процесс адаптации русизмов в монгольских языках на примере лабиальных согласных.

Так, русский звук *б* губно-губный согласный, который образуется при сильном смыкании губ. Смычка при произношении русского *б* заканчивается быстрым раскрытием преграды и шумным выходом воздушной струи.

В монгольском языке *б* произносится при слабом смыкании губ (иногда даже

смыкания губ не заметно) [Галсан 1968: 38]. Наблюдаются различия и сходства некоторых артикуляционных данных звука *б* в разных монгольских языках. Согласный *б* в положении между двумя гласными и после гласных приближается иногда к билабиальному слабому спиранту *w*; в конце слога (перед глухим) и в конце слова этот согласный артикулируется глухо, т. е. реализуется в виде *п* [Санжеев 1941: 16]. В калмыцком языке согласный *б* — это «губно-губной слабый смычный ротовой звук» [Грамматика калмыцкого языка 1983: 23].

Ср. примеры из монгольских языков бур. *бааза*, калм. *баз*, монг. *бааз* ← ‘база’; бур. *бомбо* [боомбо], калм. *бомб* ← ‘бомба’; бур. *блуза* [булууза] ← ‘блуза’. Более того, на месте *в* русского языка встречается *б* монгольского языка. Например, бур. *воронко*, монг. *бороонк* ← ‘воронка’, монг. *кабин* (разг. хавийн) ← ‘кабина’, бур. *борбилоо* ← ‘воробей’ и т. д. Поэтому в монгольских языках от смешения звуков *б* и *в* значение не меняется, что совсем недопустимо в русской орфоэпии. В заимствованных словах монгольских языков согласный *б* чередуется следующим образом:

- [*б~м*]: бур. *хилээм* ← ‘хлеб’, калм. *тамке* ← ‘табак’;
- [*б~п*]: калм. *прис* ← ‘брысь’;
- [*б~в*]: бур. *лавраант* ← ‘лаборант’, калм. *гувр* (*говр*) ← ‘губернатор’ и т. п.

Согласный *п*, не употребляемый в исконно монгольских словах, может чередоваться в разговорной речи с *б*, *в* и *ф*. Например, [*п~б*]: бур. *сабьяшан* ← сапожник, монг. *бакаа* ← пока и др.

Как отмечается в «Грамматике бурятского языка», бурятский звук *п* «губно-губной смычный, сильный, твердый, глухой звук, имеет весьма ограниченное употребление, встречается главным образом в образных и звукоподражательных словах в начальной позиции слога, преимущественно в начале слова, например: *пампагар* ‘пушистый’, *поршогонох* ‘клокотать’. Однако в последнее время в бурятском языке явно наметилась тенденция к более частому употреблению фонемы *п* в связи с пополнением словарного состава бурятского языка большим количеством слов с фонемой *п*, заимствованных из русского языка, причем, если в собственно бурятских словах употребление фонемы *п* в основном ограничивалось образными и звукоподражательными сло-

вами, то в связи с заимствованиями слов типа *почта*, *паровоз*, *пароход*, *плуг* и т. п. это ограничение снимается» [Грамматика бурятского языка 1962: 24].

Рассматривая лабиальный звук *м*, отметим, что, как в русском, так и в монгольских языках *м* — это губно-губной, носовой, сонорный согласный [Галсан 1968: 41]. В произношении данного звука у данных языков нет особой разницы. В связи с этим согласный *м* иностранных слов в монгольских языках произносится без отличия от произношения исконных слов и встречается во всех позициях слова. Например, бур. *мэшээг* ← ‘мешок’, *машинанууд* ← ‘машина’ (в мн. ч.), монг. *систем* ← ‘система’, *алхимич* ← ‘алхимик’ и т. д. В монгольских языках согласный *м* может встречаться на месте *б* и *в* заимствованных слов. Например, в бурятском языке русское слово *хлеб* произносится *хилээм*.

В русском языке звук *в* — это губно-зубной согласный, который произносится путем сближения нижней губы с верхними зубами, через образующуюся при этом щель проходит воздушная струя. В монгольских же языках, по мнению С. Галсана, *б* и *в* — аллофоны. В монгольском языке при произношении в нижняя губа не прикасается к верхнему ряду зубов, как в русском языке, звук *в* напоминает очень слабый губно-зубной согласный [Галсан 1968: 40].

Согласный *в* не встречается в начале исконно монгольских слов. Таким образом, в начале заимствованных слов часто встречается чередование *в* и *б*. Например, русское слово *вакцина* произносится в монгольских языках *багцийн*, однако орфографически оно представлено так же, как и русское слово — *вакцин*.

Монгольский орфографический *в* почти не встречается в начале исконно монгольских языков. Согласный *в* русских заимствованных слов чередуется с *б* монгольских языков. Например, [*в~б*] монг. вафли → *баапиль*, вагон → *бобоон*, вазелин → *базлийн*, воронка → *бороонк*; бур. веник → *биинэг*, воробей → *борбилоо*, вал → *бал*, вожжи → *боожо*, самовар → *самбаар*, вал, валик → *бул*; калм. вакса → *баакс*, валки (сена) → *баал*, валенки → *баальнг*, вар → *баар*, веник → *биинг* и т. д.

Русский звук *ф* — это губно-зубной согласный. Он артикулируется точно так же, как звук *в*, но произносится без участия голоса.

В монгольских языках согласный *ф* отмечается только в орфографии заимствованных слов, например *фабрик, фронт, феодал* и т. д. В произношении заимствованных слов на месте *ф* употребляются звуки *п* и *в*. Например, русское слово *конфета* произносится в бурятском языке *контэтэ* (ср. *конфетэ* в орфографии бурятского языка, в калмыцком языке — *канпадь* (*кампадь*)). Согласный *ф* чередуется с *б, в, п, т, и х*. Например, [*ф~б*] калм. фитиль → *билт*; [*ф~в*] монг. шкаф → *ишкаав*; калм. кафтан → *кавтан*; [*ф~п*] монг. фантазия → *пантааз*, фарточек → *паарчик*; фигура → *пигүүр*, вафли → *баатиль*; фонарь → *панр*; [*ф~т*] калм. сафьян → *сатья*; [*ф~х*] бур. фуражка → *хураашха* и т. д.

В некоторых бурятских говорах начальный *ф* произносится как *к* или *х* (бур. *кураашка* или *хураашха*, *купаэха* или *хупаэха*) вместо обычного *п*. Но это, по нашему мнению, связано не с субституцией русского *ф* бурятским *к* (*х*), а с диалектной базой русских прототипов.

Таким образом, системы лабиальных согласных русского и монгольских языков обладают собственной спецификой в каждом из контактирующих языков. Это означает, что существуют качественные и количественные различия в составе анализируемых согласных фонем сопоставляемых языков. Кроме того, звуковой облик заимствованных слов, их адаптацию в каждом из монгольских языков необходимо рассматривать в зависимости от времени (эпохи) заимствования. Ранние русизмы, вошедшие в монгольские языки, почти полностью адаптированы с полным соблюдением фонетической нормы языка-реципиента. В то время как новые заимствования почти полностью сохраняют звуковой облик языка-источника вопреки фонетической норме заимствующего языка.

Литература

- Алексеев Д. А. Обогащение словарного состава бурят-монгольского литературного языка за советский период // Записки ВМНИИК. Вып. XX. Улан-Удэ: Бурят-монгол. кн. изд-во, 1955. С. 110–115.
- Балжинням Б. Монгол хэлний гадаад үгийн толь (Словарь иностранных слов монгольского языка). Улаанбаатар: Изд-во Монгол. гос. ун-та, 2005. 15 х.
- Баранников И. В. К вопросу об освоении бурятами русских звуков // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. 219 с.
- Биткеев П. Ц. Калмыцкий язык за 400 лет. Элиста: НПП «Джангар». 2009. 191 с.
- Биткеев П. Ц. Проблемы графики и орфографии современного калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1969. 37 с.
- Болд Д. Заимствование иноязычных терминов в современном монгольском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2003. 19 с.
- Боржонова А. Н. К вопросу о взаимоотношении между бурятами и русскими [О влиянии рус. яз. на бурятский: Докл., зачит. 10 апр. 1926 г. в семинарии по диалектологии Сибири в Ирк. гос. ун-те, руководимом доц. П. Я. Черных]. Иркутск: Тип. изд-ва «Власть Труда», 1926. 11 с.
- Будаев Ц. Б., Калашиников П. Ф. О некоторых русских заимствованиях в бурятском языке дореволюционного периода // К изучению бурятского языка [редкол.: Ц. Б. Цыдендамбаев (отв. ред.) и др.]. Улан-Удэ, 1969. С. 145–151.
- Галсан С. Фонетика в русском и монгольском языках. Улан-Батор: Изд. Монг. Гос. ун-та, 1968. 108 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Вост. лит., 1962. 340 с.
- Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. Учеб. пособ. М.: Академия. 2008. 303 с.
- Даваажав Г. Монгол хэлний ормол үгийн толь. Европын хэлнүүдээс монгол хэлэнд орсон үгс [Слова, вошедшие в монгольский язык из европейских языков]. Улаанбаатар, 2012. 92 с.
- Дарбеева А. Г. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М.: Наука, 1984. 191 с.
- Илишкин И. К. Очерки сопоставительной грамматики русского и калмыцкого языков. Фонетика и морфология / ред. Г. Д. Санжеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 199 с.
- Илишкин И. К. Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыцко-русского двуязычия. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. 110 с.
- Илишкин И. К. Функционирование калмыцкого литературного языка в условиях развития калмыцко-русского билингвизма: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1975. 34 с.
- Очир-Гаряев В. Э. О заимствовании русизмов говорами калмыцкого языка на ранних этапах

- русско-калмыцких контактов // Диалектная лексика в монгольских языках: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 135–149.
- Павла Дорж.* Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста: Калмиздат, 1968. 239 с.
- Павла Дорж.* Хальмг келнэ чикэр бичлһнэ толь. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1992. 256 х.
- Санжеев Г. Д.* Монгольские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 306.
- Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 140 с.
- Санжеев Г. Д.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 188 с: табл.
- Тодаева Б. Х.* Калмыцкий язык. Языки народов СССР: в 5 т. / гл. ред. акад. В. В. Виноградов. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 256.
- Хомонов М. П.* Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института / ред. Б. Р. Буянтуев. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 139–145.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Влияние русского языка на развитие бурятского // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института / ред. Б. Р. Буянтуев. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 100–111.
- Черемисов К. М.* Орфографический словарь русских заимствованных слов. Улан-Удэ: Бурят-монгол. кн. изд-во, 1956. 37 с.
- Черемисов К. М.* О ранних заимствованиях в бурятском языке // Байгал: уран зохёолой альманах. Улан-Удэ: Бурят-Монголой гүрэнэй хэблэл, 1956. № 4. С. 142–147.
- Шурунгова Б. А.* Русские заимствования в калмыцком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2004. 19 с.

ГЛАГОЛЫ МЫШЛЕНИЯ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

И. Ю. Убушнев

Глагольная семантика в разных языках традиционно является одной из наиболее привлекательных тем для исследования, поскольку комплексный подход к исследованию глагола, как емкостной лексико-грамматической категории, не только способствует раскрытию сущности слова в целом как компонента речевого высказывания, но и устанавливает роль глагола как конституента предложения.

В научных трудах, посвященных глаголам интеллектуальной деятельности, центральными аспектами исследования являются вопросы состава и границы лексико-семантической группы глаголов мышления, лексической семантики ее составляющих, а также их синтагматические связи с окружением.

В финском языкознании представлены различные виды классификации глаголов, выражающих мыслительную деятельность. Так, свою классификацию ментальных глаголов (*mentaaliverbit*) предложила Х. Койвисто, разделив их на группы глаголов мышления (*ajatusverbit*), чувств (*tunneverbit*), чувственных ощущений (*aistimisverbit*) и коммуникации (*kommunikointiverbit*). В группе глаголов мышления исследователь выделила следующие подгруппы: глаголы процесса мышления и фактивы (*ajattelemis- ja tietämisverbejä*), глаголы желания (*tahtomisverbejä*), глаголы способности и предпосылки (*kykenemis- ja edellytysverbejä*) [Koivisto 1987: 189–190, 230–231].

Классификацию когнитивных глаголов (*cognition verbs*) дает в своем исследовании А. Пайюнен [Pajunen 2001: 313–314], разделяя их на шесть подклассов: глаголы предчувствия (*aanailla* ‘предполагать’, *ounastella* ‘предчувствовать’, *vaistota* ‘чуять’, *uunoilla* ‘подозревать, догадываться’ и др.), глаголы веры и полагания (*epäillä* ‘сомневаться’, *haaveilla* ‘мечтать’, *kuvitella* ‘представлять’, *luulla* ‘полагать’, *toivoa* ‘надеяться’, *uskoa* ‘верить’ и др.), глаголы процесса мышления и состояния знания (*ajatella* ‘думать’, *har-*

kita ‘раздумывать’, *järkeillä* ‘размышлять’, *käsittää* ‘осознавать’, *miettiä* ‘раздумывать’, *muistaa* ‘помнить’, *tietää* ‘знать’, *tuumia* ‘обдумывать’, *ymmärtää* ‘понимать’ и пр.), глаголы оценки (*arvioida* ‘оценивать’, *huonok-sua* ‘считать плохим’, *vähensyä* ‘преуменьшать’, *paheksua* ‘не одобрять’, *paljoksua* ‘преувеличивать’, *puntaroida* ‘взвешивать’, *verrata* ‘сравнивать’ и др.), глаголы намерения (*aikoa* ‘собираться’, *meinata* ‘намереваться’, *suunnitella* ‘планировать’, *tarkoittaa* ‘иметь в виду’ и др.) и глаголы возможности и способности (*jaksaa* ‘мочь, быть в силах’, *kehdata* ‘мочь, не стесняться’, *kyetä* ‘мочь, иметь способность’, *onnistua* ‘удаться’, *osata* ‘уметь’, *pystyä* ‘мочь, быть в состоянии’ и пр.).

Таким образом, в большую группу ментальных или когнитивных глаголов неизменно включается подгруппа глаголов, обозначающих более узкий процесс мышления, в том числе продуктивного или непродуктивного, а также знания. Несмотря на то, что данная группа глаголов имеет довольно расплывчатые семантические границы, а некоторые могут относиться, например, к лексико-семантическому полю чувственных или коммуникативных глаголов [Katajamäki 2008: 7], в рамках данной статьи мы постарались выделить основные из них и проанализировать их семантическое содержание. Помимо этого, стоит отметить, что, учитывая широкий спектр семантической окрашенности приводимых глаголов, а также различные пометы, присущие им, примеры их использования для подкрепления были взяты нами как из классических произведений, так и из различных страниц интернет-форумов на финском языке (большинство зафиксированы в корпусе текстов на финском языке *HS corpora*). В данных случаях в фигурных скобках нами указывались лишь основные домены размещения сообщения.

Среди глаголов мышления финского языка лексемы *ajatella*, *miettiä*, *pohtia*, *harkita* являются самыми частотными [Aarre

2009: 5]. Однако выявление особенностей их семантики и степени синонимии путем простого анализа словарных значений видится проблематичным, поскольку их словарные статьи представляют собой, по большей части, кросс-референциальные определения, содержащие большое количество однословных дефиниций (*single-word definitions*). Данную проблему в своем исследовании подробно изучил А. Арппе [Arppe 2008: 21]. Согласно исследователю, простое сравнение даже двух отдельно взятых единиц путем отбора однословных определений из одного лексикографического источника не дает четкой картины [Arppe 2008: 21].

Это, в частности, хорошо видно на примере словарных статей к лексемам *mieltiä* и *pohtia* с общим значением 'думать, раздумывать над чем-л.' [SPS]: *Mieltiä* — *ajatella* 'думать', *harkita* 'размышлять', *pohtia* 'раздумывать', *punnita* 'взвешивать', *tuumia* 'думать', *aprikoida* 'думать, гадать', *järkeillä* 'мыслить', *mietiskellä* 'думать, пребывать в раздумьях'; *Pohtia* — *harkita* 'размышлять', *mieltiä* 'раздумывать', *tuumia* 'думать', *ajatella* 'думать', *järkeillä* 'мыслить', *punnita* 'взвешивать', *aprikoida* 'думать, гадать'.

Количество выделенных перекрестных определений слишком велико, чтобы получить четкое представление об их семантических особенностях. По мнению исследователя, наиболее эффективными методами исследования уровня синонимии и семантики подобных глаголов являются статистические методы изучения в рамках корпусного исследования [Arppe 2008: 71].

Так, вычисление вероятностного употребления того или иного глагола мышления в различных типах окружения [Arppe 2008] позволяет нам получить более или менее точные данные и о семантических отличиях между отдельными единицами данной группы.

По мнению А. Арппе, особенности семантики глаголов также частично обусловлены и их этимологией, развивших свое абстрактное значение из конкретных физических действий. Так, глагол *pohtia* ранее служил для обозначения коллективной работы при сборе урожая, заключавшейся в отделении зерен, тогда как изначальное значение глагола *harkita* — процесс траления морского дна — может объяснять присутствие сем *повторяемости* и *основательности* в значении современного глагола [Arppe 2009: 7].

Таким образом, по мнению исследователя, глагол *pohtia* указывает в большей степени на коллективное мышление, присущее обществу, а не на частное мнение, при этом чаще всего затрагивая абстрактные понятия. В отношении глагола *harkita* можно утверждать, что его употребление связано с мышлением, направленным на события в будущем, где речь идет также о решении или выборе, характеризуемом повторяемостью и условностью [Arppe 2009: 7].

Согласно выводам исследователя, лексема *ajatella* 'думать', являющаяся центральной в ряду глаголов мышления, предполагает не определенное и неограниченное временными рамками мыслительное действие, указывающее на более постоянные намерения или мнения и часто выражающее мысли конкретного человека о другом человеке или группе лиц. В отличие от него глагол *mieltiä* также выражает мысли отдельного индивида, но в большей степени ограничен временными рамками [Arppe 2009: 7].

Также можно добавить, что особенностью глагола *pohtia* является дополнительное значение оценки различных возможностей [SPS], тогда как глагол *harkita* единственный в списке способен обозначать как процесс мышления: *Sinun kannattaa harkita ehdotustani* 'Тебе стоит обдумать мое предложение', так и результат мыслительного процесса в виде сделанного вывода: *Olen harkinnut asian seuraavasti* 'Я подумал и решил это дело следующим образом' [MOTG].

Глагол *järkeillä* (от *järki* 'ум') обозначает процесс мышления с оттенком философствования или излишнего внимания к деталям: *Järkeilemme siis, haluamme löytää toiminnasta järkeä*. 'Таким образом мы мыслим, хотим найти смысл в действиях' [hs.fi].

Глагол *aprikoida*, этимологически восходящий к лексеме *arvo* (< *arpo** < *apro**), может также иметь дополнительную сему "предполагать, гадать": *Kovin saivat pojat aprikoida, mitä isän matkavakka sisälsi*. 'Крепко задумались мальчишки над тем, что же было внутри отцовского походного короба' [Alkio].

По своей семантике глагол *pähkäillä* (реже *pähkiä*) практически совпадает с вышеперечисленными лексемами и имеет значение 'размышлять, ломать голову над чем-л.': *Vasta perillä alettiin pähkäillä, mihin pääsee yöksi* 'Лишь на месте начали думать, где разместиться на ночь' [hs.fi]. Этимология корневой части глагола *pähkä-* неясна: в

частности, она может быть вариантом лексемы *pahka* с переднеязычными гласными, примеры чего можно найти в финском языке [Tuomi 1991]. В то же время данный формант используется в качестве усилительной части в бахуврихи *pähkää* и *pähkähullu*, обозначающих лицо с низким уровнем интеллекта.

Лексемы *jahkailla* и *jossitella*, обозначающие процесс мышления, образованы от служебных частей речи.

Глагол *jahkailla* (от темпорального союза *jahka*, указывающего на события в будущем времени) и его разговорная форма *jahnata* обозначают процесс размышления с дополнительными значениями излишней длительности [MOTG], промедления и нерешительности [SPS, MOTG], заикливания на одном и том же [NSK, SPS]: *Hän kielsi minua joutavilla asioilla päästäni vaivaamasta, vaan kuitenkin jahkaili häntä ja tuumiskeli*. 'Он запретил мне забивать голову ненужными вещами, но сам все же [пребывая в нерешительности] раздумывал и размышлял' [Sissala].

Глагол *jossitella* (образованный от союза *jos* 'если') обозначает мышление, направленное на события в прошлом, оценку чего-л. постфактум [SPS], а также выявление причинно-следственных связей между явлениями [NSK]: *No, ei auta jossitella. Kausi on puolivälissä ja hyviä kisoja vielä edessä*. 'Ну, нет смысла думать да гадать. Прошло полсезона, и хорошие игры еще впереди' [iltasanomat.fi].

Среди списка глаголов мышления можно выделить и лексемы, пришедшие из других языков путем заимствования. К ним относятся глаголы *tuumia* и *tuumata* (от рус. *думать*), а также лексемы *funtsia*, *funtsata* (*funtsailla*), *fund[t]eerata*, образованные от шведского глагола *fundera* 'думать'.

Также выделим интернациональные глаголы, обозначающие и в финском языке процесс мышления: *filosofoida* 'философствовать', *spekuloida* 'думать, строить предположения, спекулировать' (ср. англ. *speculate*).

К глаголам, обозначающим процесс мышления, относятся также редкие и устаревшие глаголы *aatelehtia*, *aatteilla* (от лексемы *aate* 'идея') и *aivoitella* (от лексемы *aivo* 'мозг', ср. рус. *обмозговать*): *Oli viihdyttävää siitä aatelehtia, istua kuin virran reunalla veden vilinää katsellen*. 'Было приятно размышлять над этим, сидеть, будто перед

потоком, наблюдая за бурлением воды' [Aho]. (...) *jossa hän aatteili ... taikka varsin noin*. '...где он думал ... или примерно так' [Virtaranta]. *Jokainen aivoiteli, onko siellä mahdollisesti mukana vai ei, ja jos ei olisi, niin missä sitten!* 'Каждый думал (букв. обмозговывал), есть ли там или нет, и если нет, то где тогда!' [Länsi-Puhuri].

Отметим, что ряд вышеуказанных глаголов имеют фреквентативные формы, включающие дополнительные семы частотности или длительности (*mietiskellä*, *pohdiskella*, *tuumiskella*, *tuumailla*).

От существительного *järki* 'ум' также образуется целый ряд глаголов: среди них каузативные глаголы *järkeistää*, *järjentää*, *järkevöidä* и *järkevöittää*, *järkiinnyttää* (=образумить), а также инхоативы *järkiintyä*, *järkiytyä*, *järkevöityä* и *järkeistyä* (=образумиться; стать умным, рациональным). При этом глаголы *järkevöityä* и *järkeistyä* являются декаузативами глаголов *järkevöidä* и *järkeistää*.

В данной группе глаголов есть и образные глаголы, развившие свое значение из первоначального, не относящегося к данной сфере.

Лексемы *punnita*, *puntaroida* 'взвешивать на весах' обозначают точное, 'взвешенное' обдумывание какого-либо дела: *Hän harkitsi päätöstään pitkään ja punnitsi sitä myös perheensä kanssa*. 'Он долго думал над своим решением и обсуждал это также со своей семьей' [iltalehti.fi]. *Maitokuski Tevje joutuu puntaroimaan syvään juurtuneiden traditioiden painoarvoa*. 'Молочник Тевье вынужден обдумать важность глубоко укоренившихся традиций' [uusika-lehti.fi].

Лексема *kelata* 'мотать, прокручивать', обозначая процесс обдумывания одного и того же, сравнивает процесс мышления с работой механизма: *Silloin kelasin, että mil-lään ei ole enää mitään väliä*. 'Тогда я прокручивал в голове, что ничто уже не имеет никакого значения' [iltalehti.fi].

К зооморфной метафоре относится глагол *hautoa* 'высиживать', также имеющий значение 'постоянно думать о чем-л.' [MOTG]. Возможно, на развитие данного значения повлияло другое значение глагола, а именно 'парить, разогревать', поскольку высокая температура в наивной картине мира во многих языках ассоциируется с высоким уровнем интеллектуальных способностей.

Зачастую, мыслительная деятельность образно представляется в виде процесса

переработки пищи. На это, например, указывают лексемы *märehtiä* ‘жевать’ и *pureksia* ‘кусать’: *Huonoihin suorituksiin ei pidä keskittyä eikä epäonnistumisia pidä jäädä märehtimään*. ‘На плохих выступлениях не нужно заикливаться, и о неудачах не стоит постоянно думать’ [uusimaa.fi]. *Pureksia pitkään ongelmaa*. ‘Долго думать, ломать голову над проблемой’ [MOTG].

Также стоит отметить, что глаголы *vatkata* ‘взбивать’, *vatvoa* ‘месить’, *jauhaa* ‘молоть’ можно также условно отнести к данному списку. В то же время сделаем оговорку, что, в первую очередь, они являются глаголами речевой деятельности, хотя в определенных контекстах применимы и для выражения мыслительной деятельности, что видно из словарного определения: постоянно рассматривать, говорить или думать об одном и том же [SPS]: *Ikävä tapani on vatkata vain yhtä asiaa*. ‘У меня плохая привычка — размышлять над одним делом’ [Waltari]. (...) *hän alkaa liiaksi miettiä omia tekemisiään ja vatvoa, toimivatko jutut tai ovatko ne hauskoja*. ‘...он начинает слишком много думать о своих поступках и размышлять, успешны ли шутки и смешные ли они’ [iltalehti.fi]. *Jos joku hänelle täysin tuntematon ihminen haukkuu häntä rumaksi, hän jauhaa sitä mielessään seuraavat kymmenen vuotta*. ‘Если абсолютно незнакомый человек обзовет ее уродиной, она прокручивает это у себя в голове следующие десять лет’ [hiilaritietoiset.net].

Особняком стоит и глагол *kehittää* ‘развивать’, в хельсинкском сленге обозначающий процесс размышления над будущими действиями, планирования чего-л.: *Nyt pitäis kehittää jotai nastaa illaks*. ‘Теперь стоит придумать себе что-нибудь приятное на вечер’ [slangi.net].

Близкие к глаголам рационального мышления глаголы понимания описывают мыслительный процесс с точки зрения его результативности. Основным глаголом, обладающим данным значением, является глагол *ymmärtää*. Он служит для выражения не только чисто интеллектуального процесса познания окружающего мира: *En minä kohta ymmärrä mitään tämän maailman menosta*. ‘Скоро я не буду понимать ничего в этом мире’ [Aho], но и процесса понимания, сопряженного с сопереживанием или наличием здравого смысла: *Silloin ymmärtää olla murehtimatta, vaikka toisesta ei kuuluisi muuttamaan päivään*. ‘Тогда хватит ума не горе-

вать, даже если от другого не будет вестей несколько дней’ [hs.fi].

Процесс осознания, понимания окружающего мира неразрывно был связан с восприятием его с помощью органов чувств (прежде всего зрения).

Это видно на примере финского глагола *älytä*, который обозначает не только осознание чего-либо с помощью интеллекта или догадки, но и зрительное восприятие: *Nyt vasta hän näytti alkavan älytää, miten hänen asiansa olivat ja mitä hänelle oli tapahtunut*. ‘Только теперь он, казалось, начинает понимать, как обстоят его дела и что с ним произошло’ [Aho]; *Pelkäsin ja poikkesin tienviereen, etteivät minua älyäisi*. ‘Я испугался и укрылся на обочине, чтобы меня не заметили’ [Canth].

То же можно сказать и про лексемы *äkätä* и *hoksata*, значение которых развивалось по схеме: ‘неожиданно (быстро) заметить — неожиданно понять, осознать, догадаться’.

Глагол *nähdä* ‘видеть’ также имеет образное значение ‘догадаться, понять’ [MOTG, SPS], позволяющее включить его в группу глаголов понимания: *Tuosta kai näet mitä kuuluu*. ‘Из этого ты, наверное, поймешь, в чем дело’ [Meriläinen].

Однако чувственное восприятие в основе глаголов понимания не всегда обозначало именно зрительное восприятие предмета или явления.

Так, глагол *tajuta* ‘понимать’ (от лексемы *taju* ‘сознание, понятие; чувство’) может также подразумевать задействование других органов чувств: *Ihmiskorvin tajuttavat äänet*. ‘Звуки, различаемые человеческим ухом’ [SPS].

Глагол *haistaa* ‘нюхать, чують’ также имеет значения ‘понимать, догадываться, осознать’ [MOTG]: *Jopa lapsi haistoi, että tässä haetaan nyt jotain tiettyä vastausta*. ‘Даже ребенок догадался (букв. почуял), что здесь требуется какой-то определенный ответ’ [ukkovallanakka.blogspot.com].

Глагол *oivaltaa* ‘осознать, придумать, понять (молниеносно), получить идею’ [SPS], имел еще более широкий спектр значений чувственного восприятия — зрения: (...) *ei hän enää oivaltanut laivaansa suurempana kuin kärpäsen kokoisena kaukana laineiden harjalla*. ‘Вдалеке, на волнах, он видел корабль лишь точкой, размером с муху’ [Canth]; слуха: *Mutta pikkupojan korva oivaltaa, että kyökissä tapahtuu jotain*. ‘Но ухо маленького мальчика различает, что на кух-

не что-то происходит' [Sillanpää]; *осязания*: *Hän oivalsi kurkussaan omituisen karvastelun*. (Он почувствовал в горле странное жжение) [Leino].

Нынешнее основное значение лексемы *käsittää* 'осознавать, постигать, догадываться, трактовать в мыслях' [SPS] также связано с чувственным восприятием — зрительным или осязательным: *Käsittänette, että tunnustuksenne jälkeen minun on pakko pidättää tedät*. 'Вы, наверное, понимаете, что после Вашего признания мне придется задержать Вас' [Waltari]; *Ihmissilmä ei kykene käsittämään ultravioletteja värejä*. 'Человеческий глаз не в состоянии различать ультрафиолет' [NSK]. *Kaikki rahat käsittävät, vaan ei puoletkaan pidätä*. 'Все получают деньги, но не сохраняют и половины их' [sananlasku].

К глаголам данной группы относятся сленговые лексемы *honata / honaa, hokata / hokaa, hiffata / hiffaa, bonjata / bonjaa* (реже *sponjata*) (ср. рус. *понятно*), *kässä / kässää*. Вторые формы глаголов, по форме напоминающие классические глаголы первого типа, относятся к так называемому 'реоперскому сленгу' (*Rööperin slangi*), старой форме хельсинкского сленга, зародившейся в районе Реопери.

Еще одна группа глаголов, обозначающая процесс понимания, включает в себя лексемы, получившие свое вторичное значение на основе метафорического переноса.

К ним относятся глаголы, выражающие процесс освещения, — *sytyttää* 'зажигать', *välähtää* 'сверкнуть', *valjeta* 'рассветать': *Muutama päivä tämän keskustelun jälkeen minulla välähti*. 'Через несколько дней после разговора меня осенило' [kouvolansanomati.fi]. *Ikäväkseni minulla sytytti vasta myöhemmin kotona*. 'К моей досаде, меня озарило уже позднее дома' [tammisaare.blogspot.com]. *Netanjahulle ja muillekin valkeni kuitenkin nopeasti, että Sharonilla oli muita suunnitelmia*. 'Нетаньяху и другие, однако, быстро поняли, что у Шарона были другие планы' [hs.fi].

Глагол *raksuttaa* 'тикать' сравнивает процесс результативного мышления с процессом работы механизма: *Ei siis sen vertaa ole mulla raksuttanut, että olisin aidosti ja lopullisesti luovuttanut koko asian pois itsestäni*. 'Но меня озарило не так сильно, чтобы я всерьез и окончательно избавил себя от этого дела' [blogspot.com]. Вышеуказанные

лексемы являются безличными (ср. рус. *осенять, озарять* и пр.), требующие наличия при них 'субъекта мышления' в падежах аллатив или адессив.

Из фактивов выделим лишь одну лексему — глагол *tietää* 'знать': *En tiedä, mihin hän on lähtenyt*. 'Не знаю, куда он ушел' [MOTG].

Как видно на примере глаголов данной группы, интеллектуальная семантика достаточно продуктивна и объединяет лексические единицы с широким спектром значений. В финском языке, как и во многих других, помимо нейтральных, выделяются глаголы, благодаря метафорическому переносу развившие свое вторичное значение и тем самым приобретшие большую степень экспрессивности и образности, что в целом отличает лексику интеллектуальной семантики.

Сокращения

- MOTG* — Gummerus Uusi suomen kielen sanakirja 1.0. Kielikone Oy. Gummerus Kustannus Oy. 1998.
MOTK — Kielitoimiston sanakirja 2.0. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus ja Kielikone Oy. 2008.
NSK — Nykysuomen sanakirja. Werner Söderström OY. Helsinki — Porvoo. 1962 & 1992.
SPS — Suomen perussanakirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Painatuskeskus 1994.

Литература

- Arppe A.* Univariate, bivariate and multivariate methods in corpus-based lexicography — a study of synonymy. Helsinki, 2008. 614 с.
Arppe A. Monta tapaa "ajatella" — Tilastollisten menetelmien hyödyntäminen aineistolähtöisessä sanastontutkimuksessa. Virittäjä, 1/2009. Verkkoliite. C. 1–9.
Katajamäki A. Mä tiedän miltä susta tuntuu. Ajatteleminen ja tietäminen nuorten mielipidetesteissä. Suomen kielen pro gradu — tutkielma. Jyväskylän yliopisto, 2008. 69 с.
Koivisto H. Partisiippien adjektiivistuminen suomen kielessä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1987. 459 с.
Pajunen A. Argumenttirakenne: Asiaintilojen luokitus ja verbien käyttäytyminen suomen kielessä. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2001. 473 с.
Tuomi T. Töpötyysi ja patajuoppo. Kielikello, 4/1991 7 с. [электронный ресурс] // URL: www.cs.tut.fi/~jkorpela/kielikello/piripin.html (дата обращения: 15.07.2012).

УДК 811.111:81'367

ББК Ш-143.21-2

**ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДВОЕТОЧИЯ
В ДИКТЕМАХ БРИТАНСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ XX в:
СЛОЖНЫЕ БЕССОЮЗНЫЕ СТРУКТУРЫ**

В. В. Убушаева

Основой распространения знаний и обучения языкам, безусловно, является письменный текст. Именно с его помощью человечество передает свои знания и опыт из поколения в поколение. Как известно, овладеть письменной речью невозможно без умения ставить знаки препинания. Анализ функционирования пунктуационных знаков, в частности, в английском языке дает основания считать, что английские правила и рекомендации расстановки пунктуационных маркеров в настоящее время во многом не соответствуют живому употреблению и нуждаются в уточнении.

Цель данной статьи заключается в определении установившейся практики использования двоеточия в диктемах из сложных бессоюзных структур в британских научных текстах XX в., в выявлении новых тенденций в пунктуации посредством сопоставления узуса и нормы. Следует отметить, что в конце XX и начале XXI в. в практике лингвистических исследований отмечается заметно возросший интерес к вопросам изучения пунктуационной системы [Арапиева 1985; Баранова 1998, 2000; Валгина 2001; Биянова 2010 и др.], наметился целый ряд актуальных проблем [Гостеева 2002]: теория истории пунктуации, сопоставительная пунктуация, пунктуационная норма и ее кодификация, а также тенденции развития общественной пунктуационной практики. Тем не менее изучение проблем пунктуации требует дальнейших глубоких изысканий и обусловлено рядом факторов: 1) недостаточной исследованностью пунктуационных знаков как значимых элементов связного текста; 2) важностью и перспективностью изучения их роли в тексте; 3) необходимостью исследования реального функционирования знаков пунктуации в синтаксисе научного стиля для грамотного оформления письменных текстов; 4) необходимостью изучения фактического узуса знаков препинания в диахроническом аспекте для

правильного анализа и объективной оценки современного состояния пунктуации.

Источниками для отбора фактического материала по двоеточию послужили британские научные тексты XX в. гуманитарного характера следующих хронологических срезов: (1) первая половина XX в. (1900-е и конец 1940-х гг.); (2) вторая половина XX в. (1950–2000 гг.). Общий объем материала составляет около 11 тыс. страниц. Для большей аутентичности анализа материала вторая половина XX в. была разбита на мелкие временные зоны — по десятилетиям. Фактический объем материала составляет около 1 500 диктем-предложений с двоеточием.

Рассматриваемый маркер встречается в английских текстах XVII в. Однако эта эпоха характеризуется отсутствием каких-либо пунктуационных норм, в том числе и норм, регламентирующих употребление двоеточия. Двоеточие часто заменялось точкой с запятой, и лишь в XIX в. наблюдаются попытки дифференцировать употребление этих двух маркеров и создать определенные правила их применения. Так, многие лингвисты второй половины XIX в. предлагали ставить точку с запятой между независимыми предложениями, связанными союзом. По их мнению, в сложных бессоюзных предложениях между независимыми частями предпочтительнее ставить двоеточие [Wilson 1856: 130]. Анализ частотности употребления двоеточия показал, что в конце XX в. в диктемах британских научных текстов двоеточие встречается значительно реже, чем в первой половине XX в.

Синтаксическое устройство диктем из сложных бессоюзных предложений существенно влияет на установление смысловых отношений между предикативными частями, входящими в их состав. Данные отношения в диктемах определяются как: 1) *причинно-следственные*; 2) *пояснительные* (конкретизация); 3) *противительные*; 4) *сложные предложения с выводом во второй части*. В ходе анализа материала была

**Частотность употребления двоеточия в диктемах,
состоящих из сложных бессоюзных предложений
с различными видами отношений, в британских научных текстах XX в.**

Виды отношений в сложных бессоюзных предложениях	ВРЕМЕННЫЕ ЗОНЫ											
	1-я пол. XX в.		50-е гг. XX в.		60-е гг. XX в.		70-е гг. XX в.		80-е гг. XX в.		90-е гг. XX в.	
	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол-во
причинно- следственные	5	10	5	10	5	10	10	20	30	60	30	60
с разъяснением, конкретизацией или уточнением	80	160	85	170	85	170	70	140	55	110	55	110
с выводом во II-ой части	10	20	5	10	5	10	10	20	5-10	10	5-10	10
с противопоставле- нием во II-ой части	5	10	5	10	5	10	10	20	5	10	5	10

Примечание: для исследования каждой временной зоны были отобраны примерно 200 диктем сложных бессоюзных предложений.

проанализована частотность употребления двоеточия в зависимости от типа выражаемых значений и времени создания текста (см. результаты в таблице).

В диктемах из сложных бессоюзных предложений с причинно-следственными отношениями между независимыми частями можно вставить союзы *поскольку, так как, поэтому, в результате, потому что*.

(1) *But his practice clears him of the imputation: he is saved by the ambiguity of the word independent* 'Собственная практика избавляет его от обвинений: он спасается двусмысленностью слова independent' [Fowler, Fowler 1940: 237].

(2) *In one sense, everything that is adverbial is parenthetical: it can be inserted or removed, that is, without damaging the grammar, though not always without damaging the meaning of the sentence* 'В каком-то смысле, все выражения обстоятельственного характера являются вводными, поэтому они могут вставляться или опускаться, не нарушая нормы грамматики, однако не всегда без значения' [Fowler, Fowler 1940: 255–256].

Как видим, в примере (1) предложение следствия имеет характер пояснения, добавления. В примере (2) вторая часть имеет причинное значение и также носит характер пояснения и добавления.

Диктемы британских научных текстов конца 1950-х гг. характеризуются не столь частым использованием сложных бессоюз-

ных структур с причинно-следственными отношениями (5 %), но, тем не менее, и в этих примерах прослеживается нормированное функционирование двоеточия между бессоюзными частями. В диктемах 1960-х и 1970-х гг. двоеточие чаще заменяется точкой с запятой. В 1980–90-е гг. на двоеточие в бессоюзных структурах с указанными выше отношениями во втором или третьем предложениях приходится 30 %.

(3) *Certainly, there is a lot of evidence to show that the systematisation of knowledge plays a critical role in the learning process: we learn by fitting individual items of knowledge together to create a meaningful predictive system* 'Конечно, существует множество оснований показать, что систематизация знаний играет решающую роль в процессе обучения, поэтому мы учимся, соединяя подходящие отдельные пункты знаний, создавать значимую предикативную систему' [Hutchinson, Waters 1987: 68].

Анализ фактического материала первой половины XX в. показывает, что в этот период употребление двоеточия в диктемах из сложных бессоюзных предложений с разъяснением, конкретизацией или уточнением во второй части имеет достаточно высокую частотность (80 %). Снижение частотности постановки двоеточия в диктемах сложных бессоюзных предложений наблюдается лишь с 1970-х гг. (ср.: 1970-е гг. — 70 %, 1980-е гг. — 55 %, 1990-е гг. — 55 %).

Как видим, в диктемах из бессоюзных предложений с разъяснением, конкретизацией или уточнением на протяжении XX в. частотность использования знака постепенно снижается. Это, на наш взгляд, свидетельствует о сужении функций двоеточия.

В конце XX в. в диктемах научных текстов, согласно результатам проведенного анализа, знак двоеточия является наиболее активным именно в сложных бессоюзных грамматических структурах, в которых вторая часть уточняет, конкретизирует, поясняет факты, приведенные в первой части бессоюзного единства. В описываемых предложениях активизация смысловых отношений в устной речи происходит за счет особой интонации, при этом лексическая семантика задействованных синтаксических единиц активизирует поиск смысловых взаимоотношений между главной и предикативной частью. На письме же в конце XX в. эта взаимозависимость и взаимодополняемость подчеркивается чаще двоеточием или тире. Следует отметить, что в последнее время выбор между двоеточием и тире определяется не правилами пунктуационной системы, но в большей степени зависит от личного, индивидуального подхода автора письменного текста. Согласно данным анализа пунктуационного оформления рассматриваемых диктем в бессоюзных структурах с поясняющей частью, применение двоеточия здесь является нормой для английского языка, однако и тире удерживает свои позиции, особенно в конце XX в. Замена двоеточия на точку или тире отмечается в конце прошлого столетия и в диктемах, в которых структура второй части сложного предложения может представлять собой перечисление простых предложений: (4) *It exists because people do things with it: they give information; they promise; they threaten; they make excuses; they seek information; they classify; they identify; they report* 'Он существует, потому что люди используют его: они дают информацию; они обещают; они угрожают; они оправдываются; они ищут информацию; они классифицируют; они идентифицируют; они представляют отчет' [Hutchinson, Waters 1987: 28].

Проанализировав пунктуационное оформление диктем в сложных бессоюзных предложениях, в которых при помощи глаголов *видеть, смотреть, чувствовать, слышать, знать, понимать* дается пред-

упреждение, что далее, во второй части бессоюзной структуры, следует изложение фактов, мы приходим к выводу, что постановка двоеточия в них является устойчивой нормой для британских научных текстов, хотя к концу века на практике, как отмечалось выше, все чаще на месте двоеточия встречается тире. На протяжении XX в. можно дифференцировать рекуррентность узуса двоеточия с точки зрения хронологической принадлежности текстов: в начале XX в. отмечается высокая степень, в конце XX в. — значительно более низкая.

Несмотря на сужение функций двоеточия к концу XX в., одновременно в узусе маркера отмечается также расширение его функций в двухчленных конструкциях, которые строятся по типу разъяснительно-пояснительных предложений. Такие двучленные конструкции представляют собой название общей проблемы и конкретизирующие ее частные аспекты и детали. Согласно Н. С. Валгиной, там, где имеется такое соотношение между частями заголовка, двоеточие оправдано своим собственным значением: это знак, сигнализирующий о последующем разъяснении [Валгина 2003: 239]. Подобные двучленные конструкции встречаются и в научных текстах. (5) *Cognitive code: learners as thinking beings* 'Познавательный код: обучающиеся как мыслящие существа' [Hutchinson, Waters 1987: 43]. Возможен вариант и трехчленных конструкций с несколькими двоеточиями в одном предложении: (6) *Figure to: A language drill: Variation on a Theme* 'Рисунок к: Языковое упражнение: Вариант на тему' [Hutchinson, Waters 1987: 41]. Двоеточие, по словам Н. С. Валгиной, стало зачастую употребляться не столько как традиционный знак препинания, сколько как условный графический разделитель: (7) *Terms of Payment: Net cash monthly*. 'Условия оплаты: Наличные деньги ежемесячно'. После заголовков, набираемых в строку с текстом, от следующего за ним текста, кроме двоеточия, ставят и точку. Такую синтаксическую структуру также можно отнести к двучленной структуре. В современной практике в качестве дополнительного знака ставят после точки еще тире для отделения «бокового заголовка» от следующего за ним текста: (8) *Celts and Iberians. — The Iberians were followed by a swarm of new-comers called Celts* 'Иберийцы преследовались толпой вновь прибыв-

ших, названных кельтами' [Кобрина, Малаховский 1959: 82].

В диктемах предпосылки формирования сложных бессоюзных предложений со знаковыми отношениями вторая придаточная часть является результатом, выводом из первой части. Отличительная черта подобных предложений состоит в том, что во второй предикативной части нередко присутствуют указательные слова *это значит, а поэтому, это знак того, что, это то ...что*. Анализ показывает, что данная синтаксическая структура присуща диктемам в британских научных текстах, однако по сравнению со сложными бессоюзными предложениями с другими видами отношений данный вид встречается заметно реже (10 % — в первой половине XX в.): (9) *And in the next again, one of the differentiations we have spoken of is disregarded; the fifty first means the fifty that comes first: the fifty-first is the one after fifty* 'А в следующем примере опять одно из различий, о котором мы говорили, игнорируется; the fifty first означает что, прежде всего, следует пятьдесят, а the fifty-first означает, что один следует после пятидесяти' [Fowler, Fowler 1940: 228]. На протяжении XX в. этот показатель колеблется, однако к концу анализируемого периода он имеет такие же показатели, как и в начале XX столетия (10 %). Следует добавить, что в диктемах бессоюзных предложений с этим видом согласования хронологическая дифференциация не отмечается.

Двоеточие встречается и в диктемах сложных бессоюзных предложений с противопоставлением во второй части: (10) *With the commas, the criminal is necessarily a certain person already known to us: without them, we can only suppose a past state of society to be described, in which all traitors were ashamed of themselves — a difference of some importance* — букв.: 'С запятыми, преступник обязательно является конкретным человеком, уже известным нам, а без них мы можем только предположить, что описано прошлое состояние общества, в котором все предатели стыдились себя — различие очень важное' [Fowler, Fowler 1940: 231]. Однако частотность употребления знака в этом значении остается невысокой на протяжении всего XX в. (5 %). *Good materials do not teach: they encourage learners to learn* 'Хорошие материалы не обучают, а помога-

ют ученикам в учебе' [Hutchinson, Waters 1987: 22].

Таким образом, исследование узуса двоеточия показало, что частотность постановки знака на протяжении XX в. постепенно снижается. В конце XX в. в британских научных текстах двоеточие чаще всего используется в диктемах сложных бессоюзных предложений с причинно-следственными отношениями и с разъяснением, конкретизацией или уточнением во второй части. Для бессоюзных предложений с выводом или противопоставлением во второй части, на наш взгляд, более характерно употребление других пунктуационных знаков, например тире.

Источники

- Carey G. V. Punctuation. Cambridge: Univ. Press, 1957. 40 p.
Fowler H. W., Fowler F. G. The King's English. Oxford: Clarendon Press, 1940. 383 p.
Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes. Cambridge Language Teaching Library. Cambridge: Univ. Press, 1987. 183 p.
Vallins G. H. Good English. London: Macmillan, 1953. 255 p.

Литература

- Арапиева Л. У. Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 23 с.
Баранова Л. Л. Когнитивные особенности пунктуации в британском и американском вариантах современного английского языка // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. М.: МГУ, 2000. № 3 (18). С. 158–161.
Баранова Л. Л. Онтология английской письменной речи. М.: Диалог-МГУ, 1998. 246 с.
Биянова М. В. Пунктуационные системы: синхронный и диахронный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 24 с.
Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
Гостеева С. А. Рецензия // Вестник Воронеж. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2002. № 1. С. 295–297.
Кобрина Н. А., Малаховский Л. В. Английская пунктуация. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 110 с.
Wilson J. Treatise on English Punctuation. Boston: Crosby, Nicholand Co., 1856. 334 p.

УДК 81'33
ББК 81.23

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА: АРХИТЕКТУРА И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ*

В. В. Куканова, Е. В. Бембеев, Н. М. Мулаева, Н. Ч. Очирова

Национальный корпус калмыцкого языка является одним из проектов, который позволит сохранить язык в условиях постоянного сокращения числа его активных носителей¹. Этот программный продукт создаст широкие возможности для проведения лингвистических исследований с использованием корпусного подхода, что не только уточнит и дополнит имеющиеся описания языка, но и осветит те проблемы, которые еще не подняты в калмыцком языкознании.

По мнению Е. И. Кузьмина, председателя Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», проблемы сохранения языкового и культурного разнообразия «...приобрели особую актуальность в связи с бурным развитием процессов формирования глобального информационного общества, которые, с одной стороны, усиливают унификацию культур и ведут к сокращению культурного разнообразия, но, с другой стороны, открывают благоприятные возможности для его сохранения и даже для его развития в киберпространстве» [Кузьмин 2010: 40].

В данной статье мы попытаемся осветить актуальность каждого из подкорпусов, его перспективность, проблемы и структуру. По предварительным соображениям необходимо развивать этот ресурс по нескольким направлениям (подкорпусы расположены по приоритетности разработки²):

¹ Под активными носителями понимаются те, кто не только понимает речь, но и осуществляет коммуникацию на том или ином языке, соответственно под пассивными — те, кто только понимает речь окружающих, но, однако, не может продуцировать свои собственные речевые отрезки.

² Классифицирование подкорпусов по еди-

- 1) основной корпус;
- 2) газетный подкорпус;
- 3) устный подкорпус;
- 4) обучающий подкорпус;
- 5) параллельный подкорпус;
- 6) диалектный подкорпус;
- 7) фольклорный подкорпус;
- 8) корпус ранних текстов;
- 9) морфемный подкорпус;
- 10) поэтический подкорпус;
- 11) синтаксический подкорпус;
- 12) подкорпус названий³.

Создание каждого подкорпуса требует реализации множества предварительных шагов: компилирования словарных материалов, подготовки текстов, разработки концепции каждого подкорпуса, аннотации и разметки.

Источником получения текстов для корпуса калмыцкого языка являются сканированные копии книг, PDF-файлы, файлы верстки (QXD, INDD и др.). Следует признать, что материалов на калмыцком языке, размещенных в сети Интернет, ничтожно мало. Все привлекаемые файлы были преобразованы в формат RTF, необходимый для конвертации в систему StarLing⁴. Были выработаны следующие правила подготовки текстов для корпуса, согласно которым следует:

норму критерию невозможно, поскольку существует дисбаланс некоторых стилей, типов текстов и т. д.

³ Этот модуль создается на основе метаописания текстов, поэтому это не самостоятельный раздел, а дополнительное поле для исследований (подробно см. ниже).

⁴ Информационная среда StarLing создана С. А. Старостиным (1953–2005), а позже усовершенствована Ф. С. Крыловым.

* Статья подготовлена при поддержке проекта «Национальный корпус калмыцкого языка» подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России» программы «Корпусная лингвистика» (2012–2014) и проекта РГНФ «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (12-04-12047/в).

- 1) удалять текст, не являющийся авторским (номера страниц, колонтитулы, титульная страница, оборот титула, выходные данные, содержание, аннотация);
- 2) удалять нетекстовый материал (изображения, схемы, формулы и т. д.);
- 3) удалять переводные комментарии (как авторские, так и редакторские);
- 4) упрощать форматирование (шрифтовое выделение заголовка);
- 5) удалять так называемый «мусор» (двойные пробелы, двойные абзацы, табуляции и т. д.)⁵;
- 6) исправление явных опечаток (две точки вместо одной или две точки вместо трех и т. д.).

Первый **подкорпус**, по традиции называемый **основной**, включает художественные, научные и официально-деловые тексты XX в. По статистике базы данных MetaKT⁶, прозаические произведения в процентном соотношении составляют 15 % от всего количества произведений, получивших метаразметку. В калмыцкой художественной литературе преобладают тексты преимущественно поэтического характера, которые являются небольшими по своему объему, этот факт обуславливает большой крен в их сторону в плане балансировки текстового материала в создаваемом корпусе. Как известно, в поэтических произведениях язык носит метафорический характер, и слово здесь как таковое переосмыслено автором, что в большинстве случаев создает трудности для описания его лексического значения. Поэтические произведения идеально подходят для изучения идиолекта того или иного автора, а также ритмико-мелодического устройства языка.

Что касается текстов других стилей (научный и официально-деловой), то их не так много, и они составляют небольшую часть имеющихся текстов (менее 1 % от всего массива). Терминология научной сферы разработана достаточно подробно, о чем свидетельствуют терминологические словари калмыцкого языка [Краткий словарь... 1968; Очир-Гаряев 1990; 1995; 1996; Корсункиев 1992; Бардаев 2007; Манджикова 2007]. Однако эти термины не находят должного применения на практике, по-

скольку вся коммуникация в данных сферах осуществляется на русском языке.

В основном подкорпусе тексты размечаются с морфологической и семантической точек зрения. Ниже приведена система помет для морфологического аннотирования с опорой на разработки: [Овсянникова 2009: 866–871].

Часть речи

Noun — имя существительное

Adj — имя прилагательное

V — глагол

Ptcpl — причастие

Conv — деепричастие

Num — числительное

Adv — наречие

Pron — местоимение

Post — послелог

Conj — союз

Part — частица

Intj — междометие

Число

Sg — единственное число

PL — множественное число

Sgtm — singularia tantum

Pltm — pluralia tantum

Падеж

Nom — именительный падеж

Gen — родительный падеж

Acc1 — винительный маркированный падеж

Acc2 — винительный немаркированный падеж

Dat — дательный-местный падеж

Inst — орудный падеж

Com — соединительный падеж

Assoc — совместный падеж

Abl — исходный падеж

Dir — направительный падеж

Term — предельный падеж

Прилагательное

Qual.Adj — качественное прилагательное

Rel.Adj — относительное прилагательное

Nmlz — субстантивированный атрибут

Adjz — адъективированное существительное

Числительное

Ord.Num — порядковое числительное

Card.Num — количественное числительное

Par.Num — разделительное числительное

Age.Num — возрастные числительные

Col.Num — собирательное числительное

⁵ «Мусор» удаляется автоматически.

⁶ База данных MetaKT сконструирована в MS Office Access 2007, в которой дана метаразметка текстов (см. подробно [Куканова 2011]).

Группы местоимений

Pers.Pron	личные местоимения
Dem.Pron	указательные местоимения
Qua.Pron	определятельные местоимения
Refl.Pron	возвратные местоимения
Inter.Pron	вопросительные местоимения
Ind.Pron	неопределенные местоимения

Деепричастие

Cond.Conv	условное деепричастие
Term.Conv	предельное деепричастие
Succ.Conv	последовательное деепричастие
Prel.Conv	предварительное деепричастие
Purp.Conv	целевое деепричастие
Conc.Conv	уступительное деепричастие
Prog.Conv	продолжительное деепричастие
Ipfv.Conv	соединительное деепричастие
Ant.Conv	разделительное деепричастие
Mod.Conv	слитное деепричастие

Причастие

Pass.Ptcpl	страдательное причастие
Pos.Ptcpl	причастие возможности
Pres.Ptcpl	причастие настоящего времени
Mom.Ptcpl	однократное причастие настоящего времени
Hab.Ptcpl	многократное причастие настоящего времени
Pst.Ptcpl	причастие прошедшего времени
Fut.Ptcpl	причастие будущего времени

Частица

Refl.Part	рефлексивная частица
Q.Part	вопросительная частица
Pred.Part	предикативная частица (аффикс сказуемости)
Neg.Part	частица отрицания
Mod.Part	модальная частица
Conc.Part	уступительная частица
Conf.Part	подтвердительная частица
Emp.Part	усилительная частица
Equ.Part	уподобительная частица

Категория времени

Pres	настоящее время
Progr	настоящее актуальное время
Past	прошедшее время
Evd	прошедшее результативное
Rem	давнопрошедшее время
Pperf	преждепрошедшее время
Fut	будущее время

Категория лица

1	первое лицо

2	второе лицо

3	третье лицо

Категория наклонения

Indc	изъявительное наклонение
Impr	повелительное наклонение
Hort	желательное наклонение
Juss1	желательное наклонение
Juss2	желательное наклонение
Opt	желательное наклонение
Appr	предостерегательное наклонение

Категория залога

Pass	страдательный залог
Caus1	побудительный залог
Caus2	побудительный залог
Soc	совместный залог
Recp	взаимный залог

Способы глагольного действия

Dur	длительный вид
Iter	ритмичный вид
Compl	законченный вид
Punc	кратковременный вид
Distr	множественность глагола

Детерминация

Poss	определенность и принадлежность третьему лицу
Poss1	принадлежность первому лицу
Poss2	принадлежность второму лицу

Отрицание

Neg	отрицание

Прочие пометы

Abbr	аббревиатура
ProperN	собственные имена
Name	имя
Surn	фамилия
Patr	отчество
Geox	топоним
Orgn	организация
Non-Standard	нестандартные формы
Dial	диалектная форма
Anom	аномальная форма
Distort	искаженная форма
Ciph	цифровая запись
Init	инициалы
Ab	сокращение

При создании основного подкорпуса использовались материалы издательского дома «Герел», который предоставил электронные копии сверстаных книг. Этот хоть

и небольшой по объему материал стал первым заделом в создании корпуса калмыцкого языка. Однако в электронных копиях мы столкнулись с проблемами кодировки как исконно калмыцких букв, так и всего массива кириллических букв. Для устранения этой проблемы была создана программа Replacer⁷, основной целью которой является приведение кодировок калмыцких букв к стандартам UNICODE. Кроме того, программа используется для транслитерации с латиницы на кириллицу и наоборот (например, при разработке Словарного модуля в корпусе).

Другой проблемой, с которой мы столкнулись, является так называемая орфографическая унификация (характерна для всех типов текстов на калмыцком языке, созданных с 1924 г.). Как известно, за этот период сменилось несколько графических систем и орфографических правил, что привело к вариативности написания того или иного слова. Было принято решение сохранять оригинальную орфографию и пунктуацию текста, поскольку этот материал в перспективе также может стать объектом для исследования, ведь становление и развитие норм в калмыцком языке, функционирование узуса еще не были предметом специального изучения. Такое решение повлекло за собой создание словаря вариативных написаний.

Газетный подкорпус. Издательство (редакция) национальной газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») любезно передало нам архив за 10 лет (2002–2012 гг.), материал публицистического характера больших объемов и разных жанров. По этой причине было принято решение создать отдельный модуль на основе газетных текстов.

Общественно-политическая газета «Хальмг үнн» основана в 1920 г. под названием «Улан Хальмг», в 1926 г. переименована в «Таңһчин эңг», а затем название неоднократно менялось. В связи с незаконной депортацией калмыцкого народа (1943–1956 гг.) газета не издавалась, печатные издания возобновили свою работу лишь в 1957 г. после восстановления республики. В развитии публицистического стиля можно выделить несколько этапов: 1) этап становления (додепортационный) — с 1920 по 1943 гг.; 2) постдепортационный этап — с 1957 г. до 1990-х гг., в котором можно выделить два периода (конец 1950–1970-х гг. и 1980-е гг.); 3) переходный период с 1990-х по 2000-е гг.

⁷ Программа создана А. Ю. Каджиевым.

Наибольший интерес для газетного подкорпуса калмыцкого языка представляют публикации, появившиеся после 1957 г., т. е. после возвращения калмыков из Сибири, в этот период подавляющая часть населения свободно владела калмыцким языком. С 1957 г. до начала 1990-х гг. материалы газеты полностью печатались на калмыцком языке, в ней публиковалось очень много переводных статей, был распространен жанр очерка. Кроме этого, в газете печатались тексты литературных жанров, среди которых нас интересуют только неопубликованные материалы. Надо признать, что в публикациях советского периода преобладает много советизмов, которые ныне перешли в разряд устаревших слов как в русском, так и в калмыцком языках. Но начиная с 1990-х гг. в национальной газете появилась тенденция уменьшения количества текстов на калмыцком языке. Характерной чертой последнего периода стало и чрезмерное употребление интернационализмов, появившихся в калмыцком языке через посредство русского. Другой чертой текущего периода стало издание текстов на религиозную тематику, что ранее не практиковалось в связи с особенностями конфессиональной политики советского государства.

В жанровую классификацию газетных текстов на калмыцком языке входят статья, очерк, интервью и др. По предварительным расчетам объем газетного подкорпуса, в который войдут материалы начиная с 1957 г., составит более 15 млн словоупотреблений. На первоначальном этапе обрабатываются электронные копии газет, исправляется кодировка букв калмыцкого языка. Заметим, что многие шрифты сейчас уже утеряны и быстро восстановить первоначальный вид текста достаточно сложно и трудоемко, поскольку некоторые буквы имеют кодировку, соответствующую другому символу. Например, за кодом пробела закреплена одна из калмыцких букв, а поскольку шрифта уже нет, получается, что тексты с подобной проблемой требуют дополнительных усилий по его выверке с оригиналом.

Все этапы реформирования калмыцкой орфографии отразились на языке публикаций газеты «Хальмг үнн», что вносит дополнительные трудности при их оцифровке. В связи с этим нами разрабатывается словарь вариативных написаний слов калмыцкого языка.

Газетные статьи, с одной стороны, представляют собой чисто лингвистический

объект исследования, но, с другой стороны, оцифрованные копии газетных статей — это страницы истории, которые отражают общественно-политическую жизнь республики.

Устный подкорпус. Одной из главных целей создания устного подкорпуса калмыцкого языка является документация *живого* калмыцкого языка во всем его многообразии. Поскольку язык находится на грани исчезновения, то, конечно, первым делом необходимо зафиксировать его в том виде, в каком он звучит — это большая кропотливая работа по записи новых текстов и по оцифровке имеющегося материала. Например, в архивах республиканского телевидения⁷ и радио⁸ хранится большое количество звучащего материала, представленного в основном в аналоговой записи. Только в последнее десятилетие радио и телевидение перешло на цифровое вещание, и соответственно архив стал также носить цифровой характер. Для успешного осуществления данного проекта требуется привлечение материалов республиканского телевидения,

которые предстоит конвертировать из аналогового в цифровой. Звуковой файл должен иметь формат WAVE, поскольку он не нарушает частоту звукового материала и сохраняет его характеристики. Подобные звуковые файлы можно использовать даже для изучения фонетических особенностей речи, не говоря о том, что он может выступать в качестве материала для исследования остальных уровней системы.

Создание устного подкорпуса — одна из главных задач лингвистов, поскольку калмыцкий язык как средство познания и коммуникации находится на грани исчезновения и объема записанного материала принципиально недостаточно, а также он не пригоден для изучения языка на фонетическом уровне. Если структуру языка можно восстановить из письменных текстов, то произношение, артикуляцию и так называемые «живые» процессы устной речи невозможно реконструировать по письменным текстам.

Имеющийся записанный материал можно разделить на две группы:

публичная речь, в которой можно выделить подготовленную и неподготовленную:	непубличная речь, речь в том виде, в которой она реально функционирует в обществе:
беседа, встреча с читателями, встреча со слушателями, дискуссия, доклад, интервью, комментарий (напр. спортивный), конференция, круглый стол, лекция, пересказ, пресс-конференция, рассказ, репортаж, речь	монолог; беседа; микродиалог: в библиотеке, домашний; разговор: деловой, воспоминание, телефонный; пересказ: разговора, телепередачи; рассказ; спор и пр.

Если первый блок (публичной речи) в той или иной мере существует (необработанный, нерасшифрованный, но он есть), то второй блок отсутствует: нет записей, предназначенных для лингвистического исследования с соблюдением требования разнообразия коммуникативных ситуаций и коммуникативных сценариев⁹, балансировки материала по социальным признакам информантов. С учетом того, что с каждым днем количество говорящих уменьшается,

то, представляется необходимым направить все усилия на создание второго блока, при этом проблема балансировки материала по социальным критериям уже существует, и тем или иным способом решить ее невозможно: процентное соотношение групп по возрастному признаку отражает реальную языковую ситуацию, сложившуюся в Республике Калмыкия. Записывать речь старшего поколения калмыков, которое в совершенстве владеет калмыцким языком, следует и

⁷ В 1967 г. было завершено строительство телецентра в Элисте, первый пробный эфир состоялся 5 ноября 1967 г., а регулярное телевещание началось с 7 ноября [История ТВ Калмыкии].

⁸ Радио Калмыкии начало свое вещание в 1935 г. На этом этапе Калмыцкое радио активно сотрудничало с поэтами Х. Сян-Белгиным, С. Каляевым и др., которые выступали с чтени-

ем своих стихов, звучали песни в исполнении артистов. Сегодня в архивных фондах радио хранятся многочисленные записи тех лет [История радио Калмыкии].

⁹ Под коммуникативным сценарием понимается модель, описывающая нормальную последовательность событий в частном контексте [Shank, Abelson 1977: 248].

по другой причине: скоро их сменит поколение, не владеющее языком в той степени, в которой знает его предыдущее поколение.

При каталогизации записей устной речи требуется учитывать и тематический аспект, характеристику коммуникантов, если таковые имеются, описание звукового файла с указанием качества записи и возможности быстрой расшифровки, а сама структура метаописания должна повторять основные принципы метаразметки художественных текстов: социальные характеристики информанта. Тематический критерий нужен для быстрого поиска необходимых материалов и его отбора и др.

Устный подкорпус калмыцкого языка можно будет использовать в преподавании разных лингвистических дисциплин как для школьников, так и для студентов-филологов. Данный подкорпус — это реализация реконструкции живой калмыцкой речи, демонстрирующей разные речевые процессы.

Обучающий подкорпус. С учетом опыта функционирования обучающего корпуса русского языка [Добрушина 2005; 2009; Савчук, Сичинава 2009; Образовательный портал Национального корпуса русского языка] предлагается создание обучающего подкорпуса калмыцкого языка со снятой омонимией, разметка которого будет ориентирована на школьную программу калмыцкого языка, т. е. грамматическая информация будет соответствовать современной школьной программе (например, будут использоваться традиционные лингвистические термины). Предполагается, что, помимо текстов со стандартной грамматической разметкой, обучающий подкорпус калмыцкого языка представит возможность создания упражнений по темам школьной программы и для организации самостоятельной работы школьников и студентов (склонение существительных, спряжение глаголов, образование причастий и деепричастий и др.).

В обучающий подкорпус войдут только те произведения, которые проходят в школе, предполагается, что часть литературных и фольклорных произведений будет доступна для чтения в свободном доступе. Другим критерием для отбора произведений будет выступать степень их кодифицированности, поскольку в школе преподавание ориентировано на литературный язык. В меньшей степени будут представлены диалектные тексты, которые знакомят тех, кто изучает калмыцкий язык, с диалектными особен-

ностями языка. К тому же тексты следует подбирать по разным тематикам для того, чтобы было представлено все лексическое многообразие калмыцкого языка, а это, как известно, самое сложное в обучении иностранному языку, каковым сейчас является калмыцкий язык для большинства детей. Следовательно, в обучающем подкорпусе должны быть представлены упражнения на базе предложений не только грамматического, но и лексического характера, направленных на закрепление материала, пройденного самостоятельно или с учителем.

Первоначально в обучающий подкорпус калмыцкого языка будут включены несложные упражнения, например: найти в тексте причастие, определить главные и второстепенные члены и т. д. В подкорпус войдут инструкции для учителей по составлению упражнений, а также будут проведены специальные обучающие семинары.

Параллельный подкорпус. Этот подкорпус имеет большое значение для возрождения калмыцкого языка в обществе: большинство детей в основном сначала овладевают русским языком, который становится первичным языком. В процессе изучения языка школьники и студенты опираются на знания первичного языка и изучают калмыцкий язык сквозь призму русского языка, который относится к другому типу — флективному, со свободным порядком слов в предложении. Важно создать ресурс, который поможет сопоставить два структурных языка и вывести соответствия на лексико-грамматическом уровне.

Структура параллельного подкорпуса как самостоятельного модуля в корпусе предварительно будет следующей: русский → калмыцкий, калмыцкий → русский, калмыцкий → английский, монгольский → калмыцкий, калмыцкий → монгольский. Текстов, переведенных с бурятского или на бурятский, пока еще не было обнаружено.

Все тексты требуется отсканировать и распознать, что несколько задерживает работу. В случае с первым модулем русский → калмыцкий гораздо легче, так как требуется распознать только калмыцкие тексты, тексты же на русском языке доступны из Интернета. В остальных модулях сканируются и распознаются книги и с той, и с другой стороны (переводные тексты и тексты-оригиналы). В корпусе переводов с монгольского на калмыцкий пока не найдены их оригина-

лы. Электронных копий переводных текстов крайне мало. Некоторые из них были представлены Р. М. Ханиновой, за что мы выражаем ей огромную благодарность.

В связи с описанными трудностями работа по созданию параллельного подкорпуса была начата с первого модуля. Отсканирована и распознана большая часть переводных произведений: это в основном классическая литература, а также литература социалистического периода. Все эти тексты прошли первичную обработку.

Первым текстом, который был выровнен по предложениям, стала повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка», она была выбрана по нескольким причинам как субъективного, так и объективного характеров: во-первых, произведение небольшое по своему объему (чуть менее 29 500 словоупотреблений), во-вторых, язык повести относится к классическому периоду, в-третьих, быт периода, который описывается в тексте А. С. Пушкина, не характерен для калмыцкого общества того времени (многих лексических единиц до сих пор нет в системе языка), в-четвертых, имя А. С. Пушкина пользуется особой любовью калмыцкого народа.

Диалектный подкорпус. Диалектная система калмыцкого языка представляет собой совокупность трех территориально-языковых разновидностей: дербетского, бузавского и торгутского говоров [Кичиков 1963; Бардаев 1985; Убушаев 2006 и др.]. Создание диалектного подкорпуса в Национальном корпусе калмыцкого языка даст возможность сравнивать диалекты с литературным калмыцким языком, в частности, позволит выяснить соотношение частотности диалектных явлений, а также изучать их грамматические свойства и т. д.

Проанализировав исследования по созданию и развитию диалектных корпусов [Летучий 2005; 2009; Крючкова, Гольдин 2008; 2011; Некрасова 2009; Юрина 2011], можно выделить два вида диалектных корпусов: 1) информационно-справочная система, где целью аннотирования является выделение ненормированных языковых фактов в текстах; 2) информационно-справочная система, содержащая диалектные тексты в фонетической транскрипции. Первый тип не интересен диалектологам, поскольку этот материал, в котором тот или иной лингвист уже констатировал наличие диалектных явлений. Второй, напротив, является материалом, который еще не изучен ни в каких-либо аспектах

и который может быть источником для уточнения сведений по уже известным фактам и для изучения новых диалектных явлений, характерных для определенной территориальной разновидности языка.

Было решено, что в основном подкорпусе будут помечаться особенности диалектной системы, поскольку на данный момент в нашем распоряжении находятся только письменные тексты, в которых можно найти большое количество примеров отступлений от нормы: важно обозначить эти некодифицированные элементы калмыцкого языка, чтобы пользователь видел проявление нормы и узуса. Конечно, тем самым сузится поле для исследователей, прежде всего для диалектологов. Если в диалектном подкорпусе Национального корпуса русского языка выбирается морфологически ориентированная стратегия: «отмечаются только те отличия от литературного языка, которые имеют отношения к грамматике или отражаются на грамматических особенностях» [Летучий 2005: 217], то в калмыцком языке невозможно избрать только данную стратегию, поскольку большинство диалектных различий приходится на фонетику и лексику. Морфологических особенностей не так много, хотя они имеются. Например, при выделении словоизменительных классов помечались диалектные варианты словоизменений (см. подробнее [Куканова 2012a]). Так, плюральный аффикс *-дуд/дүд*, который является составным (*-д + -уд/үд*), встречается в торгутском диалекте и образует множественное число у существительных на неустойчивый *-н*, когда в литературном языке у таких слов исчезает *-н* и присоединяется аффикс *-д* [Убушаев 2006: 7]. Были выделены три типа диалектных особенностей в калмыцком языке:

- 1) *dialfon* — особенности на фонетическом уровне, отражающиеся в письменной форме;
- 2) *diallex* — особенности на лексическом уровне;
- 3) *dialmorf* — особенности на морфологическом уровне.

Для каждого говора введен индекс: Т — торгутский, Д — дербетский, В — бузавский. Пометы *dialfon* и *dialmorf* конкретизируются: указывается, в чем состоит диалектная особенность (подробнее см. примеры разметки в: [Куканова, Очирова 2012]).

В перспективе отдельно будет создаваться диалектный подкорпус, основан-

ный на фонетических расшифровках. Расшифровка будет представлена по правилам Международного фонетического фонда, что, следовательно, сделает доступными диалектные тексты как для отечественных, так и зарубежных исследователей. В архивах Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН содержится большое количество аудиозаписей, однако они не расшифрованы в нужном для диалектологов виде. Требуется разработка инструкции по расшифровке звукового материала и программа записи текстов. Видимо, следует записывать тексты на заданные темы, чтение текстов не является достоверным материалом в этом случае, поскольку письменный текст оказывает большое влияние на читающего. В текстах-монологах на заданную тему можно получить относительно чистый материал для изучения диалектных черт, поскольку говорящий чувствует определенную свободу в порождении текста, а одна и та же тема позволит сравнивать одинаковые элементы в речи носителей.

Фольклорный подкорпус. Данный подкорпус будет состоять из прецедентных текстов — фольклорных произведений, являющихся неотъемлемой составляющей духовного наследия калмыцкого народа. В них отражены древнее мировоззрение и мироощущение народа, наивная картина мира во всех своих категориях, универсалиях и специфических чертах, например понятия времени и локации, персональности и движения и многое другое. Фольклор во всем своем многообразии жанров являет собой яркий образец метафоричности языка и содержит элементы архаики, по этой причине (и не только), представляется важным включение фольклорных произведений в Национальный корпус калмыцкого языка.

Создана структура базы данных, в которой отражено метаописание фольклорных текстов [Куканова 2012б]. Эта база данных носит не собственно лингвистический характер, а направлена прежде всего на сохранение фольклорного наследия калмыцкого этноса, поэтому специально рассматривать этот подкорпус в данной статье мы не будем.

Корпус «ранних» текстов. Этот модуль является одним из самых трудновыполнимых по нескольким причинам: в первую очередь отсутствуют тексты на «тодо бичиг», из которых можно было бы получить объемный словарь грамматических форм; отсутствует юникодовая кодировка

всех графем, пишущихся в середине и в конце слова; отсутствует поддержка вертикального письма в текстовых редакторах; отсутствует распознающая программа, которая бы облегчила подготовку текстов на «тодо бичиг» [см. подробно Бембеев 2012а; 2012б].

Тем не менее было принято решение транслитерировать тексты на латиницу, кроме этого, ведется работа по созданию грамматического словаря старокалмыцкого языка: сейчас сформирован словник, состоящий из материалов двух словарей [см. подробно Мулаева 2012; Очирова 2012]. Работа по созданию корпуса «ранних» текстов необходима для реконструкции старокалмыцкого языка: этот период не исследован системно и глубоко, изучены лишь отдельные факты и жанры текстов (в частности [Сусеева 2003; Гедеева 2004]).

Д. А. Павлов выделяет три этапа в становлении современного калмыцкого языка. Второй этап делится на два: конец XIV и до первой половины XVII вв. и вторая половина XVII в. до 1917 г. [Павлов 2000]. В архивах содержатся памятники XVII в. и начала XX в. Период достаточно большой, что привело нас к разграничению его на составляющие: материал собирается по каждому веку отдельно. По жанровой представленности говорить пока еще рано, но очевидно, что это письма, историко-литературные памятники, религиозные произведения разных жанров (притчи, хождения, трактаты и т. д.).

Синтаксический подкорпус. Существует два вида синтаксического корпуса: 1) корпус, разметка в котором основана на выделении синтаксических ролей и характеристике словосочетания, клаузы, предложения с различных точек зрения (см., например, корпус ХАНКО [Копотев, Мустойоки 2003]); 2) синтаксически и семантически аннотированный корпус (основан на теории Смысл ↔ Текст, разработанной И. А. Мельчуком [1999]). В последнем представлено дерево зависимостей [Апресян и др. 2005].

На наш взгляд, было бы интересно приложить к нашему проекту теорию Смысл ↔ Текст и разработать синтаксически и семантически аннотированный корпус. Корпус будет, скорее всего, небольшим по своему объему, так как это один из самых сложных и трудновыполнимых проектов.

Морфемный подкорпус. Это один из наиболее интересных проектов для изучения морфемного состава калмыцкого слова.

Данный подкорпус позволит исследовать структуру агглютинативного слова на основе корпусного подхода и создать описание значений морфем, начиная с частотных и заканчивая нечастотными элементами. Поскольку калмыцкий язык относится к монгольской группе языков, то гипотетически будет несложно технически реализовать эту задачу. В связи с этим необходимо будет создать словарь морфем и словарь слов с морфемным членением. В качестве исходного материала будет выступать словник из грамматического словаря, основанный в свою очередь на словнике Калмыцко-русского словаря под ред. Б. Д. Муниева [1977].

Структура первого словаря должна выглядеть следующим образом (см. таблицу 1):

- 1) ID;
- 2) морфема;
- 3) тип морфемы:
  - корень;

- аффикс;
- 4) производящая основа и производная основа:

- аффикс, образующий глагол от глагольной основы;
- аффикс, образующий глагол от основы прилагательного;
- аффикс, образующий глагол от основы существительного;
- аффикс, образующий глагол от основы числительного;
- аффикс, образующий глагол от основы идеофонов;
- аффикс, образующий имя прилагательное от основы существительного;
- аффикс, образующий имя существительное от глагольной основы;
- аффикс, образующий наречия от основы имени существительного, и др.

Структура второго словаря будет состоять из: 1) ID; 2) слово; 3) часть речи; 4) структура слова (см. таблицу 2).

Таблица 1. Структура словаря морфемного членения слов калмыцкого языка

ID	Морфема	Тип морфемы	Производящая основа	Производная основа	Пример
1	-лһн	Aff	V	N	уми-лһн 'чтение'
2	-лһ	Aff	V	N	ав-лһ 'взятка'
3	-ч	Aff	N	N	укр-ч 'пастух'
4	-ач	Aff	V	N	уми-ач 'читатель'
5	-эч	Aff	V	N	бич-эч 'писатель'

Таблица 2. Структура словаря морфем калмыцкого языка

ID	WORD	POS	StrWord
22639	чидл	N	чид-л
24304	эвцлһн	N	эвц-лһн
3726	бүсл-	V	бүс-л-

Оговоримся сразу, аффиксы залога также будут рассматриваться в морфемном словаре, поскольку данные форманты обладают и словообразовательной функцией. Помимо этого, нужно также создать свод морфонологических правил, которые действуют на стыке аффиксов, а также корни и аффиксов, регулируя соединение морфемных элементов в слове.

Таким образом, создание и разработка морфемного подкорпуса имеет большое значение, поскольку традиционно считается, что агглютинативные языки рассматриваются как языки с традиционно бедной морфонологией [Грунтов 2006: 148]. Исследования С. А. Крылова на примере халха-монгольского языка доказали, что агглютинативные языки обладают богатыми

морфонологическими процессами, начиная с различных видов фузии и заканчивая явлениями супплетивизма [Крылов 2004]. Поскольку халха-монгольский и калмыцкий языки родственны, то можно предположить, что различные морфонологические процессы на стыке морфем характерны и для калмыцкого языка. К тому же «...морфонология, являющаяся <...> связующим звеном между фонетикой и морфологией, призвана благодаря такому своему положению в системе грамматического описания дать всеобъемлющую характеристику каждого языка. Возможно, что при установлении языковых типов с морфонологических позиций как раз и откроется возможность для создания рациональной типологической классификации языков земного шара» [Трубецкой 1967: 119].

Поэтический подкорпус. Поэтические тексты, наравне с прозаическими, диалектными, фольклорными, являются весьма важными источниками изучения калмыцкого языка. Поэтический подкорпус калмыцкого языка во многом ориентирован на разработки, предложенные в работе [Гришина и др. 2009]. Создатели Национального корпуса русского языка отмечали важность присутствия в нем представительного электронного массива поэтических текстов. Сложность разметки этих текстов была причиной того, что работа над поэтическим корпусом началась не сразу, а лишь после того, как основной корпус (прозаические художественные и нехудожественные тексты) достиг более ста миллионов словоупотреблений и основные принципы метатекстовой и морфологической разметки стали более ясны [Гришина и др. 2009: 72].

Данный подкорпус весьма важен для изучения ритмико-мелодической системы языка, его потенциала. Тем не менее необходимо сначала исследовать ритмику и мелодику стихотворной калмыцкой речи, по этой причине данный подкорпус по приоритетности стоит на последнем месте. Помимо морфологической и семантической разметки, тексты будут сопровождаться и специальной разметкой, отражающей особенности ритмико-тонической организации стихотворения.

На данном этапе можно выявить только особенности структурной организации строфы и рифмы. В первом случае классификация опирается на классические литературоведческие работы по стихосложению:

[Гаспаров 2001]. Рифмовка в калмыцком поэтическом произведении оригинальна, поскольку строки рифмуются не только по концу, но и по началу строки.

В рамках работы над проектом будут размечены поэтические произведения калмыцких авторов по трем периодам: 1) 1920–1940-е гг., ранняя советская поэзия; 2) 1957–1980-е гг. и 3) 1990–2000-е гг., современная поэзия. Обращение к творчеству поэтов разных периодов позволит специалистам, работающим с литературными поэтическими текстами, существенно уточнить ряд особенностей литературы рассматриваемых периодов.

Подкорпус названий. Заголовки — «это тексты второго порядка: метатекст по отношению к основному тексту и одновременно просто текст как таковой и небольшого объема» [Гришина 2005: 246]. Однако под названиями мы понимаем только заголовки текстов, в отличие от Е. А. Гришиной, которая включает следующие объекты:

- названия артефактов: заголовки текстов и ярлыки (названия учреждений, объектов культуры и т. д.);
- названия природных объектов [Гришина 2005: 244].

Всевозможные онимы в корпусе получат свою разметку при семантическом аннотировании, система которой разрабатывается в настоящий момент. Материалом послужит созданная база данных MetaKT, объем которой уже репрезентативен для проведения исследований по заголовкам текстов, написанных на калмыцком языке, при этом она постоянно пополняется новыми материалами.

Метаописание для данного подкорпуса строится на тех же самых принципах и, более того, содержится в той же самой базе данных. Перспективы использования данного проекта достаточно широки, и его можно реализовывать параллельно с другими модулями, поскольку текстовый материал и метаразметка уже готовы.

Таким образом, Национальный корпус калмыцкого языка будет состоять из нескольких модулей, о которых было сказано выше, однако его разработчики не забывают о приоритетности отдельных его модулей, поскольку необходимость создания некоторых диктуется самой языковой ситуацией, актуальностью создания «Академической грамматики калмыцкого языка» на основе корпусного подхода, как правило, учитыва-

ющего все стороны и сферы языка. В силу этого приоритетными являются основной, устный, параллельный и обучающий подкорпусы.

Понятно, что на создание последних четырех потребуется гораздо больше усилий и затрат, чем на первый. Но, с другой стороны, для реализации основного подкорпуса нужно выполнить много «ручной» работы, а именно филологической выверки большого массива текстов, их орфографической унификации (о специфике унификации см. выше), данную работу можно лишь частично автоматизировать. Поэтому совершенно ясно, что в ближайшие годы разработка подкорпусов будет вестись выборочно и, конечно, будет во многом зависеть от потребностей языкового общества. Реализация проекта «Национальный корпус калмыцкого языка» позволит решить множество лингвистических задач¹⁰, которые на начальном этапе создания корпуса еще даже сложно очертить и объективно оценить. В лингвистике первый этап всегда самый сложный, трудоемкий и занимающий много времени, но результаты подготовки материала для корпуса позволят сэкономить время и усилия для будущей исследовательской работы.

Литература

- Schank R. C., Abelson R. P.* Scripts, Plans, Coals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Ass., 1977. 248 p.
- Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л., Санников А. В., Санников В. З., Сизов В. Г., Цинман Л. Л.* Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка 2003–2005 гг. (результаты и перспективы). М.: Индрик, 2005. С. 193–214.
- Бардаев Э. Ч.* Материалы к калмыцко-русскому и русско-калмыцкому словарю лингвистических терминов. Элиста: КИГИ РАН, 2007. 102 с.
- Бардаев Э. Ч.* Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 154 с.
- Бембеев Е. В.* Коллекции рукописей на старокалмыцком (ойратском) языке XVII–XIX вв. в свете компьютерной обработки: постановка проблемы // Информационные технологии и письменное наследие. El'Manuscript-2012: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.). Петрозаводск, Ижевск, 2012а. С. 31–34.
- Бембеев Е. В.* Опыт квантитативной обработки текста на старокалмыцком языке: количественные характеристики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 2. С. 163–168.
- Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. Изд. 2-е (доп.). М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
- Гедеева Д. Б.* Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.) / отв. ред. Э. У. Омакаева. Факсимиле писем. Изд. текстов, введение, транслитер., пер. со старокалм. на совр. калм. яз., сл. / Д. Б. Гедеева. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 196 с.
- Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В.* Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.
- Гришина Е. А.* Два новых проекта для Национального корпуса: мультимедийный подкорпус и подкорпус названий // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 233–250.
- Грунтов И. А.* Рец. на кн.: Крылов С. А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 1. Морфемика. Морфонология. Элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей) // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 148–150.
- Добрушина Н. Р.* Как использовать Национальный корпус русского языка в образовании? // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 308–329.
- Добрушина Н. Р.* Корпусные методики обучения русскому языку // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 335–352.

¹⁰ Надо сказать, что выполнение проекта выходит за пределы только лингвистических задач (см. к примеру фольклорный или обучающий подкорпус, на основе которых в первом случае можно исследовать проблемы фольклористики, а во втором — проблемы методики преподавания калмыцкого языка в условиях его исчезновения).

- История радио Калмыкии* [электронный ресурс] // URL: http://vesti-kalmykia.ru/tv_history.html копия (дата обращения: 27.08.2012).
- История ТВ Калмыкии* [электронный ресурс] // URL: http://vesti-kalmykia.ru/tv_history.html (дата обращения: 27.08.2012).
- Калмыцко-русский словарь* / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Кичиков А. Ш.* Дербетский говор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.; Элиста, 1963. 26 с.
- Копотев М. В., Мустайоки А.* Принципы создания Хельсинского аннотированного корпуса русских текстов (ХАНКО) в сети Интернет // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информативные процессы и системы. 2003. № 6. С. 33–37.
- Корсункиев Ц. К.* Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь: Медицина. Элиста: КИГИ РАН, 1992. 190 с.
- Краткий словарь общественно-политических терминов калмыцкого языка.* Элиста, 1968. 88 с.
- Крылов С. А.* Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 1. Морфемика. Морфонология. Элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей). М.: Вост. лит., 2004. 479 с.
- Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е.* Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/36.pdf> (дата обращения: 30.08.2012).
- Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е.* Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/41.htm> (дата обращения: 30.08.2012).
- Кузьмин Е. И.* Сохранение языкового и культурного разнообразия в России: проблемы и перспективы // Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве: мат-лы Междунар. конф. (Якутск, 2–4 июля 2008 г.). М.: МЦБС, 2010. С. 40–51.
- Куканова В. В.* Словоизменяемые типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 168–177.
- Куканова В. В.* Фольклорный подкорпус: проблемы, структура и перспективы использования // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: Мат-лы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 192–197.
- Куканова В. В., Очирова Н. Ч.* Общее или индивидуальное, норма или узус в Национальном корпусе калмыцкого языка: к постановке проблемы // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XII Регион. конф. (Уфа, 27–28 ноября 2012 г.). Уфа: УНЦ РАН, 2012. С. 90–94.
- Летучий А. Б.* Диалектный корпус: состав и особенности разметки // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 114–128.
- Летучий А. Б.* Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 215–232.
- Манджикова Б. Б.* Калмыцко-русский терминологический словарь: флора и фауна. Элиста: КИГИ РАН, 2007. 95 с.
- Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. I–XXII, 346 с. (Сер. Язык, семиотика, культура).
- Мулаева Н. М.* Русско-калмыцкий словарь Пармена Смирнова как источник изучения лексики калмыцкого языка // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: Мат-лы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 187–191.
- Некрасова Г. А.* Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Языковая палитра. 2010. С. 13–16.
- Образовательный портал Национального корпуса русского языка* [электронный ресурс] // URL: <http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?o> (дата обращения: 20.08.2012).
- Овсянникова М. А.* Грамматические показатели калмыцкого языка // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2009. Т. V, ч. 2). СПб.: Наука, 2009. С. 866–872.

- Очир-Гаряев В. Э.* Калмыцко-русский и русско-калмыцкий словарь терминологический словарь: Агрономия. Элиста: КИГИ РАН, 1990. 85 с.
- Очир-Гаряев В. Э.* Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь: Рыбное хозяйство. Элиста: КИГИ РАН, 1995. 64 с.
- Очир-Гаряев В. Э.* Калмыцко-русский, русско-калмыцкий терминологический словарь: Народное образование. Элиста: КИГИ РАН, 1996. 91 с.
- Очирова Н. Ч.* «Ранние» словари калмыцкого языка и современные информационные технологии // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: Мат-лы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 183–186.
- Павлов Д. А.* Формирование и развитие калмыцкого национального литературного языка // Павлов Д. А. Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. Сб. науч. ст. Изд. 2. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2000. С. 17–37.
- Савчук С. О., Сичинава Д. В.* Обучающий корпус русского языка и его использование в преподавательской практике // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 317–334.
- Сусеева Д. А.* Письма Аюки-хана и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 423 с.
- Трубецкой Н. С.* Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 115–119.
- Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.
- Юрина Е. А.* Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 58–63.

**СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
В СВЕТЕ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА
(на примере имени существительного) – II ***

В. В. Куканова

Неизменяемая основа

I. Парадигмы, в которых основа слова неизменяема.

К данной группе слов относится подавляющее количество лексических единиц словника Калмыцко-русского словаря. Их можно подразделить на вокалический и консонантный подтипы.

Вокалический подтип. К этому подтипу относятся только слова, которые формально заканчиваются на гласную букву. Что касается группы слов, которые имеют в качестве финали «неясный» гласный, то они будут рассматриваться в группе слов консонантного подтипа. Основа может заканчиваться на любые гласные буквы (-а, -э, -и, -е, -о, -у, -ү, -ы, -ю, -я).

Дифференциальным признаком парадигм внутри вокалического подтипа является количество слогов в слове (ср.: в «Грамматике калмыцкого языка» также указывается, что только к многосложным существительным присоединяется аффикс -н в родительном падеже [Грамматика...

1983: 105]). Парадигмы, входящие в вокалический подтип, различаются только по показателю родительного падежа (Gen): *N-Г/нр* и *N-Г/с* имеют аффикс -н, а *N-Г/Инр* и *N-Г/Ис* — -ин. Интерфиксация в интервокальной позиции происходит в следующих случаях: *N-Г/нр* и *N-Г/с* — в Inst, Abl и Dir, *N-Г/Инр* и *N-Г/Ис* — в Gen, Inst, Abl и Dir (см. табл. 6¹).

Слова, которые заканчиваются на -ю, -я, -о, как правило, присоединяют аффикс множественного числа -с. Плюральный аффикс у группы слов, заканчивающихся на остальные буквы, варьируется (-с или -нр). Последний используется для образования множественного числа у слов, обозначающих профессию или родственные отношения: *каа* 'телохранитель' — *каанр* 'телохранители' (*N-Г/Инр*). Слова, обозначающие родственные отношения, могут присоединять и аффикс -с: *баажэ* 'отец; дядя; старший брат' — *баажэс* 'отцы; дяди; старшие братья'. Основная группа слов принадлежит к *N-Г/с*.

¹ Нумерация таблиц продолжающаяся.

Таблица 6. Парадигмы вокалического подтипа с неизменяемой основой

Падеж	<i>N-Г/нр</i>		<i>N-Г/с</i>	
	М	Т	Т	М
Nom	<i>кеедэ-Ø</i>	<i>залху-Ø</i>	<i>ноха-Ø</i>	<i>дөрэ-Ø</i>
Gen	<i>кеедэ-н</i>	<i>залху-н</i>	<i>ноха-н</i>	<i>дөрэ-н</i>
Dat	<i>кеедэ-д</i>	<i>залху-д</i>	<i>ноха-д</i>	<i>дөрэ-д</i>
Acc	<i>кеедэ-г</i>	<i>залху-г</i>	<i>ноха-г</i>	<i>дөрэ-г</i>
	<i>кеедэ-Ø</i>	<i>залху-Ø</i>	<i>ноха-Ø</i>	<i>дөрэ-Ø</i>
Inst	<i>кеедэ-н-эр</i>	<i>залху-н-ар</i>	<i>ноха-н-ар</i>	<i>дөрэ-н-эр</i>
Com	<i>кеедэ-лэ</i>	<i>залху-ла</i>	<i>ноха-ла</i>	<i>дөрэ-лэ</i>
Ass	<i>кеедэ-тэ</i>	<i>залху-та</i>	<i>ноха-та</i>	<i>дөрэ-тэ</i>
Abl	<i>кеедэ-н-эс</i>	<i>залху-н-ас</i>	<i>ноха-н-ас</i>	<i>дөрэ-н-эс</i>
Dir	<i>кеедэ-н-ур</i>	<i>залху-н-ур</i>	<i>ноха-н-ур</i>	<i>дөрэ-н-ур</i>

* Данная работа является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» (2012. № 2. С. 168–177), в которой содержится полный список литературы по данной теме.

Падеж	<i>N-Г/Inp</i>	<i>N-Г/Is</i>
Nom	<i>каа-Ø</i>	<i>аю-Ø</i>
Gen	<i>каа-һ-ин</i>	<i>аю-һ-ин</i>
Dat	<i>каа-д</i>	<i>аю-д</i>
Acc	<i>каа-г</i>	<i>аю-г</i>
	<i>каа-Ø</i>	<i>аю-Ø</i>
Inst	<i>каа-һ-ар</i>	<i>аю-һ-ар</i>
Com	<i>каа-ла</i>	<i>аю-ла</i>
Ass	<i>каа-та</i>	<i>аю-та</i>
Abl	<i>каа-һ-ас</i>	<i>аю-һ-ас</i>
Dir	<i>каа-һ-ур</i>	<i>аю-һ-ур</i>

Консонантный подтип. Группа слов, входящая в этот подтип, может заканчиваться на согласный звук или «неясную» гласную, которая не обозначается на письме, что создает определенные трудности в идентификации последних. Если слова заканчиваются на гласную, как правило, долгую, то их легко можно определить, но когда дело касается выделения группы слов, в которых не пишется «неясный» гласный на конце и которые формально заканчиваются на согласную, то определить их можно только механически (т. е. вручную) или частично автоматически (на основе транскрипции), которая приведена в Калмыцко-русском словаре [1977], что мы и сделали. Сразу оговоримся, что данная упрощенная транскрипция, используемая в словаре, не полностью отражает наличие «неясных» гласных, поэтому привлекались и другие источники [Павла 1973; Тодаева 2001; Орфографические правила ... 2000]. Были определены финалы слов, которые влияют на присоединение определенных падежных аффиксов. В данную группу вошли слова, заканчивающиеся на *-н*, *-р*, *-г*, *-в* и *-д*. При помощи фильтрации были выделены и проверены данные лексические единицы по всем четырем словарям (в качестве нормативных словарей выступали: [Тодаева 2001; Орфографические правила ... 2000]). В случае несовпадения отображения на письме «неясных» гласных звуков произношение уточнялось у информантов, носителей калмыцкого языка.

Слова, которые заканчиваются на *-н*, могут иметь различную структуру конца слова: ГС^нА и СС^нА, однако этот факт не влияет на присоединение специфических падеж-

ных показателей к основе слова, поэтому их можно объединить в один тип — *N-С^нА(S^н)*. Наличие различного плюрального аффикса (*-с*, *-муд*) образует частные парадигмы. В большинстве случаев присоединяется аффикс *-с* для образования множественного числа.

Заметим, что присоединение аффикса *-нр* невозможно. Видимо, здесь действует правило на ограничение сочетаемости согласных звуков, которые по своим характеристикам полностью или частично сходны. Например, слово, которое заканчивается на *-н^н*, присоединяет аффикс *-нр*, произносящийся как [n^нɹ], в результате чего может появиться два возможных сочетания: 1) сонорный+(гласный?)+сонорный+«неясный» гласный+сонорный или 2) сочетание сонорный+сонорный+«неясный» гласный+сонорный, сопровождающееся выпадением «неясного» гласного. По нашим наблюдениям, последнее сочетание практически невозможно в калмыцком языке, и между ними всегда существует «неясный» гласный, однако данное предположение требует эмпирических подтверждений. Первый тип сочетания, на наш взгляд, весьма сомнителен, что также требует дальнейших изысканий.

N-С^нА(S^н)/с. Данная частная парадигма объединяет слова, которые заканчиваются на *-н*, который, однако, не исчезает и к которому присоединяется плюральный суффикс *-с* (ср.: с парадигмами *N-2ГС(S^н)/д* и *N-2СС(S^н)/д*).

N-С^нА(S^н)/муд. В парадигму преимущественно входят слова, имеющие трехбуквенную структуру: СГС.

N-С^нА(S^н)/(муд/с?). Данная парадигма демонстрирует конкуренцию аффиксов,

присоединяемых к слову для образования множественного числа: «...сама по себе конкуренция различных показателей множественного числа, выбор между которыми не обусловлен регулярными морфонологическими процессами, говорит о некотором отклонении от прототипической агглютинативной модели, а также косвенно об относительно слабой грамматикализованности категории числа в калмыцком языке» [Сай 2009: 636].

Относительно ряда слов трудно сказать, могут ли они присоединять аффикс *-муд*

или *-с* (в нормативных словарях данная информация отсутствует), видимо, эти лексемы вообще не могут иметь множественного числа или уже содержат в своем значении множественность (например, *унн* 'истина, правда').

Мягкая и твердая разновидность парадигмы не отличаются в *Dat*, но все остальные падежные формы дифференцируются по мягко- и твердоярности. В *Gen* и *Acc* в твердоярности парадигм присоединяется аффикс *-ын* и *-ыг*, в мягкорядной — *-ин* и *-иг* соответственно (см. табл. 7).

Таблица 7. Парадигмы словоизменительного типа *N-CĀ(S^H)*

Падеж	<i>N-CĀ(S^H)/муд</i>	<i>N-CĀ(S^H)/с</i>	<i>N-CĀ(S^H)/муд</i>	<i>N-CĀ(S^H)/с</i>
	Т	М	Т	М
Nom	зан-Ø	төөн-Ø	бахн-Ø	күрн-Ø
Gen	зан-ын	төөн-ин	бахн-ын	күрн-ин
Dat	зан-д	төөн-д	бахн-д	күрн-д
Acc	зан-ыг	төөн-иг	бахн-ыг	күрн-иг
	зан-Ø	төөн-Ø	бахн-Ø	күрн-Ø
Inst	зан-ар	төөн-эр	бахн-ар	күрн-эр
Com	зан-ла	төөн-лэ	бахн-ла	күрн-лэ
Ass	зан-та	төөн-тэ	бахн-та	күрн-тэ
Abl	зан-ас	төөн-эс	бахн-ас	күрн-эс
Dir	зан-ур	төөн-үр	бахн-ур	күрн-үр

Словоизменительные типы *N-C(S^p)* и *N-CĀ(S^{pĀ})* объединяют слова, которые заканчиваются на графему *-р*, но в фонетическом плане финаль может быть вокалической (на «неясный» гласный) или консонантной. Это является решающим фактором в присоединении аффикса *Dat*: если слово принадлежит к *N-CĀ(S^{pĀ})*, то в дательном падеже присоединяется аффикс *-д*, а если — к *N-C(S^p)*, то *-т*.

К первой парадигме относятся слова, которые обычно заканчиваются на:

- *ур/үр* ([ur]/[ür]);
- *-вр* ([vår]/[vër]);
- *-гр* ([ger]);
- *-др* ([dår]/[dër]);
- *-жр* ([jår]/[jër]);
- *-кр* ([kår]/[kër]);
- *-мр* ([mår]/[mër]);
- *-нр* ([når]/[nër]);
- *-һр* ([ɣår]/[ɣër]);
- *-ср* ([sår]/[sër]);
- *-тр* ([tår]/[tër]);
- *-хр* ([qår]/[qër]);

- *-ур* ([cår]/[cër]);
- *-чр* ([čår]/[čër]);
- *-ьр* ([jår]);
- *-яр* ([jår]).

К первой парадигме также принадлежат заимствованные из русского языка слова, в которых отсутствует «неясный» гласный звук. Заимствованные слова присоединяют аффикс множественного числа *-муд*.

Вторая парадигма объединяет двух-, трех- и четырехбуквенные слова, а также слова более длинной структуры, финалью которых являются *-кар* (*-кар*), *-нар* (*-нар*), *-лар* (*-лар*), *-дар*, *-чар*, *-вар*. Заметим, что данная частная парадигма незначительна по своему объему: всего 69 слов.

В качестве плюрального аффикса в основном выступает *-муд* и его алломорф *-мүд*. Слова, которые присоединяют аффикс *-с* для образования множественного числа, всего два: *бөөр* 'почка' и *таглар* 'пробка'. Два других слова *теңнэр* 'чересседельник' и *эвкэр* 'сгиб; складка' для образования множественного числа могут использовать два

аффикса, которые вступают в конкуренцию, свидетельствуя о происходящей грамматикализации категории числа в калмыцком языке. Согласно нормативным словарям, только одно слово *элмр* 'негодяй, негодник, плут' может присоединять аффикс *-нр*.

Таким образом, можно выделить следующие частные парадигмы внутри словоизменительных типов (см. табл. 8):

Таблица 8. Частные парадигмы словоизменительных типов $N-C(S^P)$ и $N-C\check{A}(S^{PA})$

$N-C(S^P)$	$N-C\check{A}(S^{PA})$
$N-C(S^P)/муд$	$N-C\check{A}(S^{PA})/муд$
—	$N-C\check{A}(S^{PA})/с$
$N-C(S^P)/(муд/с?)$	$N-C\check{A}(S^{PA})/(муд/с?)$
$N-C(S^P)/нр$	—

Словоизменительные типы $N-C(S^P)$ и $N-C\check{A}(S^{PA})$ объединяют слова, которые формально заканчиваются на согласную *-з*, но дифференцируются по наличию или отсутствию «неясного» гласного звука, оказывающего влияние на присоединение некоторых падежных аффиксов. Что касается объема, то это довольно большая группа слов, являющихся как исконно калмыцкими или фонетически адаптированными, так и заимствованными лексическими единицами. Соотношение словоизменительных типов $N-C(S^P)$ и $N-C\check{A}(S^{PA})$ примерно следующее: первый тип — 94,5 %, второй — 6,5 %.

Рассмотрим первую группу слов, которые не имеют финального «неясного» гласного звука. Почти 12 % слов являются заимствованными, остальные лексические единицы по своему происхождению являются калмыцкими или фонетически адаптированными. Заимствованные слова могут принимать разные плюральные аффиксы, определенная закономерность в этом плане не выявлена, хотя существует гипотеза, которая заключается в том, что слова, которые имеют структуру *СС*, т. е. консонантную финаль, присоединяют аффикс *-с* или *-уд*, а слова, заканчивающиеся на *ГС*, — аффикс *-муд* и редко *-уд*. Ряд слов, обозначающих профессии людей, принимает аффикс *-нр*. Имеющийся текстовый материал и планируемая работа с информантами могут подтвердить или опровергнуть данное предположение.

Подобную гипотезу можно выдвинуть в отношении образования множественного

числа у исконно калмыцких или фонетически адаптированных слов, причем описанная выше тенденция в этой группе слов проявляется более отчетливо. Все односложные слова на *ГС* присоединяют аффикс *-муд*. Слова большей длины образуют множественное число при помощи аффикса *-уд* и иногда *-с*. Плюральный аффикс *-нр* практически не используется для образования множественного числа. Слова, образующие множественное число при помощи аффикса *-уд*, могут заканчиваться на:

- *-аг/-эг*;
- *-ег*;
- *-иэ*;
- *-үг/-үг*;
- *-вэ* ([vǎg]/[vǣg]);
- *-дэ* ([dǎg]/[dǣg]);
- *-жэ* ([jǎg]/[jǣg]);
- *-зэ* ([zǎg]/[zǣg]);
- *-йг* ([jǣg]);
- *-кэ* ([kǎg]/[kǣg]);
- *-лэ* ([lǎg]/[lǣg]);
- *-мэ* ([mǎg]/[mǣg]);
- *-нэ* ([nǎg]/[nǣg]);
- *-нэ* ([ɣǎg]/[ɣǣg]);
- *-пэ* ([rǎg]/[rǣg]);
- *-сэ* ([sǎg]/[sǣg]);
- *-тэ* ([tǎg]/[tǣg]);
- *-хэ* ([qǎg]/[qǣg]);
- *-чэ* ([cǎg]/[cǣg]);
- *-чэ* ([čǎg]/[čǣg]);
- *-шэ* ([šǎg]/[šǣg]);
- *-бэ* ([bǣg]).

Слова, которые заканчиваются на «неясный» звук, могут иметь в основном следующую концовку: *-нэ*, *-пэ*. Слова, которые заканчиваются на *-нэ*, всегда присоединяют показатель множественного числа *-с* (см. табл. 9).

Таблица 9. Частные парадигмы словоизменительных типов $N-C(S^P)$ и $N-C\check{A}(S^{PA})$

$N-C(S^P)$	$N-C\check{A}(S^{PA})$
$N-C(S^P)/муд$	$N-C\check{A}(S^{PA})/муд$
$N-C(S^P)/с$	$N-C\check{A}(S^{PA})/с$
$N-C(S^P)/уд$	$N-C\check{A}(S^{PA})/уд$
$N-C(S^P)/(уд/с?)$	$N-C\check{A}(S^{PA})/(уд/с?)$
$N-C(S^P)/нр$	—

Что касается падежных показателей, то словоизменительные типы $N-C(S^P)$ и $N-C\check{A}(S^{PA})$ имеют следующие аффиксы (см. табл. 10).

Таблица 10. Парадигмы аффиксов
словоизменительных типов $N-C(S^r)$ и $N-C\check{A}(S^{r\check{A}})$

Падеж	$N-C(S^r)$		$N-C\check{A}(S^{r\check{A}})$	
	М	Т	М	Т
Nom	$-\emptyset$			
Gen	$-\text{ин}$			
Dat	$-m$		$-\partial$	
Acc	$-\text{иг}$			
	$-\emptyset$			
Inst	$-\partial p$	$-ap$	$-\partial p$	$-ap$
Com	$-\text{л}\partial$	$-\text{ла}$	$-\text{л}\partial$	$-\text{ла}$
Ass	$-m\partial$	$-ma$	$-m\partial$	$-ma$
Abl	$-\partial c$	$-ac$	$-\partial c$	$-ac$
Dir	$-\nu p$	$-\nu p$	$-\nu p$	$-\nu p$

Словоизменительный тип $N-C(S^B)$ или $N-C\check{A}(S^{B\check{A}})$ преимущественно состоит из лексических единиц, которые по своему происхождению принадлежат калмыцкому языку или уже адаптированы фонологической системой языка, а также из слов, заимствованных из русского языка. Первая группа слов по своей структуре состоит из 3 и редко 4–5 графем. Заимствованные слова присоединяют аффикс множественности -с, а исконно калмыцкие или фонетически адаптированные слова — разные варианты плюрального аффикса, что зависит от семантических и структурных конститuentов слова, при этом слова трех-

буквенной структуры СГС демонстрируют конкуренцию двух аффиксов -с и -муд. Остальные лексические единицы образуют множественное число при помощи аффикса -с, за исключением слов, обозначающих одушевленные предметы.

В группе слов, которые оканчиваются на -в, фонетическая (не графическая) финаль слова играет решающую роль в присоединении того или иного аффикса Dat, «неясный» гласный, который на письме не обозначен, опять же создает трудности (см. табл. 11). Слов, которые заканчиваются на согласный звук, немного (всего 24, согласно словнику Калмыцко-русского словаря [1977]).

Таблица 10. Парадигмы аффиксов
словоизменительных типов $N-C(S^B)$ и $N-C\check{A}(S^{B\check{A}})$

Падеж	$N-C(S^B)$		$N-C\acute{A}(S^{B\acute{A}})$	
	М	Т	М	Т
Nom	$-\emptyset$			
Gen	$-ин$			
Dat	$-m$		$-\partial$	
Acc	$-и\mathcal{C}$			
	$-\emptyset$			
Inst	$-\partial p$	$-ap$	$-\partial p$	$-ap$
Com	$-\partial\mathcal{C}$	$-la$	$-\partial\mathcal{C}$	$-la$
Ass	$-m\mathcal{C}$	$-ma$	$-m\mathcal{C}$	$-ma$
Abl	$-\mathcal{C}c$	$-ac$	$-\mathcal{C}c$	$-ac$
Dir	$-\gamma p$	$-\gamma p$	$-\gamma p$	$-\gamma p$

Таким образом, можно выделить следующие частные парадигмы внутри словоизмени-

тельных типов в зависимости от присоединяемого плюрального аффикса (см. табл. 12).

Таблица 12. Частные парадигмы словоизменительных типов $N-C(S^B)$ и $N-C\check{A}(S^{B\check{A}})$

$N-C(S^B)$	$N-C\check{A}(S^{B\check{A}})$
$N-C(S^B)/c$	$N-C\check{A}(S^{B\check{A}})/c$
$N-C(S^B)/муд$	$N-C\check{A}(S^{B\check{A}})/муд$
$N-C(S^B)/(муд/c?)$	$N-C\check{A}(S^{B\check{A}})/(муд/c?)$
—	$N-C\check{A}(S^{B\check{A}})/нр$

Парадигма аффиксов следующих словоизменительных типов — $N-C(S^p)$ и $N-C\check{A}(S^{p\check{A}})$, $N-C(S^B)$ или $N-C\check{A}(S^{B\check{A}})$, $N-C(S^r)$ и $N-C\check{A}(S^{r\check{A}})$ — сходная, однако мы все же предпочли выделить их в отдельные группы, поскольку существуют определенные тенденции в присоединении плюральных аффиксов.

$N-C(S^l)$ и $N-C(S^{l\check{A}})$. К этому словоизме-

нительному типу принадлежат слова как заимствованные, так и исконно калмыцкие или фонетически адаптированные (их соотношение примерно одинаково). Это группа слов по своему объему небольшая. Финаль может носить вокалический и консонантный характер, при этом первая концовка также графически не определяема. Аффикс Dat варьируется в зависимости от фонетической концовки слова: слова, имеющие «неясный» гласный в качестве финали, имеют аффикс $-d$; а слова, заканчивающиеся на согласный, — аффикс $-m$. В твердорядных словах присоединяется аффикс $-ын$ в родительном падеже. Другими словами, падежные показатели Dat и Gen являются дифференцирующими данный словоизменительный тип от других (см. табл. 13).

Таблица 13. Парадигмы аффиксов словоизменительных типов $N-C(S^l)$ и $N-C\check{A}(S^{l\check{A}})$

Падеж	$N-C(S^l)$		$N-C\check{A}(S^{l\check{A}})$	
	М	Т	М	Т
Nom	-Ø			
Gen	-ин	-ыг	-ин	-ыг
Dat	-m		-d	
Acc	-иг	-ыг	-иг	-ыг
	-Ø			
Inst	-эр	-ар	-эр	-ар
Com	-лэ	-ла	-лэ	-ла
Ass	-тэ	-та	-тэ	-та
Abl	-эс	-ас	-эс	-ас
Dir	-ур	-ур	-ур	-ур

Плюральным аффиксом у заимствованных слов является $-муд$ и его алломорф $-муд$. Заметим, что в нормативных словарях большая часть исконно калмыцких или фонетически адаптированных существительных этого словоизменительного типа отличается тем, что они вообще не имеют четких указаний, какой аффикс использовать для образования множественного числа, или один словарь дает один вариант, а другой словарь другой, что еще раз подчеркивает малую степень грамматикализации категории числа в калмыцком языке. Следовательно, внутри данного словоизменительного типа можно выделить, в зависимости от фонетической финали и плюрального аффикса, следующие частные парадигмы (см. табл. 14).

Таблица 14. Частные парадигмы словоизменительных типов $N-C(S^l)$ и $N-C\check{A}(S^{l\check{A}})$

$N-C(S^l)$	$N-C\check{A}(S^{l\check{A}})$
—	$N-C\check{A}(S^{l\check{A}})/c$
$N-C(S^l)/муд$	$N-C\check{A}(S^{l\check{A}})/муд$
$N-C(S^l)/(муд/c)$	$N-C\check{A}(S^{l\check{A}})/(муд/c?)$
$N-C(S^l)/нр$	$N-C\check{A}(S^{l\check{A}})/нр$

$N-C(S^l)$. Данный словоизменительный тип объединяет три парадигмы, которые отличаются только плюральным суффиксом. В Nom, Dat и Acc немаркированном окончании совпадают, в остальных падежах различаются только по мягкому и твердому варианту (см. табл. 15).

$N-C(S^l)/нр$. В данную группу входят заимствованные слова (*генерал, адмирал, вас-*

сал, либерал и т. д.), обозначающие профессию, религиозную принадлежность людей, их социальное положение, принадлежность к группе лиц по политическим взглядам. Кроме указанных выше слов, к этой группе относятся лексические единицы, являющиеся по своему происхождению калмыцкими или заимствованными, но уже фонетически адаптированными и освоенными несколько столетий назад.

$N-C(S^T)/муд$. Условно данную парадигму можно поделить на две группы в зависимости от того, какая буква предшествует согласной -л: это может быть гласная полного образования или согласный с «неясным» гласным, который на письме не обозначается. Слова заканчиваются, как правило, на:

- -ал;
- -эл;
- -ул;
- -ел;
- -өл;
- -ул;
- -үл;
- -гел ([gɛl]);
- -дэл ([däl]/[dɛl]);
- -жэл ([jäl]/[jɛl]);
- -зэл ([zäl]/[zɛl]);
- -кэл ([käl]/[kɛl]);

- -лэл ([läl]/[lɛl]);
- -мэл ([mäl]/[mɛl]);
- -нэл ([ɲäl]/[ɲɛl]);
- -рэл ([räl]/[rɛl]);
- -хэл ([qäl]/[qɛl]);
- -чэл ([čäl]/[čɛl]);
- -шэл ([šäl]/[šɛl]).

Некоторые из приведенных выше финалей являются словообразовательными аффиксами. Например, -ал(-эл), -ул(-үл) в первой группе. К тому же сам -л является не только составным элементом аффиксов, например -дл, -мл, но и самостоятельным словообразовательным аффиксом, который присоединяется к глагольным основам, образуя девербативные существительные, абстрактные понятия и т. д. (см. подробнее в [Грамматика калмыцкого языка 1983: 72]).

$N-C(S^T)/с$. Склоняется только одно слово бил 'селезень', согласно нашему материалу.

$N-C(S^T)/(муд/с?)$. Согласно нормативным словарям [Павла 1973; Орфографические правила 2000] и корпусу текстов, который у нас имеется, слова, входящие в эту парадигму, могут иметь и плюральный аффикс -муд, и плюральный аффикс -с, что, видимо, является диалектной особенностью говоров или инвариантом образования множественного числа.

Таблица 15. Парадигма аффиксов словоизменительного типа $N-C(S^T)$

Падеж	$N-C(S^T)$	
	М	Т
Nom	-Ø	
Gen	-ин	-ын
Dat	-д	
Acc	-иг	-ыг
	-Ø	
Inst	-эр	-ар
Com	-лэ	-ла
Ass	-тэ	-та
Abl	-эс	-ас
Dir	-үр	-ур

Словоизменительный тип $N-C(S^T)$ является относительно большой группой (более 800 лексических единиц), объединяющей слова, которые заканчиваются на -т. Соотношение заимствованных и исконно калмыцких или фонетически адаптированных слов примерно одинаковое (52,5 % и 47,5 %). Заимствованные слова могут принимать аффиксы -муд, -нр и -с,

при этом слова, являющиеся одушевленными, присоединяют, кроме -нр, как -с, так -муд. Четкой последовательности или зависимости от определенных критериев пока выявить не удалось. Возможно, правила образования множественного числа у существительных пока только приобретают грамматический характер. Видимо, сам процесс грамматикализации некото-

рых категорий (например определенности–неопределенности; множественности; аспектуальности) еще не закончен.

Что касается исконно калмыцких или фонетически адаптированных лексических единиц, то здесь большая группа слов, образованных от глагола при помощи словообразовательного аффикса *-лт* (около 300 слов). В данной группе образование множественного числа подчинено определенному правилу: слова, которые заканчиваются на *СС*, принимают в основном аффикс *-с*, аффикс *-муд* присоединяется к словам на *ГС*. Однако существует ряд слов, которые не подчиняются данному правилу. Например, слово *арат* ‘лиса’ может образовывать множественное число при помощи *-с* и *-муд*, в собрании текстов, подготовленных для Национального корпуса калмыцкого языка, встречается и тот, и другой вариант.

Парадигма падежных аффиксов не отличается большим количеством специфических черт: только в *Gen* и *Ass* в твердорядном варианте присоединяются аффиксы *-ын* и *-ыг* соответственно. *Dat* всегда принимает падежный показатель *-д*, независимо от того, есть ли на конце «неясный» гласный звук. Таким образом, можно выделить следующие частные парадигмы внутри словоизменительного типа *N-C(S^T)*: *N-C(S^T)/муд*, *N-C(S^T)/с*, *N-C(S^T)/(муд/с?)* и *N-C(S^T)/нр*.

Словоизменительный тип *N-C(S^{Ль, Нь, Ть, Дь, Ы})* объединяет исконно калмыцкие твердорядные слова, которые формально заканчиваются на *-ь*, количество слов в словоизменительном типе не очень большое (согласно словнику Калмыцко-русского словаря [1977], 55 слов). Тем не менее они имеют особенность при словоизменении, а именно: в *Inst* присоединяется аффикс *-яр*, в *Abl* — *-яс*, в *Dir* — *-юр*. *Gen* и *Ass*, несмотря на действие закона сингармонизма, образуются при помощи *-ин* и *-иг* (см. табл. 16).

Таблица 16. Парадигма окончаний словоизменительного типа *N-C(S^{Ль, Нь, Ть, Дь, Ы})*

Падеж	<i>N-C(S^{Ль, Нь, Ть, Дь, Ы})</i>
	М
Nom	-Ø
Gen	-ин
Dat	-д
Acc	-иг
	-Ø
Inst	-яр

Com	-ла
Ass	-та
Abl	-яс
Dir	-юр

Множественное число в данном словоизменительном типе также не имеет четких правил в присоединении аффиксов. В зависимости от используемого аффикса можно выделить частные парадигмы: *N-C(S^{Ль, Нь, Ть, Дь, Ы})/с*, *N-C(S^{Ль, Нь, Ть, Дь, Ы})/муд* и *N-C(S^{Ль, Нь, Ть, Дь, Ы})/(муд/с?)*.

Отдельно выделена группа заимствованных слов, которые заканчиваются на *-нь*. Отличие частных парадигм *N-C(S^{Нь})* от предыдущей состоит в том, что в родительном падеже используется аффикс *-я* (см. таблицу 17). В качестве плюрального аффикса может выступать как *-муд*, так и *-с*, последний из которых является основным.

Таблица 17. Парадигма аффиксов словоизменительного типа *N-C(S^{Нь})*

Падеж	<i>N-C(S^{Нь})</i>
Nom	-Ø
Gen	-я
Dat	-д
Acc	-иг
	-Ø
Inst	-яр
Com	-ла
Ass	-та
Abl	-яс
Dir	-юр

Словоизменительный тип *N-C(S^М)* объединяет слова на *-м*. Это небольшая группа слов: всего 344 слова, из них 170 слов заимствованные, — т. е. их соотношение примерно одинаковое. Поскольку слова заканчиваются на *-м*, следовательно они не могут присоединять аффикс *-муд* для образования множественного числа. Заимствованные слова принимают показатель множественности *-с*. Что касается исконно калмыцких или фонетически адаптированных слов, то они образуют множественное число при помощи аффиксов *-с* и *-уд*. В некоторых случаях нормативные словари дают разные аффиксы, что еще раз свидетельствует о происходящем процессе грамматикализации категории множественности. Однако в основном присоединяется аффикс *-с*. В зависимости от используемого плюрального аффикса можно выделить следующие частные парадигмы: *N-C(S^М)/с*, *N-C(S^М)/уд*

и $N-C(S^M)/(y\partial/c?)$. Парадигма падежных аффиксов приведена в табл. 18.

Таблица 18. Парадигма аффиксов словоизменительного типа $N-C(S^M)$

Падеж	$N-C(S^M)$	
	М	Т
Nom	-Ø	
Gen	-ин	
Dat	-д	
Acc	-иг	
	-Ø	
Inst	-ар	-ар
Com	-лэ	-ла
Ass	-тэ	-та
Abl	-эс	-ас
Dir	-ур	-ур

Словоизменительные типы $N-C(S^{III})$ по своему объему одни из самых небольших: всего 47 слов на -и, из них 32 % составляют заимствованные слова. Эти слова принимают аффикс -муд, только одно заимствованное слово *немиш* ‘немец’ присоединяет аффикс -нр. Исконно калмыцкие или фонетически адаптированные слова образуют множественное число при помощи аффиксов -муд и -нр, последний из которых присоединяется к словам, обозначающим профессии людей, например *багш* ‘учитель’ и *багшинр* ‘учителя’. Можно выделить следующие парадигмы: $N-C(S^{III})/нр$, $N-C(S^{III})/муд$ и $N-C(S^{III})/(муд/с?)$.

Словоизменительный тип $N-C(S^C)$ объединяет слова на -с. Все слова, независимо от своего происхождения, принимают плюральный аффикс -муд. Заимствованные слова составляют 57 % и соответственно калмыцких слов 43 %. Независимо от того, заканчивается ли слово на «неясный» гласный, в Dat присоединяется аффикс -т.

Два последних словоизменительных типа ($N-C(S^{III})$ и $N-C(S^C)$) можно объединить в $N-C(S^{III})/нр$, $N-C(S^{III,C})/муд$ и $N-C(S^{III})/(муд/с?)$, поскольку система падежных аффиксов совпадает (см. табл. 19).

Таблица 19. Парадигма аффиксов словоизменительного типа $N-C(S^{III})$

№	Падеж	$N-C(S^{III})$	
		М	Т
	Nom	-Ø	
	Gen	-ин	
	Dat	-т	
	Acc	-иг	
		-Ø	

	Inst	-ар	-ар
	Com	-лэ	-ла
	Ass	-тэ	-та
	Abl	-эс	-ас
	Dir	-ур	-ур

$N-C(S^H)/гуд$. К этой группе относятся слова, которые не вызывают особых трудностей при словоизменении. В Gen, Ass, Inst, Abl и Dir происходит интерфиксация, причем интерфиксация отличается от позиции в интервокальной позиции, когда присоединяется -н. В данном случае в качестве интерфикса выступает -г- (см. табл. 20).

Таблица 20. Парадигма аффиксов словоизменительного типа $N-C(S^H)/гуд$

Падеж	$N-C(S^H)/гуд$	
	Т	М
Nom	аң-Ø	сөөвң-Ø
Gen	аң-г-ин	сөөвң-г-ин
Dat	аң-д	сөөвң-д
Acc	аң-г-иг	сөөвң-г-иг
	аң-Ø	сөөвң-Ø
Inst	аң-г-ар	сөөвң-г-ар
Com	аң-ла	сөөвң-лэ
Ass	аң-та	сөөвң-тэ
Abl	аң-г-ас	сөөвң-г-эс
Dir	аң-г-ур	сөөвң-г-ур

Словоизменительный тип $N-C(S^{b, \dot{y}, \dot{b}, \dot{h}, \dot{z}, \dot{ж}, \dot{ж}, \dot{к}, \dot{п}, \dot{ф}, \dot{х}, \dot{ц}, \dot{ч}, \dot{ш})}$ объединяет слова, которые заканчиваются на -й, -б, -б, -н, -з, -ж, -ж, -к, -н, -ф, -х, -ц, -ч, -ш. Это самая большая группа по той причине, что она объединяет слова с разными финалями. Необходимо отметить, что слова, которые заканчиваются на -й и -б, — это в первую очередь исконно калмыцкие мягкорядные, а также заимствованные лексические единицы, т. е. все слова, которые не вошли в словоизменительный тип $N-C(S^{b, \dot{y}, \dot{b}, \dot{h}, \dot{z}, \dot{ж}, \dot{ж}, \dot{к}, \dot{п}, \dot{ф}, \dot{х}, \dot{ц}, \dot{ч}, \dot{ш})/с$.

Что касается плюрального аффикса, то здесь существуют ограничения в сочетании звуков, например слова, которые заканчиваются на -б, не могут присоединять аффикс на -муд, поскольку фонемы <б> и <м> являются сходными по месту образования: оба звука являются губными. Все остальные слова не имеют ограничений в сочетании с аффиксами. В зависимости от плюрального аффикса можно выделить следующие частные парадигмы: $N-C(S^{b, \dot{y}, \dot{b}, \dot{h}, \dot{z}, \dot{ж}, \dot{ж}, \dot{к}, \dot{п}, \dot{ф}, \dot{х}, \dot{ц}, \dot{ч}, \dot{ш})/с$, $N-C(S^{b, \dot{y}, \dot{b}, \dot{h}, \dot{z}, \dot{ж}, \dot{ж}, \dot{к}, \dot{п}, \dot{ф}, \dot{х}, \dot{ц}, \dot{ч}, \dot{ш})/нр$, $N-C(S^{b, \dot{y}, \dot{b}, \dot{h}, \dot{z}, \dot{ж}, \dot{ж}, \dot{к}, \dot{п}, \dot{ф}, \dot{х}, \dot{ц}, \dot{ч}, \dot{ш})/с$,

$N-C(S^b, й, б, в, з, ж, ж, к, п, ф, х, ц, ч, ш)/муд$, $N-C(S^b, й, б, в, з, ж, ж, к, п, ф, х, ц, ч, ш)/(муд/с?)$, $N-C(S^b, й, б, в, з, ж, ж, к, п, ф, х, ц, ч, ш)/уд$. Система падежных аффиксов приведена в табл. 21.

Таблица 21. Парадигма аффиксов словоизменительного типа
 $N-C(S^b, й, б, в, з, ж, ж, к, п, ф, х, ц, ч)$

Падеж	$N-C(S^b, й, б, в, з, ж, ж, к, п, ф, х, ц, ч)$	
	М	Т
Nom	-Ø	
Gen	-ин	
Dat	-д	
Acc	-иг	
	-Ø	
Inst	-эр	-ар
Com	-лэ	-ла
Ass	-тэ	-та
Abl	-эс	-ас
Dir	-ур	-ур

Двойное склонение

В монгольском языкознании до сих пор еще не решен вопрос о том, является ли

двойное склонение формообразующим или словообразующим, хотя в принципе большинство ученых относит его к словообразующим [Калмыцко-русский словарь 1977: 738]. Данное склонение не имеет форм множественного числа. Основой для его образования служат формы родительного (Gen) и совместного (Ass) падежей, т. е. она может заканчиваться на -а, -э, -я, -ин, -гин, -ын, -хин, -н (Gen) и -та, -тэ (Ass). Следовательно, финаль основы может быть консонантной (-ин, -гин, -ын, -хин, -н) и вокалической (-а, -э, -я, -та, -тэ). На основе этого можно выделить два словоизменительных типа: вокалический (I) и консонантный (II), финаль является причиной появления интерфикса (-н) в интервокальной позиции или его отсутствия (образец смотри ниже в табл. 22). Отсутствуют формы именительного и родительного падежей: парадигма двойного склонения неполная. Формы Com и Ass совпадают полностью в первом и во втором словоизменительном типе, морфонологические процессы на стыке основы двойного склонения и падежного аффикса отсутствуют.

Таблица 22. Словоизменительные типы двойного склонения

№	Падеж	I			II		
		Вокалическая основа	Аффикс		Консонантная основа	Аффикс	
			М	Т		М	Т
	Nom	-а	—		-ин	—	
	Gen		—			—	
	Dat		-д			-д	
	Acc		-г			-гин	-эг
		-я			-ын	-иг	
	Inst	-та	-һәр	-һар	-һин	-әр	-ар
	Com		-лә	-ла		-лә	-ла
	Ass		-тә	-та		-тә	-та
	Abl		-һәс	-һас		-әс	-ас
	Dir		-һүр	-һур		-үр	-ур

Склонение с возвратной и лично-притяжательной частицей

Парадигма возвратного (рефлексивно-го) лично-притяжательного (поссесивно-го) склонения является неполной: отсутствуют формы Nom и Gen. Возвратная и лично-притяжательная частицы присоединяется после падежного аффикса, т. е. к концу словоформы. Парадигмы имеют

формы единственного и множественного чисел. Основой выступает падежная форма в единственном или множественном числе, но при этом конец основы заканчивается на падежный аффикс, он идет после аффикса множественного числа. Разнообразие в парадигмах не существует как в единственном, так и во множественном числе (см. табл. 23).

Таблица 23. Словоизменительные типы возвратного и поссесивного склонения

Падеж	Основа ед. числа +	Падежный аффикс+возвратная частица	
		М	Т
Dat		-т-эн -д-эн	-т-ан -д-ан
Acc		-иг -гиг -г	-иг -гиг ыг -г
Instr		-эр-н	-ар-н -яр-н
Com		-лэ-рн	-ла-рн
Ass		-тэ-һ-эн	-та-һ-ан
Abl		-эс-н	-ас-н -яс-н
Dir		-ур-н	-ур-н -юр-н

№	Падеж	Основа мн. числа +	Падежный аффикс+возвратная частица	
			М	Т
	Dat		-т-эн	-т-ан
	Acc		-иг-эн	-иг-аг -ыг-аг
	Instr		-эр-н	-ар-н
	Com		-лэ-рн	-ла-рн
	Ass		-тэ-һ-эн	-та-һ-ан
	Abl		-эс-н	-ас-н
	Dir		-ур-н	-ур-н

Результаты исследования по выделению парадигм в калмыцком языке носят предварительный характер, при расширении материала (как словника, так и языковых фактов, отраженных в текстах) они будут уточняться и дополняться. Вместе с тем выявленные словоизменительные классы позволяют создать морфологический анализатор под управлением информационной среды StarLing².

Значения используемых символов

«[ ]» — фонологическая запись; «{ }» — морфонологическая запись; «#» — нулевой знак с переменной фонологической репрезентацией; «Ø» — нулевой аффикс; «\» — знак, разделяющий альтернативные формы; «С» — любая согласная; «Г» — любая гласная; «А» — неясная гласная; «—» — отсутствие форм множественного числа.

² Информационная среда StarLing создана С. А. Старостиным (1953–2005), а позже усовершенствована Ф. С. Крыловым.

Литература

- Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Рус. яз.», 1977. 768 с.
- Орфографические правила и Орфографический словарь калмыцкого языка / отв. ред. Э. У. Омакаева; предисл. и пер. Э. У. Омакаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 480 с.
- Павла Дорж. Чикэр бичлһнэ толь. 2-гч харц. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1973. 240 с.
- Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2009. Т. V, ч. 2). СПб.: Наука, 2009. С. 622–709.
- Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / КИГИ РАН. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.

УДК 81'23
ББК 81

**КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА НА ВЗАИМОПОНИМАНИЕ
ДЛЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ
(на примере республик Российской Федерации)**

Т. Г. Мухтаров

В рамках дискуссии о правовом статусе вторых государственных языков в республиках Российской Федерации следует рассмотреть вопрос о праве коренного (титульного) народа такой республики быть понятым людьми других культур. Речь идет об одинаковом владении представителями коренного народа (титульного этноса) и остальных этнических групп языками друг друга. Не так давно достижение подобного идеала являлось лишь мечтой, не достижимой по понятным причинам.

Действительно, в России подобная постановка вопроса имеет очень небольшую историю, ведь на государственном уровне в нашей стране еще во времена СССР было провозглашено, что языком межнационального общения является русский язык, для чего вводилось его повсеместное обязательное изучение. Например, преамбула постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» гласит, что необходимость преподавания русского языка как предмета изучения в школах национальных республик и областей диктуется тем, что в условиях многонационального государства, каковым является СССР, **знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР**, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту [РГАНИ. Ф. 39. Оп. 62. Д. 8. Л. 1–6]. В постановлении нет прямых указаний на привилегированное положение русского языка, но с его практической реализации в регионах постепенно началось ограничение сфер функционирования всех родных языков нерусских граждан России.

Такое закрепление статуса русского языка было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. К числу объективных причин относится достаточно слабое тогда владение народами нашей

страны какими-либо другими языками, кроме родного и русского. Действительно, представителям многочисленных этносов, например, Дагестана будет достаточно сложно понять друг друга без использования некоего «лингва франка», каким может выступить в условиях этой многоязычной республики только русский язык. Субъективной же причиной является то, что руководители страны провозглашали приоритетной задачей создание новой общности — «советского народа». Ими предполагалось, что языком этого советского народа будет русский. Отсюда и происходило повсеместное введение преподавания русского языка, русскоязычного обучения в школах.

Нельзя не признать юридическую уязвимость правового закрепления статуса русского языка как языка межнационального общения. Такой шаг был, по нашему мнению, сделан более из-за субъективных причин (т. е. исходя из политических соображений), чем причин объективных. Исходя из реалий сегодняшнего дня, очевидно проявление низкой правовой культуры в закреплении такой правовой нормы. Дело в том, что, идя на такой шаг, государство, во-первых, вторглось в личное пространство человека. У каждого есть право на выбор в общении на том языке, который он сочтет для себя нужным. Это может быть, конечно, и русский язык, но таким языком может выступать и язык, родной для этого человека. В условиях Республики Башкортостан всегда наблюдалась и считалась нормальной ситуация, когда башкир и татарин общались между собой вовсе не на русском языке. Башкир обращался к татарину на башкирском, а татарин к башкиру — на татарском языке. Чуваш, марийцы предпочитали разговаривать с татарами на татарском языке, так же, как и с башкирами. Выходит, что в подобных случаях игнорировалось постановление о том, что языком межнационального общения должен быть русский.

Совершенно очевидно, что такая противоречивая норма вскоре потеряла свое значение. Хотя на закате СССР и был принят новый закон, по которому русский язык сохранил статус языка межнационального общения, однако в преамбуле данного закона было указано, что «настоящий Закон не регулирует использование языков народов СССР в межличностных неофициальных взаимоотношениях» [Закон СССР от 24 апреля 1990 г.].

Вскоре норма о русском языке как о языке межнационального общения была забыта и никогда больше не была воспроизведена в законах новой России. При этом в тексте закона РСФСР «О языках народов Российской Федерации» наряду с нормами, регулирующими использование языков в различных сферах, также есть норма о том, что данный закон не регулирует отношений в межличностной сфере общения [Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1]. Такая оговорка, по всей видимости, специально была предназначена для того, чтобы оградить новый закон от обвинений о вторжении в личную жизнь граждан.

Исходя из принципа справедливости, то, что происходило в СССР при взаимодействии русского языка и языков национальных меньшинств, нельзя признать приемлемым. Абсолютно невозможно оправдать ситуацию, в которой представитель коренного народа на своей территории бывает вынужден отказываться от использования родного языка в силу навязанных извне причин. Такими внешними причинами, как мы уже сказали, могут быть, во-первых, государственная пропаганда, во-вторых, порицание со стороны иноязычного окружения и, в-третьих, прямое принуждение.

Среди перечисленных причин, очевидно, имеет наибольшую силу общественное порицание со стороны ближайшего окружения. Оно имеет такую силу именно вследствие неформального, межличностного характера. Человек — существо социальное, именно круг его близкого общения помогает ему в каких-то случаях игнорировать государственную пропаганду и противостоять прямому принуждению официальных властей. Однако вступление в конфликт с ближайшим окружением или же соседями грозит изоляцией и другими последствиями. Человек очень восприимчив к порицанию на неформальном уровне. Учитывая прежний уровень коллективизма в нашей стране,

во многом превосходящий сегодняшний, представителям этнических меньшинств противиться давлению иноязычного окружения было практически затруднительно.

Кстати говоря, влияние окружения является основным механизмом ассимиляции представителей этнических меньшинств в многонациональных населенных пунктах. Однако мы сейчас говорим о ситуации, когда дискриминация по языковому признаку является наиболее очевидной, как в случае с коренными народами на территории своего государственного образования. Между тем, как отмечалось выше, каждый народ имеет право быть понятым людьми других культур. А государство, если оно действительно считает принцип справедливости одним из основополагающих, обязано обеспечить это право путем организации обучения языку этого народа представителей всех других этнических групп. В этом и состоит суть права на взаимопонимание.

В чем состоит содержание данного права? Чтобы понимать друг друга без дискриминации, людям разных культур нужно знать язык друг друга. Например, будет абсолютно справедливо разговаривать на татарском языке с татаринцом в Татарстане, если ты сам принадлежишь другой национальности, например, русский, и при этом вырос в Татарстане. Но если ты отказываешься поступать таким образом, то татарину, чтобы поддерживать разговор с тобой, придется перейти на русский язык из опасений, что он не будет понят, альтернативой этому может быть только прекращение диалога. Однако, вынужденно переходя на русский язык, татарин в данном случае лишается права на равноправное взаимопонимание, что означает его дискриминацию. Действительно, иначе как дискриминацией такую ситуацию назвать нельзя. Однако потребуй татарин от собеседника, чтобы тот разговаривал с ним по-татарски, его собеседник может сослаться на то, что татарского языка не знает, ему просто негде было его изучать. И он будет прав, поскольку раньше, действительно, в большинстве русскоязычных школ Татарстана, Башкортостана и других национальных республик России языки титульных народов, как правило, не изучались. Следует признать, что основная ответственность за такое несправедливое положение дел лежит на государственной системе образования тех лет. И поэтому задачей современной системы образования

в этих республиках является ликвидация культурно-языковой некомпетентности населения разных этнических групп. Исходя из этой точки зрения, является абсолютно правильным введение в национальных республиках обязательного изучения в учреждениях среднего образования их государственных языков.

Продолжая выяснение содержания права на взаимопонимание, нельзя не обратить внимание на следующие моменты. Указанное право не может быть истолковано как право на взаимопонимание всех этносов, живущих в конкретной национальной республике или в другом национальном регионе. Данное право относится к коренному (титульному) народу данной местности. К примеру, башкиры, живущие в Республике Татарстан, не должны требовать от местных русских, чтобы те с ними разговаривали на башкирском языке, то же самое касается татарстанских чувашей, марийцев и представителей других народов, поскольку все они имеют национально-государственные образования (республики), где могут реализовать право на взаимопонимание для себя, как и право на самоопределение народов, которое возможно только на исторически занимаемых ими землях. Чеченец, проживающий в Башкортостане, должен понять башкира, говорящего на своем языке, но он не может требовать от башкира в его республике знания чеченского языка. Существует Чеченская Республика, где этот народ реализует свое право на самоопределение и вправе рассчитывать на то, что люди других культур, приезжающие жить в Чечню, захотят изучить чеченский, чтобы понять коренное население. То же самое касается чувашей Татарстана, марийцев Башкортостана: эти народы также имеют свои республики.

Соблюдение данного принципа несет в себе некоторые противоречия в общении у близкородственных народов, особенно живущих чересполосно. Стоит ли, например, татарину Башкортостана учить в школе башкирский язык, ведь, изучая только свой родной, он без труда поймет башкира? То же самое относится и к башкирам Татарстана. Скажем, не легче ли было бы татарам Башкортостана изучать в школах свой родной татарский и не тратить время на изучение близкородственного башкирского. На наш взгляд, в таких случаях необходимо придерживаться единого принципа, согласно которому государственный язык республики

подлежит изучению детьми всех народов, как близкородственных, так и совершенно далеких. Иначе мы можем, на наш взгляд, спровоцировать демагогические рассуждения со стороны тех, кто хочет ущемить право коренных народов на языковое взаимопонимание. Ведь тогда будет очень просто заявить, что если, например, татарам Башкортостана не нужно изучать башкирский, то и представители других тюркских народов в этой республике могут второй государственный язык не изучать. Азербайджанцы, узбеки, туркмены, сибирские, крымские татары, казахи, приехавшие жить в Башкортостан, тогда смогут утверждать, что их детям не надо изучать башкирский, ведь они тоже понимают башкир, поскольку все эти народы относятся к тюркской языковой группе.

Однако что же делать в такой ситуации этническим группам, которые вообще не имеют своих государственных образований или хотя бы автономий? Представляется, что в таком случае на первое место должен выйти не формальный признак наличия государственности у такого народа, а его статус коренного на данной территории. Другими словами, например, сибирские татары имеют такое же право на равноправное языковое взаимопонимание на своих землях, как и казанские татары в Татарстане, а крымские — в Крыму.

Существует еще одна проблема, она касается таких народов как, например, эвенки, которые имеет исконные территории в республике Саха (Якутия). Могут ли они, согласно принципу взаимопонимания, претендовать на право быть понятыми русскими и якутами, живущими в этой республике? Дело в том, что раньше существовал Эвенкийский автономный округ — форма самоопределения эвенков (сейчас — Эвенкийский район Красноярского края). Логично было бы предположить, что право быть понятыми эвенки могут иметь в этом округе, но не в Якутии. С другой стороны, как мы напомнили выше, эвенки — коренной народ в республике Саха. Здесь мы наблюдаем коллизию, столкновение принципов. На наш взгляд, выход из ситуации нужно искать в законодательстве России и Якутии. На региональном уровне такая коллизия может и должна быть решена в законодательном порядке парламентом Республики Саха. Это уже происходит: в 1989 г. в Якутии был образован Эвено-Бытантайский национальный район, в 2005 г. статус эвенкийского

района получил Оленекский улус. В 2008 г. таким районом стал и Жиганский улус.

Итак, говоря о праве коренного народа на взаимопонимание с представителями других этнических групп на своей территории, мы можем констатировать, что общественная мысль еще не сформировала концепцию указанного права. В то же время у М. В. Дьячкова [Дьячков 1992: 123], И. Г. Илишева [Илишев 2000: 3] и у некоторых других исследователей говорится не только о языковых правах, но и о языковых обязанностях. То есть право народа на выбор удобного для себя языка межнационального общения (родного) влечет обязанность представителя другого народа, вступающего с ним в диалог, поддерживать разговор на этом языке. Такая языковая обязанность кому-то может показаться обременительной, несправедливой, а кто-то и вовсе назовет это языковой повинностью. Однако принципы права состоят именно в этом. Например, право человека на жизнь влечет обязанность других людей не лишать его жизни, кроме случаев, установленных законом. Точно так же право народа, человека на выбор языка общения влечет за собой обязанность, по крайней мере, понимать этого человека.

Каковы пределы данных обязанностей? Представляется, что право на взаимопонимание и связанные с ними обязанности отличаются от прав и обязанностей, упомянутых у Дьячкова и других исследователей. В рассматриваемых ими случаях предполагается, что два человека разных культур, один из которых относится к коренному народу, должны говорить на его языке. Наша же концепция предполагает иное. Концепция права на языковое взаимопонимание не требует, чтобы диалог происходил на одном языке. От представителя некоренного народа лишь требуется понимание им того, о чем говорит его собеседник коренной национальности. Но он не обязан отвечать на его языке и поддерживать разговор. Участие в диалоге является личным выбором каждого, и возложение на него каких либо юридических обязанностей бессмысленно. Ведь в таком диалоге ответ может прозвучать как на языке коренного народа, так на любом другом языке, уместном в данной местности и в данной ситуации. Главное в таком ответе — чтобы собеседники понимали друг друга.

Продолжая разговор о различных возможностях практической реализации права

народа на языковое взаимопонимание, обратимся к вопросу об обеспечении государством данного права. Каким должен быть объем обучения местному языку в школах для детей некоренной национальности? Существуют различные модели и различные варианты. В Республике Татарстан, например, положение о равноправии русского и татарского языков было закреплено в ст. 8 ее Конституции [Конституция Республики Татарстан 6 ноября 1992 г.]. Исходя из этого принципа, строилась вся языковая политика. В школах Татарстана на изучение русского и татарского языков выделялось строго определенное, одинаковое время в неделю. Как правило, это были три часа русского и три часа татарского языка.

Иной подход наблюдается, скажем, в Башкортостане. В настоящее время в этой республике изучение второго государственного языка составляет, как правило, всего два часа в неделю. Каковы реальные перспективы в овладении башкирским языком небашкирскими детьми в таких условиях? Вряд ли здесь можно вести речь о том, что такая интенсивность занятий башкирским языком даст им возможность в будущем свободно говорить на этом языке с башкирами. Если для татарских детей в Башкортостане и возможны какие-то перспективы общения (но только в том случае, если они изучают и родной язык), то для русских и детей других национальностей такие перспективы не очевидны. Однако можно надеяться, что 2 часа в неделю на изучение второго государственного позволит в будущем этим детям если не говорить, то хотя бы частично понимать башкирскую речь, читать вывески на башкирском языке, более адекватно воспринимать информацию по башкирскому телевидению и радио. Что же касается взрослых, то сегодня мы можем констатировать, что в отношении них властями республики не ведется никакой языковой политики. Государством не поддерживаются и не организуются курсы башкирского языка для взрослых. Единственное исключение — передача «Я учу башкирский» на Башкирском спутниковом телевидении.

Государственная программа сохранения, поддержки и развития языков народов Республики Башкортостан на 2006–2010 годы не оправдала возлагаемых на нее надежд, проекты создания кружков и курсов по изучению башкирского языка для взрослых не были обеспечены денежными ресурсами,

кадрами и достаточным количеством учебно-методических пособий. Действительный контроль в этой части реализации государственной программы отсутствовал, выделенные же денежные средства на другие мероприятия программы использовались неэффективно и даже не по назначению. Приходится констатировать, что со стороны государства (Республики Башкортостан) до сих пор нет серьезного отношения к проблеме сохранения башкирского языка.

Второй государственный язык страдает от недостаточного внимания властей не только в Республике Башкортостан. Такая ситуация встречается во многих республиках Российской Федерации. Не углубляясь в дальнейшее выяснение причин данного явления, мы можем констатировать необходимость радикальной смены концепции языковой политики в России. Во-первых, главным критерием новой языковой политики должен стать его реальный, а не имитационный, характер. Второй критерий обязательно подразумевает высокую квалификацию исполнителей языковой политики. В-третьих, в реализации указанной политики должно широко участвовать гражданское общество.

Языковая политика должна строиться по ряду вариантов. Если в таких республиках, как Башкортостан и Коми, где доля коренного (титульного) населения составляет 25–30%, возможно, будет уместна концепция права на языковое взаимопонимание, то в Татарстане, где татар более 50%, по-видимому, сохранится стремление к реальному равноправию татарского и русского языков. Видимо, может быть и третий вариант (например, в условиях Республики Тыва), где право на языковое взаимопонимание может потребоваться уже не тувинцам, а русскоязычному населению. А может быть и четвертый вариант, когда доля титульного этноса в населении республики настолько мала (как, например, в Карелии), что право на взаимопонимание для него становится нереальным, возможно, в таком случае может встать вопрос о существовании собственно данного национально-государственного образования.

Итак, нами была выдвинута концепция права коренного народа на языковое взаимопонимание в пределах его исконной территории. Данная концепция является промежуточной между концепцией равноправия двух государственных языков (модель Татарстана) и концепцией «рыночно-демократического» подхода к двуязычию. Вряд ли можно утверждать, что данная классификация является строгой и законченной, однако предполагается, что изложенная концепция дает альтернативный вариант двум крайним позициям. Принятие предложенной концепции также может способствовать разработке новой стратегии языковой политики в Республике Башкортостан в условиях, когда образовательными стандартами на изучение второго государственного языка отведено мало времени (2 часа в неделю). Несмотря на то, что в научной литературе право коренного народа на языковое взаимопонимание является малоизученной проблемой, при детальной разработке и добротном обосновании данная концепция может, на наш взгляд, претендовать на определение новых принципов в языковой политике российских республик.

Источники

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Литература

- Закон СССР* от 24 апреля 1990 г. «О языках народов СССР» (ч. 2 ст. 4 и преамбула) // *Ведомости СНД и ВС СССР*. 1990. № 19. С. 327.
- Закон Российской Федерации* от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (п. 2 ст. 1) // *Ведомости СНД и ВС РСФСР*. 1991. № 50. С. 1740.
- Дьячков М. В.* Социальные аспекты овладения неродным национальным языком // *Социологические исследования*. 1992. № 5. С. 123–126.
- Илишев И. Г.* Язык и политика в многонациональных обществах: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2000. 334 с.
- Конституция Республики Татарстан* 6 ноября 1992 г. // *Советская Татария*. № 246–247. 1992. 12 дек.

УДК 821.584.6

ББК 83.3 (0)4(5Мон)+83.3(0)6(2Рос=Калм)

ОПЫТ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУКОПИСНОГО ПЕРЕВОДА ТУГМЮД-ГАВДЖИ

(на материале VI главы *Oülgurun dalai* «Моря притч»)

Д. Н. Музраева

«Сутра о мудрости и глупости» представляет собой один из популярнейших образцов мировой буддийской литературы. Это сочинение хорошо известно монголоведам и тибетологам благодаря трудам таких российских ученых, как Я. И. Шмидт, А. А. Бобровников, А. В. Попов, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев. В исследованиях монголоведов оно чаще всего упоминается под кратким названием «Море притч» (от монг. *Üliger-ün dalai*). В наши дни известны три монгольских перевода «Сутры о мудрости и глупости», каждый из которых имеет свое название [Үлгэрийн Далай 1996], а также ойратский перевод Зая-пандиты Намкай-Джамцо [Oirat Version 1970].

Перевод «Сутры о мудрости и глупости», выполненный калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (1887–1980), является наиболее поздним, если не вообще самым поздним из известных ойратских переводов буддийских текстов. Согласно записи, имеющейся в 1-й из четырех тетрадей рукописи, этот перевод был завершён в 1968 г. В том же году рукопись была подарена автором Калмыцкому институту гуманитарных исследований РАН (на тот момент — Калмыцкому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории) [Т.-Г.: 1-я тетр.] и в настоящее время хранится в Научном архиве КИГИ РАН.

Рукопись перевода *Oülgurun dalai*, выполненного Тугмюд-гавджи, состоит из 4 общих тетрадей современного образца, в ней насчитывается в общей сложности 289 л. Каждая тетрадь предваряется перечнем названий глав, включенных в ту или иную тетрадь, а также указанием интервалов глав и разделов арабскими цифрами.

На каждой странице тетради — от 19 до 24 строк текста на ойратской письменности (*todo bičiq*).

Некоторые аспекты исследования этого текста были рассмотрены в ряде предыдущих публикаций [Музраева 2006; 2007; 2008а–б]. В данной статье дается археографическое описание рукописи в целом, а также фрагмент текстологического анализа на примере VI главы. В ней также приводятся транслитерация ойратского текста и русский перевод данной главы, снабженные комментариями. Данная публикация представляет опыт составления научной транслитерации текста перевода Тугмюд-гавджи и будет полезна при последующей публикации текста рукописи с комментированным переводом.

Некоторые моменты археографического описания рукописи вызвали затруднения при составлении транслитерации данного текста. Среди них — особенности почерка автора, одновременно и переписчика, и редактора собственного текста. При анализе текста рукописи выявляется такая его археографическая особенность, как наличие двух разновидностей почерка: первый из них размашистый, неровный, с более округлыми штрихами, с неравномерными интервалами между вертикальными строками, и второй — более убоистый, мелкий, тяготеющий к каллиграфии, с ровными интервалами между строк. При этом, пролистывая подряд все четыре тетради, можно заметить, как постепенно изменялся почерк, как он переходил от первой разновидности ко второй и приобретал более четкие линии, мелкие начертания линий. Это наводит на мысль о том, что более размашистый почерк был у автора в начале работы, постепенно

он устанавливался, утверждался, приобретал четкие контуры, линии, становился более убористым, каллиграфическим. Именно такое объяснение индивидуальных особенностей почерка автора нам представляется наиболее обоснованным. Следовательно, нет поводов считать, что Тугмюд-гавджи сначала делал черновой перевод, а затем его переписывал. Следует принять во внимание, что переводчик обратился к работе уже в преклонном возрасте (ему был 81 год), поэтому вряд ли он не понимал, что должен поторопиться с переводом¹.

Рассматриваемая нами далее VI глава «Моря притч» включена в 1-ю тетрадь, следовательно, записана она первой из описанных выше разновидностей почерка. При изучении главы идентификация некоторых графем вызывала затруднения, поэтому мы вынуждены были сопоставлять написания сходных слов (фрагментов, мест) по другим трем тетрадям рукописи, написанным, по нашему мнению, позднее, а значит, более устоявшимся или, возможно, восстановившимся после долгого отсутствия практики почерком.

В рукописи перевода Тугмюд-гавджи присутствуют элементы саморедактирования текста: это могут быть пометы, связанные с пропуском слова, но могут быть и лишние, либо по ошибке повторно записанные слова. В тех случаях, когда автор-переводчик обнаруживал пропуск слова или хотел изменить порядок слов в переводе по написанному, он вписывал необходимое (или более подходящее) слово между строк, слева от основной вертикальной строки, при этом пунктиром проводил линию, отмечая место пропуска.

Ниже приводится текст VI главы из 1-й тетради рукописи Тугмюд-гавджи².

В **транслитерации** текста цифры в круглых скобках указывают на номер строки. В тех случаях, когда границы строк проходят внутри слова или на границе словоизменяемых морфем (аффиксов), которые могут быть написаны отдельно от слова, мы обозначаем их вертикальной чертой, не указывая номера очередной строки. В квадратных скобках приводятся реконструированные графемы (буквы), например в слове *tuš[m]el* [T.-G., 226: 18], а также восстановленные знаки пунктуации, отсутствие которых затрудняло наш перевод (для этого мы сверялись с тибетским текстом). В транслитерации подчеркиванием выделяются ошибочно поставленные знаки пунктуации; так же помечаются написания графем³ и слогов, отличающиеся от их написания в классическом ойратском языке. В фигурные скобки заключаются те слова, которые были пропущены в тексте, но в результате саморедактирования вписаны автором между строк с обозначением пунктирной линией места, где то или иное слово пропущено.

В **перевод** используются квадратные скобки, в которые заключены дополнительные слова, вводимые для пояснения перевода Тугмюд-гавджи: это продиктовано тем, что в ряде случаев подобрать точный (адекватный) русский эквивалент к тому или иному слову или словосочетанию ойратского текста представляется затруднительным. В круглых скобках приводятся варианты переводов некоторых слов (терминов, словосочетаний).

¹ По имеющимся свидетельствам, просьба КНИИ ЯЛИ о переводе буддийского памятника поступила в адрес калмыцкого гелюнга в 1966 г. [Убушаев 2008: 163].

² Этот фрагмент перевода Тугмюд гавджи уже публиковался нами [Музраева 2008в] в переложении с ойратской письменности на современный калмыцкий язык в сопровождении

тибетской транслитерации, согласно ксилографическому изданию тибетской сутры из коллекции О. М. Дорджиева, хранящегося в Научном архиве КИГИ РАН [‘Dzangs].

³ Автор различает понятия *графемы* и *глифа* как палеографического варианта графемы, выходящего за рамки теории письма [Стандарт Старославянского Кириллического Письма ...].

Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиев)
Oülgurun dalai («Море притч»)
Xoydoyr baq: Zurıyadıyr bülöq

Транслитерация текста

[22a:1] Xoydoyr¹ baq: (2) igi² mini sonsoqsun nigi caqtü² {burxun}³ šobuün ɣaln- daya⁴ (3) oršoqsun⁵ gerltei ödü⁶ oršuqsun⁷ böi: terē⁸ caqtü⁹ {terē} oron-|dü iki tušimul¹⁰ maši bayan tündü¹¹ kübun uḡabüi¹²: terē (5) caqtü¹³ Gangya¹⁴ mörün daln kübäädü¹⁵: Mani Badara gideq (6) nertēi tenggirin šütän bayideq¹⁶ xamoq tündü mörgüji¹⁷ (7) takideq böi: iki tušimul terē ču: tenggirin šütän-|du¹⁸ odād. igi² medulbu[:] namdü¹⁹: kübün uḡa²⁰: (9) tenggir tanigi kemjan²¹ uḡa erdmä gi²² sonsbabi (10) amtin buḡidigi abardq²² či: busin kušul xangyadaq²³ (11) {bolxla}²⁴ bi čigin tandü abarlan dly²⁵ bayinbe²⁶: (12) kerbe²⁷: na[m]dü tā nigi kübüü xarlxla altan mönggar (13) čini geḡe čü burkuji²⁸ baqsen šütäḡitin čigin kuji (14) šurčulgir šurčnäbe. kerbe: iltei temdeq uḡa (15) bolxla. tenggir čini šütäḡitin ebedād: čini (16) biyičün čigin buzur başun šesär budnabi gi²⁹ (17) kelxla tenggir terē sonsād igi³⁰ sanba. enē (18) tuš[m]el bayan bolon²⁹ čidaltāi iki kučita tuldü (19) doroi uüzürtü uūna³⁰ kübun bolši uḡa[:] mini kučun [22b:1] baḡa töldü uḡa kerq kučaji čadaši uḡa bi: (2) kerbe: kergini isei kučxla dam uḡa: tas uḡa (3) yobodol ɣɣxa³¹ gi³² snād šutei sakadaq³² terē (4) tenggir Mani Badardu medulxla tündü čigin timē (5) kučun uḡan tuldu: Namasira-dü oči medulbi[:] Nmsra (6) čigin namdü kübüü zydāq čidil uḡa gi³³: sanād (7) Namasra Xormstun tenggirtü odād ikē tušüml (8) mansü kübüü zayaḡi öḡuton gi³⁴ surna[:] kergim (9) kučxla takil kuḡdüll kenbi[:] isei kučxla šütäḡiten³³ (10) čigin ebidād buzarlınbi gi³⁵ kelna. Xurmston (11) tā tündü nigi kübüü zayaḡi xarltin gi³⁶ (12) medulbüi: Xurmston kelbi enčin maši berke (13) yumun: bolbo nigi aḡa uḡuqdna gi³⁷: tere (14) caqtü {nigi} tenggirin kübün taban erdmson xaycaji (15) önggürxdan örduson nigin bayji[:] tündü igi³⁸ (16) kelbe: či önggürxlan. terē tušmülin kübün (17) bolji töröo gi³⁹. tenggirin kübun kelbi bi (18) satir yarči dēde nomdü suzūqtei be: kerbe (19) öndor uüzirtin kübun bolxla: saitir yarxu berke (20) böi gi⁴⁰: dödoi egel-dü törxla amar: gixla (21) Xurmston kelbe: tenggir či tende törtol (22) saitir yarxdü durlxla bi čigin nöküüd bolnbi (23) gi⁴¹: [23a:1] tenggirin kübün önggürji terē tušmülin uüzürtü tūna (2) xatanā kübün {bolji} gebildü törbö: dıru dırsüün saixn xalixdü (3) saixn: belgičidü

uüzulxla belgiči xalyād ene: (4) kübugi alidasü olbotoi gi⁴² surbu: Gangya möron dalan (5) tenggirasu ablabiden gikili terē kübuna neren (6) Gangya Dara: gi⁴³ nerē öḡübi: kübün öşji eke (7) ecekedden bi saitir ɣarnba³⁴ gi⁴⁴ medüülba[:] biden (8) iki bayan bolon kučta iki edel zörtäi[:] kübün (9) ɣancaxan bolboi: mana uüzur baraxa[:] eke ecekiän (10) asrxaci gixla[:] kübün sanson sana isei kücuxla (11) zoboji: igi⁴⁵ sanaba enē coqcan sölād (12) egel izirtü nigin-dü törji: saitir ɣarnabe (13) gixla unsü amr bolxü gi⁴⁶ sanād ɣaza yarči (14) öndor xadäsü ɣarādbe[:] ɣazartü unbačigin (15) bertesen uḡa: tunsun iki usüna kübädü (16) odād usun-dü ɣardbičigin uson{-dü} cokoqdād (17) uükuül uḡa xarü yarči irbi: xoroı idbe (18) čigin: uükuson uḡa: dakid igi⁴⁷ sanba: (19) odā xana zarčmla xaryxla xān alji bolxü[:] (20) xaxa³⁵ xatüon bolon zarca ulsu uüşkulngta (21) ödü oči omoxr xubcān bolon čimigin (22) tāleji modon-dü tābiqsigi Gangya Dara (23) uüzääd ödöi oči xaton tedna xubacan abači [23b:1] öbürölād ɣarsigi uüdeči bārid Majara gideq (2) xān-dü abači odbo[:] xān tegisini sonsād urlād³⁶ (3) sādgar xabačigin kübun-dü tusul uḡa xana (4) dergedē unba[:] xan ɣurbu daki³⁷ xabačigin (5) xana dergedü unxla xān äyiji sādakan xayačikād (6) kübün či tenggir biči[:] lus biči. birdbiči[:] yaqci³⁷ (7) biči: yuün biči negen kelei gi³⁸: kübün namdü (8) tandü medulxü nigi uügi baḡa zoboşal xarlxlan (9) şaner kelnbe. gi³⁹: xān čigin kelei gi⁴⁰ zöb (10) öḡübüi. kübun bi tenggir čigin bişē lui čigin (11) bişbi: xana xarşin tušmülin kübün bi: namgi (12) sātir ɣaraxr setkila³⁸ eke eceki zöbüşal (13) ökişi³⁹: enē coqcan uüräji ondan coqca abxar (14) eberen ukusa gi⁴¹ sanād xadasü ɣaradbabi[:] (15) usun-dü ɣardbabi[:] xoroı čigin idbabi. uükuji (16) čidal uḡa: xana zasqla xaryxla uükübi gi⁴² (17) sanād xān čigin alx gisen uükül uḡa: (18) odā enē bolbo: xān öşseji talji namage (19) saiter ɣarxadü zöbisül xarltin gi⁴³: xān (20) zöbşl öḡüji burxon-dü abiči odād: ömnke (21) yaysini burxon-dü altxābe: burxon saitir ɣarxadü (22) zöbüşārji nomtoi xubaca umis gixla [24a:1] gelng bolbo: burxon āl⁴⁰ zöbitei nom uūzalji (2) setekilini tain getelji dainigi darji ɣurbon (3) uxā ilrki meden zurɣan bolon tain tonlxā (4) namin-luyü töqşbi: taḡid xān Majara: burxun-|du igi⁴⁴ medulbi[:] burxon

bičikin kübuün enē urdū (6) buyuni uūndsū yuū butāsran; xadāsū unbačū uūkūl (7) uka: usuūndu yaradabičigin uūkūl uga: xoroī (8) idbičigin. uūkūl uga: sumār⁴¹ xabičigin gemtel uga (9) dakan burxunla učurji orčolng-ēcēi getelbi giiji (10) medulxla burxun xān-dū igiji zarleq bolbo: urdui (11) önggürson caq kalb tolaša ugan önggorson caqtū oron (12) Barā nasa gideqtei xān Cangbi Jīn gideq xān (13) baiji[:] terē xān xaton bolon örkexn zarca-tāgin üsü-kulünggin ödöi cenggiiji odboi. uūskulnggin ödu zarca (15) uls. dui dulcxaji yobotol. xoran cađū bidei nigi (16) kuūn iki duyr xakirsigi xān sonsbo: terē xān (17) sonsād urloji terē kuūgi barāād altn giiji zarleq (18) bolbo: terē caqtū nigi tušmul yazāysū dotoroi (19) irāād nigi kuūgi: gendon{-dū} barsigi uzāād nokūd zarca (20) ulssū ene kuūn yun gem kesen kunbi giiji surbui[:] (21) teden. yuūn gem kesini kelxla: terē tušmul teden[-dū] (22) kelbē[:] dab zurū baja altan[:] bi xān-dū medulnbi gigīd (23) ordoi xaršadū dotoroi irīd xān-du medulba[:] [24b:1] alxr abači yobosun kuūn alxdū šitxdū uūle isei yarxaji (2) dui dulson: nadu barsini nudarn kuūn isa (3) uūziiji zokos uga: (4) xatundū čigin muū yumū is⁴² keji tuna āmini abarji (5) öršēji xarltin tabiji ögūton giiji surxla xān (6) čigin alal uga tabiton giiji zarleq bolbo. (7) terē kuūn tušmūlin zarca-dū orji olon jil (8) boloji igiji sanaba: tačangyuyar murna gideq (9) xurca uūldasū xurca bayiji[:] bi igiji

zobodoq (10) mini tačangyuyasū bolbo: {giiji} sanād: tušmul-dū medulba[:] (11) bi sātar yarči tonlxān mör bišlynba giiji medulbe[:] (12) tušmul terčū čamgi tonlixan⁴³ mör bišlyxla bi gixla (13) xadaq bolša ugābi: či tonlād čigin namla (14) učrxū bolxči giiji: zakaba: tigīd terē kuūn (15) aqlq yazartū odād unmulixigi⁴⁴ setekelden sanji (16) kecenggūū turbuqsr bardī kabada⁴⁵ bolād. xoyinni (17) balysun{-dū} irji iki tušmūlin-dū irbi: iki (18) tušmul iker baysji teqša buyun bolon tejel dōrbōn (19) zuligi örgübūi. tigīd baradei kavada terē derē⁴⁶ (20) oqturūyudū yarād biyasen usu bulyād yal yaryād (21) biyisen iki gerel yazarān yaryād arban namin xubūlyā (22) uūzulbi: iki tušmul tedinini uūzuji kemjan uga (23) bayar törji igiji yurel tabiba[:] enē kuūn mini (24) ačar tejqdlā: bi āldū törbičigin kučūta bidin [25a:1] bolon utu nasta busāsu zun dabxar mengyan dabxar uūlu (2) bolji: beleq biliq buyun čigin yunla ādil boltxabi (3) giiji yorel tabiba: burxun xān-dū zarleq bolbo: terē (4) čigin tušmul terē nigi kuūna āmei abaraji uūru (5) oloqson terē inu enē mōn böi[:] tuūna uūndson (6) tuna šaltyar alidū törbičigin: āmindini zeteker (7) bolson uga: ödge namla učrji dēde uūru olboi (8) giiji zarliq bolboi: burxun nomnoqson-dū⁴⁷ olon nōkūd (9) xamoq daxan baya[r]laji iltei bayarlcxaba: tenggirin kübuūn (10) Gangya Dara kemkin bolōq mōn zurayadyr⁴⁸ böi:

Комментарии

¹ В данном слове ни во втором, ни в последнем слоге гласная (на наш взгляд, гласная *a*) никак не обозначена на письме. Для классического ойратского языка характерно написание *хоуодууяр* [З.-Р., л. 24b]. Отметим, что в словаре А. М. Позднеева приводится другой вариант написания числительного *два* (*хоуар*) [Позднеев 1911: 95], поэтому, возможно, порядковое числительное может иметь написание *хоуадууяр*, что близко к написанию, характерному для старописьменного монгольского языка. Контекстуальный анализ показывает, что в данном случае в рукописи Тугмюд-гавджи это числительное, при условии восстановления пропущенных гласных, имело бы написание *хоуадууяр*. Для графической системы Тугмюд-гавджи характерно использование им элементов скорописи, или стяжений, когда им пропускается штрих, обозначающий гласную букву *a* в середине слова.

² Несмотря на то, что до сих пор в тексте были часты примеры, когда аллофон *a* в середине слова никак не обозначался графически, т. е. имели место элементы стяжения (скорописи), данный пример демонстрирует, что в рукописи гласная *a* в медиальной позиции иногда может обозначаться на письме характерной короткой линией.

³ В данном случае перед нами пример обозначения пропущенного слова — *burxun*. Здесь и далее повсеместно в тексте транслитерации мы используем фигурные скобки для выделения пропущенных слов или фрагментов текста.

⁴ Данное слово Тугмюд-гавджи записал через пробел, хотя очевидно, что это одно слово, поэтому в транслитерации мы пишем эти два компонента одного слова через дефис. Графическое оформление второго компонента «сложного» слова, как и слов, оканчивающихся на гласные *a* и *i*, вызывает осо-

бые затруднения, поскольку написание этих глифов (напоминающее конечную *i*, когда последний элемент глифа оканчивается не с поворотом направо, а закругляется влево) иногда трудно отличить, и, следовательно, сложно определить, как передавать эту графему при транслитерации. При более внимательном сличении начертаний этих двух глифов двух разных графем мы определили, что при написании *i* наблюдается более характерное закругление дуги в верхней части буквы, в то время как в некоторых примерах написание *a* сходно с написанием этой гласной буквы в финали, принятом в старописьменном монгольском языке. Более того, передача конечной гласной только буквой *i* может вызвать непонимание, ввести в заблуждение при чтении и анализе данной транслитерации, мы же руководствуемся принципом, что транслитерация должна быть максимально понятной для читателя. Поэтому мы пишем не *aryi*, а *arya*, не *kelxli*, а *kelxla* и т. п. Написание конечной гласной в таких словах, как, к примеру, *yaryaxa* [Т.-Г., л. 22б: 3], *arya* [Т.-Г., л. 22б: 13], наводит на мысль о том, что в подобном графическом начертании отражена редуцированность гласного *a* в финали — более прямая линия, без ощутимого закругления.

⁵ Для согласной буквы *q* характерно начертание диакритического знака в виде дуги (полумесяца) не в вертикальном, а почти в горизонтальном положении по отношению к основной вертикальной линии.

⁶ Примечательно, что в рассматриваемом тексте штрих-черточка, указывающий на мягкорядный характер гласного *ö*, пишется на небольшом расстоянии от основной вертикальной линии.

⁷ Буква *o* пишется более округло в нижней своей части в отличие от ее написания в классическом «ясном письме». Также на примере слова *oršiqsun*, которое чуть выше на этой же строке было представлено как *oršoqson*, мы наблюдаем неустойчивость графического оформления одного и того же слова в пределах одного текста.

⁸ Характерным для графического начертания указательного местоимения *tere* является написание короткой (под углом 45°) черты после слова, которую первоначально мы расценили как обозначение пунктуационного знака — «запятой». Однако сопоставление этих примеров с другими примерами более вероятного употребления «запятой» (короткой линии с горизонталь-

ным по отношению к основной вертикальной линии начертанием), а также один из примеров написания слова *tere*, когда описанный графический элемент примыкает к знаку гласного *e* второго слога, практически являясь составной частью этого слова [Т.-Г., л. 25а: 3], позволили нам считать этот штрих знаком «долготы», а само слово передать как *terē*. Возможно, на написание этого местоимения, как и местоимения *enē* [Т.-Г., л. 23б: 13, 24а: 5], повлияли особенности произношения автора. Оформление долготы конечного гласного можно наблюдать и в слове *nerē* [Т.-Г., л. 23а: 6], написанного аналогично слову *terē*, поскольку постановка пунктуационного знака «запятой» между *nerē* 'имя' и следующим за ним сказуемым *ögübi* ('дал, отдал') нам представляется не вполне уместной.

⁹ В данном слове финальный глиф *u* пишется без характерного штриха слева от основной вертикальной линии под углом 45°, хотя в отдельных примерах этот штрих проставляется в каждом слоге независимо от того, начальный он или конечный. Поэтому мы сочли необходимым отразить в транслитерации конечный знак *u* как *ü*.

¹⁰ Отметим характерное написание гласной графемы в первом и последнем слогах слова *tušimul* 'сановник': в основе он имеет начертания буквы *o*, но при этом включает дополнительный штрих (в виде косой черты слева от основной вертикали), присущий начертанию буквы *u*. По сути, данная графема имеет признаки начертания двух графем — *o* и *u*, что можно было бы отразить в транслитерации через косую черту *o/u*. Но поскольку использование такого сочетания в транслитерации вызывало бы затруднения как для понимания, так и для последующей публикации текста, мы сочли возможным транслитерировать данное начертание как *ü*.

Что касается начертания буквы *i*, то написание этого глифа в медиальной позиции часто имеет не клиновидную форму, а форму длинной линии (зубца).

¹¹ В данном слове в первом слоге должна была писаться буква, обозначающая мягкорядную гласную фонему *ii*, но в ее графическом оформлении присутствует штрих в виде косой черты, характерный для твердорядной *u*, исходя из этого, мы транслитерируем это слово как *tundü*.

¹² Здесь отрицательное слово *uga* пишется слитно со вспомогательным глаголом *büi*.

¹³ Написание данного слова наводит на мысль, что для графической системы Тугмюд-гавджи характерно скорописное написание не только гласной *a* (в медиальной позиции), но также и такое написание согласной *q*, когда один из двух штрихов, составляющих основу этой графемы, не обозначается на письме, но всегда присутствует характерный диакритический знак в виде дуги (полумесяца), т. е. скорописный способ распространяется не только на гласную *a*, но и на согласную *q*. Хотя это слово можно передать как *cqtu*, предположив, что здесь опущена буква *a*, однако дальнейшее изучение текста показало довольно частое обозначение согласной *q* именно в скорописной (усеченной в сравнении с классическим написанием) форме, поэтому мы посчитали возможным дать именно такую транслитерацию: *caqtu*.

На примере слова *caqtü* отметим написание гласной в аффиксе дательного-местного падежа: несмотря на то, что слово твердорядное и, согласно правилам ойратского литературного языка, аффикс должен был иметь форму *-du*, для графики данного текста характерно оформление аффикса дательного-местного падежа в форме *-dii*, независимо от правила сингармонизма, т. е. в словах как с мягкорядными гласными, так и с твердорядными. Лишь единичные примеры указывают на то, что автор все-таки разграничивает оформление падежных аффиксов в соответствии с гармонией гласных, например, *xān-du* [Т.-Г., л. 24а: 23] и *xān-dii* [Т.-Г., л. 24а: 22]. Но все случаи с написанием мягкорядной *ü* можно объяснить довольно просто: автор мог забыть проставить дополнительный диакритический знак в виде косой черты слева от соответствующего глифа.

¹⁴ Для рукописи Тугмюд-гавджи характерно такое написание диграфа *ng* в медиальной позиции, при котором первый горизонтальный штрих на письме не обозначается, соответственно, буква имеет начертание, делающее его сходным с написанием согласной *g*. Это было учтено, и слова с *ng* транслитерированы как *Ḡangya*, *tenggir*, *xangyadaq*, *önggürji*, *ongdan*, *önggürsün* и т. д., а не как *Gagya*, *teggir*, *xagyadaq*, *öggürji*, *ogdan*, *öggürsün* соответственно.

¹⁵ Одним из нововведений по сравнению с классической ойратской письменностью Зая-пандиты, которые можно наблюдать в тексте данной рукописи, является ис-

пользование автором специального знака для обозначения мягкого *ä* [ə]: это штрих, напоминающий знак долготы, который, в отличие от последнего, ставится справа на некотором расстоянии от основной вертикали напротив необходимой буквы. Второй штрих в данном случае является маркером начертания *ää*, дифференцирующим его от простого *ä*.

Стоит признать, что в более поздних ойратских текстах можно наблюдать разные способы обозначения на письме фонемы [ä / ə]. Это и понятно, поскольку авторы (переписчики, писцы) стремились отобразить на письме особенности произношения и сознательно (или бессознательно) руководствовались нормами произношения современного им калмыцкого языка. В этой связи нельзя не затронуть вопрос о том, как изменялось (эволюционировало) «ясное письмо» Зая-пандиты в наше время и какое начертание в итоге приобрели те или иные графемы, — вопрос до сих пор не исследованный и весьма актуальный. Именно по этой причине транслитерация поздних образцов текстов на ойратской письменности вызывает сложности.

¹⁶ В оформлении аффикса многократного причастия *-daq/-deq* можно наблюдать отход от правила «гармонии гласных»: *bayideq* (в классическом ойратском языке принято было писать *bayidaq*). Здесь явно прослеживается влияние современного калмыцкого языка, согласно правилам которого, рассматриваемое слово пишется как *bäädq*, что ясно демонстрирует смягчение (палатализацию) гласного первого слога. Другими словами, Тугмюд-гавджи при написании слов в графике «тодо бичиг» руководствовался произношением современного калмыцкого языка.

¹⁷ В написании аффикса соединительного деепричастия используется традиционная графема *j*, как это видно на примере данного слова. Но следует указать, что в исследуемой рукописи для обозначения согласной фонемы *j* используется и другая графема, как, например, в заимствованном слове — имени царя *Majara* [Т.-Г., л. 24а: 4]. Есть примеры написания этой графемы и в незаимствованных словах: *giji* [Т.-Г., л. 22б: 6].

¹⁸ Данный пример (*ṣutān-du*) служит яркой иллюстрацией той графической системы гласных, которой придерживался Тугмюд-гавджи: слово явно мягкорядное,

что подтверждает и наличие штриха справа, указывающего на мягкорядный характер *ä* второго слога. Но в отношении гласного первого слога приходится признать, что автор в данном случае и в тех случаях, когда требуется отметить мягкорядную фонему *ü*, использует знак *u*, и, наоборот, там, где требуется твердорядная *u*, чаще всего пишет мягкорядную *ü*, как мы видим на примере аффикса дательного-местного падежа, что комментировалось выше.

¹⁹ В данном случае диакритический знак, характерный для буквы *m*, проставлен напротив штриха, следующего сразу после *n*. В результате сопоставления написаний этого местоимения, встречающихся в тексте, нам представляется более верным транслитерировать его как *namdū*.

²⁰ В этом месте текста автор зачеркнул повтор слова *tenggir*, что мы и не стали отображать в транслитерации. Со слова *tenggir* начинается следующая строка. Это еще один пример саморедактирования текста автором-переводчиком.

²¹ Здесь *j* перед гласной *a* пишется иначе, чем в слове *mörgüji*, т. е. имеет другое начертание. Это одна из особенностей, которая стала применяться в графике ойратского письма.

²² Здесь инициальная гласная *a* имеет традиционное написание (с двумя зубцами); во втором слоге *a* обозначена на письме также традиционно (с одним зубцом). Что же касается последнего слога (в данном случае аффикса многократного причастия *-daq*), учитывая, что согласная *q* на конце слова имеет в основе два зубца, что наблюдается повсеместно в тексте, то, следовательно, гласная в нем никак не обозначена. Мы вновь имеем пример скорописи (стяжения). Возможно, на выбор автора повлияло то, что гласный звук *a* последнего слога редуцируется, и, следовательно, на письме его можно не отмечать (как в графике современного калмыцкого языка).

²³ Для того чтобы дать транслитерацию данного слова, мы постарались установить, как именно обозначает автор согласный *x* в разных позициях. Примеры, встречающиеся повсеместно в тексте данной главы, показывают, что для этого согласного в медиальной позиции наиболее характерно усеченное написание с одним зубцом (штрихом) в основе, наблюдаемое в таких словах, как *bolxla* [Т.-Г., л. 22а: 15], *kelxla* [Т.-Г., л. 22а: 17], *törxla* [Т.-Г., л. 24б: 20], *durlxla* [Т.-Г.,

л. 22б: 22], *alxr* [=alxar] [Т.-Г., л. 24б: 1], *alxdū* [Т.-Г., л. 24б: 1], *uxa* [Т.-Г., л. 24а: 3], *gixla* [Т.-Г., л. 23а: 13] и т. д., хотя встречается, но гораздо реже, и традиционное классическое написание, как в словах *bolxu* [Т.-Г., л. 23а: 13; 23а: 19], *burxon* [Т.-Г., л. 23б: 20, 21], *medulxū* [Т.-Г., л. 23б: 8] и др. Что же касается написания согласного *x* в начальной позиции, то мы выявили две его разновидности: 1) традиционное классическое написание с двумя зубцами в основе — в тех случаях, когда после начального *x* следуют гласные *o*, *u*, и 2) краткое (усеченное, скорописное) написание с одним зубцом в основе — в тех случаях, когда после начального *x* следует гласный *a*. В последнем случае первый штрих-зубец указывает на согласный *x*, а второй зубец — на гласный *a*. Таким образом, транслитерация рассматриваемого слова будет иметь вид *xangyadaq*.

Но если признать, что в анализируемом тексте графема *x* в начале слова пишется всегда традиционно (классически с двумя зубцами) и что здесь графема *y* в середине слова также имеет начертание, присущее классической ойратской письменности, то данное слово следует транслитерировать как *xngydaq*. Поскольку транслитерация должна быть удобочитаема и понятна, мы решили отображать в ней не просто начальный согласный *x*-, а слог *xa*-.

²⁴ Первоначально автор вместо данного слова написал *čitxla*, которое затем зачеркнул и слева между вертикальными строками вписал *bolxla*, по этой причине в транслитерации это слово заключено в фигурные скобки.

²⁵ Данный пример является яркой иллюстрацией принципа скорописи, в соответствии с которым автор пропускает зубцы-штрихи, указывающие на гласный *a* в медиальной позиции. Если их восстановить, то слово имело бы написание *dālyaji* (скорее всего, с долгим *ā* в первом слоге).

²⁶ В данном слове присутствует дифтонг *-ayī-*. Как известно, графика и орфография дифтонгов вызывала большие затруднения в ходе реформирования и сложения графики и орфографии современного калмыцкого языка (см.: [Санжеев 1977]).

²⁷ Здесь в конце слова автор поставил два штриха, что, скорее всего, может расцениваться как пунктуационный знак «точка». Если бы вместо двух штрихов стоял знак в виде одной короткой черты (штриха), то в

транслитерации мы могли бы отметить его как знак долготы. Скорее всего, в данном случае мы наблюдаем ошибочную постановку пунктуационного знака.

²⁸ На примере данного слова мы хотели бы отметить такую особенность графической системы Тугмюд-гавджи, когда в явно мягкорядном слове в двух первых слогах он пишет твердорядные гласные *u*, т. е. именно так расценивается эта графема в классическом «ясном письме». Объяснением этому может быть, с одной стороны, то, что автор в случаях, когда требуется мягкорядный *ü*, пишет его именно так, как пишется твердорядный *u*, и наоборот. С другой стороны, объяснением такого написания графем может послужить влияние произношения на письменную фиксацию того или иного слова (фонемы).

²⁹ Твердорядная буква *o* имеет округлое начертание, похожее на начертание мягкорядной *ü*.

³⁰ Мы уже обращали внимание на написание конечной буквы *a*, которая во многом похожа на конечную *i*. Данное слово позволяет внести некоторые уточнения: в написании глифа *a* штрих является продолжением предыдущей графемы в отличие от *i*, которая пишется самостоятельно.

³¹ На данном примере рассмотрим способы передачи на письме графемы *γ*. Написание этой графемы в начале слова такое же, как в классическом ойратском языке, т. е. с двумя зубцами-штрихами. Это особенно четко прослеживается в словах, начинающихся со слога *γu*-. Приведем примеры из других частей исследуемого текста: *γuṣin* [Т.-Г., л. 61а: 17], *γurbon* [Т.-Г., л. 168б: 7], *γulyunčü* [Т.-Г., л. 196б: 15]. Но в тех случаях, когда слово начинается со слога *γa*-, можно отметить такую особенность его написания, когда диакритический знак в виде кружка проставляется слева не строго посередине между двумя зубцами-штрихами, а скорее ближе к первому, начальному, зубцу. Возможно, тем самым Тугмюд-гавджи хотел показать, что это слог *γa*-, а не просто согласный *γ*- без следующей за ним гласной фонемы *a*, не получившей графического отображения, т. е., если в середине слова *γ* может писаться с одним зубцом, то можно предположить, что эта графема может иметь такое же усеченное написание в начале слова. На основании сказанного выше нам представляется возможным транслитерировать эту

графему как *γa*-, а не просто *γ*-, тем более что это делает чтение текста более ясным и понятным.

Что же касается написания графемы *γ* в медиальной позиции, то в определенной степени оно напоминает принцип написания графемы *x* в середине слова: т. е. в ее основе оставлен лишь один штрих (зубец) с диакритическим знаком в виде кружка (кольца) слева, что является следствием скорописного написания. Примерами могут послужить такие слова, как *arγa* [Т.-Г., л. 22б: 13], *xarγxla* [Т.-Г., л. 23а: 19], *bišlynbi* [Т.-Г., л. 24б: 12]. Тем не менее в данном тексте изредка встречаются примеры классического начертания согласной буквы *γ* в середине слова, как, например, в словах *tačangγuγar* [Т.-Г., л. 24б: 8], *oqturoγudü* [Т.-Г., л. 24б: 20], *namin-luγu* [Т.-Г., л. 24а: 4], где *-luγu* — это аффикс совместного падежа, и некоторых др.

³² Буква *k*, имеющая начертание с небольшим «крючком» в начале, встречается, как правило, перед гласными заднего ряда (*a*, *o*, *i*).

³³ Это слово служит отличным примером того, как обозначается на письме фонема *ä*, а именно при помощи короткого косо-го штриха, прочерченного справа от основной вертикальной линии, на некотором расстоянии от нее. Поэтому мы даем транслитерацию *šutägiten*, а не *šutägiten*.

³⁴ Начертание конечной гласной позволяет передать это слово как *γarnbi*, но в соответствии с принятым в данной работе принципом транслитерирования нам представляется возможным этот пример передать как *γarnba*.

³⁵ Здесь, скорее всего, ошибка (поставлен лишний штрих слева, напротив графемы *n*), поэтому мы даем транслитерацию *haxa*, но оговариваем, что это слово следует читать *xana* (правильнее было бы *xāna*), т. е. «[супруга] хана (царя)».

³⁶ В первом слоге данного слова должен присутствовать долгий *ü*, т. е. слово должно иметь написание *ürlad*. Возможно, подобное графическое оформление, для которого характерна долгота гласного второго слога (*ürlād*), отражает особенности произношения автора.

³⁷ *Yaqci* — так Тугмюд-гавджи передает тиб. *gnod sbyin* «причиняющий зло», или якша (от санскр. *yaksa*) — название разряда полубогов, демонов, обитающих, по поверью тибетцев, в горах, а особенно на горных

перевалах, и могущих, если их не умили-
вить, причинить зло путникам [Рерих, VI
1985: 100]. В данном случае автор в своем
переводе оставляет санскритское название.

³⁸ Здесь аффикс условного деепричастия
имеет неправильное графическое оформле-
ние: в классическом ойратском языке эта
форма образуется при помощи аффикса
-*xulā/-külē*. Здесь, как видим, аффикс имеет
форму -*kila*.

³⁹ Данное слово также имеет, вероятнее
всего, фонетическое написание.

⁴⁰ Здесь написание слова дано в соответ-
ствии с произношением.

⁴¹ В данном слове знак долготы (косой
штрих, прочерченный справа от основной
вертикальной линии на некотором рассто-
янии от нее) указывает все-таки на долгий
гласный *a*, а не на мягкорядный *ā*.

⁴² Здесь мы также имеем пример фонети-
ческой записи слова.

⁴³ На данном примере мы можем наблю-
дать явление взаимной графической мены
tonlixan вместо *tonilxan*.

⁴⁴ Здесь также наблюдается явление
взаимной графической мены: *untulixigi*
вместо *unumlixigi* (от тиб. *don dam pa* [Dzan.,
л. 33а: 5] «высшая истина; подлинная сущ-
ность; духовное знание» [Рерих, IV 1985:
198], «абсолютная истина; высшая истина»

[Lessing 1960: 1192]).

⁴⁵ Здесь и далее термин, обозначающий
пратьека-будду (пратьекабудду) (от санскр.
pratyeka-buddha), Тугмюд-гавджи остав-
ляет в его санскритской форме: *bardi kabada*
(*baradei kavada*) (для ср. в тиб. тексте: *rang*
sangs-rgyas [Dzan., л. 33а: 6] — «индивиду-
альный будда, который добивается просвет-
ления лишь для себя» [Рерих, IX 1987: 29]).
Это санскритское слово относится к ранним
заимствованиям в монгольском, существу-
ют разные варианты его записи, как отмеча-
ет Н. С. Яхонтова. См.: [Ойратский словарь
2010: 137–138]. О слове *пратьека-будда* см.
также далее прим. 121.

⁴⁶ Согласно правилам литературного ой-
ратского языка, это слово имеет написание с
долготой в первом слоге *dēre*. Данный при-
мер демонстрирует характерное для рассма-
триваемой рукописи написание двусложно-
го слова с обозначением долготы гласного
последнего слога.

⁴⁷ На примере данного слова мы на-
блюдаем чередование согласных *n* и *l*:
nomnoqson-dū вместо *nomloqson-dū*.

⁴⁸ Примечательно, что в пределах одного
слова в непервых слогах гласный *a* может
отмечаться на письме (как во втором сло-
ге данного слова), а может и не отмечаться
(как в последнем слоге).

Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиев). «Море притч»

Раздел II. Глава VI

Перевод

[22а] Второй раздел. Однажды, когда
так было услышано мною, Будда⁴⁹ пребывал
в Сиятельном лесу⁵⁰, где находилась⁵¹ пти-
ца каландака. В то время в той стране [жил]
великий сановник, [который был] очень бо-
гат, [но] у него не было сына. В то время на
берегу реки-океана Ганг находилась святы-
ня тэнгрия по имени Мани-Бадра[:] все ей
поклонялись, делали подношения. Великий
сановник тоже явился к святыне тэнгрия и
обратился⁵² с такими [словами]: «У меня
нет сына. Тэнгрий, я услышал, что Вы обла-
даете безграничными достоинствами, спа-
саете все живые существа. Если исполняете
желания⁵³ других, то и я вверяю Вам свое
спасение⁵⁴. Если Вы даруете мне сына, то
покрою твое⁵⁵ сияние золотом и серебром и
даже имеющуюся святыню окроплю благо-
вонной водой. В том случае, если не будет
явных знаков, тэнгрий, я разрушу твое изо-
бражение, [а] тебя самого перепачкаю гря-
зью, испражнениями и мочой», — когда так

сказал, тот тэнгрий выслушал и подумал:
«Поскольку этот сановник богат, силен, об-
ладает могуществом, его сыном не может
стать⁵⁶ низкий [по] происхождению. По-
скольку моя сила [22б] невелика, я не смогу
осуществить его желание⁵⁷. Если не смогу
осуществить его просьбу, нет сомнения, что
[он] учинит неподобающее дело», — по-
думал так и поведал тэнгрию Мани-Бадре,
который покровительствовал той святыне,
но и у того не оказалось такой силы, по-
этому отправился к Намсраю⁵⁸ и поведал⁵⁹
тому. Но и Намсрай сказал⁶⁰, что у него нет
сил даровать сына. Намсрай отправился к
Хормуста-тенгри⁶¹ [и обратился]: «Великий
сановник просит нас, чтобы мы даровали
[ему] сына. [При этом] говорит: „Если осу-
ществите мою просьбу, то сделаю подноше-
ния, выкажу почтение. Если не исполните,
то и вашу святыню разрушу и оскверню“.
Хормуста, соизвольте даровать ему сына»,
— обратился с такими словами. Хормуста

отвечал: «Это очень трудное дело⁶², однако видится одно средство (способ)».

В то время жил бодхисаттва⁶³, который, освободившись от «пяти качеств⁶⁴», приблизился к своей смерти. [Хормуста] обратился к нему с такими [словами]: «Когда пробьет твой смертный час⁶⁵, получи рождение сыном того сановника!» — [так] сказал. Бодхисаттва ответил: «Я [намерен] уйти (удалиться) наилучшим образом⁶⁶, [являюсь] последователем Возвышенного Учения⁶⁷. Если получу рождение сыном того, кто [обладает] высоким происхождением, то будет сложно уйти наилучшим образом. Если получу рождение простолюдином низкого [происхождения], то будет легче», — когда [он] сказал, Хормуста изрек: «Тэнгри⁶⁸, пока будешь пребывать в том перерождении⁶⁹, если пожелаешь уйти наилучшим образом, то я помогу тебе».

[23a] Бодхисаттва умер и получил рождение в роду того сановника, {став} сыном его супруги, возродился⁷⁰ в [ее] чреве. Внешность его [была] прекрасна, приятна взору. Когда [его] показали гадателю⁷¹, тот посмотрел и спросил: «Как [вы] обрели этого мальчика?»⁷². Когда [родители] ответили, что [он был] дарован тэнгрием реки-океана Ганг, [гадатель] нарек того мальчика именем Ганга-Дара⁷³.

Мальчик подрос и сообщил родителям, что хочет уйти (удалиться) наилучшим образом. [Те в ответ] возразили: «Мы очень богаты и могущественны, [обладаем] большими богатствами, [однако ты у нас] один единственный сын. Наш корень (род) прервется⁷⁴; тебе [предстоит] заботиться о родителях», — когда [они] сказали, сын [осознал], что задуманному не осуществиться, [испытывая] страдания, стал думать: «Поменяв это тело, получу рождение тем, [кто обладает] низким происхождением⁷⁵. [Раз уж решил] удалиться наилучшим образом, брошусь-ка [с высоты], будет проще, — подумал так, выскочил наружу и бросился⁷⁶ с высокой скалы. Хотя и упал на землю, но не получил увечья. Тогда [он] отправился на берег большой реки⁷⁷, прыгнул в воду, хотя и ударился [о поверхность] воды, но не погиб и выбрался обратно жив-невредим. Хотя и вкусил⁷⁸ яд — не погиб. Снова задумался: «Теперь, если преступлю царский закон, царь, возможно, точно казнит [меня]».

[Тем временем] царица и слуги отправились в Прекрасную рощу (лес), собираясь совершить⁸⁰ омовение, сняли одежду, украшения и оставили [их] на дереве⁸¹. Это увидел

Ганга-Дара, пробрался в рощу (лес), схватил одежду царицы и прочих⁸² [слуг], [23b] спрятав за пазуху и хотел было скрыться, как его схватил⁸³ привратник и привел к царю, которого звали Маджара⁸⁴. Царь выслушал, что тот совершил, разгневался, и, хотя выстрелил из лука, [стрела], не задев юношу⁸⁵, [возвратилась и] упала рядом с царем. Хотя царь трижды выпустил [стрелу], [но они, возвращаясь], падали рядом с ним, царь испугался, бросил свой лук [и спросил]:

— Юноша, ты тэнгри⁸⁶, дракон⁸⁶, прета⁸⁷ или якшас⁸⁸, кто ты?⁸⁹, отвечай!

Юноша [в ответ]:

— Мне есть что сказать Вам. Если соизволите разрешить, то подробно⁹⁰ расскажу, — [так] ответил.

Царь в свою очередь тоже дал разрешение ответить:

— Говори!

Юноша [произнес]:

— Я и не тэнгри, и не дракон. Я сын придворного сановника⁹¹. В то время как мне хотелось уйти наилучшим образом⁹², родители не дали согласия. Чтобы известить это тело, обрести другое тело⁹³, решив покончить с собой⁹⁴, прыгнул со скалы; прыгал и в воду и даже испробовал яда, [но] так и не умер⁹⁵. [Поэтому] подумал, если преступлю царский закон, то погибну. Надеюсь, что царь [приговорит к] смерти, [но] остался в живых. Вот [что] случилось⁹⁶. [О,] царь, смилуйтесь, проявите благосклонность, соизвольте даровать разрешение уйти наилучшим образом! — так взмолился.

Царь даровал разрешение, препроводил к Будде и доложил обо всем, что случилось ранее. Будда⁹⁷ соизволил дать разрешение уйти наилучшим образом и, когда сказал: «Облачись в религиозные одежды!⁹⁸», — [24a] [тот юноша] стал гелюнгом⁹⁹. Будда преподавал соответствующее¹⁰⁰ Учение (наставления), и его разум (ум) таким образом освободился; подавив врагов¹⁰¹, [он] явно познал три вѣдения¹⁰², преисполнился шестью, а также «восемью таким образом спасающими [степенями освобождения]»¹⁰³.

Затем царь Маджара обратился¹⁰⁴ к Будде: «[О,] Будда, в силу каких совершенных прежде [деяний] этот юный отрок¹⁰⁵ [взростил] плод добродетели [так, что], хотя и прыгнул со скалы — не погиб, хотя и прыгнул в воду — не погиб, хотя и вкусил яд — не погиб, хотя и стреляли [в него] стрелами [из лука], не был ранен, вновь повстречался с Буддой и освободился из сансары?», — ког-

да [он] так спросил, Будда ответил царю следующее: «В прежние времена, когда миновало бесчисленное множество калп¹⁰⁶, в стране под названием Варанаси¹⁰⁷ жил царь по имени Цангби-Джин¹⁰⁸. Тот царь вместе с царицей и ближайшими слугами отправились повеселиться (развлечься)¹⁰⁹ в Прекрасную рощу (лес). В то время, как слуги шли по Прекрасной роще (лесу), распевая песни, царь услышал, что по другую сторону ограды громко кричит какой-то человек. Тот царь, услышав, рассердился и повелел: «Схватите этого человека и казните!».

В это время извне во¹¹⁰ [дворец] явился один сановник, [который], увидев, как какого-то человека посадили в тюрьму, спросил у сопровождавших стражников: «Что за преступление совершил этот человек?» — когда [он] спросил, те рассказали какое преступление тот совершил. Сановник сказал им: «Погодите некоторое время, не убивайте его, я доложу царю», — попросил [так], вошел во дворец и обратился к царю [со словами]¹¹¹: [246] «Человек, которого ведут на казнь, не совершил никакого деяния, за [которое] следует убивать. Никто не видел воочию, что [он] пел песню, насмехался; нет оснований [его] убивать. Да и царице он не сделал ничего плохого. Сохраните ему жизнь, смилуйтесь и соблаговолите отпустить!» — когда [обратился] с такой просьбой, царь повелел не убивать и отпустить.

Тот человек стал слугой того [самого] сановника и по прошествии многих лет задумался: «Погибнуть от чувственных желаний¹¹² — это острее, чем острый меч. То, что я так страдаю, [проистекает] от чувственных желаний», — подумал так и обратился к сановнику: «Я, удалившись наилучшим

образом, предамся созерцанию Пути спасения¹¹³». Сановник ответил: «Что касается меня, то, если ты вознамерился созерцать Путь спасения, я не стану препятствовать¹¹⁴. Возможно, ты спасешься и сможешь повстречаться со мной¹¹⁵», — так наставил. Затем тот человек отправился в уединенное место, держа в мыслях абсолютную истину¹¹⁶, практикуя прилежание¹¹⁷, стал пратьека-буддой¹¹⁸, через какое-то время¹¹⁹ вернулся в город и явился в дом сановника. Великий сановник был очень рад и сделал подношения в равной степени добродетелью¹²⁰ и четырьмя видами¹²¹ [того, чем поддерживают] существование. Затем тот пратьека-будда взмыл в небо, изверг из себя воду, высек огонь, испустил из себя наружу великое сияние и тем самым продемонстрировал восемнадцать превращений. Великий сановник, увидев их, возрадовался и произнес такое благопожелание: «Этот человек, [благодаря] моей заслуге, был призван¹²². Где бы я ни [получал] рождение, пусть мы будем сильны (могущественны), богаты, [25a] а также [будем обладателями] долгой жизни, превосходящей [жизни] других в сто и тысячу раз. Пусть мудрость¹²³ и добродетель¹²⁴ будут подобны этому!» — произнес такое благопожелание. Будда сказал царю: «Тот сановник в то время спас жизнь одного человека и, тем самым, воистину обрел плод¹²⁵. В силу происхождения причины того основания, где бы [он] ни рождался, ничто не угрожало его жизни¹²⁶. Теперь, повстречавшись со мной, обрел наивысший плод¹²⁷», — так изрек. Все многочисленные сподвижники, вторя [словам], проповеданным Буддой, явно возрадовались.

[Это] действительно шестая глава о юноше Ганга-Дара.

Комментарии

⁴⁹ В тибетском оригинале приводится эпитет Будды Шакьямуни *bcom ldan 'das* 'Ушедший с победой' (или *Bhagavan* на санскрите), в переводе же Тугмюд-гавджи мы встречаем краткое и лаконичное *burqun*, что переведено нами как 'Будда'.

⁵⁰ Тибетское *gnas pa 'od ma'i tshul na* (букв. 'в сиятельном месте (местопребывании)') передано как *gerltei ödü* 'в Сиятельном лесу'.

⁵¹ В этом предложении дважды повторяется слово *orśoqson* 'пребывал(а)'; во избежание повтора одного и того же слова в пределах одного предложения мы сочли

возможным перевести его в одном случае как 'пребывал' (применительно к Будде). В другом — как 'находилась' (применительно к птице).

⁵² Зд. букв. 'так дал знать (сообщил, оповестил, поставил в известность)'.

⁵³ Это перевод фразы *kusul xangyadaq bolxla* 'если удовлетворяете (исполняете) желание'. Первоначально автор вместо последнего слова написал *čitxla*, которое зачеркнул, а слева между строк вписал *bolxla*, т.е. из двух вариантов (*kusul xangyadaq čitxla* 'если сможете удовлетворить (исполнить) желание' / *kusul xangyadaq bolxla*

‘если удовлетворяете (исполняете) желание’) автор остановился на втором, поскольку для него очевидно, что божество способно исполнить любое желание просящего. Данный пример демонстрирует еще один факт саморедактирования текста переводчиком в аспектах его графического оформления и выбора подходящей по смыслу лексики.

⁵⁴ Сановник обращается к божеству (тэнгрию), которое незримо существует (присутствует) где-то, но при этом имеет видимый облик (соответствующее изображение). Следовательно, он различает божество и его изображение (святыню). Если некий проситель (в данном случае сановник), просьба которого оказалась не удовлетворенной, проявляет недовольство действиями (или бездействием) божества, то он может обратить все свое негодование (гнев) на изображение этого божества.

⁵⁵ В тексте Тугмюд-гавджи написано местоимение ‘твое’, хотя более подходящим здесь было бы обращение ‘Ваше’, как это и было в предыдущих предложениях.

⁵⁶ Здесь в повествовании подразумевается учение об очередных воплощениях души, о возвращении к земному существованию, о влиянии минувшей жизни на характер нового воплощения, присущее индуизму, буддизму и тантризму.

⁵⁷ Тугмюд-гавджи переводит тиб. *smon-pa* ‘желание, хотение; мольба, просьба’ [Рерих, VII 1986: 152] как *kerq* ‘нужда, дело’, см.: [Позднеев 1911: 284].

⁵⁸ Переводчик приводит тибетское имя этого божества (*Namasira / Nmsra / Namasra*) Намсрай (сокр. *rnam sras* от тиб. *rnam thos kyi sras*). Примечательно, что в тиб. тексте приводится *rnam thos kyi bu* [Dzan., л. 30а: 4–5]. Речь идет о Кубере (другое его имя — Вайшравана), боге богатства, боге-хранителе севера [Рерих, V 1985: 120], одним из главных «защитников религии» [Мифологический словарь 1992: 299–300].

⁵⁹ Зд. букв. ‘дал знать (сообщил)’.

⁶⁰ Зд. букв. ‘подумал, говоря’.

⁶¹ Хормуста тэнгри в мифах монгольских народов верховное небесное божество; восходит к согдийскому Хурмазта (Ахурамазда), который при принятии согдийцами буддизма был отождествлен с Шакрой (Индрой), возглавляющим сонм 33 небесных богов. Хурмазта (Хурмузта) был воспринят средневековыми уйгурами-буддистами и затем (не позднее XV в.) монголами.

В ламаистской (буддийской) космологии Хормуста — главный среди 33 тэнгри, пребывающих на вершине Сумеру и ведущих постоянную войну с асурами. Ему подчинены также четыре махараджи — хранители сторон света (локапалы); он — покровитель земли, всего видимого мира и обитающих в нем живых существ [Мифологический словарь 1992: 594].

⁶² У Тугмюд-гавджи переведено: ‘Это нечто невероятно трудное’.

⁶³ Бодхисаттва (тиб. *lha'i sras* [Dzan., л. 30б: 2]) — букв. ‘сын тэнгрия’; для последователей махаяны идеальная личность, стремящаяся к достижению состояния Будды на благо всех живых существ (см.: [Торчинов 2000: 51–52]).

⁶⁴ Пять качеств (тиб. *yon-tan lnga* [Dzan., л. 30б: 2]), согласно философии школы вайшешиков, следующие: 1) звук как качество космоса; 2) запах как качество земли; 3) вкус как качество воды; 4) ощущение как качество ветра и 5) цвет как качество огня (исправлено по тибетскому тексту; в английском переводе вместо ожидаемого *fire* ‘огонь’ написано *wind* ‘ветер’. — Д. М.). См.: [Tsepak Rigzin 1993: 252–253].

⁶⁵ Зд. букв. ‘когда будешь умирать’ (т. е. когда наступит конец нынешнему перерождению и предстоит получить новое воплощение).

⁶⁶ Уйти (удалиться) наилучшим образом (тиб. *rab-tu byung*) означает ‘стать монахом’. Тугмюд-гавджи переводит этот термин словосочетанием *saitir (sätir) yarxu*. Отметим, что в других известных нам переводах это словосочетание переводится как *toyin bolqu* [UD, л. 26а: 34; Toyin Guši, л. 22а], *toyin bolxu* [Z.-P., л. 25б: 2].

⁶⁷ Под Возвышенным Учением (тиб. *dam pa'i chos* [Dzan., л. 30б:3]) подразумевается Учение, проповеданное Буддой Шакьямуни.

⁶⁸ Хормуста обращается к действующему лицу, о котором ранее было сказано, что он сын тэнгрия, т. е. бодхисаттва (тиб. *lha'i sras*). Из уст Хормусты звучит обращение *тэнгри* (божество, небожитель), а не *сын тэнгрия*, как можно было бы ожидать. В тибетском ксилографе, который у нас имеется, в этом фрагменте текста действительно стоит слово *lha* ‘божество, тэнгри’, а не словосочетание *lha'i sras* ‘сын божества, тэнгрия’ [Dzan., л. 30б: 4]. Тугмюд-гавджи передает данное обращение, строго следуя тибетскому тексту.

⁶⁹ Зд. Хормуста прибегает к уговорам и просит бодхисаттву возродиться сыном сановника, и пока он будет пребывать в этом перерождении, обещает ему помочь стать монахом.

⁷⁰ В тибетском тексте речь идет о том, что бодхисаттва *проник* в чрево (утробу) [царицы] (тиб. *btsun mo'i rum du zhugs so* [Dzan., л. 30б: 5]). Глагол *zhugs* 'входить, вступать' остался не переведенным, а вместо него был переведен глагол *btsas* 'рождаться', с которого начинается следующее предложение тибетского текста: *Phyis btsas pa na...* 'Затем, когда родился...' [Dzan., л. 30б: 5]. Здесь мы наблюдаем своего рода «стяжение» на лексическом уровне текста в переводе Тугмюд-гавджи.

⁷¹ Согласно традициям и обычаям древней Индии, при рождении ребенка призывали гадателя, который по целому ряду признаков и примет предсказывал его будущее.

⁷² У Тугмюд-гавджи — 'Где [вы] нашли этого мальчика?' (тиб. *bu 'di thog-ma gang-nas rnyed ces dris-pas* [Dzan., л. 30б: 6]); глагол *rnyed* имеет значения: 1) находить, встречать, обнаруживать; 2) получать, приобретать [Краткий тибетско-русский словарь 1963: 251].

⁷³ В переводе с санскрита это имя означает 'Дар Ганга, Дарованный Гангом'.

⁷⁴ Зд. речь идет о том, что род 'исчерпается' (тиб. *bsab* [Dzan., л. 31а: 2]).

⁷⁵ Букв. 'корнем'.

⁷⁶ Зд. букв. 'спрыгнул'.

⁷⁷ В тиб. тексте речь идет о большой воде (возможно, реке) (тиб. *chu chen-po* [Dzan., л. 31а: 4]), так же переводит это словосочетание Тугмюд-гавджи: *iki usün* [Т.-Г., л. 23а: 15].

⁷⁸ Зд. досл. 'хотя и съел яд'.

⁷⁹ Тугмюд-гавджи переводит 'если „столкнусь“ с царским законом'.

⁸⁰ В данном случае деепричастие цели *ötohr* досл. переводится 'чтобы (для того чтобы) искупаться'.

⁸¹ Это и следующее предложение составляют одно в переводе Тугмюд-гавджи. В этом фрагменте текста, состоящем из 4–5 предложений (согласно тибетскому оригиналу), переводчиком не проставлены знаки препинания: какие-то предложения он объединяет и переводит как одно, но какие-то переведены как самостоятельные предложения, с законченным действием. Поэтому в данном фрагменте мы сочли возможным восстановить пунктуационные знаки.

⁸² В переводе Тугмюд-гавджи нет указания на то, чью одежду, помимо одеяния царицы, украл Ганга Дара, выбрано лишь местоимение *tedna* 'их', что в точности передает *de dag gi* ('их') тибетского текста.

⁸³ Зд. букв. 'привратник схватил [юношу Ганга Дара], который, спрятав за пазуху [одежду], выходил'. Далее предложение продолжается. Поскольку в тибетском тексте описываемые в этом фрагменте события выражены несколькими отдельными предложениями, мы посчитали возможным перевести их соответственно, не одним предложением, а двумя.

⁸⁴ В тибетском тексте имя царя приводится как *ma skyes dgra* букв. 'Не рожденный враг' [Dzan., л. 31б: 2]. Тугмюд-гавджи передает некоторые имена собственные в транскрибированной тибетской форме, не переводя их.

⁸⁵ Тиб. *khye'u* [Dzan., л. 31б: 3] переводится как 'мальчик; юноша; ребенок; сын' [Рерих, I 1983: 310]; в словаре С. Ч. Даса, помимо значений 'мальчик; ребенок', указано, что предпочтительно переводить это слово как 'юноша', в особенности, когда речь идет о «Сутре о мудрости и глупости» (Dzan-lun) [Das 1991: 165]. Тугмюд-гавджи переводит это слово как *kübüün*, которое имеет значения 'сын, мальчик, юноша, молодой человек' [Позднеев 1911: 294].

⁸⁶ Тиб. *klu* [Dzan., л. 31б: 4] (монг. *luu*, ойр. *luu*) — дракон, мифическое существо, в отличие от тэнгриев и прет, не входит в разряд 6 видов (классов) существ.

⁸⁷ Прета (от санскр. *pretā*, зд. тиб. *yi-dags*, монг. *birid* (бирд) — один из 6 видов живых существ. Ранее упоминается еще один из этих разрядов существ — тэнгрии.

⁸⁸ О якше подробнее см. прим. 39.

⁸⁹ Зд. букв. 'Что за [существо] ты?'.

⁹⁰ Зд. 'хорошенько (наилучшим образом)'.

⁹¹ Зд. букв. '[из] царского дворца'.

⁹² Т. е. стать монахом.

⁹³ Т. е. поменять рождение (переродиться).

⁹⁴ Зд. букв. 'Подумал, покончу-ка с собой'.

⁹⁵ Зд. букв. 'Нет сил (возможности) умереть'.

⁹⁶ Букв. 'Теперь [вот] это происходит'.

⁹⁷ См. прим. 51.

⁹⁸ Тиб. *chos-gos* 'религиозные одежды (одеяние)', на монг. язык, как правило, переводится словосочетанием *nom-tu debel*, Туг-

мюд-гавджи передает его словосочетанием *nomtoi xubca*.

⁹⁹ Гелюн (от калм. *гелн*, тиб. *dge slong* [Dzan., л. 32а: 4]) — монах, принявший высшее монашеское посвящение, заключающееся в соблюдении 253 обетов.

¹⁰⁰ Т. е. подходящее, соответствующее его уму, уровню развития, способности восприятия.

¹⁰¹ Зд. речь идет о том, кто победил своих внутренних врагов (т. е. страсти, приводящие к страданиям), о том, кто, практикуя учение (дхарму), стал архатом (тиб. *dgra bcom-pa*) [Das 1991: 277; Рерих, II 1984: 162].

¹⁰² Три ведения (тиб. *rig-pa gsum* [Dzan., л. 32а: 5], *γurbon uxā* [Т.-Г., л. 24а: 2–3]). Ю. Н. Рерих приводит следующие объяснения этого термина: а) знание прежних рождений, своих и чужих; знание будущих рождений; знание того, как достигнуть освобождения от сансарического бытия; б) осознание того, что все преходяще; осознание того, что удел всех существ — страдание; осознание того, что телесное существование иллюзорно [Рерих, IX 1987: 66–67].

¹⁰³ Данный термин является переводом тиб. *rnam-par thar-pa brgyad* [Dzan., л. 32а: 5] — «восемь степеней освобождения (от сансарического бытия)» [Рерих, V 1985: 119]. Справочники буддийских терминов выделяют восемь освобождений (тиб. *rnam thar brgyad*): а) три освобождения в мире форм и б) пять освобождений в мире не-форм. Подробнее см.: [Tsepak Rigzin 1993: 157].

¹⁰⁴ Зд. букв. «дал знать, сообщил».

¹⁰⁵ Тиб. *khye 'u gzhon-nu* [Dzan., л. 32а: 5] Тугмюд-гавджи переводит как *bičikin kübüin* «маленький мальчик» [Т.-Г., л. 24а: 5].

¹⁰⁶ Калпа (кальпа) (тиб. *bskal-pa*) — мировой период, космический период [Рерих I, 1983: 222]; в буддийской космологии период существования Вселенной [Буддизм 1992: 143].

¹⁰⁷ Варанаси — город и страна в древней Индии, важное место в биографии Будды, с ним связаны многие события его жизни.

¹⁰⁸ Цангби Джин (от тиб. *tshangs-pas byin* [Dzan., л. 32б: 2]) — царь, правивший в стране Варанаси. Как видим, автор оставил это имя без перевода, в его тибетской транскрипции.

¹⁰⁹ В тиб. тексте речь идет о том, что царь и царица в сопровождении свиты направились во внешние пределы роши (леса).

¹¹⁰ Тугмюд-гавджи переводит: «внутри дворца».

¹¹¹ Зд. букв. «дал понять».

¹¹² Тиб. *'dod chags* [Dzan., л. 33а: 3].

¹¹³ Тиб. *thar pa 'i lam* [Dzan., л. 33а: 4].

¹¹⁴ Зд. букв. «Я не стану преподой, преградой».

¹¹⁵ Речь идет о завершении одного переорождения и начале другого.

¹¹⁶ От тиб. *don dam pa* [Dzan., л. 33а: 5] — «высшая истина; подлинная сущность; духовное знание» [Рерих, IV 1985: 198], «абсолютная истина; совершенная истина» [Lessing 1960: 1192], которая противопоставляется «относительной или внешней (поверхностной) истине» (тиб. *kun rdzob kyī bden pa*) [Lessing 1960: 1171].

¹¹⁷ Прилежание (или усердие) (в тиб. тексте *brtson-'gras* «старание, прилежание, усердие») — одна из 6 парамит, практикуя которые, личность может достичь состояния пратьека-будды (см. напр.: [Дже Гампопа 2001: 156–161]). Речь идет о пути бодхисаттв или о пути «совершенств, переводящих на другой берег существования». Единство всех шести парамит и есть пробуждение, обретение состояния Будды (см.: [Торчинов 2000: 56–57]).

¹¹⁸ Пратьека-буддой (пратьекабуддой) от тиб. *rang sangs-rgyas* [Dzan., л. 33а: 6], т. е. «уединенным» или «отъединенным» Буддой, «Буддой для себя», называют такую категорию людей (социальную группу, тип личности), которые «обретают нирвану самостоятельно, собственными усилиями, вне связи с сангхой и без опоры на учение Будды. Достигнув цели, они не проповедают Дхарму людям, оставаясь в уединении и полном отрешении от мира» [Торчинов 2000: 52]. Пратьека-буддами, наряду с термином «шраваки», в махаянских текстах называют хинаянских святых, достигших нирваны, которая, по мнению махаянистов, не является истинной и высшей нирваной, поскольку считают, что таковой является исключительно достижение состояния Будды, состояния истинного пробуждения [Торчинов 2000: 52].

¹¹⁹ У Тугмюд-гавджи букв. «в последующем».

¹²⁰ Тиб. *bsod snyoms* [Dzan., л. 33а: 6].

¹²¹ Тиб. *'cho [=tsho]-ba 'i yo byad rnam-pa bzhi mi brel-bar phul-te* [Dzan., л. 33а: 6].

¹²² В тиб. тексте речь идет о том, что этот человек, благодаря заботе сановника, остался в живых (жил, существовал) (*'tsho*

bar gyur) [Dzan., л. 33б: 2], Тугмюд-гавджи переводит это слово как *tejqdla* 'был вскармливаем, получал заботу' [Т.-Г., л. 24б: 24].

¹²³ Тиб. *ye-shes* [Dzan., л. 33б: 3] переведено как *beleq biliq* [Т.-Г., л. 25а: 2].

¹²⁴ Тиб. *bsod-nams* [Dzan., л. 33б: 3] переведено как *buyun* [Т.-Г., л. 25а: 2].

¹²⁵ Тиб. *'bras-bu thob* 'обрести плод' [Dzan., л. 33б: 3].

¹²⁶ Зд. буквально 'не было препон'.

¹²⁷ От тиб. *'bras-bu mchog thob-par gyur* [Dzan., л. 33б: 4–5], т. е. 'обрести наивысший плод'.

***

На основе проведенного анализа VI главы рукописи перевода Тугмюд-гавджи можно отметить следующее: данный перевод, завершённый в 1968 г., является самым поздним из известных ойратских переводов тибетских буддийских текстов, выполненных калмыками; автор является одновременно и переписчиком, и редактором своего перевода; среди археографических особенностей рукописи можно указать на наличие двух разновидностей почерка, а также на такие особенности графического оформления текста Тугмюд-гавджи на «ясном письме», как элементы стяжения (скорописи) в начертании как гласных, так и согласных графем и др. В своем переводе Тугмюд-гавджи строго следует тибетскому тексту, не вводя при этом дополнительных слов, однако имеются случаи пропуска отдельных слов и пунктуационных знаков, что нами отражено в тексте транслитерации и перевода.

Сокращения

Букв. — буквальный; досл. — дословный; зд. — здесь; крат. — краткий; КТРС — Краткий тибетско-русский словарь; л. — лист; монг. — монгольский; назв. — название; ойр. — ойратский; тиб. — тибетский.

Источники

- Dzan. — *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* «Сутра о мудрости и глупости». Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КИГИ РАН. ФД-15 (Фонд О. М. Дорджиева). Опись 1, ед. хр. 20. 293 л.
- UD — *Üliger-iin dalai-yin neretü sudur orusibai* «Море притч» (Перевод Ширээт-гуши-цорджи). Ксилограф на монгольском языке, бурятское издание — Научный архив КИГИ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). Опись 1, ед. хр. 193. 284 л.
- Т.-Г. — *Oülgurun dalai* («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на «тодо бичиг». — Научный архив КИГИ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). (Поступила от

О. М. Дорджиева в 1968 г.). Оп. 1, ед. хр. 2. Тетради 1–4. 289 л.

Toyin Guši — *Le Damamūkonāmasūtra: Texte mongol du Toyin Guši* par C. Šagdarsüren. Budapest: Akad. Kiado, 1989. XVIII, 469 p. (Monumenta linguae mongolicae collecta. 10).

Z.-P. — *Oirat Version of Damamūkonāmasūtra. Üligeriyin dalai* // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. Т. XVI, fasc. 2. Ulaanbaatur, 1970. 120 p.

Литература

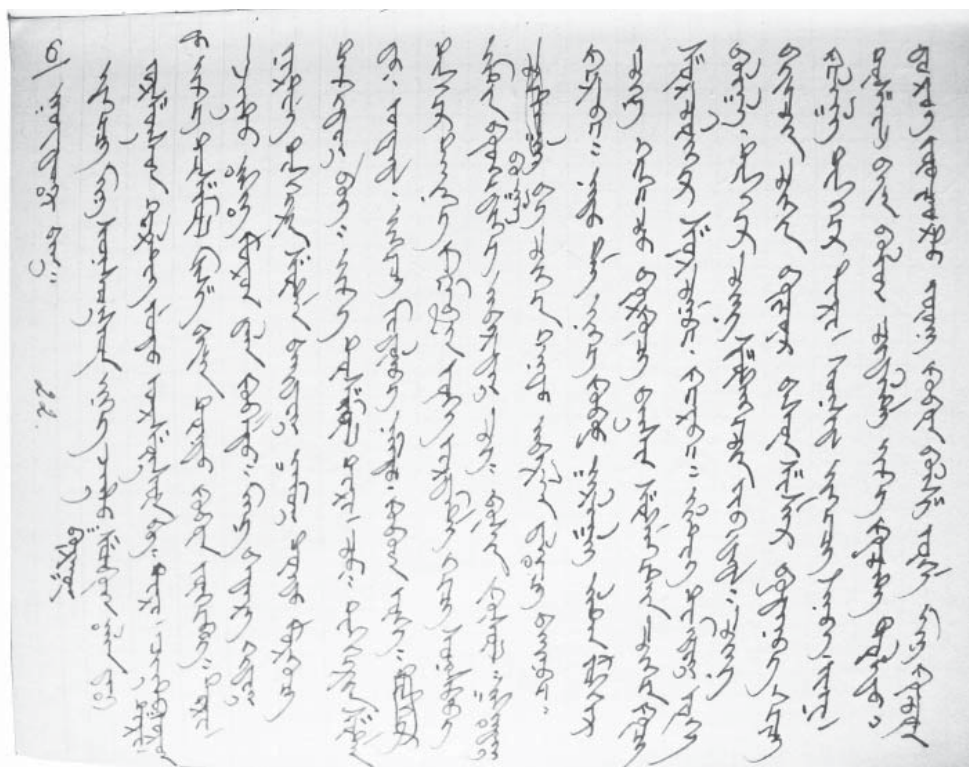
- Буддизм: Словарь / под общ. ред. Н. Л. Жуковской. М.: Республика, 1992. 287 с.
- Дже Гампопа, Дагпо Лхардже Сенам Ринчен (1079–1153). Драгоценное украшение освобождения. Исполняющая желания драгоценность истинного Учения / пер. с тиб. Б. Ерохина. СПб.: Уддияна, 2001. 340 с.
- Краткий тибетско-русский словарь / сост. Б. В. Семичев, Ю. М. Парфионович, Б. Д. Дандарон / под ред. Ю. М. Парфионовича. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. сл., 1963. 581 с.
- Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Большая Рос. энцикл., 1992. 736 с.
- Музраева Д. Н. О графической системе Тугмюда-гавджи (1887–1980) (на материале перевода «Сутры о мудрости и глупости») // Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков. Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 94–95.
- Музраева Д. Н. «Сутра о мудрости и глупости» у ойратов и калмыков: к сопоставительному исследованию переводов Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662) и Тугмюда Гавджи (1887–1980) // Мат-лы III Междунар. науч. конф. «Проблемы литератур Дальнего Востока»: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008а. С. 317–323.
- Музраева Д. Н. О лексических особенностях перевода тибетского сочинения «Сутра о мудрости и глупости», выполненного Тугмюд-гавджи // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России. Мат-лы Общерос. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2008б. С. 174–178.
- Музраева Д. Н. О переводческой деятельности Тугмюд-гавджи (1887–1980) // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008в. С. 90–113.
- Музраева Д. Н. Традиция ойратских переводов с тибетского языка (на материале перевода «Üligeriyin dalai», выполненного Тугмюдом Гавджи (О. М. Дорджиевым) // Владимирские чтения—V. Доклады Всерос. науч. конф. М.: ИВ РАН, 2006. С. 165–173.
- Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, вве-

- дение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения Н. С. Яхонтовой; Институт восточных рукописей РАН. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.
- Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1911. 306 с.
- Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. I–XI. Вып. I, II, IV, V, VI, VII, IX. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1987. 378, 407, 374, 312, 372, 321, 296 с.
- Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение письменности монгольских народов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. 161 с.
- Стандарт Старославянского Кириллического Письма [электронный ресурс] // URL: http://manuscripts.ru/mns/docs/standard_ocs.pdf (дата обращения: 15.08.2012).
- Торчинов Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2000. 304 с.
- Убушаев Н. Н. О Тугмюд-гавджи // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 163–166.
- Улгэрийн Далай (Шулуун уналт хэмээх судар). Ширээт гүүш цоржийн орчуулга. Монгол бичгээс крилл бичигт хөрвүүлэн тайлбар хийсэн Д. Бүрнээ, Д. Энхтөр. Улаанбаатар, 1996. 220 х.
- Das S. Ch. A Tibetan–English Dictionary with Sanskrit Synonyms by S. Ch. Das. Revised and Edited by G. Sandberg and A. William Heyde. Delhi: Motilal Banarsidass, 1991. 1353 p.
- Lessing F. D. (General Editor) Mongolian–English Dictionary. Compiled by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin and F. D. Lessing. Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 1960. 1197 p.
- Tsepak Rigzin. Tibetan–English Dictionary of Buddhist Terminology by Tsepak Rigzin. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives. Second Revised ed. 1993. 309 p.

Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиев). *Oülgurun dalai* («Море притч»)

Xoydoyr baq: Zurγaduyr bülöq

Факсимиле рукописи

Handwritten text in a cursive script, likely Khalkha or Kalmyk, written on aged paper. The text is arranged in approximately 15 horizontal lines, filling most of the page. The script is dense and flowing, with many loops and flourishes. The paper shows signs of age, including slight discoloration and some wear at the edges.

л. 236

Handwritten text in a cursive script, likely Khalkha or Kalmyk, written on aged paper. The text is arranged in approximately 15 horizontal lines, filling most of the page. The script is dense and flowing, with many loops and flourishes. The paper shows signs of age, including slight discoloration and some wear at the edges.

л. 24a

[The page contains dense handwritten text in Arabic script, which appears to be bleed-through from the reverse side of the document.]

л. 246

Handwritten musical notation on ten staves, featuring various notes, rests, and clefs.

л. 25а

УДК 940.2(470.47)
ББК 63.5 (2 Рос=Калм)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ОПЫТА САМОПОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

В. И. Бадмаева

Стремительные изменения в обществе и инновационные процессы в образовании требуют существенных изменений в системе педагогического образования. Современной школе нужен педагог гуманитарного типа [Белова 2006: 278]. Необходим серьезный пересмотр с позиций идей гуманитарности, содержания и способов профессиональной подготовки будущего учителя как субъекта профессиональной деятельности, автора своей системы, носителя педагогической культуры. Особую роль в связи с этим играет накопление у будущих педагогов опыта самопознания, который является базой для всех других видов профессионального опыта, основой педагогических компетентностей. Какие бы компетентности (информационные, коммуникативные, специально-предметные, исследовательские, личностные и другие) ни осваивал студент педагогического вуза, ему важно понимать самого себя — того, кто должен быть носителем этих компетентностей.

Одним из недостатков в подготовке педагога сегодня, как утверждает В. И. Слободчиков, является диктат знаниевого подхода, при котором студенты имеют дело не с содержанием будущей профессиональной деятельности, а с научными предметами. [Слободчиков 2005: 202]. Подготовка учителя-предметника («урокодателя») — такая цель уже не может отвечать запросам нового времени. Очевиден ответ на вопрос, который формулирует В. В. Сериков: «Для чего ... нужен учитель, если сообщение информации и отработку умений компьютер может провести не хуже, а в каких-то отношениях и лучше его самого?» [Сериков 2012: 321]. В образовательном процессе нередко наблюдаются разрыв между интеллектуальной и эмоциональной сферами, а также между теоретическим и практическим обу-

чением. Нужно принципиально иное понимание профессионального образования, реализующего «рефлексивно-мыслительную культуру» [Слободчиков 2005: 203]. Причиной возникших сегодня проблем в педагогической практике является недостаточная представленность знания в образовательном процессе в том смысле, что оно определяет не только содержание мышления, но и содержание личности. Как показывают исследования, у учителей наблюдаются низкие показатели интереса к себе, сосредоточение усилий на защите своего «Я», предъявление повышенных требований к окружающим, нежелание анализировать свою работу, неумение определять сильные и слабые ее стороны, трудности при анализе и осмыслении нестандартных педагогических ситуаций. [Биктагирова 2004: 3]. Педагогам не хватает знаний о собственных внутренних структурах, и, следовательно, отсутствует достаточная готовность к решению новых задач, стоящих перед образованием. Одна из причин этого — неполное внимание к опыту самопознания как важному компоненту содержания образовательного процесса.

Анализ системы подготовки будущих педагогов позволяет утверждать, что опыт самопознания включается в содержание образования фрагментарно и несистемно. Содержание педагогической практики связано главным образом с предметно-методической составляющей. Как отмечено в ряде исследований [Белова 2006; Рукавишникова 1999; Слободчиков 2005], выпускники педагогических вузов не знают в полной мере своих возможностей, не могут четко сформулировать свою позицию в профессии, имеют смутные представления о собственной личности как «педагогическом инструменте». Работу со студентами по формированию адекватного представления о себе как субъекте педагогической деятельности

целесообразно начинать на ранних этапах профессионального становления учителя, когда профессиональная Я-концепция находится еще в стадии формирования и студенты открыты новому опыту и новой информации о себе. Большие возможности для такой работы предоставляет педагогическая практика студентов.

Программой педагогической практики, разработанной в Калмыцком государственном университете для студентов 2–5 курсов по специальности «Педагогика и методика начального образования» [Бадмаева и др. 2007], предусмотрены следующие виды деятельности: посещение и анализ не менее 15 уроков школьного учителя, самостоятельное проведение учебных занятий со школьниками, проведение внеурочного мероприятия по предмету, организация деятельности в качестве классного руководителя, выполнение научно-методической и опытно-экспериментальной работы по психолого-педагогическим дисциплинам, оформление отчетного материала по итогам педагогической практики, написание конспектов проведенных уроков и зачетных мероприятий, ведение психолого-педагогического дневника. Это традиционно сложившаяся система видов деятельности студентов-практикантов.

Как показал анализ практики будущих учителей за последние 10 лет (всего были обследованы результаты работы 520 студентов), самой трудной проблемой для подавляющего большинства из них остается их психологическая неготовность к работе с детьми, отсутствие знания о собственных возможностях и способностях. Обнаружен дисбаланс между, с одной стороны, знаниями предмета, методики его преподавания и, с другой стороны, умениями выстраивать общение с детьми, осуществлять саморегуляцию и самоуправление. В связи с этим был сделан вывод, что в содержание педагогической практики необходимо включать формы работы по развитию опыта самопознания студентами себя как субъектов данных мероприятий.

Следует отметить, что понятие самопознания глубоко изучено отечественными психологами [Маралов 2004; Орлов 1987; Столин 1985; Шадриков 1996 и др.]. Раскрыты многие аспекты проблемы профессионального самопознания [Боброва 1989; Васьковская 1987; Козиев 1980; Метельский 1979; Митина 2004 и др.] Доказано,

что система знаний и умений, приобретенная педагогом в процессе познания личности учащегося и самопознания, является одним из важных условий творческого решения педагогических задач и служит предпосылкой совершенствования педагога как субъекта профессиональной деятельности [Метельский 1979: 89]. Связь профессионального самопознания педагога с уровнем его профессионализма обоснована в работах А. К. Марковой [1995], Л. М. Митиной [2004], В. А. Кан-Калика и Н. Д. Никандров [1990].

Несмотря на большое количество исследований, посвященных проблеме профессионального самопознания педагога, нужно отметить, что остаются неясными вопросы о самопознании как специфическом опыте будущего учителя, встроенном в содержание личностно ориентированного профессионального образования, о формировании такого опыта у студентов в их процессе педагогической практики. Анализ современного состояния педагогической теории и практики позволил выделить противоречия между важностью профессиональной подготовки будущих педагогов, способных быть субъектами педагогической деятельности, и фрагментарностью знаний в педагогике об опыте самопознания как основе профессионализма; необходимостью включения опыта самопознания будущих учителей в содержание их педагогической практики и отсутствием четкого понимания специфики такого включения; целесообразностью формирования у будущих учителей опыта самопознания в условиях педагогической практики и неразработанностью модели данного процесса.

Опыт самопознания является разновидностью личностного опыта, который предстает «следствием не логических истолкований внешнего объектного мира ... а результатом надления смыслом ценностей окружающего мира, рефлексии собственных переживаний и поступков и служит источником собственной позиции, ориентировочной основой поведения в аксиологическом пространстве, определения своего места в мире других личностей» [Сериков 2012: 100–101]. Это базовый опыт, обеспечивающий будущему учителю наиболее глубокое постижение своей профессии и формирование необходимых профессиональных компетентностей. Понимание себя дает студенту понимание «человеческого фактора»

в педагогической деятельности и позволяет выстраивать собственную Я-концепцию, которая представляет собой обобщенное представление о самом себе, о системе установок относительно собственной личности; она включает «образ Я», складывающийся на основе знания личности о себе в данный период жизни, о том, какой она может стать, какой должна быть, знание о том, какой может изобразить себя, знание о том, какой она выступает для окружающих [Кон 1984; Погребная 2007; Подосинникова 2003; Москаленко 2000 и др.].

На основе результатов психологических исследований, касающихся понятия самопознания и самопонимания, а также знания о содержании понятий опыта, личностного опыта можно сделать вывод, что опыт самопознания будущего учителя — это система знаний, мыслей, действий и переживаний, касающихся понимания себя как субъекта действия в условиях педагогической практики, как носителя ценностей педагогической профессии и автора собственной Я-концепции. Педагог проявляет себя в сферах, связанных с общением с ребенком: созданием продукта труда (программы, урока, мероприятия), рефлексией своей деятельности. Очевидна здесь роль его психофизических данных и феноменов субъективной реальности. В результате анализа исследований по данной проблематике в опыте самопознания можно выделить следующие компоненты:

1) опыт изучения себя как носителя ценностей, отношений и переживаний (знание о себе как носителе внутреннего мира);

2) опыт изучения своих способов общения и педагогического воздействия (знание о себе как собеседнике, субъекте общения);

3) опыт изучения предметно-методической деятельности (знание о себе как специалисте своего предмета).

Понимание функций исследуемого опыта связано с пониманием личности педагога как субъекта своей профессиональной деятельности и специфики этой самой деятельности. Субъектность педагога проявляется в его умении быть активным, целостным, самостоятельно принимать решения. Педагогическая деятельность включает в себя много других видов деятельности: аналитического, коммуникативного, организационного и других. В связи с этим можно выделить следующие функции: 1) рефлексивно-развивающую, которая способствует развитию рефлексивной сферы и способно-

сти анализировать свои поступки, мышление, действия и деятельность; 2) коммуникативно-развивающую, которая позволяет накапливать умения, связанные с установлением диалога с ребенком; 3) субъектно-развивающую, которая направлена на становление позиции субъекта своей профессии; 4) регуляторно-управленческую, которая позволяет осуществлять саморегуляцию и проектировать свои действия.

Опыт самопознания рассматривается нами как компонент содержания образования, позволяющий обеспечивать формирование базовых способностей будущих учителей, которые связаны с их профессиональным образованием. Самопознание является системообразующим компонентом содержания педагогической практики, имеющего предметный (знание предметного материала), метапредметный (конструирование деятельности) и личностный (управление личностным развитием) уровни. Содержание педагогической практики, ее виды и формы проектируются с ориентацией на формирование у студентов опыта самопознания. Его основу составляет разработка Я-концепции будущих педагогов. По сути, работа над такой концепцией есть механизм формирования опыта. И такая работа должна носить интегративный и интерактивный характер, когда происходит объединение игрового, проектного и исследовательского методов. Я-концепция здесь предстает как одна из интересных форм, позволяющая организовывать процесс самопознания с помощью средств самоотчета (автобиография, письмо, дневник) и «опредмечивать» разные аспекты собственной личности, исследовать уровни своей профессиональной готовности.

Модель формирования у будущих учителей опыта самопознания включает в себя описание целей поэтапного его формирования, программы педагогической практики, ее содержания и форм, методов работы со студентами, результатов этой деятельности. Каковы же этапы процесса формирования опыта самопознания у студентов?

Как показал анализ деятельности студентов, сложившаяся образовательная практика не способствует стимулированию интереса студентов к исследованию самих себя как будущих профессионалов. Приоритет отдается научным понятиям и предметной информации. Процесс педагогической практики часто формализован. Будущим

учителям важно не заучивать те или иные истины, не осваивать готовые алгоритмы, а добывать живое знание. И это, с одной стороны, требует понимания себя как субъекта познания, с другой — обращения к тому «живому», что составляет внутренние процессы личности: переживания, отношения, мышление, чувства, состояния.

В контексте личностно ориентированного подхода содержание и процесс педагогической практики должны опираться на запросы самих студентов и их личностно-профессиональную проблематику. Учитывая «генеральную линию» развития студента и его индивидуальный путь в образовании, следует также принимать во внимание специфику предметного содержания педагогической практики, которая включает пассивную стажировку, сотрудничество с учителями и самостоятельную работу. Таким образом, можно выделить принципы, на которых проектируется процесс формирования опыта: личностного запроса (система заданий исследовательской и проектной деятельности, который формируется на основе выявления проблематики педагогической практики и выявления индивидуальных запросов самих студентов), системоорганизующей деятельности (группировки видов деятельности вокруг работы над «Я-концепцией»), баланса индивидуальной и групповой работы стимулирования инициативы (выявление сильных сторон студентов, переход от пассивной стажировки к активным формам, поиск новых форм работы).

Формирование опыта самопознания осуществляется в процессе реализации программы педагогической практики, которая предполагает четыре этапа. В ходе экспериментальной работы на первом этапе — проблемно-поисковом — ставится задача осмысления студентами своей готовности к прохождению педпрактики, рефлексия своих ценностных установок и поиск Я-образа. Будущим учителям предлагаются вопросы-задания, связанные с выявлением собственных опасений¹.

¹ Приведем примеры ответов, полученные в ходе нашей экспериментальной работы: студентка Б: «Я боюсь детей, их продвинутости, мышления. Еще я не могу повысить на них голос, и, если я начну кричать, немногие дети обратят на меня внимание»; студентка Т: «Думая о педпрактике, я переживала, смогу ли я достаточно доступно изложить новый материал на уроке,

Как оказалось, студенты испытывают разные страхи, и это является их самой большой проблемой в процессе прохождения практики. Выявление психологических проблем и проигрывание их перед тем, как начнется стажировка в школах, — это основа эффективности непосредственного прохождения педпрактики.

Второй этап — стажировочно-рефлексивный — посвящен анализу своего восприятия опыта школьных учителей, интерпретация Я-концепции учителей, анализ своих собственных профессиональных действий. Студенты учатся «видеть» педагогическую деятельность отдельного учителя, понимать ее логику и закономерности.

На третьем этапе — самооценочном — будущие учителя исследуют и оценивают свои возможности и способности, цели и ценности, лежащие в основе их представлений о будущей профессии. Они разрабатывают собственные уроки и мероприятия. Главными здесь являются анализ переживаний, связанных со своим участием в тех или иных мероприятиях (например, дневник «Один день из жизни практиканта») и работа над набросками Я-концепции.

Четвертый этап — концептуально-проектировочный — включает проектирование студентами индивидуальных программ профессионально-личностного развития и создание Я-концепции. На данном этапе происходит обобщение опыта, полученного за период педагогической практики. Студенты оформляют портфолио, собирают накопленный материал, отражающий их многообразный опыт самоисследования («Мой образ глазами учеников», «Самый трудный ученик», «Мое присутствие на уроке», «Мои страхи», «Как я общаюсь с детьми», «Школа, в которой я хочу работать», «Какой я учитель» и т. п.).

Таким образом, опытно-экспериментальная работа в рамках развития опыта самопознания у будущих учителей показала, что разработанная модель педагогической практики способствует формированию опыта самопознания студентов. У студентов повысился интерес к профессии, снизилась тревожность по поводу педагогической практики. Следует отметить развитие коммуникативных, творческих и исследовательских способностей. В ходе педагогического успеха ли я за 40 мин. объяснить и закрепить новые знания».

ческой практики будущие учителя осознали значение работы над собой и необходимости поиска ответов на вопросы не только о трудных детях, сложностях профессии, но и самих себя.

Литература

- Бадмаева В. И., Дженгурова Б. Н., Краснокутская О. А. Комплексная программа педагогических практик для студентов 2–5 курсов специальности «Педагогика и методика начального образования». Элиста: КалмГУ, 2007. 40 с.
- Белова С. В. Педагогика диалога: теория и практика построения гуманитарного образования. М.: АПКИПРО, 2006. 360 с.
- Биктагирова Г. Ф. Дидактические условия развития педагогических рефлексий в процессе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2004. 170 с.
- Боброва Е. М. Психологические особенности профессионального самопознания студентов педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989. 23 с.
- Васьковская С. В. Психологические условия формирования профессионального самопознания учителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Киев, 1987. 26 с.
- Кан-Калик В. А., Никандров Н. Д. Педагогическое творчество. М.: Педагогика, 1990. 144 с.
- Козиев В. Н. Психологический анализ профессионального самосознания учителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1980. 23 с.
- Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Маралов В. Г. Основы самопознания и саморазвития: учеб. пос. для студ. сред. пед. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 256 с.
- Маркова А. К. Психологические критерии и степени профессионализма учителя // Педагогика. 1995. № 6. С. 56–62.
- Метельский Г. И. Психологические особенности гностической деятельности учителя. Л.: ЛГУ, 1979. 136 с.
- Митина Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя: учеб. пос. для студ. высш. педагог. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 320 с.
- Москаленко О. В. Развитие профессионального самосознания руководителей образовательных учреждений: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000. 506 с.
- Орлов Ю. М. Самопознание и самовоспитание характера: Беседы психолога со старшеклассниками. М.: Просвещение, 1987. 224 с.
- Подосинников С. А. Психологические факторы становления профессионального самосознания у студентов: дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2003. 144 с.
- Погребная О. С. Рефлексия как условие формирования адекватной «Я-концепции» педагога: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2007. 25 с.
- Сериков В. В. Развитие личности в образовательном процессе. М.: Логос, 2012. 448 с.
- Слободчиков В. И. Очерки психологии образования. Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2005. 270 с.
- Столин В. В. Познание себя и отношение к себе в структуре самосознания личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1985. 37 с.
- Рукавишников Н. Г. Профессиональное самопознание студентов педагогического вуза: дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 268 с.
- Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека: учеб. пос. М.: Логос, 1996. 318 с.

**СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ**

З. В. Медведева

Гражданско-патриотическое воспитание — сложный комплексный и многомерный процесс, содержание которого в разные исторические эпохи определялось различными идейными подходами: политическим, военно-патриотическим, этнокультурным и др., — а степень востребованности находилась в прямой зависимости от политического, социально-экономического, социо-культурного развития в стране.

Следует отметить, что она характеризуется нестабильностью, связанной с трансформацией морально-нравственных устоев, наличием в обществе межнациональных и религиозных конфликтов, забвением многих традиций предков, преобладанием материальных ценностей над духовными и прочими негативными явлениями, имеющими место как в стране, так и в мире в целом.

Исходя из этого, сегодня, на наш взгляд, правомерно говорить об особой актуальности этнокультурного подхода к гражданско-патриотическому воспитанию, который предполагает ориентацию на комплексное освоение этнокультурного наследия, обладающего воспитательным потенциалом в формировании чувств гражданственности и патриотизма по отношению к своей большой и малой Родине. Определяющую роль в этнокультурном подходе к гражданско-патриотическому воспитанию играют механизмы реализации его содержательных аспектов, которые с течением времени нуждаются в обновлении и усовершенствовании.

В условиях технологизации образовательно-воспитательного процесса, являющейся одной из наиболее ярких глобальных тенденций в сфере образования в XXI в., произошла оптимизация форм, методов и приемов организации учебно-воспитательной деятельности, которая также затронула сферу этнокультурного образования. Все это привело к созданию новых, достаточно эффективных механизмов реализации в

образовательных учреждениях элементов этнокультуры, отвечающих как современным требованиям в сфере образования, так и потребностям общества, связанным с ознакомлением, сохранением и приумножением традиционной самобытной национальной культуры. Этими механизмами, функционирующими в учебных заведениях различного уровня и профиля (в том числе в Республике Марий Эл), являются этнокультурные образовательные технологии.

Понятие «этнокультурные образовательные технологии» (в некоторых источниках — «этнокультурные технологии») в отечественной педагогической литературе является относительно новым, в данной формулировке оно встречается в небольшом количестве источников [Селевко 2006; Строков 2002; Федорова 2010 и др.]. В современной научной литературе имеются различные трактовки данного понятия, которые обусловлены представлениями тех или иных авторов о их сущности и возможностях применения в различных сферах деятельности [Кукушин 2003; Строков 2002 и др.].

Согласно нашей точке зрения, этнокультурные образовательные технологии можно определить как совокупность воспитательных приемов, форм, методов, средств обучения, базирующихся на фундаментальных основах народной педагогики, теории этноса, этнопсихологии, философии, культурологии, фольклористики, социально-культурной деятельности, а также других пограничных отраслях научного знания, позволяющих оптимизировать и активизировать процесс освоения, сохранения, приумножения и трансляции этнокультуры в современных условиях.

С целью проверки эффективности использования этнокультурных образовательных технологий в гражданско-патриотическом воспитании будущих педагогов нами была организована и проведена эксперимен-

тальная работа на базе Марийского государственного университета, в которой приняли участие 100 будущих педагогов. В рамках экспериментального спецкурса «Формирование этнической духовности и гражданской идентичности обучающихся в условиях поликультурной среды» мы использовали этнокультурные образовательные технологии теоретической, практической комплексной направленности: информационные, тренинговые, презентационные, электронно-ресурсные, игровые, интеллектуальные (викторины этнокультурной направленности), творческие (семинары этнокультурной направленности) и др., которые, на наш взгляд, отражают основные аспекты образовательно-воспитательной деятельности в сфере этнокультурного образования: содержательного, деятельностного, личностного (см. таблицу).

В качестве примера приведем одну из разработанных и апробированных нами этнокультурных образовательных технологий — технологию «Музей народной мудрости».

Цель технологии — формирование гражданско-патриотической воспитанности будущих педагогов средствами фольклора, развитие представлений о воспитательной ценности народных традиций и механизмах их трансформации в современный образовательный процесс.

Задачи:

- повысить уровень гражданско-патриотической воспитанности будущих педагогов;
- познакомить с народными пословицами и поговорками гражданско-патриотической тематики;
- повысить уровень восприятия народных пословиц.

Оборудование и материалы: бумага, ватман, ножницы, краски, карандаши, кисти, клей.

Время выполнения: 45 минут.

Процедура проведения: студенты делятся на 2 команды и размещаются в разных аудиториях, где преподаватель объясняет им правила технологии. В каждой из аудиторий к доске приклеиваются листы бумаги с народными пословицами, основная идея которых связана с гражданско-патриотическим воспитанием и различными его аспектами (отношение к Родине, народу, народным традициям и т. д.). Задача каждой из команд — сделать иллюстрации к

каждой пословице исходя из особенностей ее понимания (время выполнения задания 15 минут).

Пословицы

- Будь не только сыном своего отца — будь и сыном своего народа (русская народная пословица).
- Всякому мила своя сторона (марийская народная пословица).
- В каком народе живешь, того и обычая держись (русская народная пословица).
- В родном краю, как в раю (марийская народная пословица).
- Всякий родину любит, как святое место (абхазская народная пословица).
- Гвоздь подкову спасет, подкова — коня, конь — хребца, хребец — Родину (татарская народная пословица).
- Где бы ты ни был, родную страну не забудешь (мордовская народная пословица).
- Как бы ни было сладко жить на чужбине, всегда тянет к родной стороне (татарская народная пословица).
- На чужбине дороже богатств родная сторона (башкирская народная пословица).
- Расставшись с другом, плачут семь лет, расставшись с родиной — всю жизнь (узбекская народная пословица).
- Родина — матушка родная, чужая страна — мачеха (чувашская народная пословица).
- Где выросла сосна, там она и красна (русская народная пословица).

Затем командой выбирается один участник для роли экскурсовода, который идет в соседнюю аудиторию к другой команде и расклеивает на доске иллюстрации, созданные его командой, и проводит небольшую обзорную экскурсию продолжительностью не более 10 минут, в течение которой он должен раскрыть основную идею выставки, охарактеризовать жанровое и стилистическое содержание картин и т. д., не называя при этом пословицы, которые лежат в ее основе. Далее экскурсоводы возвращаются в свои команды, которым дается задание объединить картины (нарисованные другой командой) иллюстрирующие одну и ту же пословицу путем приклеивания к листу ватмана (должно получиться 12 листов ватмана с количеством рисунков, определенных количеством человек в микрогруппе), которые объединены тематикой одной пословицы.

*Этнокультурные образовательные технологии, использованные
в рамках содержательного, деятельностного, личностного компонентов
гражданско-патриотического воспитания будущих педагогов*

№	Название компонента	Основные критерии	Примеры этнокультурных образовательных технологий
1.	Содержательный компонент	• знание основ гражданско-патриотического воспитания, предполагающее формирование представлений у участников образовательно-воспитательного процесса об основных нормативно-правовых актах; общественных деятелях, организациях, занимавшихся и занимающихся в настоящее время вопросами гражданско-патриотического воспитания; • знание основ межнационального общения, навыков поведения в той или иной этнокультурной среде; • знание этнокультурных особенностей народов: праздников, обрядов, обычаев, традиций, семейно-бытового уклада, промыслов, ремесел и т. д.; • знание возможностей трансформации воспитательного потенциала гражданско-патриотического характера этнокультуры в современных условиях.	Этнокультурные образовательные технологии, способствующие формированию навыков межнационального общения и толерантного отношения к представителям различных национальностей, религиозных воззрений и культур: • этнокультурная образовательная технология «Музей народной мудрости»; • этнокультурная образовательная технология «Н. Н. Миклухо-Маклай»; • этнокультурные образовательные технологии, предполагающие работу с электронными ресурсами: «Роль женщины в традиционной русской культуре» и «Празднично-обрядовая культура марийского, русского, татарского народов Республики Марий Эл»; • этнокультурные образовательные технологии «Культура русского народа», «Этнокультурные особенности татар», «Этнокультурное пространство народа мари»; • творческий семинар этнокультурной направленности «Мой национальный костюм»; • интеллектуальная викторина этнокультурной направленности «Что? Где? Когда?».
2.	Деятельностный компонент	• умение анализировать, оценивать воспитательный потенциал народных традиций и их место в современном мире; • умение проектировать и организовывать активную этнонаправленную деятельность по гражданско-патриотическому воспитанию; • умение пропагандировать богатый образовательно-воспитательный потенциал традиционной культуры в целях гражданско-патриотического воспитания.	• ролевая игра этнокультурной направленности «Кинофестиваль гражданско-патриотических фильмов»; • арт-технология этнокультурной направленности «Идеальное государство»; • психологическая игра этнокультурной направленности «Заколдованное государство»; • упражнение этнокультурной направленности «Девиз»; • комплексная этнокультурная образовательная технология «Когда цветет папоротник»; • этнокультурная образовательная технология «Алфавит».
3.	Личностный компонент	• развитие этнопатриотизма; • развитие коммуникативных навыков, необходимых в ситуации межкультурного взаимодействия; • развитие толерантных характеристик личности; • развитие творческих способностей и активизация воображения.	• тренинговая этнокультурная образовательная технология «Толерантность — основа бесконфликтного общения»; • игровая технология этнокультурной направленности «Суд над этническим стереотипом»; • этнокультурная образовательная технология «Мир без этнического неравенства»; • упражнение этнокультурной направленности «Лукошко».

После выполнения задания все участники собираются в общей аудитории, где происходит анализ работ и проверка на правильность расположения рисунков на листе ватмана — в соответствии с тематикой пословицы. Побеждает та команда, которой удалось максимально точно соотнести пословицы и композиции рисунков на ватмане.

Затем предлагаются вопросы для обсуждения:

1. Как вы оцениваете воспитательный потенциал народных пословиц в гражданско-патриотическом воспитании?

2. В чем заключается особая воспитательная ценность народных пословиц?

3. Какие затруднения возникли у вас в процессе реализации технологии?

Для оптимизации образовательно-воспитательного процесса по гражданско-патриотическому воспитанию будущих педагогов нами был создан электронный образовательный ресурс этнокультурной направленности «Празднично-обрядовая культура марийского, русского, татарского народов Республики Марий Эл», ориентированный на изучение традиционной культуры самых многочисленных народов, проживающих на территории Республики Марий Эл. Он сможет позволить реализовать в гражданско-патриотическом воспитании будущих педагогов этнокультурные образовательные технологии «Культура русского народа», «Этнокультурные особенности татар», «Этнокультурное пространство народа мари», которые проходили в форме традиционных лекционных и семинарских, практических занятий, бесед, посвященных исследованию этнокультурных особенностей народов. Занятия могут сопровождаться показом иллюстраций по изучаемой теме, просмотром видеофильмов и презентаций, обсуждением пословиц и поговорок празднично-обрядовой тематики, представленных в электронном образовательном ресурсе.

Цель технологии: гражданско-патриотическое воспитание будущих педагогов на основе использования комплекса теоретических и практических методов, информационно-инновационных технологий.

Задачи технологии:

- повысить уровень гражданско-патриотического воспитания;
- приобщить к народным традициям и национальному искусству;
- развивать умение работать в группе, навыки выступления перед коллективом.

Оборудование и материалы: ноутбук, проектор, экран.

Процедура проведения. Данная этнокультурная образовательная технология была реализована в три этапа.

I этап проводится в учебной аудитории и носит теоретический характер.

Для участников технологии проводится мини-лекция об особенностях праздника День Ивана Купалы, включенная в электронный образовательный ресурс этнокультурной направленности «Празднично-обрядовая культура марийского, русского, татарского народов Республики Марий Эл». Чтение мини-лекции сопровождается показом иллюстраций, (репродукции картин известных российских художников В. Б. Иванова, К. В. Лебедева, Б. М. Ольшевского, Д. К. Фисункина и др., повествующих о различных аспектах изучаемого праздника) и их кратким анализом (15–20 минут). Затем студентам предлагается посмотреть небольшой видеофильм об особенностях проведения праздника День Ивана Купалы, после чего происходит обсуждение предложенного материала, ориентированное на следующие вопросы:

1. Когда празднуется День Ивана Купалы?
2. Каковы главные символы праздника День Ивана Купалы? Какие мотивы присутствуют в этом празднике?
3. Перечислите основные обряды, сопровождающие праздник День Ивана Купалы.

II этап носит практический характер. Участникам технологии дано задание разработать сценарий праздника День Ивана Купалы (в организованной нами экспериментальной работе студентам было предложено провести праздник в подготовительных группах детского сада № 26 г. Йошкар-Олы «Теремок» общеразвивающего вида), распределить роли и подобрать необходимые реквизиты.

III этап. На данном этапе участниками осуществляется непосредственная деятельность по гражданско-патриотическому воспитанию молодого поколения в процессе проведения праздника День Ивана Купалы.

IV этап (рефлексивный). Технология заканчивается анализом деятельности будущих педагогов. При организации рефлексии была дана возможность высказаться каждому участнику технологии:

1. Что нового Вы узнали для себя?
2. Какие впечатления остались у Вас после реализации данной технологии?

3. Как Вы оцениваете эффективность использования данной технологии в гражданско-патриотическом воспитании детей?

4. Какие знания, умения и навыки Вы приобрели в ходе реализации технологии?

Как показывает опыт, использование разнообразных в содержательном аспекте этнокультурных образовательных технологий вызывает большой интерес у студентов — будущих педагогов, воспитывает этнокультурную толерантность, бережное отношение к народным традициям и культуре разных этнических общностей, способствует развитию мышления, творческих способностей, формированию чувства патриотизма, этнической и гражданской идентичности.

Литература

- Кукушин В. С.* Современные педагогические технологии. Начальная школа. Пособие для учителя. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 448 с.
- Селевко Г. К.* Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 1. М.: НИИ школ. технологий, 2006. 816 с.
- Строков К. А.* Развитие этнокультурных образовательных технологий в подготовке специалистов художественно-творческого профиля: дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 172 с.
- Федорова С. Н.* Этнопедагогический практикум для будущих педагогов: метод. пособие. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2010. 124 с.

Е. Н. Бадмаева Рец. на: *Малышева Е. М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг.* М.: Вече, 2011. 492 с.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась крупнейшей вехой в истории нашей страны. Эта судьбоносная война стала особо значимой в жизни всех народов, проживавших на ее территории. Массовый патриотизм, широкое участие всех слоев общества придали войне поистине народный характер. И потому по праву эта война названа Великой Отечественной. Великая Отечественная война не только раскрыла народный дух, мужество людей самых разных национальностей, но и укрепила единство и целостность советского общества и государства.

Исследование патриотизма народа в годы Великой Отечественной войны по сей день остается актуальным для исторической науки. Большинство работ по этой теме посвящено ратным подвигам советских воинов. Гораздо меньше существует работ по истории тыла, раскрывающих трудовую доблесть, героизм и самоотверженность всех категорий населения в условиях противостояния вооруженным силам нацистской Германии и ее союзников, оккупации и постоккупационного восстановления. Между тем, эта героическая страница истории народа со всеми ее сложностями и проблемами, безусловно, заслуживает пристального внимания ученых, объективного и детального освещения.

В русле таких работ находится монография известного российского ученого Е. М. Малышевой «Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг.». Данная книга — результат серьезной многолетней работы по изучению проблемы социальной истории северокавказского и других регионов СССР периода Второй мировой и Великой Отечественной войн. В центре ее исследовательского внимания находятся такие сложные научные проблемы, как трансформация советского общества в предвоенный период, феномен социальной консолидации народа в первый период Великой Отечественной войны, общество и власть в чрезвычайных условиях оккупации на Северном Кавказе, партизанская борьба и антифашистское подполье, вклад народов Северного Кавказа в победу под Сталингра-

дом, деформация национальной политики СССР и др.

Е. М. Малышева считает, что история Великой Отечественной войны в коллективной исторической памяти является одним из краеугольных камней национальной идентичности, символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. На страницах монографии обсуждаются проблемы идеологии российского государственного патриотизма как системы нравственно-духовных, культурно-исторических ценностей и геополитических реалий. По глубокому убеждению ученого, воссоздание на государственном уровне системы воспитания патриотизма должно стать основой воспитания личности на современном этапе, консолидации общества и укрепления демократических начал российской государственности. Как справедливо отмечает Е. М. Малышева, в целом государственная стратегия России должна постоянно опираться на историческое и духовное наследие народа, так как истинный российский патриотизм заключается в его духовности. Он относится к числу наиболее значимых, основных и непреходящих базовых гражданских ценностей, присущих россиянам [Малышева 2011: 39].

Опора на обширную источниковую, теоретико-методологическую и историографическую базу, глубокий анализ имеющихся исторических документов позволили автору в достаточной исчерпывающей мере осмыслить и раскрыть актуальную научную тему. Особенно впечатляет источниковая база монографии, на основе которой исследуется социальная история страны периода Второй мировой и Великой Отечественной войн: документы официального происхождения, материалы региональных архивов, центральные и местные периодические издания, в том числе ранее закрытые статистические данные, а также уникальные свидетельства простых тружеников тыла, участников событий того периода.

Разноплановость представленных в монографии разделов проявляется в их группировке по хронологическим блокам, а так-

же по главам, характеризующимся тематическим единством.

По нашему мнению, особый интерес вызывает в работе обращение автора к проблеме коллаборационизма на Северном Кавказе. Е. М. Малышева умело вскрывает причины данного явления, анализирует его масштабы и основные формы. Указанные вопросы относятся к чрезвычайно болезненным аспектам истории Великой Отечественной войны, а их оценки нередко и в новейшей историографии постсоветского периода стали одними из наиболее политизированных. Однако исследователь сумел достаточно объективно подойти к рассмотрению поставленной задачи. Основные трактовки, искажающие суть данного явления в зарубежной историографии прошлых лет, по мнению автора, явно преувеличены. Е. М. Малышевой показано, что добровольную поддержку оккупантам оказывала незначительная часть представителей кавказских этносов, хотя у исследователя возникали трудности с точными подсчетами и списочным составом коллаборационистов, поскольку настроения и побудительные мотивы «добровольцев» в составе вермахта не были устойчивыми: они сопровождались частыми переходами на сторону партизан и частей Красной Армии [Малышева 2011: 214]. Можно согласиться с утверждением проф. Е. М. Малышевой в том, что представители национальных меньшинств подвергались особому идеологическому пропагандистскому воздействию, призванному разбудить в них националистические чувства и противопоставить их русским как государствообразующей нации. Созданные в интересах германского военно-политического руководства формирования из граждан СССР на самом деле не представляли «третьей силы» и являлись частью искусственно созданной нацистской военной структуры.

Особое внимание привлекает раздел «Роль женщины в экстремальных условиях Великой Отечественной войны». Женщина-труженица, боец, партизанка, солдатская мать, жена и вдова... На ее плечи в условиях жесточайшего противостояния с беспощадным врагом-завоевателем выпала далеко не женская доля. В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. участвовало 800 тыс. женщин. Из них свыше 150 тыс. были награждены боевыми орденами и медалями, 86 — удостоены звания

Героя Советского Союза [Малышева 2011: 291]. Е. М. Малышева справедливо отмечает, что нет той меры, которой можно по достоинству оценить роль женщины в защите нашего Отечества, в великих победах соотечественников в освободительных войнах России. На страницах анализируемой работы хорошо просматриваются колоссальные трудности, выпавшие на долю женщин в последней мировой войне: изнурительный труд на производстве, забота о детях, тяжелые думы о близких фронтовиках — все это преодолевала и переносила советская женщина-труженица, женщина-мать [Малышева 2011: 304].

Вызывает интерес и раздел «Деформация национальной политики СССР: депортации военных лет». В советской и постсоветской историографии трудно найти материалы, публикации, исследования на эту трагическую тему. Во многом это было обусловлено тем, что внимание к «белым пятнам» исторического прошлого депортированных народов оценивалось порой как проявление «местного национализма», что вызывало массу недомолвок, домыслов и обывательских суждений. Как отмечает Е. М. Малышева, от сталинских беззаконий, репрессий, произвола пострадали все народы — кабардинцы, калмыки, латыши, русские, узбеки, украинцы, чеченцы, и др. [Малышева 2011: 391]. Автору монографии удалось показать на примере народов Северного Кавказа деформацию национальной политики, незаконное ущемление прав целых народов и извращение самой идеи интернационального единства полиэтнического состава населения страны. Содержание монографии со всей уверенностью позволяет утверждать, что наше огромное по своей территории и многонациональное по своему составу государство благодаря могучему патриотизму и единению всего народа, населяющего огромную полиэтническую страну, победило в противоборстве с тоталитарным государством — нацистской Германией.

В рецензируемом труде рассматриваются и анализируются не все аспекты социальной истории периода Великой Отечественной войны, а только их часть, и, как нам представляется, автору удалось дать объективную оценку многих еще недостаточно глубоко изученных социальных явлений той сложной и драматической эпохи, исследовать наиболее значимые и важные стра-

ницы многоплановой социальной истории взаимоотношений общества и власти.

В связи с актуальностью проблем, освещаемых в монографии, можно высказать следующее пожелание автору о дальнейшем расширении территориальных рамок данного исследования и освещении отдельных аспектов социальной истории периода Великой Отечественной войны на примере

других этносов, населяющих Юг России.

Необходимо отметить, что в целом отечественная историография обогатилась еще одной ценной работой по проблемам социальной истории взаимоотношений общества и власти XX в. Уверены, что новая книга профессора Е. М. Малышевой найдет отклик в умах и сердцах не только специалистов, но и массового читателя.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОЙРАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА „ЯСНОМ ПИСЬМЕ“»
(г. Ланьчжоу, КНР, 23–25 июня 2012 г.)**

23–25 июня 2012 г. в Северо-Западном университете национальностей (СЗУН) г. Ланьчжоу (КНР) состоялась Международная научная конференция «Ойратские памятники на „ясном письме“», посвященная памяти основателя национальной письменности Зая-пандиты Намкайджамцо (1599–1662). Организаторами конференции выступили руководитель Школы монгольского языка и культуры СЗУН (Mongolian Language & Culture School NWUN) проф. Улаан и декан факультета монгольской филологии и культуры СЗУН проф. Эрдэнэбилэг. В работе конференции приняли участие профессорско-преподавательский состав университета, представители Китайской академии общественных наук, исследователи из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР).

На конференцию были приглашены ученые из России и Монголии. С российской стороны участвовали сотрудники Института восточных рукописей РАН д. ф. н. И. В. Кульганек; к. ф. н. ИВР РАН Н. С. Яхонтова; Института монголоведения, буддологии и тибетологии и СО РАН к. ф. н. М. В. Аюшеева; заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН д. ф. н. Б. А. Бичеев и н. с. КИГИ РАН Осорин Утнасун. С монгольской стороны — д. и. н., проф., Монгольского государственного педагогического университета Н. Сухэбатор; заведующий отделом религиозных связей Общественно-культурного центра «Тодо номин гэрэл» Х. Бямбажав; настоятель буддийского храма в Северо-Западной Монголии Х. Ядамжав.

На конференции были затронуты как проблемы сохранения и исследования монгольских и ойратских письменных памятников, так и вопросы, связанные с особенностями исторического пути различных западномонгольских этнических групп, проживающих в Китае.

Особый интерес вызвали доклады китайских коллег: проф. Отхон (г. Ланьчжоу) «Обзор отдельных листов на монгольской письменности, обнаруженных в Дуньхуанской пещере»; проф. Улаан (г. Ланьчжоу) «О роде „галгас“ кукунорских хошутов»; Онэр (г. Кульджа) «О письме Зая-пандиты 1647 г., адресованном Эвэр засагчи хану»; Д. Бату (г. Ланьчжоу) «Устная история тибетского и монгольского буддизма, записанная у Агванчойдора»; Батжава (г. Кульджа) «Об исследовании „каменных сутр“ на ойратском письме»; Ц. Бату (г. Урумчи) «Об исследованиях исторических памятников на ойратском письме в Китае»; Батугэрэл (г. Ланьчжоу) «О значении некоторых слов алашаньского наречия»; Галдана (г. Урумчи) «Собрания ойратских рукописей СУАР»; Турбата (г. Монгол-Курэ) «О галиках ойратского письма»; Э. Юнусжан (г. Ланьчжоу) «Политика власти в отношении тяньшаньских уйгуров в Джунгарском ханстве».

Монгольские коллеги выступили с докладами: Н. Сухэбатор (г. Улан-Батор) «Об аутентичности рукописей „Истории дэрбэн ойратов“ неуставленного автора; Х. Бямбажав (г. Улангом) «Кто такой Мерген Келмерчи, упоминаемый в „Сарин гэрэл“»; Х. Ядамжав (г. Улан-Батор) «О сведениях, связанных с историей ойратов, в сочинении „Алтан эрихэ“».

С российской стороны Б. А. Бичеев рассказал о рукописях на ойратском языке, хранящихся в Королевской библиотеке г. Дрездена; Н. С. Яхонтова предложила обзор ойратских рукописей в собрании ИВР РАН; И. В. Кульганек сообщила о результатах исследования двуязычного документа 1735 г., составленного от лица императрицы Анны Иоанновны на русском и ойратском языках; М. В. Аюшеева сделала доклад о бурятских исторических сочинениях. Осорин Утнасун проанализировала содержание устных и зафиксированных на ойратском письме преданиях о Галдаме.

В ходе работы научного форума участники познакомились с преподавателями монгольского факультета Северо-Западного университета национальностей. Студенты монгольского факультета дали концерт в честь гостей конференции.

По окончании основной работы научной конференции участникам была предложена поездка в г. Синин, где состоялось знакомство с преподавателями отделения монгольского языка и литературы Цинхайского университета национальностей. Руководитель отделения Бо Хайчин ознакомила гостей с историей отделения и научными исследованиями своих коллег. Гости поделились научными планами и рассказали о состоянии монголоведения в России и на Западе.

В провинции Цинхай российские и монгольские участники конференции посетили монгольский монастырь Дачанг сумэ, небольшую монашескую общину которого составляют монголы. После осмотра монастыря состоялась встреча с его настоятелем Жамбо-бакши, который познакомил участников конференции с историей монастыря, ведущей свое начало с XVII в.

В провинции Цинхай гости конференции посетили также монастырь Гумбум (наряду с монастырями Галдан, Сэра, Брайбун и Лавран входит в число главных монастырей Тибета), где, по преданию, родился Цзонхава.

Большой интерес вызвал также Сининский музей тибетской культуры и традиционной медицины, в котором находится самая длинная в мире танка (более 600 м), на которой помещены изображения, отражающие всю историю Тибета начиная с древнейших времен и до последних событий современности.

В Пекине участники российской делегации встретились с директором Института национальных литератур Китайской Академии общественных наук проф. Цогджином и его сотрудниками — проф. Дамринжавом и проф. Цэнгэл. Гости и хозяева обменялись книгами, российские ученые получили в дар академическое издание текста монгольских эпических произведений, последние издания сборников научных статей. В свою очередь они преподнесли новые научные труды по монголоведению.

Подобные конференции чрезвычайно важны для развития единого международного научного пространства в области мировой монголоведной науки. Они создают почву для дальнейших плодотворных и более конкретных совместных исследований культуры, литературы, истории монгольских народов России, Китая и Монголии.

И. В. Кульганек,
д. ф. н., в. н. с. Института
восточных рукописей РАН

ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2012. 224 с. (33 у. п. л.).

Монография посвящена участию калмыков в войнах с наполеоновской Францией (1805 г., 1806–1807 гг., 1812–1814 гг.). Авторы на основе широкого круга источников, в том числе вновь выявленных архивных материалов, прослеживают и анализируют боевой путь калмыцких национальных полков, службу донских калмыков в составе казачьих полков.

История участия калмыков в наполеоновских войнах стала одной из наиболее блестящих страниц в истории их военной службы на защите интересов России. В 1812 г. для борьбы с нашествием «двунадесяти языков» были собраны огромные силы, в том числе и 3 калмыцких национальных пятисотенных полка: 1-й и 2-й Калмыцкие, Ставропольский. Калмыцкие иррегулярные полки, отличавшиеся повышенной мобильностью, прекрасно вписались в «скифскую» стратегию, избранную командованием российской армии в начале войны, особенно в рамках партизанской войны. В ходе кампании 1812 г. национальные части отличились в боях у Мира, Пружан, Городечно, Слонима, Велижа, Звенигорода, Дмитрова, Рузы и многих других, покрыв неувядаемой славой свои древние знамена.

Приумножили свою боевую славу и донские калмыки, сражаясь в составе донских казачьих полков. В Отечественной войне 1812 г., кроме трех калмыцких национальных пятисотенных полков, против армии Наполеона и его союзников воевало более 1,5 тыс. донских калмыков в составе 42 стрелевых казачьих полков и свыше 1,2 тыс. — в составе ополченческих. Донские калмыки-казаки участвовали в самом масштабном и в одном из решающих событий Отечественной войны 1812 г. — Бородинском сражении.

В исследовании показано, что с изгнанием врага из России, завершением Отечественной войны 1812 г. борьба с грозным неприятелем продолжилась, и астраханские, донские и ставропольские калмыки приняли самое активное участие в Заграничном походе российской армии 1813–1814 гг.

Калмыцкие полки участвовали в блокаде и взятии крепостей Модлин, Ченстохова, Данциг, Кюстрин, Глогау, Майнц, Кагель, они брали Варшаву, освобождали Берлин и штурмовали Париж. В составе различных корпусов и отрядов союзных армий 1-й и 2-й Калмыцкие, Ставропольский полки сражались в генеральных баталиях под Люценом и Бауценом, в титанической «Битве народов» под Лейпцигом, решившей судьбу многих европейских королевств и государств, отличились в сражениях на Кацбахе и при Фер-Шампенуазе, в боях у Радмерица и Суассона.

Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2012. 224 с. (14 у. п. л.).

Книга включает исследование и описание тибетских и ойратских буддийских текстов, хранящихся в научных, музейных и архивных хранилищах, а также в отдельных частных собраниях шести районов Республики Калмыкия и г. Элисты. В работе предпринят анализ состава буддийских памятников, бытовавших в среде буддистов Калмыкии, выявлен наиболее распространенный круг текстов. Книга включает каталог рукописных тибетских и ойратских памятников из частных коллекций и собраний ряда книгохранилищ Калмыкии. Среди этих коллекций — личные библиотеки известных калмыцких буддийских священнослужителей: Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева) (1887–1980), Намки-гелюнга (Н. Д. Кичикова) (1901–1986), деятельность которых была направлена на популяризацию буддийского учения среди калмыков. Сведения о ряде рукописей публикуются впервые. Публикация одного из первых каталогов буддийских памятников Калмыкии дает основу для изучения проблем духовной культуры калмыцкого народа, связанных с историей распространения буддийского вероучения среди ойратов и калмыков, бытованием тибетского письменного языка в калмыцкой среде и др. Издание восполняет имеющийся пробел в отечественном востоковедении, касающийся рукописных и старопечатных книг у калмыков, является вкладом в тибетологическую науку.

Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 тт. Т. 3. Ставропольское калмыцкое войско в первой половине XIX в. / отв. ред. А. С. Ряжев. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 252 с. (15 у. п. л.).

Издание представляет собой третий том сборника документов и материалов, в который включены источники, посвященные истории ставропольских калмыков — особой локальной служилой и этноконфессиональной группы в составе калмыцкого народа. История волжских ставропольских калмыков как особой служилой сословной группы прослежена в первом томе сборника по источникам XVIII в. Третий том включает материалы, датированные первой половиной XIX в., когда ставропольские калмыки отличились службой и подвигами в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе российской армии 1813–1814 гг. Книга содержит как ранее опубликованные, так и неопубликованные источники. Документы имеют в основном официальное происхождение и представляют собой законодательные акты, переписку, мемуары (в том числе переписку высших должностных лиц с оренбургскими военными губернаторами, срочную отчетность о состоянии Ставропольского калмыцкого полка в заграничных

походах 1813–1814 гг. и войска в целом по их окончании, переписку местных должностных лиц и административных учреждений, Положение о войске 1803 г., Указ об упразднении войска 1842 г. и др.).

Участие народов России в Отечественной войне 1812 года: материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 11–14 сент. 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. 328 с. (38,1 у. п. л.).

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции «Участие народов России в Отечественной войне 1812 года». Доклады и сообщения освещают важнейшие вопросы истории Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг., вклада народов России в победу над наполеоновской Францией. Рассматриваются ключевые моменты, связанные с участием российского казачества, иррегулярной конницы в русской армии, овевшей себя славой в боях за свободу Отчизны. Особое внимание уделено историографическим проблемам, а также отражению темы Отечественной войны 1812 г. в фольклоре, литературе и искусстве и вопросам патриотического воспитания молодежи. Книга представляет большой интерес для историков, фольклористов, этнографов, а также всех, кто интересуется историей Отечества и культурой российских народов.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

11–14 сентября 2012 г. состоялась **Всероссийская научная конференция «Участие народов России в Отечественной войне 1812 года»**, посвященная 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г. Научная конференция проведена в рамках Плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 200-летия Победы России в Отечественной войне 1812 г., утвержденного распоряжением Правительства РФ № 1628-р от 2 ноября 2009 г.

Проведение представительного всероссийского форума ученых в Республике Калмыкия стало важным событием в научной жизни регионов Юга России. В работе конференции приняли участие ведущие ученые России из научных центров Санкт-Петербурга, Уфы, Ростова-на-Дону, Тольятти, Саратова, Астрахани, Ставрополя, Оренбурга, Волгограда, Элисты. Ис-

следователи обсудили вопросы, связанные с 200-летием Победы России в Отечественной войне 1812 г., а также Заграничного похода 1813–1814 гг. Особое внимание участников конференции было обращено на участие народов России в войнах с Наполеоном, а также отражению истории Отечественной войны в устном народном творчестве, литературе и изобразительном искусстве. Научный форум внес весомый вклад в изучение истории Отечественной войны 1812 г. В ходе работы конференции открылись новые страницы подвигов защитников Отечества — сынов многонациональной России, в том числе калмыков.

По итогам работы конференции в ходе обсуждений и дискуссий были выработаны и приняты рекомендации. Представленные доклады изданы в материалах конференции.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

27 июня 2012 г. в КИГИ РАН состоялась встреча с делегацией Парламента Баянгол-Монгольской автономной области СУАР КНР во главе с Председателем собрания депутатов г-ном Борой. На встрече были обсуждены вопросы сотрудничества между учеными Баянгол-Монгольской автономной области СУАР КНР и Калмыкии, перспективы двухсторонних отношений в области науки и образования. В ходе встречи была достигнута договоренность об оказании поддержки в проведении в июле-августе экспедиционного проекта ученых Института «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР» в рамках гранта РГНФ.

18–19 июля с.г. заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии КИГИ РАН, д.филос.н. Б.А.Бичеев принял участие в Международной научной конференции «Гэсэр» и мировые эпосы», которая состоялась в Цинхайской Академии общественных наук, г. Синин (Цинхай, КНР).

24 июля 2012 г. Институт посетили сотрудники Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации — Полномочный министр г-н Чжао Юнчэнь, Первый секретарь Посольства КНР в РФ г-жа Вэнь Хуань, атташе посольства КНР в РФ г-н Цинь Сунмао и ответственный за протокол г-н Цюй Вэньчэнь. В ходе встречи были рассмотрены актуальные проблемы развития науки и образования в Китае и России, обсуждены вопросы сотрудничества в области гуманитарных и общественных наук. Стороны отметили хорошие перспективы для взаимовыгодного делового сотрудничества. Первым шагом такого взаимодействия стало обсуждение международного экспедиционного проекта ученых КИГИ РАН «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР». Сотрудники Посольства КНР в РФ выразили заинтересованность и предложили оказать поддержку в осуществлении данного мероприятия.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Лингвофольклорные экспедиции (международные). При поддержке РГНФ в июле-августе 2012 г. (26.07–13.08) экспедицией в составе директора КИГИ РАН к.полит.н. Н.Г.Очировой (рук.), к.ф.н. Э.У.Омакаевой, к.ф.н. Е.В.Бембеевым, к.ф.н. Б.Х.Борлыковой, м.н.с. Б.В.Меняевым был успешно осуществлен экспедиционный проект «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР». Проект был направлен на изучение вопросов на широком историко-культурном фоне языка и демографии, этногенеза и этнической идентификации ойратов Синьцзяна, выявление степени сохранности устной фольклорной и письменной традиций на территории данного региона. В ходе экспедиции было записано свыше 60 информантов, возраст которых составил от 12 до 82 лет. Зафиксированы различные варианты уникальных текстов традиционного ойратского фольклора, в частности песни синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар», восхваления («магталы»), легенды и предания, благопожелания («йорялы»),

протяжные песни («ут дуд»). Выявлены и оцифрованы ойратские рукописи, хранящиеся в буддийских храмах, музеях и в частных собраниях, удалось обнаружить такой раритет, как ойратский ксилограф XVIII в. «Алтан герел» («Сутра Золотого блеска»), вывезенный с берегов Волги.

В ходе выполнения проекта были проведены встречи с учеными и преподавателями Синьцзянского педагогического университета, представителями творческой интеллигенции и общественностью г. Урумчи, г. Корла, Монгол-кюря, Жинг и других населенных пунктов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Сравнительно-сопоставительное изучение языка и культуры ойратов Синьцзяна КНР и калмыков России позволило выявить общие черты и региональную специфику в исторической судьбе двух ветвей одного народа. Таким образом, в результате выполнения экспедиционного проекта решены конкретные задачи по выявлению объективной картины материальной и духовной жизни современных ойратов Синьцзяна.

ИСТОРИЯ

Магомадова Т. С. Челобитные терских окочан 1614, 1616 гг.

Статья посвящена освещению вопроса о челобитных, направленных царю Михаилу Романову этнической группой чеченцев — терскими окочанами (ококами), которые поселились в Терском городе в конце XVI в. Они были поставлены на государственную службу под начальством терских воевод, участвовали в военных походах, в защите крепости, в посреднической деятельности Терской администрации с народами Северного Кавказа и др.

Ключевые слова: Терский город, служилые окочане, челобитные окочан, посольство 1614 г., Ших-мурза Окоцкий, Сунчалей Черкасский.

Рязев А. С. Ставропольское калмыцкое войско (1737–1843 гг.): опыт изучения новых источников.

Статья посвящена волжским ставропольским калмыкам как особой служилой и этноконфессиональной группы. В ней обобщены результаты работы над томами документальной серии «Волжские ставропольские калмыки» и исследовательским проектом «Метрические книги волжских ставропольских калмыков», подчеркнута важность ввода в научный оборот ранее неопубликованных документов и метрических записей.

Ключевые слова: крещёные калмыки, казачество, этноконфессиональная группа, вероисповедная политика, метрические книги, Ставрополь-на-Волге, Российская империя.

Оконова Л. В. Вопросы миграции в Калмыцкой степи Астраханской губернии: опыт источниковедческого анализа (по материалам переписи 1897 г.).

Данная статья представляет первый опыт источниковедческого анализа материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в аспекте изучения миграционных процессов в Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX в.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, перепись населения, источниковедческий анализ, миграция.

Дендиев К. Средства массовой информации и технология репрессий 1930-х гг. (по материалам региональной прессы).

В статье освещается роль периодической печати в формировании общественного мнения относительно правомерности действий Сталина в развёртывании массового террора в 30-х гг. прошлого века.

Ключевые слова: «вредители», «буржуазные националисты», «агенты фашизма», буржуазно-националистический центр.

HISTORY

Magomadova T. Tersky Okochan's petitions of 1614, 1616.

The article is devoted to the question of illumination of petitions addressed to tsar Michael Romanov made by an ethnic group of Chechens - Tersky Okochans (Okoks) settled in Tersky town in the end of the 16th century. They have been put on the state service under the command of the Tersky governor, participated in military campaigns, in the protection of the fortress, in mediation activity of Tersk administration with people of North Caucasus.

Keywords: Tersky town, servicemen Okochans (Okoks), Okochan's petitions, the Embassy of 1614, Shikh-Murza Okotsky, Sunchaley Cherkassky.

Riazhev A. The Stavropol Kalmyk Troops (from 1737 to 1843): the Experience of New Sources Studies.

The article is devoted to the study of the Volga Stavropol Kalmyks both as a special military service estate and ethnic-confessional one. Results of the work on the volumes of the documentary series "The Volga Stavropol Kalmyks" and research project "Parish registered books of the Volga Stavropol Kalmyks" are there. Also the importance of scholar usage of unpublished documents and registered notes is marked in this article.

Keywords: baptized Kalmyks, Cossacks, ethnic-confessional group (estate), religious policy, parish registered books, Stavropol-upon-Volga, Russian empire.

Okonova L. Migration Issues in the Kalmyk Steppe of Astrakhan Province: the Experience of Source Analysis (based on the 1897 census).

This article is the first experience of study analysis of the materials of the First General Census of the Russian Empire of 1897 in the aspect of studying migration processes in Kalmyk Steppe of Astrakhan Province in the end of 19th century.

Keywords: Astrakhan Province, Kalmyk Steppe, Census, source study analysis, migration.

Dendiev K. Mass-media and Technology of Repressions of 1930s (on materials of the regional periodicals).

In the article the periodicals role in formation of public opinion concerning legitimacy of actions of Stalin in expansion of the mass terror in the 30s of the last century is shined.

Keywords: «wrecker», «bourgeois nationalists», «agents of fascism», bourgeois-nationalist center.

Серенко М. Н. К истории восстановления объектов культуры города Сталинграда в 1943–1950 гг.

Статья посвящена освещению восстановительных мероприятий в сфере культуры в Сталинграде после освобождения города от фашистских захватчиков. Показано, что к 1950 г. Сталинград по основным показателям развития культурной сферы приблизился к довоенным годам.

Ключевые слова: учреждения культуры, кинотеатры, библиотеки, музеи, восстановление Сталинграда.

Тетуев А. И. Повседневная жизнь и стратегия выживания спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в.

В статье на основе архивных материалов и других источников исследуются различные аспекты повседневной жизни карачаевцев и балкарцев, депортированных в 40-е годы XX века. Рассматривается правовое положение, быт, условия труда, демографическая ситуация, образование и культура спецпереселенцев.

Ключевые слова: карачаевцы, балкарцы, спецпереселенцы, адаптация, выживание, быт, труд, образование, культура.

Ццулаева С. С., Осмаев А. Д. О проблемах реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в Чеченской Республике.

В статье рассматриваются проблемы реализации закона «О реабилитации репрессированных народов» в Чеченской Республике. Отмечается, что в соответствии с этим законом в республике проводится ряд мероприятий по восстановлению прав чеченского народа.

Ключевые слова: Закон, репрессии, социальная реабилитация, комиссия, льготы, чеченский народ.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Сударкина Х. В. Критика и кризис мультикультурализма (философско-культурологические аспекты).

В статье отмечается, что современный мир, характеризующийся глобальной взаимной зависимостью, нуждается в новом подходе к анализу культурного и религиозного многообразия и перспектив налаживания межкультурного диалога. Проблемы мультикультурного существования и межкультурного диалога приобретают сегодня новое звучание и особую социальную значимость. Отмечается, что, несмотря на имеющуюся критику, мультикультурализм как идея не исчерпал своего потенциала.

Ключевые слова: мультикультурализм, диалог культур, постмодернизм, культурное многообразие.

Serenko M. Towards the History of Restoration of Objects of Culture in Stalingrad City in 1943–1950.

The article is devoted to illumination of recovery actions in the culture sphere in Stalingrad after the liberation of the city from Nazi invaders release. It is shown that by 1950 Stalingrad on the main indicators of development of the cultural sphere came nearer to pre-war years.

Keywords: cultural institutions, cinema, libraries, museums, restoration of Stalingrad.

Tetuev A. An Everyday Life and Survival Strategy of Special Settlers in the 40-50s of the 20th Century.

The article explores on the basis of archival materials and other sources various aspects of an everyday life of Karachais and Balkars deported in the 1940s. The legal status, mode of life, working conditions, a demographic situation, education and culture of special settlers are considered.

Keywords: Karachais, Balkars, special settlers, adaptation, survival, mode of life, labour, education, culture.

Tsutsulaeva S., Osmaev A. On the Problems of Realization of the Law of the RSFSR «On the Rehabilitation of Repressed Peoples» in the Chechen Republic.

The article deals with the problems of the realization of the law «On the Rehabilitation of Repressed Peoples» in the Chechen Republic. It is noted that in a accordance with the law a number of actions for the restoration of the rights of the Chechen people is carried out.

Keywords: Law, repressions, social rehabilitation, commission, privileges, Chechen people.

CULTURAL STUDIES

Sudarkina H. Criticism and Multiculturalism Crisis (philosophical and culturological aspects).

The article notes that the modern world, characterized by global interdependence, needs a new approach to the analysis of cultural and religious diversity and the prospects of establishing inter-religious and intercultural dialogue. The problems of the multicultural existence and cross-cultural dialogue get today new sounding and special social importance. It is noted that in spite of available criticism, multiculturalism as idea didn't lose its potential.

Keywords: multiculturalism, cultural dialogue, post-modernism, cultural diversity.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

RELIGIOUS STUDIES

Лепехов С. Ю. Политика царского правительства по отношению к буддизму в Сибири в конце XIX – начале XX в.

В статье рассматриваются основные направления и результаты конфессиональной политики российского правительства в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Автор приходит к выводу, что отношение высшего чиновничества к буддизму определялось во многом особенностями внешнеполитической ситуации, а также потребностями экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем, собственно религиозные интересы населения регионов России, исповедующего буддизм, играли важную роль при определении не только внутренней, но и внешней политики государства.

Ключевые слова: буддизм в Забайкалье, Тибет, А. Доржиев, внешняя политика царской России.

Нурова Г. В. Об образе и культе Будды Майтреи в культуре калмыков.

Статья посвящена изучению образа и культа Будды Майтреи в культуре калмыков, а также анализу уникальной иконы «Будда Майтрея» из Национального музея Республики Калмыкия. Анализируя многофигурную композицию иконы и ее художественный стиль, автор приходит к выводу, что исследуемый памятник изобразительного искусства калмыков, возможно, создан несколькими художниками в полном соответствии с канонами буддийского искусства.

Ключевые слова: культ Будды Майтреи, махаяна, мудра, буддийская икона, канон, традиции.

Баяртуева Д. Л. Буддийское учение как философская основа духовной деятельности Лубсан-Самдана Цыденова.

Статья посвящена духовной деятельности буддийского ученого, йогина, религиозного деятеля Лубсан-Самдана Цыденова, который собрал наследие не только популярной в Центральной Азии традиции Гелуг, но и других основных школ тибетского буддизма.

Ключевые слова: буддизм, Лубсан-Самдан Цыденов, школы тибетского буддизма, собрания текстов.

Сумья Д. Традиция почитания Тары в буддизме.

В статье дается обзор традиции почитания Тары, получившей широкое распространение в Тибете и Монголии. Автор прослеживает развитие образа Тары от ипостаси божества — спасительницы всех живых существ до появления таких ее форм, как Белая и Зеленая Тара, Восемь Тар, Двадцать одна Тара.

Ключевые слова: буддизм, Тибет, Монголия, Тара, Восемь Тар, Двадцать одна Тара.

Lepekhev C. Policy of the Imperial Government in Relation to the Buddhism in Siberia at the end of 19th – the beginning of 20th Century.

This article deals with the main directions and results of the confessional policy of the Russian government in Eastern Siberia in the end of 19 – the beginning of 20th centuries are considered. The author comes to a conclusion that the relation of the higher officials to the Buddhism was defined in many respects by the features of a foreign policy situation, and also requirements of economic development of Siberia and the Far East. At the same time, religious interests of the Russian population professing the Buddhism actually played an important role in state internal and foreign policy.

Keywords: Buddhism in Zabaikalye, Tibet, A.Dorzhiyev, foreign policy of imperial Russia.

Nurova G. About the Image and Cult of Buddha Maitreya in the Culture of Kalmyks.

The article is devoted to studying of an image and a cult of Buddha Maytreya in the culture of Kalmyks, also to the analysis of the unique icon «Buddha Maytreya» from National Museum of Republic of Kalmykia. The author analyzes the multifigured composition of an icon and its art style and comes to a conclusion that the studied monument of the fine arts of Kalmyks, possibly, is created by several artists in full accordance with canons of Buddhist art.

Keywords: cult of the Buddha Maitreya, Mahayana, mudra, Buddhist icon, canon, traditions.

Bayartuyeva D. Buddhist Doctrine as a Philosophical Basis of Spiritual Activity of Lubsan-Samdan Tsydenov.

The article is devoted to the spiritual activity of the Buddhist scholar, yogin, religious figure Lubsan-Samdan Tsydenov who has collected a heritage not only of Gelug tradition, which was popular in Central Asia, but also a heritage of other basic schools of Tibetan Buddhism.

Keywords: Buddhism, Lubsan-Samdan Tsydenov, schools of tibetan buddhism, collections of textes.

Sumya D. Tradition of Veneration of Tāra in the Buddhism.

The article gives an overview of the tradition of veneration of Tāra which received widespread in Tibet and Mongolia. The author traces the development of the image of Tāra from the hypostasis of the savior of all living beings to the appearance of such forms as the White and the Green Tāra, Eight Tāras, Twenty one Tāras.

Keywords: Buddhism, Tibet, Mongolia, Tāra, Eight Tāras, Twenty one Tāras.

Жуковская Н. Л. Буддийская культура на окраинах Российской империи (шедевры искусства Бурятии)

В статье освещается история трех сакральных объектов культуры Бурятии: архитектурного комплекса Тамчинского дацана, буддийской скульптуры выдающегося мастера Санжи-Цыбик Цыбикова, а также Сандавого Будды, с 1901 г. хранившегося в Эгитуйском дацане и спасенного для потомков в годы атеистической политики.

Ключевые слова: буддизм, буддийская культура, Бурятия, Тамчинский дацан, Российская империя.

Zhukovskaya N. Buddhist Culture on outlying outskirts of the Russian Empire (Masterpieces of the Art of Buryatia).

The article presents the history of three sacral objects of culture of Buryatia (an architectural complex of Tamchinsky datsan, a Buddhist sculpture made by outstanding master Sanzhi-Tsybik Tsybikov and also Sandal wood statue of Buddha which was stored since 1901 in Egitujsky datsan and saved for descendants in the years of the atheistic policy).

Keywords: Buddhism, Buddhist culture, Buryatia, Tamchinsky datsan, Russian Empire.

Бакаева Э. П. О традициях передачи знания у буддистов Калмыкии в 1950–1980-е гг.

В статье раскрываются последствия закрытия буддийских образовательных центров в Калмыкии и атеистической политики в целом, изменившие традиции передачи знания среди верующих после восстановления автономии и до новой волны возрождения религии в конце 80-х гг. XX в.

Ключевые слова: буддизм, Калмыкия, образовательные центры, монастыри, атеистическая политика, передача знаний, традиции

Bakaeva E. About the Traditions of the Transfer of Knowledge among the Buddhists of Kalmykia in 1950–1980s.

The article reveals the consequences of closure of the Buddhist educational centers in Kalmykia and the atheistic policy as a whole, which have changed traditions of transfer of knowledge among believers after the restoration of the autonomy and to the new wave of revival of religion in the late of 1980s.

Keywords: Buddhism, Kalmykia, educational centers, monasteries, atheistic policy, transfer of knowledge, traditions.

Марзаева М. Б. Деятельность буддийских организаций Калмыкии по формированию ценностных ориентаций молодежи.

Автор рассматривает деятельность представителей буддийской конфессии в сфере духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи Калмыкии как одно из направлений взаимодействия религиозного института и общества.

Ключевые слова: буддизм, молодежь, ценностные ориентации, институт социализации, Калмыкия.

Marzaeva M. The Activity of Buddhist Organizations of Kalmykia on the Formation of Value Orientations of Young People.

The author considers the activity of representatives of the Buddhist confession in spiritual, moral and patriotic education of youth in Kalmykia as one of the areas of cooperation between the religious institution and the community.

Keywords: Buddhism, youth, value orientations, the institution of socialization, Kalmykia.

Сабиров Р. Т. Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI вв.

В статье на основании анализа источников и результатов полевых исследований рассматривается процесс возрождения буддизма в Монголии после 1990 г. Автор констатирует, что в настоящее время буддизм оказался в новых условиях. Монгольской сангхе удалось преодолеть кризис 1990-х гг. и возродить институты буддизма. Автор приходит к выводу о том, что в последние годы все очевиднее становится тенденция к усилению собственно монгольской сангхи и дистанцированию ее от тибетской.

Ключевые слова: Монголия, буддизм, сангха, религия, монголы.

Sabirov R. Buddhism in Mongolia at the turn of 20–21st centuries.

The article based on the analysis of the sources and results of the field studies examines the process of revival of Buddhism in Mongolia after 1990. The author notes that Buddhism at the present time was in the new conditions. Mongolian Sangha managed to overcome the crisis of 1990s and to revive the institutions of Buddhism. The author comes to the conclusion that in recent years it becomes more and more obvious that there is a tendency of strengthening of the Mongolian Sangha itself and its distancing from the Tibetan Sangha.

Keywords: Mongolia, Buddhism, Sangha, religion, Mongols

СОЦИОЛОГИЯ

Иджаева Б. В. Межэтнические отношения в оценке школьников г. Элисты (на материале социологических опросов).

В статье рассмотрены результаты социологического опроса по проблемам межэтнических отношений, проведенного среди школьников г. Элисты. Автор анализирует вопросы, связанные с отношением школьников к культуре собственного и других этносов, пониманием терминологии, проблемы толерантности глазами учащихся.

Ключевые слова: *межэтнические отношения, национальность, толерантность, межэтнические установки, школьники.*

Бадмаева Н. В. Мигранты и принимающее общество: оценка экспертов.

В статье анализируются результаты экспертного опроса по вопросам региональной миграции, межнациональных отношений, мер, необходимых для стабильного развития региона.

Ключевые слова: *экспертный опрос, миграционные процессы, мигранты, интолерантность, межнациональные отношения.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гунаев Е. А. Правовые основы социально-демографической политики в Республике Калмыкия

В статье рассматривается правовая основа социально-демографической политики Республики Калмыкия — конституционные нормы, законы в сфере поддержки социального положения семьи и детей, документы по социально-экономическому прогнозированию демографического развития республики.

Ключевые слова: *социально-демографическая политика, правовые основы, Республика Калмыкия, социально-экономическое прогнозирование, региональное законодательство.*

ЭКОНОМИКА

Бородин А. И., Шеховцева Л. С. Сбалансированное развитие социо-экономико-экологической системы.

В статье рассматриваются вопросы влияния природоохранной деятельности на величину затрат на приобретение необходимых природных и энергетических ресурсов для сбалансированного развития социо-экономико-экологической системы, а также на величину экономических ущербов.

Ключевые слова: *социо-экономико-экологическая система, природоохранная деятельность, экономический ущерб, сбалансированное развитие.*

Доштаева Е. Д. Налоговая политика: дефиниции и основные классификации.

В статье дается определение термина «налоговая политика». Автор также рассматривает и предлагает классификацию типов налоговой политики по определенным признакам.

Ключевые слова: *налог, налоговая политика, типы налоговой политики.*

SOCIOLOGY

Idzhaeva B. Inter-ethnic Relations in the Evaluation of Pupils of Elista (on the material of sociological survey).

The article considers the results of the sociological survey on the problems of inter-ethnic relations conducted among the pupils of Elista. The author analyzes the issues concerning the relation of the school children to the native culture and the culture of other peoples, the understanding of terminology, the problems of the tolerance viewed by pupils.

Keywords: *inter-ethnic relations, nationality, tolerance, inter-ethnic installations, school children.*

Badmaeva N. Migrants and the Host Society: the score given by experts.

The article analyzes the results of the expert survey on the issues of regional migration, inter-ethnic relations and the measures necessary for the stable development of the region.

Keywords: *expert survey, migration processes, migrants, intolerance, inter-ethnic relations.*

JURISPRUDENCE

Gunaev E. Legal Basis of Socio-Demographic Policy in the Republic of Kalmykia

The article considers the legal basis of socio-demographic policy of the Republic of Kalmykia — the constitutional norms, law articles in the sphere of support of the social situation of the family and children, the documents of socio-economic forecasting of demographic development of the republic.

Keywords: *socio-demographic policy, legal bases, the Republic of Kalmykia, the socio-economic forecasting, regional legislation.*

ECONOMICS

Borodin A., Shehovceva L. Balanced Development of Socio-economic-ecological System.

The article examines the issues of influence of the environmental activity at the value on of the acquisition cost of necessary natural and energy resources for balanced development of socio-economic-ecological system, as well as in terms of economic damages.

Keywords: *socio-economic-ecological system, environmental activity, economic damage, balanced development.*

Doshtaeva E. Tax Policy: Definitions and Basic Classifications.

This article gives a definition of the term «tax policy». The author also examines and proposes a classification of the types of tax policy on the basis of specific features.

Keywords: *tax, tax policy, types of tax policy.*

ЛИНГВИСТИКА

Бат-Эрдэнэ С. К вопросу о сравнении фонетической адаптации русизмов в монгольских языках (на примере лабиальных согласных).

Статья посвящена анализу фонетической адаптации русизмов современных монгольских языков на примере лабиальных согласных. Автор попытался показать основные закономерности фонетических изменений заимствований.

Ключевые слова: *фонетическая адаптация, лабиальные согласные, русизмы, монгольские языки.*

Убушиев И. Ю. Глаголы мышления в финском языке.

В статье проводится анализ семантики глаголов мышления финского языка, в том числе глаголов результативного мышления и образных глаголов. Рассматривается вопрос описания основных глаголов этой группы в лексикографических источниках финского языка, опирающихся на кросс-референциональное однословное определение.

Ключевые слова: *семантика глаголов мышления, финский язык, образные глаголы, словарное определение.*

Убушаева В. В. Динамика функционирования двоеточия в диктемах британских научных текстов XX в.: сложные бессоюзные структуры.

Статья посвящена исследованию практического использования двоеточия в сложных бессоюзных предложениях в британском научном стиле XX века. Автор прослеживает эволюцию использования знака, выявляет функции и новые тенденции в узусе двоеточия, которые характерны для диктем научных текстов XX века.

Ключевые слова: *пунктуация; узус; эволюция; функции; сложное бессоюзное предложение; двоеточие; научные тексты; тенденции.*

Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очинова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования.

В статье рассматриваются архитектура и возможности использования Национального корпуса калмыцкого языка, а также проблемы разработки того или иного подкорпуса, возможные схемы действий на перспективу, поскольку решение некоторых из них занимает достаточно продолжительное время, как, например, кодировка символов «тодо бичиг».

Ключевые слова: *Национальный корпус калмыцкого языка, архитектура корпуса, подкорпусы, юникод, «тодо бичиг».*

Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) — II.

Статья посвящена описанию словоизменительных типов в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов на примере имени существительного. Выявленные словоизменительные типы необходимы для создания морфологического анализатора.

Ключевые слова: *Национальный корпус калмыцкого языка, морфологическая модель, существительное, автоматическая обработка текстов*

LINGUISTICS

Bat-Erdene S. Towards the Question of Comparison of Phonetic Adaptation Russisms in the Mongolic languages (on the example of labial consonants).

The article is dedicated to phonetical adaptation of russisms in the modern Mongolic languages. The author tried to show the main trends of phonetic changes on the loan-words.

Keywords: *phonetical adaptation, labial consonants, russisms, Mongolic languages.*

Ubushiev I. Verbs of Thinking in the Finnish Language.

The article analyzes the semantics of verbs of thinking in Finnish language, including verbs of effective thinking and imaginative verbs. The article deals with the description of the main verbs of the group in the Finnish lexicographical sources based on cross-referential one-word definition.

Keywords: *the semantics of verbs of thinking, Finnish language, imaginative verbs dictionary definition.*

Ubushaeva V. The Dynamics of the Functioning of the Colon in the Dictemes of the British Scientific Texts of the 20th Century: Asyndetic Complex Structures.

The article is devoted to the investigation of practical usage of the colon in the asyndetic complex sentences in British scientific style the 20th century. The author traces the evolution of the colon, identifies the functions and new tendencies in colon usage, which are typical for British scientific texts of the 20th century.

Keywords: *punctuation, usage, evolution, functions, asyndetic complex sentence, colon, scientific texts, tendencies.*

Kukanova V., Bembeev E., Mulaeva N., Ochirova N. National Corpora of the Kalmyk Language: Architecture and Prospects of Usage.

The article examines the architecture and prospects of usage of the National corpora of the Kalmyk language and the problems of the development of one or another subcorpora faced by linguists. The possible schemes of actions are developed in the future, because the decision of some of them takes a long time, such as the encoding of some characters of «тодо бичиг».

Keywords: *National corpora of the Kalmyk language, architecture of corpora, subcorporas, Unicode, «тодо бичиг».*

Kukanova V. Inflectional Types of the Kalmyk Language in the light of Automatic Processing of Texts (by giving illustrations of nouns) — II.

The article is devoted to the description of inflectional types of the Kalmyk language in the light of automatic processing of texts by giving illustrations of nouns. The revealing inflectional types are necessary for the creation of morphological parsing.

Keywords: *National corpora of the Kalmyk language, morphological model, nouns, automatic processing of texts.*

Мухтаров Т. Г. Концепция права на взаимопонимание для коренных народов России (на примере республик РФ).

В статье излагается авторская концепция права коренных (титულных) народов республик РФ на взаимопонимание. Автор обосновывает необходимость обязательного изучения государственных языков республик РФ в учреждениях среднего образования.

Ключевые слова: взаимопонимание, государственный язык, республика, коренной народ, Башкортостан, Татарстан, Якутия.

Mukhtarov T. The Conception of the Right to Mutual Understanding for Native Peoples of Russia (on the example of the republics of the Russian Federation).

The article sets out the author's conception on the right of the native (title) peoples of the republics of the Russian Federation on mutual understanding. The author substantiates the necessity of compulsory study of the state languages of the republics of the Russian Federation in institutions of secondary education.

Keywords: mutual understanding, state language, republic, native people, Bashkortostan, Tatarstan, Yakutia.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Музраева Д. Н. Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы *Oülgurun dalai* «Моря притч»).

В данной статье дается археографическое описание рукописи в целом и фрагмент текстологического анализа перевода «Сутры о мудрости и глупости» (тиб. *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo*), выполненного калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиёвым) (1887–1980) с тибетского языка и записанного им на ойратском «ясном письме» (*todo bičiq*). В статье также приводятся транслитерация ойратского текста и русский перевод VI главы, снабженные комментариями.

Ключевые слова: буддизм, сутра, «ясное письмо», Тугмюд-гавджи, перевод, рукопись, археографическое описание, текстологический анализ.

LITERATURE STUDIES

Muzraeva D. Experience of Archaeographical Description and Textological Analysis of the Handwritten Translation of Thog-med bka'-bcu (on the material of the 6th chapter of *Oülgurun dalai* «The Sea of parables»).

The article deals with the problem of archaeological description and textological analysis of the translation of «The Sutra of Wise and Fool» (*'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo*) performed by Kalmyk Buddhist monk Thog-med bka'-bcu (O. M. Dordjiyev) (1887–1980) from the Tibetan language and recorded in Oirat «Clear Script» (*todo bičiq*). The article also provides the transliteration and Russian translation of the 6th chapter with comments.

Keywords: Buddhism, sutra, «Clear Script», Thog-med bka'-bcu, translation, manuscript, archaeological description, textological analysis.

ПЕДАГОГИКА

Бадмаева В. И. Особенности формирования у будущих учителей опыта самопознания в процессе педагогической практики.

В статье рассматривается проблема формирования у студентов педагогического вуза опыта самопознания как основы профессиональной подготовки. Автор выявляет специфику его формирования в условиях педагогической практики будущих учителей.

Ключевые слова: опыт самопознания, метод интроспекции, рефлексия, Я-концепция педагога, содержание профессионального образования, педагогическая практика, формирование у будущих учителей опыта самопознания.

PEDAGOGICAL STUDIES

Badmaeva V. Peculiarities of the Formation of experience of self-knowledge among future teachers in the process of student teaching.

The article deals with the problem of formation of experience of self-knowledge among students of pedagogical higher school as a basis of professional training. The author identifies the specificity of its formation in the conditions of students teaching of future teachers.

Keywords: self-knowledge experience, introspection method, reflection, the self-concept of the teacher, the content of professional education, student teaching, formation of experience of self-knowledge of future teachers.

Медведева З. В. Содержательный аспект использования этнокультурных образовательных технологий в гражданско-патриотическом воспитании будущих педагогов.

В статье раскрывается сущность понятия «гражданско-патриотическое воспитание». Автор определяет существенные характеристики этнокультурных образовательных технологий, являющихся достаточно новым явлением в российской педагогике и основным механизмом реализации этнокультурного образования в образовательных учреждениях различного уровня и профиля; приводятся конкретные примеры использованных этнокультурных образовательных технологий, которые доказывают свою эффективность в гражданско-патриотическом воспитании будущих педагогов.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, этнокультурный подход, этнокультурное образование, этнокультурные образовательные технологии.

Medvedeva Z. Content Aspect of the Use of Ethnocultural Educational Technology in Civic and Patriotic Education of Future Teachers.

The article reveals the essence of the concept of civic and patriotic education. The author defines the essential characteristics of the ethnocultural educational technologies, that are fairly new in Russian pedagogy and the main mechanism of implementation of ethnocultural education in educational institutions of different level and profile. The article provides specific examples of used ethnocultural educational technologies, which are proving to be effective in civic and patriotic education of future teachers.

Keywords: civic and patriotic education, ethnocultural approach, ethnocultural education, ethnocultural educational technologies.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Бадмаева Валентина Исиновна — ассистент кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, аспирант кафедры педагогики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: rkiogd@kalmsu.ru.

Бадмаева Екатерина Николаевна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Бадмаева Ногана Вячеславовна — младший научный сотрудник Центра мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Бат-Эрдэнэ Сономжамц (С. Бат-Эрдэнэ) — аспирант кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета (Москва). E-mail: bat_erdene_mm@yahoo.com.

Баяртуева Доржема Лубсановна — кандидат философских наук, проректор по научной и методической работе НОУ ВПО Байкальский экономико-правовой институт (Улан-Удэ). E-mail: dorzhema@rambler.ru.

Бембеев Евгений Владимирович — кандидат филологических наук, ученый секретарь Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: galdma@yandex.ru.

Бородин Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и финансы фирмы» Национального исследовательского университета Высшей Школы Экономики (Москва). E-mail: aib-2004@yandex.ru.

Гунаев Евгений Александрович — научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Valentina Badmaeva — assistant of Russian as a foreign language and Humanities Department, post-graduate student of Department of Pedagogics of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: rkiogd@kalmsu.ru.

Ekaterina Badmaeva — Ph. D. of History, associate professor, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Nogana Badmaeva — junior research worker of the Public Opinion Monitoring Center of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Elza Bakaeva — Ph. D. of History, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Bat-Erdene Sonomjamts (Bat-Erdene So.) — post-graduate student of General Linguistics Department of Moscow State Pedagogical University (Moscow). E-mail: bat_erdene_mm@yahoo.com.

Dorzhema Bayartueva — Ph.D. of Philosophy, Vice-rector of Science and Methodology of the Baikal Institute for Economics and Law (Ulan-Ude). E-mail: dorzhema@rambler.ru.

Evgeniy Bembeev — Ph. D. of Philology, the Academic Secretary of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: galdma@yandex.ru.

Alexander Borodin — Ph. D. of Economics, professor of Economy and Finance of a Firm Department of the National Research University Higher School of Economics (Moscow). E-mail: aib-2004@yandex.ru.

Evgeniy Gunaev — research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Дендиев Казбек Гиланиевич — учитель истории Фрунзенской СОШ Наурского района Чеченской Республики (Фрунзе). E-mail: frunzeschool@mail.ru.

Доштаева Елена Дмитриевна — ассистент кафедры учета, анализа и налогообложения Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: dosh-elena@mail.ru.

Жуковская Наталия Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва). E-mail: n-zhuk@yandex.ru.

Иджаева Баира Владимировна — младший научный сотрудник Центра мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Куканова Виктория Васильевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: kulgan@inbox.ru.

Лепехов Сергей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ). E-mail: lepekhov@yandex.ru.

Магомадова Тамара Сайпутдиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Чеченского государственного университета (Грозный). E-mail: mail@chesu.ru.

Марзаева Марина Борисовна — младший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: marzaeva_marina@mail.ru.

Медведева Зоя Васильевна — аспирант кафедры теории и методики профессионального образования Марийского государственного университета (Йошкар-Ола). E-mail: zoyanaymushina@rambler.ru.

Kazbek Dendiev — History teacher of the Frunze school of Naur district of Chechen Republic (Frunze). E-mail: frunzeschool@mail.ru.

Elena Doshtaeva — assistant of Account, Analysis and Taxation Department of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: dosh-elena@mail.ru.

Nataliya Zhukovskaya — Ph. D. of History, professor, Head of the Center for Asian and Pacific Ocean Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: n-zhuk@yandex.ru.

Baira Idzhaeva — junior research worker of the Public Opinion Monitoring Center of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Viktoria Kukanova — Ph. D. of Philology, research worker of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Irina Kulganek — Ph. D. of Philology, leading research worker of the Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg). E-mail: kulgan@inbox.ru.

Sergei Lepekhov — Ph. D. of Philosophy, professor, Deputy Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude). E-mail: lepekhov@yandex.ru.

Tamara Magomadova — Ph. D. of History, associate professor of the Department of History of Russia of the Chechen State University (Grozny). E-mail: mail@chesu.ru.

Marina Marzaeva — junior research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: marzaeva_marina@mail.ru.

Zoya Medvedeva — post-graduate student of Department of Theory and Methodology of professional education of Mari State University (Yoshkar-Ola). E-mail: zoyanaymushina@rambler.ru.

Музраева Деляш Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: deliash@mail.ru.

Мулаева Нина Михайловна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Мухтаров Тимур Гаязович — кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: taymas77@gmail.com.

Нурова Герля Владимировна — ассистент кафедры педагогики Калмыцкого государственного университета, член Союза художников РФ (Элиста). E-mail: gerel.nurova@mail.ru.

Оконова Людмила Вячеславовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Осмаев Аббаз Догинович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Чеченского государственного университета, заместитель директора по науке ФГБУН КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН (Грозный). E-mail: osmaev@mail.ru.

Очирова Нюдля Четыровна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Рязев Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Тольяттинского государственного университета (Тольятти). E-mail: riazhev@yandex.ru.

Сабиров Рустам Тагирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: rs@iaas.msu.ru.

Серенко Михаил Николаевич — доцент кафедры социально-культурной деятельности Волгоградского государственного института искусств и культуры (Волгоград). E-mail: t34-8585@mail.ru.

Delyash Muzraeva — Ph. D. of Philology, associate professor, senior research worker of Written Monuments, Literature and Buddhism Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: deliash@mail.ru.

Nina Mulaeva — Ph. D. of Philology, research worker of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Timur Mukhtarov — Ph. D. of Sociology, research worker of Linguistics Department of the Institute for History, Language and Literature of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. E-mail: taymas77@gmail.com.

Gerlya Nurova — Assistant of Department of Pedagogics of Kalmyk State University, the member of the Union of Artists of Russia (Elista). E-mail: gerel.nurova@mail.ru.

Liudmila Okonova — Ph. D. of History, research worker of the Department of History and Archeology of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Abbas Osmaev — Ph. D. of History, professor of History of the Ancient World and Middle Ages Department of the Chechen State University, Deputy Director of the Complex Institute named after Kh.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences (Grozny). E-mail: osmaev@mail.ru.

Nyudlya Ochirova — Ph. D. of Philology, junior research worker of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Andrey Riazhev — Ph. D. of History, associate professor of the Tolyatti State University (Tolyatti). E-mail: riazhev@yandex.ru.

Rustam Sabirov — Ph. D. of History, senior research worker of the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University named after Mikhail Lomonosov. E-mail: rs@iaas.msu.ru.

Mikhail Serenko — assistant professor of the Department of Social and Cultural Activities of the Volgograd State Institute of Arts and Culture (Volgograd). E-mail: t34-8585@mail.ru.

Сударкина Харитина Владимировна — старший преподаватель кафедры менеджмента Технологического института Южного Федерального университета (Таганрог). E-mail: haririna1@rambler.ru.

Сумья Дорджпаламын — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка и литературы АН Монголии (Улан-Батор). E-mail: hasaa11@yahoo.com.

Тетуев Алим Инзрелович — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН (Нальчик). E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Убушаева Валентина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Калмыцкого государственного университета. (Элиста). E-mail: v.v.ubushaeva@mail.ru.

Убушиев Игорь Юрьевич — преподаватель Калмыцкого филиала Московского финансово-промышленного университета (Элиста). E-mail: i.ubushiev@gmail.ru.

Шеховцева Лидия Семеновна — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Балтийского Федерального университета им. И. Канта (Калининград). E-mail: shehovcev47@mail.ru.

Цуцулаева Сапият Сайпутдиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Чеченского государственного университета (Грозный). E-mail: mail@chesu.ru.

Haritina Sudarkina — senior lecturer of the Department of Management of Institute of Technology of the Southern Federal University (Taganrog). E-mail: haririna1@rambler.ru.

Dordzhpalamyn Sumya — Ph. D. of Philology, research worker of the Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulan-Bator). E-mail: hasaa11@yahoo.com.

Alim Tetuev — Ph. D. of History, associate professor of the Institute for Humanities of the KBR Government and KBSC of the Russian Academy of Sciences (Nalchik). E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Ubushaeva Valentina — Ph. D. of Philology, associate professor of German Philology Department of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: v.v.ubushaeva@mail.ru.

Igor Ubushiev — lecture of the Kalmyk Branch of Moscow Financial-Industrial University (Elista). E-mail: i.ubushiev@gmail.ru.

Lydia Shekhovtseva — Ph. D. of Economics, professor of Management Department of the Baltic Federal University named after Kant (Kaliningrad). E-mail: shehovcev47@mail.ru.

Sapiyat Tsutsulaeva — Ph. D. of History, associate professor of History of the Ancient World and Middle Ages Department of the Chechen State University (Grozny). E-mail: mail@chesu.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полупуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисовочных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 3, 2012

Сдано в набор 01.10.2012. Подписано в печать 08.10.2012. Формат бумаги 60х84¹/₈.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,11. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН (358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).